

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ. — КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ,
15 Апрѣля 1850 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

въ типографіи Карла Крайя.

ТОМЪ II.

ПАНТЕОНЪ

№

1850.

4.

АПРѢЛЬ.

С. Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДОЧЬ КОРОЛЯ РЕНЕ. Лирическая драма въ стихахъ. Сочиненіе датскаго поэта *Андерсена*, переводъ *В. Р. Зотова*.

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. **САПОЖНИЙ СПАРЯДЪ.** Повесть въ двухъ частяхъ. Сочиненіе *И. С. Юрьевой*.
2. **СТИХОТВОРЕНІЯ.**

1. Было и прошло *В. Зотова*.
2. Дума *Н. Хвоцинской*.
3. За чѣмъ? *Н. С.....ой*.
4. Могила *Н. Сулова*.
5. Благодѣтельный староста. Сказка . *Ө. К.*

III. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

1. **ИСТОРИЯ ТАНЦОВАНІЯ И БАЛЕТА.** По разысканіямъ французовъ и англичанъ. Статья вторая: *Танцы въ средніе вѣки и начало новѣйшаго балета*.
2. **ГАЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ:** *Иванъ Алексѣевичъ Рупини*. Статья *Ө. А. Коки*.

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ О ГАРРИКЪ. *Артура Муэрн*

V. ЮМОРИСТИКА.

1. **САРАФАНЧИКЪ-РАЗСТЕГАЙЧИКЪ.** Петербургскіе музыкальные нравы *А. Н. Николаева*.
2. **ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.** Петербургскій романъ въ шести письмахъ *Х. F. Z.*

VI. ДРАМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

1. **Черная немочь.** Русская драма-былина. Сочиненіе *А. П. Славина*.
2. **Домашняя исторія.** Оригинальная комедія въ стихахъ. Сочиненіе *П. П. Григорьева*.
3. **Комедія бевъ свадьбы,** сочиненіе *Н. В. Сушкова*.
4. **Петербургскія дачи.** Комедія съ куплетами.
5. **Новый Саміель, или Право пожизненнаго владѣнія.** Комедія, передѣланная съ польскаго *П. А. Каратыгинимъ*.

6. Женихъ безъ фрака, или вотъ каковы друзья. Водевиль, переведенный съ французскаго *А. Акимовымъ*.

7. Минеральныя воды. Водевиль, переводъ съ французскаго *Д. Ленскаго*.

8. Библиотека избранныхъ театральныхъ пьесъ. Издаваемая *А. С.*

9. Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ. Русская народная былина въ лицахъ. Сочиненіе *Г. Владимірова*.

VII. СМѢСЬ.

1. Достоверные разсказы объ Абазія. (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.) — *В. И. Савинова*.

IV. Абрекъ Шираръ Нурысетъ. — Что такое абрекъ? — Разсказъ изъ жизни Шираръ — Нурыседа.

2. Торвальдсенъ. Біографическій очеркъ.

3. Исповѣдь золотоискателя изъ Калифорніи.

4. Живопись въ Испаніи. (Письмо изъ Мадрита.)

5. Калейдоскопъ.

1. Театръ въ Николаевъ. — *Н. Бартенева*. — 2. Письмо изъ Москвы. — *И. Иванцуккаго*. — 3. Жераръ, истребитель львовъ. — 4. Изверженіе Везувія. — 5. Курьезный отвѣтъ. — 6. Автографъ Тасса. — 7. Калифорнское золото. — 8. Сіятельная опера. — 9. Изобиліе Парижскихъ театровъ. — 10. Пророкъ Мейербера. — 11. Двойникъ Шарля Бернара. — 12. Вильгельмъ Беръ. — 13. Князь Колибри. — 14. Театральныя оваціи. — 15. Курьезное объявленіе.

VIII. БАЛАГУРЪ.

1. Вдовья печаль. Куплетъ *П. С. Федорова*. — 2. Сварливая жена. Куплетъ *В. А. Андреевскаго*. — 3. Анекдоты. — 4. Письмо учителя Ариемтики къ невестѣ. — 5. Шарады.

XI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Сэръ-Жакъ, или не угодно-ли вамъ быть повъшеннымъ? Шутка водевилъ съ трехъ отдѣленійхъ. *Ө. А. Анатолина*.

Къ этой книжкѣ прилагается музыкальная пьеса «Послѣдняя пѣсня *И. Рупини*.»

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДОЧЬ КОРОЛЯ РЕНЕ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ ДАТСКАГО ПОЭТА АНДЕРСЕНА.

ПЕРЕВОДЪ

ВЛАДИМИРА ЗОТОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Рене, король Прованса.

Юланта, дочь его.

Графъ Готфридъ Водемонъ, рыцарь.

Робертъ, герцогъ Бургундскій.

Альмерикъ, оруженосецъ короля.

Эбнъ Хакія, мавританскій врачъ.

Бертранъ, садовникъ.

Марта, жена его.

Свита короля Рене и герцога Бургундскаго.

Дѣйствіе происходитъ въ Провансѣ, въ половинѣ XV столѣтія.

Направо отъ зрителей павильонъ въ готическомъ вкусѣ, съ крыльцомъ на сцену; по стѣнамъ его вьются розы и виноградъ; въ окнахъ опущенныя гардины, во всю сцену идетъ садъ, наполненный рѣдкими тропическими растеніями, въ глубинѣ высокая каменная стѣна; съ лѣвой стороны ея маленькая, едва замѣтная дверь. За стѣной, въ отдаленіи, горы. На первомъ планѣ налѣво дерновая скамья; передъ нею небольшой столикъ, на которомъ стоитъ корзинка для цвѣтовъ, у крыльца кустъ бѣлыхъ и красныхъ розъ.

I.

БЕРТРАНЪ, потомъ АЛЬМЕРИКЪ.

За сценой слышенъ звукъ рога, Бертранъ выходитъ изъ павильона и переходя черезъ сцену, отпираетъ маленькую дверь въ стѣнѣ, въ которую входитъ Альмерикъ.

БЕРТРАНЪ.

Призывный рогъ? Что значитъ въ этотъ часъ?
 Кто можетъ быть, незваный посѣтитель?
 Оруженосецъ короля.... Позвольте! (*Преграждая ему дорогу*).
 Ни шагу дальше! Я васъ не могу
 Впустить сюда — то воля короля!

АЛЬМЕРИКЪ.

Я знаю, но являюсь самъ сюда
 По повелѣнью короля!

БЕРТРАНЪ.

Ужели?

Подъ смертной казною провансальцамъ нашимъ
 Входъ запрещенъ въ Воклюзскую долину,
 Въ садъ короля Рене. Никто не знаетъ
 Сюда дороги!... Къ потаенной двери
 Въ стѣнѣ лишь два ключа: у короля
 И у меня! А еслибъ и зашелъ кто
 Нечаянно сюда, тамъ на стѣнѣ —
 Прибито повелѣнье возвращаться!
 Когда король не можетъ самъ здѣсь быть,
 Онъ посылаетъ стараго Рауля
 Свои мнѣ приказанья передать.

АЛЬМЕРИКЪ.

Рауль вчера въ ночь умеръ!

БЕРТРАНЪ.

Умеръ! Бѣдный

Рауль! Онъ больше всѣхъ оруженосцевъ
Любимъ былъ королемъ!... Мой старый другъ!
И я съ тобой въ часъ смерти не простился!
Что дѣлать! Вотъ уже шестнадцать лѣтъ,
Какъ я покинулъ цѣлый свѣтъ и въ этихъ
Стѣнахъ живу, ни съ кѣмъ не сообщаясь
И какъ монахъ отъ міра удаюсь!

АЛЬМЕРИКЪ.

Сегодня поутру, меня къ себѣ
Призвавъ, король сказалъ мнѣ : Альмерикъ!
Ты мнѣ замѣнишь вѣрнаго Рауля,
Онъ двадцать лѣтъ усердно мнѣ служилъ!
Тебѣ повѣрю я такую тайну,
Которую изъ слугъ моихъ, придворныхъ,
Оруженосцевъ, рыцарей, вассаловъ
Никто не знаетъ!... Тутъ король мнѣ отдалъ
Свой перстень и свой рогъ, потомъ прибавилъ: *(отдаетъ Бертрану перстень)*.

Ступай къ горамъ Вогезскимъ, тамъ, въ долину
Воклюзъ, на дикомъ и пустынномъ мѣстѣ.
Спустися въ оврагъ и по тропинкѣ узкой
Иди до трехъ большихъ дубовъ; отъ нихъ
Другая, чуть замѣтная тропинка,
Надъ пропастью глубокой приведетъ
Тебя къ пещерѣ темной межъ горами.
По ней дойдешь ты до стѣны высокой,
Ты вдоль стѣны ступай, и тамъ, гдѣ густо
Сплелась вѣтвями темныя оливы
Остановись, въ рогъ затруби.... Все это
Исполнилъ я, и вдругъ передо мною
Открылась дверь, которой никогда
Я не нашель-бы самъ, такъ незамѣтно
Скрывалася она въ стѣнѣ высокой.
Король велѣлъ отдать тому, кто встрѣтитъ
Меня за дверью, перстень и записку.

БЕРТРАНЪ.

Я перстень узнаю — онъ королевскій.
Но гдѣ жъ записка?... *(Отдаетъ перстень)*.

АЛЬМЕРИКЪ.

Вотъ она!

БЕРТРАНЪ *(читал)*.

«Бертранъ!

«Мой вѣрный Альмерикъ — оруженосецъ,
 «Заступить мѣсто бѣднаго Рауля,
 «Во всемъ ему ты вѣрся и открой
 «Ему все то, что долженъ онъ узнать!»
 И больше ничего вамъ не сказала
 Король Рене, не объяснися?...

АЛЬМЕРИКЪ.

Ни слова!

Я пораженъ былъ рѣчью короля.
 Безъ яснаго подробнаго разсказа,
 Я никогда бы входа не нашелъ
 Въ долину эту — никогда не могъ
 Я думать, чтобъ за этими горами,
 Пустынными и дикими — скрывались
 Такой прекрасный, чудный садъ, такое
 Роскошное и царское жилище.
 Я съ нетерпѣньемъ знать желаю, кто
 Живетъ здѣсь и за чѣмъ король сюда
 Такъ часто ѣздитъ, и кого скрываетъ
 Онъ ото всѣхъ въ долину, запрета,
 Поль смертной казни, входъ въ нее вассаламъ
 И подданнымъ его.... Когда бъ король
 Такъ не былъ старъ, ябъ могъ подумать.... (*увидя Марту*). Здѣсь
 И женщины, какъ кажется, живутъ?
 Кто это?...

—

II.

АЛЬМЕРИКЪ, ВЕРТРАНЪ, МАРТА (*изъ павильона*).

ВЕРТРАНЪ.

Господинъ оруженосецъ!

Скромнѣе будьте на слова и мѣнья!
 Вы видите передъ собою Марту —
 Мою жену; мы вмѣстѣ съ ней имѣемъ
 Надзоръ и власть надъ этою долиной,
 Съ ея садами и жилищемъ скрытымъ.... (*Мартъ*).
 Оруженосецъ Альмерикъ, сюда
 Съ письмомъ и перетнемъ короля онъ прибылъ! (*Марта беретъ
 отъ него письмо и читаетъ*).
 (*Альмерикъ*) Я повелѣнне короля исполню

Открою все вамъ, что извѣстно мнѣ.
Но все-таки я до-сихъ-поръ не знаю
Какое порученіе ко мнѣ
Вамъ далъ король?

МАРТА.

Въ письмѣ приписка есть (читаетъ).

«Сегодня буду къ вамъ я.... Ко двору
«Прованскому прѣѣхалъ славный врачъ,
«Хотя не христіанинъ — Эбъ-Хакія ;
«Я показать хочу ему Іоланту;
«Быть можетъ, средство онъ найдетъ помочь ей.»

АЛЬМЕРИКЪ.

Іоланта?... Если я не ошибаюсь,
Дочь короля Іолантою зовутъ,
Которая въ Испаніи теперь
Съ младенчества живетъ въ монастырѣ,
У тетки аббатиссы Санта-Клары?

БЕРТРАНЪ.

Іоланта не въ Испаніи — она
Въ Провансѣ, здѣсь въ долинѣ, въ этомъ домѣ
Живетъ почти со дня рожденья, — въ этомъ
Вся тайна короля....

АЛЬМЕРИКЪ.

Іоланта? здѣсь!

Но для чего?

БЕРТРАНЪ.

Я все вамъ расскажу

Когда на это воля короля.
Вы знаете : Іоланта съ колыбели
Еще обручена была съ Робертомъ,
Бургуяди властителемъ. Покойный
Отецъ его былъ другомъ короля.
Вы помните, или слышали быть можетъ,
Что въ тотъ же годъ, какъ родилась Іоланта,
Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, однажды
Въ глухую ночь, весь короля дворецъ
Вдругъ обхватилъ губительный пожаръ.
Іолантѣ году не было еще.
Ужъ загорѣлась комната ребенка,
Всѣ выходы и лѣстницы пылали,
Кормилица, чтобы спасти малютку,
Изъ верхняго окна высокой башни

Внизъ бросила Юланту на ковры
И мягкія подушки, а сама
Погибла!... Отъ огня-ли, вль отъ страху
Падевя, только вскорѣ увидали,
Что зрѣніе Юланта потеряла!...

АЛЬМЕРИКЪ.

Возможно-ли!

БЕРТРАНЪ.

Да! бѣдная ослѣпла!

Вы можете себѣ вообразить
Тоску, печаль, отчаянье отца;
Онъ пораженъ былъ также, какъ властитель:
Бургундскій герцогъ врядъ ли захотѣлъ бы
Имѣть жену слѣпую, и всѣ планы —
О слитіи Бургундіи съ Провансомъ,
По смерти короля — уничтожались,
И сверхъ того, Робертъ могъ обвинить
Рене въ обманѣ и сказать, что дочь
Его слѣпою родилась, что самъ онъ
Слѣпую съ нимъ обманомъ обручилъ.

АЛЬМЕРИКЪ.

Кто знаетъ перемѣнчивый характеръ
Роберта, тотъ, повѣритъ, что онъ могъ
Подумать это.

МАРТА.

Потому король

Въ надеждѣ, что съ лѣтами возвратится
Потерянное зрѣніе Юланта,
Скрылъ ото всѣхъ несчастье свое
И, распустивши слухъ, что дочь отправилъ
Въ Испанію, привезъ ее сюда
Въ Воклюзскую долину. Разъ охотясь,
Случайно отыскалъ онъ это мѣсто,
Въ которое попасть такъ трудно; входъ
Сюда онъ запретилъ, развелъ сады
И выстроилъ роскошное жилище.

АЛЬМЕРИКЪ.

Но призывалъ-ли

Врачей онъ?

БЕРТРАНЪ.

Изъ далекихъ странъ сюда

Врачи являлись разныхъ вѣръ и націй.

Черезъ меня или черезъ Рауля
 Сюда ихъ приводили и они,
 Не зная, кто больная, все искусство
 Свое употребляли, чтобы ей
 Вновь зрѣнье возвратить, но всё усиля
 Напрасны были.... Самъ король надежду
 Теряетъ....

АЛЬМЕРИКЪ.

Но Юланта, какъ она

Ужасное несчастье переносить?

МАРТА.

Она не знаетъ, что она слѣпа!

АЛЬМЕРИКЪ.

Не знаетъ?... Какъ? Ты шутишь надо мной!

МАРТА.

Нисколько! вѣсмъ врачамъ, подь смертной казнью,
 Король нашъ запретилъ упоминать
 Иль намекать въ присутствіи Юланты
 О слѣпотѣ ея и вообще
 О зрѣніи. Мы всё и самъ король
 Съ ней въ разговорѣ не упоминаетъ
 О томъ, что можно зрѣніемъ постигнуть:
 О свѣтѣ солнца, мѣсяца сіянья,
 О блескѣ звѣздъ и красотахъ природы.

АЛЬМЕРИКЪ.

Но для чего - же скрыли отъ Юланты
 Ея несчастье?

БЕРТРАНЪ.

Такъ хотѣлъ король!

Боялся онъ конечно, чтобъ сознание
 Ея тяжелой участи, на сердце
 И на характеръ молодой Юланты
 Вліянья не имѣло, и прекрасной
 Ея души тоской не омрачило.
 Къ тому-жъ онъ все надѣялся еще,
 Что зрѣніе съ годами возвратится.

АЛЬМЕРИКЪ.

И ей всю жизнь свою вы посвятили?

МАРТА.

Да, мы за эту стѣну лѣтъ шестнадцать
 Не переходимъ. Впрочемъ, наша жизнь
 Здѣсь такъ пріятна; мы для короля

И не на то готовы-бы рѣшиться.
 Таланта сущій ангель; здѣсь она
 Взросла между деревьями, цвѣтами
 И знаетъ ихъ; здѣсь каждая дорожка
 Въ саду знакома ей, по нимъ она
 Одна спокойно бродить, не нуждаясь
 Въ проводникахъ, она прядетъ и вяжетъ;
 Король ее наукамъ разнымъ учитъ,
 И музыкѣ, и пѣнью, и стихамъ.

АЛЬМЕРИКЪ.

Все такъ, но какъ-то странно думать мнѣ,
 Что слѣпоты своей не понимаетъ
 Юланта?

МАРТА.

Вамъ, привыкшимъ къ свѣту, трудно
 Понять, какъ обойтиса безъ него —
 Но тотъ, кто никогда его не видѣлъ
 И не слыхалъ объ немъ, пойметъ ли тотъ
 Чтò свѣтъ? и для чего онъ въ жизни нуженъ?
 Все, что глазами примѣчаемъ мы,
 Онъ примѣчаетъ слухомъ, осязаемъ,
 Движенемъ даже воздуха простымъ
 И средствами, которыя для насъ
 Вѣкъ будутъ непонятны.

АЛЬМЕРИКЪ.

Но ужель

Ей не приходитъ въ голову спросить,
 Хоть у отца: за эту стѣной
 Ужель другаго міра нѣтъ? и какъ
 Живутъ въ немъ люди?...

БЕРТРАНЪ.

Вамъ на это трудно

Отвѣтить. Очень можетъ быть, она
 Въ себѣ вопросовъ много подавляетъ,
 Изъ скромности дѣвической, природной;
 Но иногда она здѣсь видитъ также
 Чужихъ людей. Король сюда приводитъ
 По временамъ извѣстнѣйшихъ врачей
 Или людей, на скромность чью вполне
 Онъ можетъ положиться. Часто также
 Игуменя обители сосѣдней
 Юланту навѣщаетъ.... Ей извѣстно

Что изъ долины этой выходъ есть,
 Что на землѣ другіе есть долины,
 Что свѣтъ обширенъ, что людей въ немъ много;
 Но этому всему она, какъ дѣти,
 Спокойно вѣритъ.

МАРТА.

Если же случится

Ей сдѣлать королю вопросъ, который
 Не можетъ быть доступенъ для нея,
 Онъ говоритъ: Дитя мое! умѣрь
 Пустое любопытство! Ты еще
 Такъ молода, чтобъ все понять; потомъ,
 Со временемъ, ты все сама узнаешь!
 И отцу Юланта вѣритъ и молчитъ.

БЕРТРАНЪ.

Что дѣлаешь теперь Юланта?

МАРТА.

Спать!

Она цвѣты все утро поливала,
 Сбирала съ яблонь спѣлые плоды
 И утомилась такъ, что тихимъ сномъ
 Забылася неволью! (*Звукъ рога за сценой.*)

БЕРТРАНЪ.

Чу! я слышу

Призывный рогъ!... Еще разъ!... То король!
 Я долженъ поспѣшить къ нему на встрѣчу (*Уходитъ.*)

МАРТА.

(*Альмерику*) Я васъ должна еще предупредить:
 Юланта знаетъ только, что она
 Дочь стараго Рене; о королѣ,
 О званіи ея не смѣемъ ей
 Мы говорить, — то короля желанье.
 Но вотъ и онъ!

—
 III.

КОРОЛЬ РЕНЕ, ЭБНЪ-ХАКИЯ и БЕРТРАНЪ.

КОРОЛЬ.

Здѣсь, мудрый врачъ, увидишь ты ее,

Тебѣ я все открылъ!... и отъ тебя
Жду вѣсти утѣшительной!

Эвнъ-хакія.

Я долженъ

Юланту видѣть.

МАРТА.

Утомясь отъ зноя

И отъ прогулки долгой поутру,
Она теперь заснула!

Эвнъ-хакія.

Все равно!

Я рассмотрю ее во время сна:
Еще удобнѣй!...

КОРОЛЬ.

Марта и Бертранъ,

Къ Юлантѣ проводите вы врача!
Я съ нетерпѣньемъ буду ожидать
Отвѣта твоего!

Эвнъ-хакія.

Великъ Алахъ!

Надѣйся на него! Идемъ! (*Уходитъ съ Мартой и Бертраномъ въ павильонъ.*)

КОРОЛЬ.

Ты видѣлъ-ли

Юланту, Альмерикъ?

АЛЬМЕРИКЪ.

Нѣтъ, государь!

Я только повелѣніе твое
Исполнилъ!

КОРОЛЬ.

Какъ ты думаешь, ей жить
Здѣсь хорошо? Ты осмотрѣлъ ли садъ
И зданіе?

АЛЬМЕРИКЪ.

Я вижу, это рай!...

КОРОЛЬ.

Ахъ, если-бъ это видѣла она!...
Съ охотою въ долину этой тихой
Я кончилъ бы остатокъ дней моихъ,
Среди наукъ, искусствъ, съ моей Юлантой,
И спорныя владѣнья-бъ уступилъ
Я герцогу Бургундскому охотно!

АЛЬМЕРИКЪ.

Онъ скоро будетъ самъ сюда, и бракъ
Окончить споры!...

КОРОЛЬ.

Бракъ! Но если врачъ
Юлантъ не поможетъ? Если герцогъ,
Узнавши о несчастіи ея,
Откажется отъ брака, и меня
За это обвинить, что отъ него
Такъ долго я скрывалъ мое несчастье?...
О! я охотно отдалъ бы ему
Неаполь, Лотарингію, Провансъ,
Мои права, престолъ мой и корону,
Лишь только-бы Юлантъ возвратилъ
Даръ зрѣнія Господь!... Вѣрь, Альмерикъ,
Что я теперь живу одной надеждой;
Богъ въ старости одну мнѣ дочь послалъ;
На ней одной я всю любовь мою
Сосредоточилъ!... Лишь бы разъ одинъ
Бѣдняжка посмотрѣла на отца
Не этимъ неподвижнымъ, мертвымъ взглядомъ,
Но взоромъ полнымъ жизни, мысли, блеска
И я свои глаза тогда на вѣки
Закрѣлъ бы безъ роптанія, охотно,
За счастье Творца благодаря!

АЛЬМЕРИКЪ.

Врачъ подалъ-ли надежду, государь?

КОРОЛЬ.

Онъ скажетъ мнѣ отвѣтъ, когда увидитъ
Юланту, — въ немъ увѣренъ я вполне;
Король Кастильскій мнѣ его прислалъ.
Въ Испаніи онъ дѣлалъ чудеса,
Онъ жизнь примѣрною извѣстенъ,
Умомъ глубокимъ, хотя не христіанинъ,
Но все-жъ не жидъ, а мусульманинъ, мавръ.
Вотъ онъ идетъ!... Оставь насъ, Альмерикъ.
Теперь сюда дорогу знаешь ты:
Отправься во дворецъ мой и когда
Отъ герцога получишь извѣстье,
Ты тотчасъ привезешь его сюда.
Здѣсь проведу я весь остатокъ дня! (*Альмерикъ уходитъ*).

О Боже мой!... Ты сжался надо мною,
Дай мнѣ услышать радостную вѣсть!

IV.

КОРОЛЬ, ЭВНЪ-ХАКІЯ (сходить съ крыльца павильона).

КОРОЛЬ.

Что, Эвнъ-Хакія?... Ты Юланту видѣлъ?...
Скажи скорѣе!... Какъ твоя наука,
Лицо твое и холодно, и темно,
И ничего я не могу прочесть
Въ твоихъ чертахъ?...

ЭВНЪ-ХАКІЯ.

Надѣйся, государь!...

КОРОЛЬ.

Благодарю!... За это слово можешь
Ты отъ меня просить всего!... Но что-же
Ты въ ней нашель, какъ думаешь начать,
Ты говорилъ-ли съ нею?

ЭВНЪ-ХАКІЯ.

Нѣтъ! она

Спала — я разсмотрѣлъ ее спокойно,
Внимательно, потомъ сказалъ, чтобъ Марта
Ее тихонько разбудила; видѣть
Ея глаза я долженъ былъ. Юланта
Открыла вѣки и спросила Марту
О времени, сказала, что усталость
Все чувствуетъ, что клонить сонъ ее;
Потомъ опять склонилась головою
Къ подушкѣ и глаза закрыла снова.
Я наблюдалъ все время — и могу
Подать тебѣ надежду, государь.

КОРОЛЬ.

Но что-же ты намѣренъ предпринять?

ЭВНЪ-ХАКІЯ.

Къ чему слова и объясненія? Я
Всѣхъ тайнъ науки не могу открыть,
Но приступить сегодня-же могу
Къ леченью, по закатѣ солнца....

КОРОЛЬ.

Боже!

И можетъ быть сегодня-же Иоланта
Увидитъ и отца, и Божій міръ?

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Да, если только...

КОРОЛЬ.

Погоди!... дай силы

Собрать, привыкнутьъ къ этой мысли счастья!

Шестнадцать лѣтъ я ждалъ минуты этой

И каждый день, почти что каждый часъ,

Объ ней я думалъ.... Видишь эти слезы!...

Въ тотъ мигъ, когда узналъ я о несчастьи,

Меня постигшемъ, я не плакалъ, — горе

Во мнѣ убило слезы, но отъ счастья,

Отъ радости онѣ обильно льются

И такъ легко отъ нихъ мнѣ на душѣ.

Хоть признаюсь тебѣ, не разъ случалось

Отъ радости напрасно плакать мнѣ....

Мнѣ обѣщали многіе врачи

Даръ зрѣнія Иолантѣ возвратить;

Но ты моей надежды не обманешь:

Не правда-ли, ты мудрый, добрый врачъ?

Печаль и страхъ отца тебѣ понятны?

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ больше

Въ успѣхѣ убѣждаюся леченія,

Но ты мнѣ не далъ кончить, — не иначе

Я приступлю къ леченію, какъ съ условьемъ....

КОРОЛЬ.

О, говори скорѣй; чего ты хочешь?

Зараѣе на все согласенъ я!

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Хочу я, чтобъ сегодня-же Иоланта

О томъ узнала, что она — слѣпая!

КОРОЛЬ.

Что ты сказалъ?... Тебя я такъ-ли понялъ?

Она должна узнать свое несчастье?

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Должна!

КОРОЛЬ.

И я лишу ее блаженства

Незванія, спокойствія дитяти?
 Я самъ, отецъ, скажу ей: дочь моя!
 Тебя мы всё обманывали здѣсь, —
 Судьба твоя ужасна; ты природой
 Заклеймена печатью отверженья;
 Послѣдняя крестьянка не рѣшится
 Здѣсь участью съ тобою помѣняться
 Ты вѣчно будешь въ тягость міру, людямъ,
 Самой себѣ; безъ помощи чужой
 Погибнешь ты! Всегда ты отъ другихъ
 Зависѣть будешь; у ребенка, даже
 У старика безсильнаго, больнаго,
 У бѣднаго разслабленнаго — больше
 Возможности полезнымъ міру быть,
 Чѣмъ у тебя. И безъ другихъ, сама
 Ты ничего не будешь въ жизни значить!
 О, Эвнъ-Хакія! посуди, подумай!
 Могу-ли я сказать ей это вдругъ,
 Не приготовивши ее? Нежданно,
 Могу-ли самъ разрушить планъ, который
 Привести такъ трудно было въ исполненіе?
 И для чего, зачѣмъ? скажи?

ЭВНЪ - ХАКІЯ.

Спокойно

Ты выслушай меня — тебѣ открою
 Причину я: вы думаете всё,
 Что зрѣніе въ глазахъ заключено,
 Тогда какъ глазъ орудіе простое,
 Часть дара зрѣнія, которое выходитъ
 Изъ глубины души; изъ мозга вѣти
 Незримыя, тончайшія неходятъ,
 Переиетаясь къ органамъ различнымъ,
 И ошущеніе предметовъ виѣшнихъ
 Черезъ органы передается мозгу.
 Юланта знать должна свой недостатокъ,
 Должна понять сперва, чего лишилась.
 И прежде, чѣмъ глаза ей открывать,
 Мы внутренній должны открыть ей органъ.
 Въ ея душѣ должна родиться жажда,
 Желанье свѣтъ узвать, стремленье къ свѣту:
 Желаніе — причина дѣйствій въ жизни;
 Чтобы чего-нибудь достигнуть въ мірѣ,

Должны того желать мы прежде сильно
И пламенно. И врачъ не исцѣлитъ,
Когда больной не жаждетъ изцѣленья!

КОРОЛЬ.

Ты, можетъ быть, и правъ во всемъ, какъ врачъ,
Но, какъ отецъ, не долженъ я, не смѣю
На это согласиться. Не могу
Безжалостнымъ быть къ дочери моей.
Извѣстiе о слѣпотѣ ея
Губительно быть можетъ для несчастной.
И что съ ней будетъ, если зрѣнье ей
Не возвратится, и она узнаетъ
О томъ, чего на вѣки лишена —
Боюсь и подумать я; что будетъ
Тогда съ Юлантой!...

ЭБНЬ - ХАКІЯ.

Государь, ты властенъ

Послѣдовать совѣту моему
Или его отвергнуть. Но размысли:
Ты видѣлъ всѣхъ ученѣйшихъ врачей,
Изъ нихъ никто Юлантѣ не помогъ;
Я думаю, все это оттого,
Что принялъ ты ошибочное мнѣнье
Скрыть слѣпоту отъ дочери твоей.
Я думаю, что все открывъ, напротивъ,
Юлантѣ, я бы могъ ей возвратить
Даръ зрѣнія, хоть очень можетъ быть,
Что я ошибся, что ты правъ во всемъ.
Но я сказалъ тебѣ мое условье:
И безъ него я не начну леченья.
Обдумай все! Я буду во дворцѣ
Весь этотъ день ждать твоего рѣшенья (*Уходитъ.*)

КОРОЛЬ (*одинъ*).

О Боже! этотъ мавръ мнѣ въ сердце влилъ
Ужасное сомнѣнье!... Неужели
Я ошибался?... Неужель я долженъ
Открыть Юлантѣ.... Нѣтъ! упрямый врачъ
Ошибся самъ!... Отецъ не ошибется.
Нѣтъ; для Юланты будетъ счастьемъ въ жизни
Ея незнанье! я уговорю
Врача, я докажу ему!... Быть можетъ
Безъ этого ужаснаго условья

Отд. I.

Лечениемъ ея займется онъ.
 Останусь вѣренъ я своей системѣ,
 Что я сказалъ, то будетъ свято — всякій
 Кто за ограду этихъ стѣнъ взойдетъ,
 Кто слово о несчастіи Юланты
 Здѣсь скажетъ или ей самой откроетъ,
 Что бѣдная слѣпа, тотъ смертной казни
 Не избѣжить! и врачъ отцу уступить! *(Быстро уходитъ въ по-
 таенную дверь.)*

V.

БЕРТРАНЪ и МАРТА, выходятъ изъ дома.

БЕРТРАНЪ *(смотря вслѣдъ королю)*.

Король уходитъ! Онъ встревоженъ чѣмъ-то,
 И мавра тоже нѣтъ? Что-жъ это значить?
 Когда-же онъ начнетъ лечить Юланту?

МАРТА.

Ужъ лучше-бъ не лечилъ ее онъ вовсе.
 Какъ хочешь, а мнѣ этотъ получерный,
 Угрюмый, молчаливый мусульманинъ
 Не нравится; боюсь я, что Юлантѣ
 Не принесетъ его леченье пользы.

БЕРТРАНЪ.

Какъ звать! легко быть можетъ, что природа
 Сама ему поможетъ!... Замѣчала-ль
 Ты въ неподвижномъ мертвомъ взорѣ бѣдной
 Больной порою странное движенье, —
 Съ недавнихъ поръ она грустнѣе стала....

МАРТА.

Да, — какъ-то разъ она и мнѣ сказала,
 Что ей недостаетъ чего-то.... Впрочемъ,
 Ея тоска, волненье, безпокойство
 Скорѣе пропеваютъ оттого,
 Чго ей ужъ минуло шестнадцать лѣтъ.

БЕРТРАНЪ.

Конечно!... только все-таки она
 Когда сіяетъ солнце, обращаетъ,

Въ ту сторону лицо съ какимъ-то страннымъ,
 Тяжелымъ выраженьемъ, будто хочетъ
 Узнать, откуда теплота такая
 Ей нагрѣваетъ щечки, отчего
 Въ тѣни деревьевъ навѣвають листья
 Ей на лицо другое ощущение —
 Зачѣмъ....

МАРГА.

Зачѣмъ изслѣдовать тебѣ,
 Чего ты даже замѣчать не долженъ?
 Отправимся-ка лучше посмотрѣть,
 Пока Юланта спитъ, какъ распустились
 Тамъ, на концѣ въ саду, цвѣтки пустыни,
 Которые изъ Африки прислали
 Въ подарокъ королю Рене.... Юланта
 Объ нихъ не разъ ужъ спрашивала. Если
 Король ушелъ, то значить, что сюда
 Никто теперь не будетъ. А бѣдняжка
 Такъ крѣпко спитъ!...

БЕРТРАНЪ.

Пойдемъ, пожалуй! только

Меня сонъ этотъ также беспокоитъ!
 Въ такую пору жители Прованса
 Конечно очень часто отдыхаютъ;
 Подъ знойнымъ солнцемъ сладокъ часъ покоя,
 Но засыпать Юлантѣ въ это время
 Случалось рѣдко! Ты мнѣ говорила,
 Что ночь она такъ дурно провела,
 Что беспокоилъ сонъ ее тяжелый,
 Но отчего?

МАРГА.

Пойдемъ! какой несносный!
 Все отчего, да отчего? Ну что ты
 Приобрѣтешь, когда все будешь звать?
 А потерять, пожалуй, можешь много! *(Уходитъ за павильонъ.)*

VI.

ГЕРЦОГЪ ВУРГУНДСКІЙ и **ГОТФРИДЪ ВОДЕМОНЪ** (за стѣной, у потаенной двери).

ГЕРЦОГЪ (за сценой).

Не торопись Готфридъ, здѣсь такъ темно!

ГОТФРИДЪ (также).

Впередъ!... Постой!... я вижу дверь!

ГЕРЦОГЪ (также)

Какъ дверь?

ГОТФРИДЪ (также).

Войдемъ!... (Входятъ.) Что это?... Замокъ! чудный садъ,
Здѣсь межъ пустыми, дикими скалами!

ГЕРЦОГЪ.

Что это значитъ?... Погоди!

ГОТФРИДЪ.

Не могу придти

Въ себя отъ удивленья!...

Здѣсь надпись на стѣнѣ: (читаетъ) «Кто-бъ ни былъ ты,

«Случайно или хитростью зашедшій

«Сюда, не смѣй проникнуть въ этотъ садъ,

«Не смѣй ни съ кѣмъ здѣсь говорить! вернися

«Назадъ, иначе казнь тебя постигнетъ!»

Робертъ, ты слышалъ?... Гдѣ мы? объясни.

ГЕРЦОГЪ.

Не понимаю! что за приказанье!...

Ужель ему должны мы покориться?...

ГОТФРИДЪ.

Какъ рыцари, его и признавать

Мы не должны. Случайно мы нашли

Долину эту, и въ стѣнѣ высокой

Дверь, скрытую въ широкихъ листьяхъ плюща.

Она была не заперта и мы

Войти въ нее имѣемъ право!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ,

Но кто же здѣсь живетъ? Какая фея

Роскошный садъ такъ пышно убрала?

Вездѣ цвѣты и рѣдкія растенья,

Кто ихъ взростилъ, взлелѣялъ, поливалъ?

ГОТФРИДЪ.

Смотри, смотри! Здѣсь на пескѣ я вижу
Слѣды!... Какая маленькая ножка
Оставила ихъ здѣсь!...

ГЕРЦОГЪ.

Слѣды ведутъ
Къ крыльцу... войдемъ!

ГОТФРИДЪ.

Постой, Робертъ, быть можетъ,

Услыша наши голоса, властитель
Изъ замка очарованнаго самъ
Къ намъ выйдетъ!...

ГЕРЦОГЪ.

Подождемъ! Я, признаюсь,
Немножко утомленъ прогулкой нашей
И отдохнуть готовъ (*садится на скамью*).

ГОТФРИДЪ.

Прогулка наша

Окончилась однако-жъ очень странно:

Бздою утомленные, оставивъ
Въ монастырѣ сосѣднемъ лошадей
Усталыхъ, мы чрезъ горы перейти
Пѣшкомъ рѣшились, чтобъ къ закату солнца
Дойти къ столицѣ короля Рене;
Ты завтра долженъ, какъ женихъ
Къ нему явиться....

ГЕРЦОГЪ.

Да, и признаюсь тебѣ,

Отправивъ къ королю гонца съ извѣстьемъ,
О томъ, что я въ Провансѣ скоро буду,
Я въ то же время всей душой хотѣлъ бы
На долго, даже, еслибъ можно было,
Хоть навсегда свиданіе отсрочить;
Ты знаешь почему!

ГОТФРИДЪ.

Да! признаюсь,

Не весело тебѣ явиться будетъ
Къ Рене.... Ты девяти лѣтъ женихомъ
Былъ дочери его объявленъ гласно,
И между тѣмъ ужъ болѣе трехъ лѣтъ
Страдаешь по графинѣ Лотарингской.
Что-жъ думаешь ты дѣлать?

ГЕРЦОГЪ.

Самъ не знаю!

Юланту я ни разу не видалъ;
Отецъ далъ слово за меня, чтобъ кончить
Всѣ споры за владѣніе землями
Въ Бургундіи.... и словомъ связанъ я,
Но страсть моя къ Матильдѣ такъ сильна,
Она меня такъ любитъ.... Бракъ съ Юлантой
Насъ сдѣлаетъ несчастными!...

ГОТФРИДЪ.

Съ тобою

Рѣшившись отправиться въ Провансъ,
Какъ братъ твой по оружью, я готовъ
Всѣмъ помогать тебѣ и если хочешь
Я за тебя открою королю,
Въ какомъ ты положеніи.... Рене
Я не видалъ ни разу, но въ отчизнѣ
О добротѣ и объ умѣ его
Наслышался....

ГЕРЦОГЪ.

Благодарю тебя,

Мой другъ и братъ по сердцу, по мечу!
Но самъ я долженъ объяснить ему
Всю тягость положенья моего
И въ то-же время я боюсь признаньемъ
Его и съ нимъ Юланту оскорбить.

ГОТФРИДЪ.

Къ чему себя заранѣе тревожить?
Быть можетъ все еще судьба устроитъ;
Какъ знать, Юланта также, можетъ быть
Кого нибудь невольно полюбила.
Забудь объ ней — и лучше посмотри
Вокругъ себя — съ тобою мы зашли
Въ какое-то волшебное жилище:
Вдругъ явится спасительная фея
И средство дастъ тебѣ соединиться
Съ твоей Матильдой....

ГЕРЦОГЪ.

Ты все шутишь, другъ.

Но въ самомъ дѣлѣ — гдѣ жъ мы наконецъ?
Уже-ль никто не явится насъ встрѣтить?
Мы, кажется, давно здѣсь!...

ГОТФРИДЪ.

Я рѣшаюся

Войти въ жилище феи (поднимается на крыльцо).

ГЕРЦОГЪ.

Постучи

Тихонько въ дверь!

ГОТФРИДЪ.

Она не заперта,

И отворилась тотчасъ, я едва

Коснулся до нея....

ГЕРЦОГЪ.

Взгляни-же въ дверь!...

ГОТФРИДЪ.

Мой Богъ!... Робертъ! Робертъ! о! что я вижу? (Смотря въ павильонъ).

ГЕРЦОГЪ.

(Внизу у крыльца) Волшебницу?...

ГОТФРИДЪ.

Нѣтъ! ангела!... Творецъ!

Какъ хороша она!

ГЕРЦОГЪ.

Кого ты видишь?... (Поднимается на крыльцо.)

Молоденькая дѣвушка!... она

Спокойно спитъ.

ГОТФРИДЪ.

Какъ холодно объ ней

Ты говоришь!... Смотри!... Ужель при взглядѣ

На этотъ образъ дѣвственный, прекрасный,

Не чувствуешь ты трепета въ груди?

ГЕРЦОГЪ.

Готфридъ! уйдемъ отсюда!... Все, что мы

Здѣсь встрѣтили, такъ странно, непонятно!...

Тутъ не безъ чаръ волшебныхъ! Этотъ сонъ

Красавицы не можетъ быть естественъ!...

Но ты не слушаешь меня?

Отъ двери ты не можешь оторваться,

Твой взоръ горитъ безуміемъ, Готфридъ!...

Создатель!... Неужель онъ околдованъ!...

ГОТФРИДЪ.

Молчи Робертъ! молчи! не нарушай

Сна тихаго прекраснаго созданья!

Какъ хороша на розовыхъ устахъ
Безпечная, веселая улыбка!...

ГЕРЦОГЪ.

Готфридъ! Опомнись!

ГОТФРИДЪ.

Тише!... О! прости

Созданье неземное, что рѣшились
Во время сна тобой мы любоваться!
Не открывай очей: ихъ гнѣвный блескъ
Насъ поразить!... Но нѣтъ! Тебѣ не можетъ
Доступно чувство гнѣва быть; оно
Небеснымъ не знакомо существовать!

ГЕРЦОГЪ.

Другъ! ты меня пугаешь!... Умоляю,
Уйдемъ отсюда!...

ГОТФРИДЪ.

Погоди! Позволь мнѣ

На этотъ милый образъ наглядѣться.

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ! я не допущу тебя остаться —

Идемъ! (*схватываетъ его за руку, онъ сопротивляется*).

ГОТФРИДЪ.

Робертъ... Мой Богъ! Она проснулась!...

Ты разбудилъ ее!... (*сбѣгаетъ съ крыльца*).

ГЕРЦОГЪ.

Тѣмъ лучше! Сонъ

Ея опаснѣй былъ, чѣмъ пробужденье!...

Она идетъ сюда!... Мы отъ нее

Узнаемъ все!... Остаться мы должны!...

VII.

ЮЛАНТА сходитъ съ крыльца; не смотря на слѣпоту, движенія ея непринужденны и рѣшительны; только при встрѣчѣ незнакомаго предмета, легкое движеніе рукою, какъ бы ошупывающею предметъ и нѣсколько напряженное вниманіе, съ которымъ она слушаетъ, доказываютъ, что слухъ и осязаніе замѣняютъ ей зрѣніе. Глаза ея открыты, но неподвижны и большею частью опущены къ землѣ.

ЮЛАНТА.

(*На крыльцѣ*) Гдѣ Марта?...

ГОТФРИДЪ.

Вотъ она!...

ЮЛАНТА.

Чей это голосъ?

Кто здѣсь? (*Идетъ прямо къ Готфриду*).

ГОТФРИДЪ.

Бургундскій рыцарь!... Онъ случайно
Зашелъ сюда!... Простите ли, что я
Покой нарушилъ вашъ?...

ЮЛАНТА.

Ты никогда

Здѣсь не былъ! Голосъ твой мнѣ незнакомъ.

ГЕРЦОГЪ.

(*Готфриду*) Не открывай ей, кто мы!

ЮЛАНТА.

(*Готфриду, прислушиваясь.*)

Кто съ тобою

Здѣсь говорить?...

ГОТФРИДЪ.

Мой другъ, такой же рыцарь.

Мы заблудились оба на охотѣ

И входъ сюда случайно отыскали!...

ЮЛАНТА.

Я рада вамъ обоимъ!... Не хотите ль

Вы отдохнуть? Войдите въ домъ!...

ГЕРЦОГЪ.

О нѣтъ!

Въ саду здѣсь такъ прохладно!... Если вы

Позволите остаться намъ.

ЮЛАНТА.

Съ охотой!

Я подъ вечеръ сама всегда въ саду!...

Но вы въ дорогъ вѣрно утомились,

Я принесу вина вамъ освѣжиться. (*Уходитъ въ домъ; всѣ дви-
женія ея медленны и мър-
ны, но свободны.*)

ГОТФРИДЪ.

Мой Богъ! Какое чудное созданье!

Какъ все въ ней: станъ, движенія, походка

Роскошно, величаво!

ГЕРЦОГЪ.

Да! ты правъ!

Она могла легко околдовать!...
 Но говори, что хочешь, какъ во всемъ,
 Что окружаетъ насъ, въ ней что-то есть
 Особенное, странное!... Признаться,
 Я думаю все до-сихъ-поръ, что лучше-бъ
 Отсюда намъ уйти!... Чтобъ это сдѣлать
 Скорѣе, я нарочно для того
 Въ саду, поближе къ выходу остался!...
 И если-бъ ты благоразуменъ былъ,
 Совѣтовалъ бы я тебѣ теперь-же
 Отправиться опять обратно въ горы,
 Не дожидаясь угощенья!...

ГОТФРИДЪ.

Мнѣ

Уйти отсюда? Ни за что!... Я долженъ
 Узнать ее!... Съ ней видѣться еще.

ГЕРЦОГЪ.

Она идетъ!

ЮЛАНТА (*несетъ на поднось два куб-
ка съ виномъ*).

Вотъ, рыцари, вино,

Которое отецъ мой очень любитъ!

Я васъ прошу отвѣдать: а между тѣмъ

Я вамъ нарву плодовъ, здѣсь много ихъ! (*Ставитъ кубки на
столъ, беретъ съ него
корзину и идетъ въ
глубину сцены, здѣ
срываетъ гранаты и
персики.*)

ГЕРЦОГЪ (*останавливая Готфрида*)

Не пей, Готфридъ!... Быть можетъ кубокъ этотъ

Напиткомъ одуряющимъ наполненъ.

ГОТФРИДЪ.

Изъ этихъ рукъ я смерть приму охотно! (*Обращаясь къ Юлантѣ*.)

Прекрасная владѣтельница замка,

Здоровье ваше пью я!... (*Юланта дѣлаетъ ему изъ глубины
знакъ рукою, продолжая срывать
плоды. Готфридъ выпиваетъ вино.*)

ГЕРЦОГЪ.

Что, Готфридъ,

Ты ничего не чувствуешь?... Вино

Такое, какъ всегда?...

ГОТФРИДЪ.
Нѣтъ! вдвое лучше!...

Какъ все, что здѣсь я вижу!

ГЕРЦОГЪ.

Твой примѣръ

Мнѣ бодрость придаетъ!... Я выпью также

Бокаль! (*Выпиваетъ*). Клянусь моимъ патрономъ! Вѣрно

Король Прованса самъ вина такого

Не пьетъ!

ГОЛАНТА (*подходя*).

Я нарвала плодовъ вамъ....

Отвѣдайте! Вотъ персики, гранаты,

Вотъ кисти виноградныя!...

ГОТФРИДЪ.

Не знаю,

Какъ васъ благодарить за все вниманье?...

Но вы меня простите!... Мой вопросъ

Внушенъ не любопытствомъ, а участием:

Зачѣмъ вы здѣсь одни, вдали отъ свѣта,

Скрываетесь въ долину неизвѣстной,

Когда бъ могли всѣхъ гордыхъ дамъ Прованса

Затмить умомъ и красотой? Скажите,

Откуда родомъ вы, кто вашъ отецъ?

ГОЛАНТА.

Вы этого не знаете? Мнѣ странно!

Его здѣсь знаютъ всѣ!... Онъ говоритъ мнѣ,

Что онъ такой же рыцарь благородный,

Какъ и другіе.... Онъ бываетъ здѣсь

Довольно часто....

ГЕРЦОГЪ.

Какъ! и онъ не съ вами

Живетъ? Зачѣмъ же васъ онъ оставляетъ

Въ уединеніи здѣсь? Зачѣмъ такъ строгъ онъ?...

ГОЛАНТА.

Онъ строгъ! Нѣтъ, онъ не строгъ ко мнѣ, и здѣсь

Я не одна живу.... Но погодите,

Я позову Бертрана или Марту,

Они на всѣ вопросы ваши могутъ

Вамъ отвѣчать, хотя въ вопросахъ этихъ

Мнѣ непонятно многое! (*Уходитъ въ домъ*.)

ГЕРЦОГЪ.

Готфридъ,

Ты видишь ли теперь, какъ все здѣсь странно?

Боюсь я, что съ тобою въ западню

Попались мы, что мы погибнемъ оба.

А даромъ я погибнуть не намѣрева,

Какъ хочешь, я иду за нашей свитой,

Она теперь навѣрно ужъ на мѣстѣ.

Когда отрядъ оруженосцевъ нашихъ

Стоять у этой двери будетъ — мы

Тогда скорѣй узнаемъ эту тайну

И если — какъ я думаю — злодѣй

Какой нибудь здѣсь держитъ въ заперти

Несчастную красавицу — ее мы,

Какъ рыцари, освободимъ!... Не правда-ль,

Мой планъ хорошъ?

ГОТФРИДЪ.

Да, да, хорошъ!... Иди!

Оставь меня!...

ГЕРЦОГЪ.

А ты?

ГОТФРИДЪ.

Я остаюсь!

ГЕРЦОГЪ.

Готфридъ! Ты околдованъ!... Да, я вижу,

Что все мои слова, все убѣжденья

Напрасны будутъ — но я противъ воли

Спасу тебя! Прощай!... Я отправляюсь

За нашей свитой!... До свиданья, другъ! *(Даетъ ему руку и уходитъ.)*

VII

ГОТФРИДЪ и ИОЛАНТА.

ИОЛАНТА *(сходя съ крыльца и при-
слушиваясь).*

Твой другъ уходитъ?...

ГОТФРИДЪ.

Да, но онъ вернется

Опять сюда!

ИОЛАНТА.

Я рада все́мъ, кто здѣсь

Бываетъ!... Никогда обыкновенно
 Одна не остаюсь я, а сегодня
 Нѣтъ близъ меня ни Марты, ни Бертрана.
 Что это значить?... Вѣрно далеко
 Они работой заняты въ саду
 И думали, что долго я усну!...

ГОТФРИДЪ.

Я сонъ нарушилъ вашъ! Простите!... Долго
 Я вашимъ сномъ спокойнымъ любовался,
 Смотрѣлъ на васъ въ безумьи, очарованъ
 Небесной красотой!... Я не вѣрилъ
 Своимъ глазамъ, я думалъ: предъ мною
 Видѣнне, мечта воображенья...
 Но вы проснулись.... Голосъ вашъ прекрасный
 Отраднo прозвучалъ; вашъ кроткій взглядъ
 Проникнулъ въ сердце!... О, теперь я вижу...
 Вы не видѣнне — вамъ дано судьбою
 Жить, чувствовать, внушать любовь, любить....

ЮЛАНТА (*подходя къ кусту розъ,
 срываетъ въ замѣшатель-
 ствѣ цвѣтки*).

Ты, рыцарь, говоришь такъ непонятно,
 Не знаю отчего — твои слова
 Въ моей груди какое то волненье,
 Смущеніе какое то рождаютъ
 И хочется тебя мнѣ долже слушать,
 И какъ то стыдно слушать мнѣ тебя.
 Къ чему хвалить меня?... за что? Съ тобою
 Я первый разъ встрѣчаюсь сегодня!..

ГОТФРИДЪ.

Желанья ваши мнѣ законъ!... Я скрою
 Все, что теперь кипитъ въ моей груди;
 Хоть вырвались слова мои изъ сердца
 Невольно, но могли васъ оскорбить;
 Я это вижу по румянцу щекъ,
 По вашему смущенью — о, молю васъ,
 Какъ знакъ того, что вы меня прѣстиди,
 Изъ этого куста прекрасныхъ розъ
 Вы дайте мнѣ одинъ цвѣтокъ на память
 Минуты этой, вашего смущенья
 И жаркаго румянца вашихъ щекъ!

ЮЛАНТА (молча срываетъ бѣлую розу и подаетъ ему).

Я васъ просилъ мнѣ красную сорвать!

ЮЛАНТА.

Не знаю!.. Какую же?

ГОТФРИДЪ (указывая на красныя розы.)

Вотъ изъ тѣхъ.

ЮЛАНТА.

Дай ту, что я сейчасъ тебѣ дала

И я сорву другую, если эта

Не нравится тебѣ.

ГОТФРИДЪ.

О! нѣтъ! оставьте

И эту мнѣ — вы выбрали ее,

Она эмблема вашей чистоты.

Сорвите розу красную еще

И обѣ розы я возьму гербомъ

Въ моемъ щитѣ..

ЮЛАНТА.

Я подарить готова

Другую розу!... (Срываетъ еще бѣлую розу и подаетъ ее Готфриду.)

ГОТФРИДЪ (пораженный).

Но... что-же это значитъ?...

Я васъ просилъ мнѣ красную сорвать!

ЮЛАНТА.

Какъ красную?... Какая-жъ это?...

ГОТФРИДЪ.

Боже!...

Какая мысль!... (Срывая еще двѣ розы.) Скажите мнѣ, прошу васъ, въ рукѣ я сколько розъ держу?...

ЮЛАНТА (протягивая руку).

Охотно!...

Дай ихъ сюда!...

ГОТФРИДЪ.

Но такъ, не прикасаясь

Къ цвѣткамъ — ужель не можете узнать вы?

ЮЛАНТА.

Не прикасаясь?... Развѣ это можно!...

ГОТФРИДЪ.

Творецъ! она слѣпа!... Но неужели

Нѣтъ средства?...

ЮЛАНТА.

Нѣтъ! Когда я о числѣ

О формѣ, о наружности предмета
Узнать хочу — его я осязаю
И это очень просто....

ГОТФРИДЪ (съ грустью).

Да, конечно,

Но между тѣмъ я думалъ...

ЮЛАНТА.

Что ты думалъ?

Скажи! тебя я слушаю охотно!

ГОТФРИДЪ.

Я думалъ, что такіе есть предметы,
Которые мы можемъ различать
Лишь по цвѣтамъ, по краскамъ!...

ЮЛАНТА.

Въ первый разъ

Я слышу эти странныя слова?

Что значить *краска*?... Различать предметы

Умѣю я по качествамъ, по свойству,

По запаху, когда ихъ осязаю...

ГОТФРИДЪ.

Ужель вамъ никогда не говорили,

Что можно различать издалика —

Посредствомъ чувства зрѣнія предметы?

ЮЛАНТА.

Издалика?... Конечно можно, я

Не прикасаясь къ людямъ узнаю,

По голосу — кто говорить со мной;

Трель жаворонка, пѣсни соловья

Издалика я также различаю,

Но все не чувствомъ зрѣнія. Скажи мнѣ

Что значить это *зрѣніе*? — простое

Орудіе, или сложный инструментъ?

Какая польза въ немъ и какъ его

Употребляютъ?

ГОТФРИДЪ.

Я отъ удивленья

Едва могу придти въ себя!... Творецъ!

Она слѣпая — и сама не знаетъ,

Чего судьба ее лишила!

ГОЛАНТА.

Что же

Не отвѣчаешь ты? О, говори,
Твой голосъ такъ хорошъ, ты говоришь
Особенными, странными словами,
Которыхъ никогда я не слыхала.
Чужихъ людей я рѣдко здѣсь встрѣчаю;
Я многого еще не знаю, рыцарь!
Я молода! ты научи меня!...

ГОТФРИДЪ.

О нѣтъ, я не могу! не долженъ!... если
Отъ васъ скрывали недостатокъ вашъ —
На то была причина, вѣроятно!...

ГОЛАНТА.

О! недостатоковъ много у меня,
Но я должна стараться ихъ исправить.
Меня зовутъ все умной здѣсь, но мнѣ,
Сама я знаю, — многое такъ темно
И непонятно!...

ГОТФРИДЪ.

О мой Богъ! ужели

Не знаете вы сами, что судьба
Васъ дара драгоценнаго лишила?...
Невѣроятно!... развѣ никогда
Вамъ мысль не приходила — для чего
Богъ далъ глаза вамъ? Ваши члены все
Съ особенною цѣлью созданы,
Зачѣмъ же подъ рѣсницами густыми
Блестятъ у васъ безжизненные звѣзды
Красныя и въ мертвой красотѣ?...

ГОЛАНТА (*прикасается руками къ глазамъ*).

Зачѣмъ глаза даны мнѣ?... Для того,
Чтобъ плакать. Развѣ ты не знаешь, рыцарь,
Что слезы облегчаютъ грусть, и радость
Полиће послѣ слезъ мы ощущаемъ?

ГОТФРИДЪ.

О бѣдное дитя!... Глаза ей служатъ
Лишь только для того, чтобъ плакать въ жизни!

Какъ ограниченъ міръ ея, какъ мало
Ей нужно!... Нѣтъ въ груди ея желанья
Увидѣть весь прекрасный Божій міръ,
Все гордое величіе природы,
Всѣ красоты, всю роскошь міроздавья!

ЮЛАНТА.

Увидѣть! Сколько разъ ты повторялъ
Мнѣ это слово?... Что же значить: *видѣть*?
Не тоже ли, что *чувствовать*?

ГОТФРИДЪ.

Конечно,

Но чувствовать паружно. Теплоту
Ты солнца ощущаешь?... Теплота
Отъ свѣта происходитъ.... и его
Мы ощущаемъ зрѣніемъ, глазами.
Свѣтъ разливаетъ солнце, свѣтъ даетъ намъ
Возможность, не касаяся предмета,
Узнать его и отличить.... Быстрѣе
Мгновенья ока мысли свѣтъ нисходитъ
На землю — озаряя чуднымъ блескомъ
Весь міръ и научая узнавать
И почитать Творца въ его созданьи.

ЮЛАНТА.

Нѣтъ, рыцарь, для того, чтобъ знать Творца,
Чтобы любить его, не нужно свѣта!
Въ дыханьи вѣтра, въ теплотѣ весенней,
Въ цвѣтахъ, плодахъ, въ стремленьи быстрыхъ рѣкъ,
Въ металлахъ, въ камняхъ, въ звонкихъ треляхъ птичекъ,
Въ животныхъ, наконецъ, во мнѣ самой —
Все говорить о Томъ, Кто создалъ насъ
Кто какъ отецъ съ небесъ всѣмъ міромъ править!
И развѣ можешь *видѣть* ты Творца?...
Скажи мнѣ, можно-ль видѣть — щебетанье
Маливки подъ розовымъ кустомъ,
Иль шелестъ вѣтра въ листьяхъ померанца,
Журчанье быстрой рѣчки по песку,
Иль переливы пѣсни соловьиной?
Скажи мнѣ — голосъ твой, который въ душу
Мнѣ западаетъ, можно ль *видѣть* мнѣ?...
ГОТФРИДЪ.

О ты права! въ твоей душѣ прекрасной

Такой сияетъ свѣтъ, передъ которымъ
Ничтоженъ нашъ земной, минутный блескъ.

ЮЛАНТА.

Но что-жъ такое *свѣтъ*?

ГОТФРИДЪ.

Какъ объяснить мнѣ

То, что постигнуть зрѣніемъ лишь можно?

Представь, когда-бы глухота тебя

Постигла — какъ-бы ты могла понять

Тогда, что значить шумъ и громъ?...

ЮЛАНТА.

Постой!

Не много понимаю я, что значить

Свѣтъ! Иногда въ саду гуляя, мнѣ

Случалось слышать новаго цвѣтка

Роскошный запахъ. И его запомнивъ,

Могу я вдругъ себѣ представить запахъ

Другой, пѣжнѣе, лучше, хоть цвѣтка

Я съ запахомъ такимъ и не встрѣчала.

Неправда-ль, что на свѣтъ похожъ тотъ запахъ,

Мной созданный въ воображеніи?...

ГОТФРИДЪ.

Да!

Съ той разницей, что не выдавши свѣтъ,

Нельзя себѣ вообразить его!...

И я теперь тебя счастливей вдвое,

Я вижу все — къ тебѣ не прикасаюсь :

Твой стройный станъ, прекрасное лицо,

Въ которомъ ясно выразилась жажда,

Желаніе понять, узнать, что значать

Моя слова; я вижу, какъ неровно

Отъ думы, отъ вниманья грудь твоя

Волнуется, какъ руку ты къ челу

Порой приложишь, и какъ будто хочешь

На немъ разгадку тайны осеять!

ЮЛАНТА.

Да да! ты правъ! все это ты узналъ,

Ко мнѣ не прикасаюсь?... Неужели

Должна я сожалѣть о томъ, что Богъ

Мнѣ не далъ чувства зрѣнья?...
Оно необходимо въ этой жизни?

IX.

МАРТА и БЕРТРАНЪ, изъ дома, потомъ КОРОЛЬ и ЭВИЪ-ЖАКИЯ. Съ этой сцены на пинаеть темнѣть и по небу распространяется вечерняя заря.

МАРТА.

Мой Богъ!... Что это?... Незнакомый рыцарь!
Бертранъ! Бертранъ!... сойди сюда скорѣй!

БЕРТРАНЪ.

Творецъ!... и съ нею вмѣстѣ!... Рыцарь!... (*прислушиваясь*). Поздно
Допрашивать его!... Я слышу идутъ
Сюда.... Рене, съ нимъ мавританскій врачъ....

МАРТА.

О Господи, что будетъ съ нами!...

ГОЛАНТА.

Рыцарь!...

Я слышу — моего отца шаги,
И ты его узнаешь!... Онъ подходитъ. (*Бросаясь къ Рене.*)
О батюшка!

РЕНЕ (*обнимая ее*).

Дочь милая!... Мой Богъ,
Что это значитъ?... Незнакомый рыцарь
И здѣсь въ моемъ саду?... Скажи мнѣ, дерзкій,
Кто ты, зачѣмъ и какъ сюда зашелъ?

ГОТФРИДЪ.

Бургундскій рыцарь я!... Въ горахъ Арденскихъ
Гуляя, отыскалъ случайно я
Тропинку къ саду этому — въ него
Дверь отперта была — и я вошелъ....

КОРОЛЬ.

Да, точно! Я былъ такъ неостороженъ,

Что вслѣдъ за мавромъ поспѣшивъ, забылъ
Дверь за собою запереть!... О Боже!
И ты... здѣсь никого въ саду не встрѣтилъ?

ГОТФРИДЪ.

Я встрѣтилъ дочь твою!

КОРОЛЬ.

Да, но она
Была съ Бертраномъ, съ Мартой?...

ГОТФРИДЪ.

Нѣтъ! она
Была одна.

КОРОЛЬ.

Одна!...

БЕРТРАНЪ.

Простите! мы
Работали на томъ концѣ въ саду
И не слышали ничего!...

МАРТА.

Мы даже
И думать не могли, чтобъ эту дверь
Могъ отворить тотъ, кто ея секрета
Не знаетъ?

КОРОЛЬ (*Готфриду*).

Но ты съ нею ни о чемъ
Не говорилъ?...

ГОЛАНТА.

Нѣтъ! онъ много говорилъ мнѣ,
О чемъ я не слыхала никогда:
Его слова звучали такъ отрадно,
Такъ много онъ открылъ мнѣ, объяснилъ,
Что значить *святъ*, жалѣлъ о томъ, что Богъ
Мнѣ не далъ чувства зрѣнья!...

КОРОЛЬ, БЕРТРАНЪ, МАРТА (*съ ужасомъ*).

Творецъ!...

КОРОЛЬ.

Онъ ей открылъ!... Несчастный! Что ты сдѣлалъ?...
Мой Богъ! за что ты наказалъ меня?

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Зачѣмъ ты хочешь видѣть наказанье
Въ ея спасеньи?...

КОРОЛЬ.

Какъ, что это значитъ?

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Ты, ослѣпленный ложной мыслью, думалъ
Составить счастье дочери, сокрывши
Ея несчастье отъ нея самой,
Въ своемъ упорствѣ, ты, желая даже
Ей возвратитъ даръ зрѣнья, не хотѣлъ
Сказать ей, что она слѣпа, но случай
Привелъ сюда того, кто все открылъ ей.
Смирись передъ Аллахомъ и узнай
Его десницу въ этомъ !... Я готовъ
Теперь ей чувство зрѣнья возвратить.
Душа ея къ принятію леченья
Настроена и тихій вечеръ, сумракъ,
Ужъ наступившій, все теперь удобно,
Все мнѣ поможетъ !... Дочь моя, скажи мнѣ,
Ты хочешь ли увидѣть міръ и свѣтъ ?

ГОЛАНТА.

Онъ говорилъ о свѣтѣ много мнѣ,
Онъ описалъ мнѣ міръ такимъ прекраснымъ,
Онъ объяснилъ мнѣ всѣ мои движенья;
Я поняла, что обладаетъ онъ
Особымъ, чуднымъ даромъ и что дара
Того я лишена !... Но смутно все
Понятна мнѣ необходимость зрѣнья
И не могу я пламенно желать,
Чего еще вполне не понимаю;
Но если хочетъ мой отецъ—готова
Я получить даръ зрѣнья !...

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Вотъ плоды

Твоей системы !... Даже и теперь
Въ ея душѣ нѣтъ сильнаго желанья
Увидѣть свѣтъ ! и я опять надежду
Теряю!...

КОРОЛЬ (Эбнъ-Хакіи).

Погоди!.. Теперь я вижу!

Ты правъ во всемъ былъ.... Но.... еще есть средство!..

Когда не ошибаюсь я.... Творецъ

Внушилъ мнѣ мысль!.. (Юлантъ) Ты, дочь моя, позволишь

Врачу начать леченіе теперь же?..

Дастъ Богъ — тебѣ поможетъ онъ. (Готфриду) А ты

Несчастія виновникъ! отвѣчай мнѣ :

При входѣ въ садъ — читалъ-ли на стѣнѣ

Ты надпись?..

ГОТФРИДЪ.

Да!

КОРОЛЬ.

И не смотря на это,

Рѣшился въ садъ войти и говорить

Здѣсь съ дочерью моею?..

ГОТФРИДЪ.

Я рѣшился!

КОРОЛЬ.

Ты помнишь : надпись осуждаетъ къ смерти

Всѣхъ, кто войдетъ сюда безъ позволенья

И съ кѣмъ-нибудь здѣсь будетъ говорить!

ГОТФРИДЪ.

Я помню все!..

КОРОЛЬ.

И такъ, когда леченье

Надъ нею не удастся — ты умрешь!

ЮЛАНТА.

О батюшка!... возможно-ли? скажи мнѣ

Я такъ-ли поняла?... Ужели онъ

Погибнуть долженъ?..

КОРОЛЬ.

Онъ умретъ! На это

Рѣшился твердо я! Сюда вступаю,

Онъ зналъ, что ждетъ его, тебѣ открылъ

Твой недостатокъ онъ — и если ты

Еще не поняла своей потери—

Онъ поселилъ въ тебѣ зародышъ мысли,

Которая со временемъ, развившись,
Твое существованье отравить.
За это онъ достоинъ смерти, если
Не возвратится зрѣніе тебѣ.

Эвнъ-хакія (королю).

Тебя я понялъ! Мысль твоя прекрасна!

Юланта.

Я все еще не вѣрю! Мой отецъ
Не будетъ такъ жестокъ, безчеловѣченъ.
Врачъ, гдѣ ты?... врачъ!... Скажи мнѣ! Что должна
Я дѣлать, чтобы зрѣнье получить
Перенести мученья?...

Эвнъ-хакія.

Ничего!

Должна ты только пламенно желать,
Чтобъ возвратилось зрѣнье!...

Юланта (схватывая его за руку).

Идемъ!...

Ты видишь, я готова!... начинай
Свое леченье, дѣйствуй!... Я снесу
Страданья, боль! Не бойся!... Я тверда —
Я поняла теперь, что значитъ свѣтъ!
Онъ говорилъ мнѣ: «Съ неба сходятъ свѣтъ
Быстрѣ мысли, нль мгновенья ока,
Весь міръ прекраснымъ блескомъ озаряя,
Рождая теплоту!» Да! онъ былъ правъ!...
А съ-тѣхъ-поръ, какъ я съ нимъ встрѣтилася здѣсь,
Узнала я, что значитъ свѣтъ, въ груди
Я теплоту почувствовала свѣта,
Но онъ въ одномъ ошибся! не глазами
Мы узнаемъ тотъ свѣтъ, а сердцемъ!... Въ сердцѣ
Моемъ теперь сіяетъ этотъ свѣтъ!...

Готфридъ (бросаясь на колѣна передъ нею).

О! милое, прекрасное созданье!...
Твои слова мнѣ счастье обѣщаютъ!...
Языкъ простой, невинный голосъ чувства
Открылъ мнѣ все!... Ктобъ ни была ты, жизнь
Я посвятить готовъ тебѣ!... Слепая
Иль нѣтъ, ты будешь мнѣ принадлежать!

И если казнь отецъ твой мнѣ присудитъ,
Я за тебя отдамъ съ охотой жизнь!...

ЮЛАНТА (въ волненіи).

Нѣтъ! рыцарь, нѣтъ!... жизнь хороша!... жить надо!...
Ты будешь жить!... Дай руку мнѣ!... Позволь,
До твоего лица мнѣ прикоснуться!... (Готфридъ все исполняетъ).
Вотъ такъ!... Теперь... Я буду видѣть, буду.
Идемъ-же врачъ!... Идемъ!... О! мой отецъ!
Прижми меня къ груди!... Прощай!... надѣйся! (Король обнимаетъ ее.)
Я буду видѣть, да!... Онъ будетъ жить!... (Уходитъ быстро въ домъ, за ней Эбнъ-Хакія.)

КОРОЛЬ (отирая слезы).

О! я и самъ теперь почти увѣренъ!
Бертранъ — за нею!... Марта!... вы придете
Сказать мнѣ! (Бертранъ и Марта уходятъ.) Рыцарь!... ты простишь
Моей невинной хитрости!... Я видѣлъ,
Что полюбила дочь моя тебя,
И чтобы въ ней желанье возбудить
Спасти тебя и получить даръ зрѣнья,
Шутя я осудилъ тебя на смерть.

ГОТФРИДЪ.

Ты властенъ былъ казнить меня! Въ своихъ
Владѣніяхъ ты полный властелинъ.
Вступивши въ нихъ, законамъ ихъ я долженъ
Покоренъ быть!... Но жизнь свою тебѣ
Я уступилъ не даромъ-бы; сюда
Я не одинъ дорогу отыскалъ:
Мой другъ и по оружью братъ хотѣлъ
Сюда явиться скоро; съ нами свита,
Сто рыцарей, и вдвое больше слугъ,
Оруженосцевъ, конюховъ, пажей.

КОРОЛЬ.

На каждого изъ нихъ могу легко
Созвать я по сту воиновъ!

ГОТФРИДЪ.

Ужели?

Но кто же ты?

КОРОЛЬ.

Мнѣ кажется, я правѣ
Спросить тебя объ этомъ ?

ГОТФРИДЪ.

Я Готфридъ,

Графъ Водемонъ, владѣтель Иссодюна,
Шампанн, Клерво и Монтаржи,
Другъ и любимецъ герцога Роберта
Бургундскаго—и кто бы ни былъ ты,
Богатъ и знатенъ — породнясь со мною
Ты не унизишь званья своего,
Хотя-бъ ты былъ графъ, герцогъ или король !
И потому мнѣ вѣрно не откажешь
Въ рукѣ прекрасной дочери твоей ?

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, рыцарь ! хоть союзъ съ тобой не можетъ
Унизить званья моего, тебѣ
Я долженъ отказать, хоть дочь моя
Всей силою неопытнаго сердца
Тебя, не видя, полюбила. Дочь
Моя была обручена ребенкомъ
Другому...

ГОТФРИДЪ.

Боже ? но кому-жь?... оспорить
Я у него могу его права !...

КОРОЛЬ.

Нѣтъ ! передъ нимъ покорно долженъ будешь
Склониться ты !

ГОТФРИДЪ.

Но кто-же онъ ?...

КОРОЛЬ.

Постой !

Я слышу шумъ у двери !... Альмерикъ ?
Что это значить ?...

X.

АЛЬМЕРИКЪ, ПОТОМЪ ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ со свитою.

АЛЬМЕРИКЪ.

Простите, государь! Я дожидался
У входа васъ со свитой, но въ долину
Толпа спустилась рыцарей! Они
Сюда спѣшать!

ГОТФРИДЪ.

О! это другъ мой! Герцогъ
Бургундскій!

КОРОЛЬ.

Герцогъ! Альмерикъ! Впустить ихъ
Въ садъ безъ сопротивленья! (*Альмерикъ уходитъ*). Рыцарь, ты
Сейчасъ узнаешь, кто соперникъ твой!

ГОТФРИДЪ.

Оруженосецъ государемъ васъ
Сейчасъ назвалъ... Уже-ли вы...

ГЕРЦОГЪ (*входя, за нимъ Альберикъ,
и свиты короля и герцога*).

Готфридъ!

Я выручать тебя сюда явился!...
Что вижу я?... Король Рене! (*преклоняетъ коленно*).

ГОТФРИДЪ.

Рене!

Король Прованса!...

КОРОЛЬ.

Да, мой храбрый рыцарь,
Теперь понятно все!... Ты дочь мою
Юланту видѣлъ, но она невѣста
Съ младенчества — Роберта!...

ГОТФРИДЪ.

Государь,

Такъ я еще надежды не теряю!...
Робертъ, мой герцогъ! другъ мой!... Ты недавно

Мнѣ говорилъ на этомъ самомъ мѣстѣ,
 Что хочешь королю Рене открыться
 Во всемъ! Онъ здѣсь — и я признанья жду.

ГЕРЦОГЪ.

Но другъ мой! Здѣсь не время и не мѣсто.

ГОТФРИДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! теперь мнѣ некогда, Робертъ!
 Ты все узнаешь — Да! твое признанье
 И короля рѣшенье — дастъ мнѣ жизнь
 Иль смерть!...

ГЕРЦОГЪ.

Когда ты хочешь!... Государь!

Я ѣхалъ къ вамъ, чтобы изъ вашихъ рукъ
 Принять мнѣ обреченную невѣсту:
 Какъ рыцарь и властитель — долженъ я
 Исполнить обѣщаніе мое,
 И я его исполню! но я долженъ
 Признаться вамъ, что будучи ребенкомъ
 Съ Іолантой обреченъ, я возмужавъ,
 Всей пылкою душою полюбилъ
 Графиню Лотарингскую, Матильду.
 Теперь судьба моя у васъ въ рукахъ:
 Когда Іоланты сердце и рука
 Еще свободны и когда вы слово
 Лишь скажете — я завтра-же готовъ
 У алтаря соединяся съ нею,
 Дать клятву — сдѣлать счастливой ее...

КОРОЛЬ.

Благодарю васъ за признанье, герцогъ!...
 Я возвратилъ бы тоже и тогда
 Назадъ вамъ ваше слово, если-бъ сердце
 Іоланты не любило никого.
 Но дочь мою вы видѣли?

ГЕРЦОГЪ.

Я вмѣстѣ

Съ Готфридомъ въ садъ вошелъ и вмѣстѣ съ нимъ
 Іоланты красотою любовался!

КОРОЛЬ.

И вы отъ вашихъ правъ на дочь мою
 Готовы отказаться?

ГЕРЦОГЪ.

Я готовъ!

И спорныя всё земли отдаю
Я въ ленное владѣніе Готфриду!

КОРОЛЬ.

Графъ Водемонъ! Теперь зависѣть будетъ
Все отъ Иоланты — я отдаю ее
Согласенъ вамъ, когда ей возвратится
Даръ зрѣнія...

ГОТФРИДЪ.

Нѣтъ, государь! вы руку

Ея отдайте мнѣ, когда ей помощь
Врача безсилна будетъ — я хочу
Ея опорой быть и въ дни несчастья!

КОРОЛЬ.

Вы благородны, графъ! Но и тогда
Пусть дочь рѣшитъ! Я только согласиться
Могу на все, но принуждать не буду.

ГЕРЦОГЪ.

Что значитъ это, государь? ужели
Была слѣпа Иоланта?

КОРОЛЬ.

Да! судьба.

Ея теперь рѣшается, но я
Почти спокоенъ — Богъ ей посылаетъ
И въ самомъ горѣ — вѣрную опору!...

ГОТФРИДЪ.

Надѣйтесь, государь!... Смотрите! къ намъ
Бѣжитъ Бертранъ и вѣрно съ доброй вѣстью.

XI.

БЕРТРАНЪ, ПОТОМЪ МАРТА, за ними ЭВНЪ-ХАКІЯ и ЮЛАНТА.

КОРОЛЬ.

Бертранъ! скажи скорѣй! что дочь моя?

БЕРТРАНЪ.

Леченіе окончилось!... Но я
Отъ страха, отъ волненія, не могъ
Тамъ оставаться!... я еще не знаю
Чѣмъ кончилось!...

МАРТА (*вбѣгая быстро*).

Юланта видитъ, видитъ!

КОРОЛЬ.

Мой Богъ! за этотъ мигъ возьми остатокъ
Всей жизни старика!

ГОТФРИДЪ.

Благодарю,

Творецъ! о сколько счастья!

КОРОЛЬ.

Тише! тише!...

Ее сюда ведетъ нашъ добрый врачъ.

Эвнъ-Хакія приводитъ Юланту на аванъ-сцену, давая въ то же время знакъ, чтобы всѣ присутствующіе удалились въ глубину сцены; на аванъ-сценѣ почти совершенно темно, только вершины горъ освѣщены послѣдними лучами заходящаго солнца и по небу разлитъ красноватый свѣтъ вечерней зари.

ЮЛАНТА.

Гдѣ я? куда меня ведешь ты!... Дай,
О дай увидѣть мнѣ тотъ чудный день,
Который вдругъ блеснулъ передо мною
Въ минуту изцѣленья (*Эвнъ Хакія снимаетъ съ глазъ ея повязку*)
О!... опять

Невыносимый блескъ!... Гдѣ я?... что это?...

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

Твой садъ, твои деревья и цвѣты!

ГОЛАНТА.

Нѣтъ! нѣтъ! я ихъ не знаю! никогда
Здѣсь не была я!... О! какъ страшно мнѣ!
Какъ эти всѣ растенья жмутъ меня,
Тѣснить!... Смотри — какъ всѣ деревья эти
Обрушиться готовы на меня!...
Они меня задавятъ!... Поддержи!
Спаси меня!...

ЭБНЪ-ХАКІЯ, (указывая на небо).

Смотри туда!... Тебя

Не испугаетъ небо!

ГОЛАНТА.

О!... какъ высоко,
Какъ глубоко вверху тамъ, какъ свѣтло!
Что это? Богъ или только духъ Его,
Который наполняетъ цѣлый міръ?...

ЭБНЪ-ХАКІЯ.

То свѣтъ и небо!

ГОЛАНТА.

Небо!... погоди!...

На небѣ Богъ!... Ему я помолюся! (опускается на колѣна).
Невѣдомый, великій! Ты, Кого
Я знала въ темнотѣ моей — Творецъ!
Ты научи меня — узнать Тебя
И въ этомъ мірѣ свѣта!

ЭБНЪ-ХАКІЯ (даетъ знакъ, чтобы подошли
всѣ присутствующіе).

Посмотри

Теперь вокругъ себя!...

ЮЛАНТА (*всматриваясь въ окружающіхъ*).

Скажи, кто это,
Такіе-жъ люди, какъ и я, не правда-ль?

ЭВНЪ-ХАКІА.

Ты знаешь ихъ!

ЮЛАНТА.

Нѣтъ! я... я ихъ не знаю!...

КОРОЛЬ (*подходя*).

Юланта! и меня не знаешь ты?

ЮЛАНТА (*бросаясь къ нему на грудь*).

О, мой отецъ! по голосу, по чувству
Тебя узнала я!... О! будь моей
Защитой въ этомъ новомъ мірѣ свѣта!
Я здѣсь всему чужая, для меня
Все ново здѣсь!...

КОРОЛЬ.

Дитя мое! я старъ,
Я не могу тебѣ защитой быть;
Я лучшую сыскалъ тебѣ опору: (*подводя Готфрида*)
Вотъ кто тебѣ защитой въ жизни будетъ!

ЮЛАНТА.

Кто это?

КОРОЛЬ.

И его не знаешь ты?...

ГОТФРИДЪ.

Юланта!

ЮЛАНТА.

О! чей голосъ!... У меня
Онъ въ сердцѣ отозвался!... онъ открылъ мнѣ,
Что значить свѣтъ — и поняла Юланта,
Что сердца свѣтъ — любовь!

ГОТФРИДЪ (*падая предъ нею на ко-
льна*).

У ногъ твоихъ
Клянусь, что этотъ свѣтъ отнынѣ будетъ

Мнѣ въ жизни путеводною звѣздою.

(Юланта даетъ ему объ руки, которыя онъ прижимаетъ къ груди своей).

КОРОЛЬ (кладя имъ руки на голову).

О дѣти! дѣти! пусть васъ вѣчный Богъ
Благословить, какъ я благословляю!!..

(Занавѣсъ опускается.)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

САПОЖНЫЙ ШАРЯДЪ.

ПОВЕСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

И. С. ЮРЬЕВОЙ.

I.

ИТАЛЬЯНСКІЙ БУЛЬВАРЪ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1804 ГОДУ.

Часу въ двѣнадцатомъ дня Парижъ начинаетъ жить полною, свойственною только ему, уличною жизнію, потому что домъ для парижанина служить, большею частію, только мѣстомъ ночлега и отдыха, дѣла-же всѣ онъ начинаетъ и кончаетъ внѣ дома. Въ это время всѣ кофейни полны народомъ: иной за чашницей кофе, называемой тамъ почему-то полу-чашкою (*démi-tasse*), углубился въ чтеніе газеты, другой справляетъ тутъ-же свою корреспонденцію за дюжиной устрицъ и тотъ-же мальчикъ, который ему прислуживаетъ, опускаетъ письма его въ почтовой ящикъ, а такіе ящики въ Парижѣ вы найдете у каждой рестораціи, у каждой кофейни и гостиницы. На бульварахъ вы встрѣтите множество людей, толкующихъ объ очень серьезныхъ дѣлахъ, во время прогулки, и дѣла эти тутъ-же, мимоходомъ, и рѣшаются у перваго маклера или нотаріуса, живущаго на бульварѣ. Правда,

вы встрѣтите также много фланеро́въ, то-есть, людей, которые на бульварахъ убиваютъ время отъ нечего дѣлать; но гдѣ-же ихъ нѣтъ? Оттого въ Парижѣ улицы, бульвары и кофейни всегда кипятъ жизнью, что все почти народонаселеніе въ продолженіе цѣлаго дня живетъ внѣ дома.

Въ 1804 году коронація императора Наполеона привлекла въ Парижъ толпы иностранцевъ и безчисленное множество французо́въ, изъ провинцій. Одни видѣли въ возвышеніи его счастливый возвратъ къ монархической власти, другіе чувствовали, что въ дарованномъ ему скипетрѣ заключается залогъ прочности того мира и спокойствія, которые онъ цѣлительно пролилъ на бѣдную, истерзанную и трепещущую Францію.

Бульвары въ то время не совсѣмъ походили на нынѣшніе. Тогда не было еще множества великолѣпныхъ зданій, которые теперь возвышаются по этой чудной улицѣ; магазины не блистали еще нынѣшнею изысканностію и кофейни не выставляли на показъ своего баснословнаго богатства и своихъ картинныхъ красавицъ за прилавкомъ. Несмотря на то, улицы постоянно кипѣли народомъ, экипажи сновали безъ умолку и въ кофейныхъ и ресторанахъ раздавались повсюду веселый говоръ, споры, пѣсни и музыка. Но если съ-тѣхъ-поръ измѣнились роскошь и комфортъ парижской жизни, то сама жизнь за то нисколько не измѣнилась. И тогда, также, какъ и теперь, парижанинъ жилъ на улицѣ, предпринималъ дѣла гуляя, кончалъ ихъ шутя, и только опочить отъ труда приходилъ въ свой скромный уголокъ.

И такъ, часу въ двѣнадцатомъ, когда бульвары Парижа были покрыты толпою гуляющихъ, на самомъ многочислѣйшемъ изъ нихъ, то-есть, на Итальянскомъ, въ пестрой толпѣ мелькалъ мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, котораго бѣдная одежда и унылый, озабоченный взглядъ составляли довольно рѣзкую противоположность съ окружающимъ его довольствомъ и безпечностію.

Нѣсколько часовъ уже бѣднякъ не покидалъ бульвара, то уныло садился на скамейки подъ ливнями, то вдругъ вскакивалъ и, вмѣшавшись въ толпу гуляющихъ, боязливо осматривалъ окружающихъ, какъ-бы отыскивая кого-то. Въ это время потъ крупными каплями выступалъ на его блѣдномъ лицѣ, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять грустно возвращался къ своей скамейкѣ. Вдругъ въ одной изъ ближайшихъ отворенныхъ рестораций часы звонко ударили двѣнадцать разъ: этотъ звукъ, какъ электрическій ударъ, потрясъ маль-

чика и онъ быстро кинулся впередъ. Въ это время мимо его проходилъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати. Начиная съ щегольского галстука и безукоризненныхъ перчатокъ до маленькой ноги, обутой въ ярко вылощенный сапогъ, съ желтыми глянцовыми отворотами, одежда его была такъ изящно проста, взглядъ и манеры такъ благородны и пріятны, что мальчикъ, не останавливаясь ни на минуту, прямо подошелъ къ нему.

— Государь мой, сказалъ онъ ему шопотомъ, стыдливо озираясь, выслушайте два слова: у меня старикъ отецъ и маленькая сестра: они въ нуждѣ, въ-крайней нуждѣ.... Бога ради, помогите намъ! Голосъ мальчика дрожалъ, на блѣдныхъ щекахъ выступилъ яркій румянецъ.

Молодой человѣкъ взглянулъ на мальчика, молча вынулъ кошелекъ, и подалъ ему франкъ.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ! сказалъ мальчикъ, отскоча, какъ бы обожженный, я не прошу милостыни! Незнакомецъ остановился въ недоумѣніи. Мальчикъ продолжалъ: для милостыни этого много, для помощи мало. Видите-ли, сударь, прибавилъ онъ, боязливо оглядываясь кругомъ, если увидать, что я остановилъ васъ на улицѣ, меня посадятъ въ тюрьму; у насъ преслѣдуютъ лѣвѣевъ, которые хотятъ жить на чужой счетъ; но я не прошу милостыни. О! горько и страшно дожить до такого стыда.... Однако-жь, мнѣ надо-же помочь имъ....

— Что-же я могу сдѣлать для тебя, мой другъ, когда ты не берешь денегъ? спросилъ незнакомецъ.

— Много, очень много. Ради Бога, пойдемте со мною, взгляните на моего бѣднаго отца, и тогда.... Тутъ слова его были прерваны задушеннымъ рыданіемъ.

— Но для чего-же это, мой милый?

— Для того, сударь, чтобы вы не подумали, что я васъ обманулъ, что я прошу милостыни изъ лѣности.

— Мнѣ теперь некогда, мой милый, я послѣ какъ-нибудь зайду къ вамъ.

— Ахъ, сударь, произнесъ мальчикъ и въ отчаяніи закрылъ лицо руками.... послѣ, можетъ-быть, будетъ поздно.

Молодому человѣку стало жаль бѣдняка, и онъ спросилъ:

— Гдѣ-же вы живете?

— Не близко, отвѣчалъ мальчикъ, за Елисейскими Полями въ предмѣстіи, домъ № 110, спросите мастера Моле. Молодой человѣкъ записалъ адресъ и сказалъ: Ну вотъ я

теперь знаю, гдѣ ты живешь, и даже, можетъ быть, сегодня-же зайду къ вамъ.

Положивъ бумажникъ въ карманъ, онъ хотѣлъ уже идти, но взглянувъ печально на мальчика, онъ невольно остановился. Съ головой, опущенной на грудь, съ взглядомъ, полнымъ безумія и отчаянія, стоялъ онъ передъ нимъ, какъ осужденный на смерть.

— Другъ мой, сказалъ незнакомецъ, можетъ-быть тебѣ нужна сейчасъ-же помощь? Скажи мнѣ, въ чемъ дѣло, и я охотно готовъ на все, что могу.

— Да, сударь, проговорилъ чуть внятно бѣднякъ, мнѣ нужна помощь сей-же часъ.... они голодны! Понимаете-ли, они не ѣли со вчерашняго утра, и это съ ними теперь будетъ случаться часто, потому-что продать мнѣ больше нечего, а работать не могу. О, еслибъ я только могъ работать, тогда.... и глаза мальчика гордо засверкали.

— Но отъ чего-же ты не можешь работать? Кажется, ты молодъ, здоровъ.

— Этого мало. Для работы нужны матерьялы и снаряды.... А мой отецъ голоденъ, слышите-ли.... О! я бы кровью теперь заплатилъ за самый простой инструментъ: это все-таки легче, чѣмъ просить милостыню. И мальчикъ закрылъ глаза рукою.

— А какой тебѣ нуженъ инструментъ?

— Сапожный. Конечно, я бы могъ работать у хозяина, но тогда некому будетъ ходить за больнымъ и слѣпымъ моимъ отцомъ и за маленькою сестрою; оттого-то я и оставилъ мое мѣсто, а теперь не знаю, что и дѣлать.

— А дорого стоитъ сапожный снарядъ?

— Очень дорого, чтобы купить все необходимое для работы, нужно, по-крайней-мѣрѣ, десять франковъ.

Черезъ минуту бѣднякъ имѣлъ десять франковъ. Нѣтъ, нѣтъ, сударь, говорилъ онъ, хватая за руку молодаго чело-вѣка, готоваго удалиться: нѣтъ, ради Бога, пойдемте со мною! Не откажите мнѣ въ этой послѣдней милости, будьте до конца добры: лавка близко, купите мнѣ сами все, что нужно.

— Но для чего-же, мой другъ, вѣдь это все равно, ты купишь лучше меня.

— Нѣтъ, сударь; я хочу, чтобы вы видѣли, что я говорю правду, чтобы вы знали, что не бросили великодушно деньги, а дѣйствительно осыпали милости цѣлое семейство. О, теперь они не будутъ голодать, я буду работать, я самъ про-

кормлю ихъ, не прося ни у кого помощи; это будетъ нашъ собственный, кровный хлѣбъ, который можно съѣсть безъ стыда и безъ упрека. О, благодарю васъ, благодарю васъ! Мальчикъ плакалъ и смѣялся въ одно и тоже время. Восторгъ его доходилъ до безумія и многіе изъ гуляющихъ съ любопытствомъ начинали останавливаться предъ нимъ, но молодой человѣкъ успѣшилъ увести его съ бульвара, говоря: Такъ и быть, пойдемъ въ лавку! Но только поскорѣе: мнѣ некогда! — и оба исчезли въ толпѣ.

Не болѣе, какъ часа черезъ два, при входѣ въ Елисейскія Поля, со стороны Площади Побѣдъ, нѣсколько человѣкъ блузиновъ, двѣ торговки грушами и прехорошенькая гризетка окружали мальчика, сидѣвшаго на скамейкѣ и усердно чинившаго имъ башмаки. По мѣрѣ того, какъ кружокъ рѣдѣлъ, сунакоплялись въ карманѣ башмачника. Въ промежуткахъ, когда онъ оставался безъ работы, онъ проворно опускалъ руку въ карманъ своего истертаго сюртука, вытаскивалъ оттуда жалкій заработокъ, пересчитывалъ и шепталъ про себя: Если Господь пошлетъ еще нѣсколько, то для нихъ на нынче и довольно; а завтра, Богъ дастъ, опять заработаю! При этихъ словахъ лицо его дышало такою радостію, такимъ довольствомъ, что невольно можно было сказать со стороны: вотъ счастливецъ! А между тѣмъ, это былъ бѣднякъ, съ трудомъ могшій заработать столько хлѣба, чтобъ не дать отцу и сестрѣ умереть съ голоду; но у него совѣсть была чиста, душу грѣла вѣра въ Провидѣніе, а тѣло семнадцатилѣтняя кровь. Часа черезъ три мальчикъ снова перечелъ деньги и торжественно воскликнулъ: *конецъ!* всталъ, собралъ бережно свой инструментъ и скорыми шагами пошелъ или, лучше сказать, побѣжалъ къ предметію, за строившуюся тогда триумфальную арку *Звѣзды*.

Былъ душный лѣтній день. Часъ обѣда наступилъ. На бульварахъ, улицахъ, въ Тюильрійскомъ саду число гуляющихъ значительно зарѣдѣло. Къ этому, еще болѣе урочнаго часа, способствовала черная туча, которая, какъ бѣда на людей, явилась вдругъ, неожиданно и съ дальнимъ рокотомъ грома нависла надъ головами гуляющихъ. Все спѣшило укрыться, кто куда могъ и зонтики пришли въ движеніе. Подъ открытымъ небомъ оставались только люди, которые могли противопоставить грозящему дождю свое бѣдное одѣяніе, не боявшееся невзгодъ, или записные охотники до прогулокъ, которымъ отдаленность мѣшала достигнуть желаннаго пріюта; но и они спѣшили спрятаться, когда нако-

нець дождь, крупными каплями, застучалъ о землю, или подъ навѣсами подъѣздовъ или въ подворотни домовъ. Къ числу укрывавшихся принадлежалъ молодой человекъ, который задумчиво вышелъ изъ Тюльрійскаго сада, перешелъ площадь *Побѣды* (нынѣ *Согласія*), и скорымъ шагомъ сѣшилъ по длинной аллеѣ Елисейскихъ Полей. Была-ли это дума прошедшихъ, не сбывшихся надеждахъ, или мечта о будущей славѣ, или наконецъ воспоминаніе объ отдаленной отчизнѣ, объ тѣхъ, которые остались тамъ и къ которымъ рвется тоскливая душа, не смотря ни на новизну мѣстъ, ни на свѣжесть впечатлѣній, на даже ни красоту природы,—но дума его была такъ глубока, что онъ тогда только очнулся, когда дождь уже крупными каплями брызнулъ ему въ лицо. По примѣру другихъ, онъ почти бѣгомъ кинулся искать себѣ защиты. Кофейни были уже переполнены народомъ, продавцы стульевъ проворно убирали ихъ подъ деревья, штукари и публичные пѣвцы пестрой толпой убѣжали съ своихъ эстрадъ, все суетились, кромѣ нѣсколькихъ блузнаковъ и рыбной торговли, которые, укромно пріютясь подъ деревомъ, окружали сидящаго мальчика, лѣтъ семнадцати или восемнадцати, вокругъ котораго сапожные инструменты ясно показывали его ремесло. Работая усердно и не обращая ни на что вниманія, онъ въ тоже время уговаривалъ окружающихъ его подождать минутку: «Вотъ сейчасъ все будетъ готово; вѣдь нельзя-же вамъ съ худою обувью идти по слякоти; а здѣсь вы подъ деревомъ, все-таки лучше: пока я чиню, дождь пройдетъ, и вы на славу зашеголяете и сами скажете спасибо! ужъ почию на славу — въ десять лѣтъ не сносить! Вотъ, другъ, твой башмакъ и готовъ, какъ новенькій, и стоитъ вздора, всего пять су; теперь твоя очередь, пріятель, сказалъ онъ, обращаясь къ другому. — «Нѣтъ моя, перебила рыбацкая, что мнѣ развѣ здѣсьцѣлый вѣкъ ждать?» — Ваша будетъ сейчасъ, а притомъ же, я это дѣлаю для вашей пользы, скоро кончу — такъ дождь попортитъ вашъ чепецъ, что-жъ тутъ будетъ хорошаго?—Рыбацкая засмѣялась, а мальчикъ шутилъ и трудился, точалъ и насвистывалъ пѣсно, изрѣдка стараясь уговорить нетерпѣливую свою публику забавнымъ разсказомъ или ловкою прибауткою. Это былъ тотъ бѣднякъ, который еще наканунѣ, въ отчаяніи, просилъ помощи для своего семейства, на Итальянскомъ бульварѣ. Какъ мало иногда нужно для счастья человека, а подчасъ и для цѣлаго семейства!

Задумчивый молодой человекъ, проходя мимо этой груп-

пы, нечаянно взглянулъ на мальчика и улыбнулся. Онъ было остановился, но вдругъ, какъ бы пораженный внезапною мыслью, быстро вышелъ изъ аллеи, перебѣжалъ площадку, отдѣлявшую Елисейскія Поля отъ триумфальныхъ воротъ и укрылся тамъ отъ дождя, который въ это время полилъ, какъ изъ ведра. Народъ накоплялся подъ неоконченною аркою воротъ, которой лѣса и подмосты отлично защищали отъ ливня! Но посреди этой толпы, особенно хозяйничала дородная женщина, въ накрахмаленномъ чепцѣ съ яркими лентами и съ быстрыми, рысьими глазами. По видимому, это была прачка, потому-что возлѣ нея стояла огромная корзина бѣлья, которую она стерегла, какъ драконъ, отталкивая отъ своего сокровища тѣснившихся и громко покрикивая: «Ну, куда вы лезете, что за срамъ бояться дождя, а еще мужчины! я вотъ и дама, а ужъ вѣрно бы не спряталась отъ какихъ нибудь десятка капель, если-бъ не корзинка съ бѣльемъ, которую вы совершенно смяли.»

— А что за важность такая, твоя корзинка, потерпѣть и то не бѣда, чай не сахарная! Вѣдь это не человѣкъ, отвѣчалъ молодой блузникъ.

— Не человѣкъ! перебила прачка; эхъ ты, чудо заморское, да человѣкъ-то давно бы тебѣ, грубіяну, далъ туза, который ты заслужилъ невѣжливостію къ дамѣ, и котораго вѣрно испугался бы, потому что-ты трусъ; это видно изъ того, что обижаешь слабыхъ.

— Нѣтъ, сударка, отвѣчалъ блузникъ, меня на такія штуки не поддѣнешь, и подъ дождь не выгонишь. Кабы ты была мужчина, я бы тебѣ показалъ труса,—а чепцовъ я не мну: это не по моей части! — и онъ, при общемъ смѣхѣ, еще двинулся къ корзинкѣ съ бѣльемъ.

На этотъ разъ бѣдная женщина не шутя испугалась; она чуть не плакала, повторяя ежеминутно: «Боже мой, все измялъ, измочилъ, съ блузы-то течетъ, какъ съ вынырнувшей шавки, а тутъ однихъ дровъ пошло на цѣлый франкъ.»

Молодой человѣкъ, который первый занялъ мѣсто подъ воротами, и которому было едва-ли лучше, чѣмъ корзинкѣ, съ сожалѣніемъ взглянулъ на бѣдную женщину, и съ трудомъ отдѣляясь отъ стѣнки, къ которой былъ прижатъ, сказалъ ей: Поставь, милая, свою корзинку на мое мѣсто, ей тутъ безопаснѣе.

— Ахъ, сударь, какъ вы добры, говорила прачка, перемывая корзинку; вотъ и видно, что хорошій господинъ, не то, что какіе нибудь невѣжды да грубіяны! Имъ бы еще

радоваться, что хоть дождь ихъ немножко поумоетъ; такъ итъ, тоже лѣзутъ прятать свою изношенную шкуру, да тѣснять порядочныхъ людей! Окружающіе громко хохотали; но прачка, не обращая на нихъ вниманія, обернулась къ незнакомому ей господину: «Вы, сударь, вѣроятно французъ? О, вы французъ, я въ этомъ увѣрена, и должно быть изъ самаго высшаго круга, это доказываетъ ваша любезность съ дамами и гофренныя манжеты: мы вѣдь знаемъ. Я бы, въ свою очередь, хотѣла тоже сдѣлать вамъ что нибудь угодное и если случится что поисправить, подсинить, подкрахмалить—незабудьте Магдалину Ларошъ, которая, смѣло могу сказать, моетъ и чиститъ, и гофритъ бѣлье, лучше всякихъ новомодныхъ машинъ, которыя только на то и выдуманы, чтобы хлѣбъ отбивать у честныхъ людей. Если вамъ будутъ нужны мои услуги, я за честь почту служить вамъ. Мой адресъ очень легко запомнить: спросите только здѣсь въ предмѣстїи, тетку Ларошъ, вамъ всякій укажетъ, да и домъ-то не хитрый № 110.» Мужчина, къ которому обращалась прачка, проворно вынулъ бумажникъ, взглянулъ въ него и спросилъ: — № 110? а не знаешь-ли, милая, у васъ въ домѣ, кажется, живетъ одинъ бѣднякъ, Моле?

— Моле? перъ Моле! какъ не знать! А вы его давно знаете? можетъ быть, покупали у него прежде что нибудь: у него всегда былъ славный табакъ.

— Нѣтъ; но я знаю его сына; онъ на меня работалъ.

— Да, это вѣрно, когда онъ былъ еще у хозяина; славный мальчикъ и добрый сынъ! жалко было смотрѣть на него, когда онъ ухаживалъ за больнымъ отцомъ.

— Но отчего они дошли до такой крайности? спросилъ незнакомый господинъ съ любопытствомъ.

— Отчего? отвѣчала прачка, ужъ могу васъ увѣрить, добрый господинъ, что это была не ихъ вина. Вотъ, какъ теперь смотрю на папа Моле; стоитъ, бывало, у своей лавчонки, довольный, веселый, и ждетъ своего мальчугана изъ школы. А мальчикъ-то славно учился, даже нашъ аббатъ, когда бывало увидитъ его, всегда обласкаетъ и отцу говаривалъ: береги, старикъ, сына и благодари за него Бога, у него сердце на мѣстѣ и голова въ порядкѣ! Да этого и совѣтовать было вовсе не нужно: ужъ больше любить и беречь дѣтей, какъ ихъ берегъ папа Моле — невозможно. Жили они славно; по воскресеньямъ въ ресторанѣ обѣдали. Мамъ Моле вела домъ, а онъ торговлю. Бывало, какъ окончатъ дѣла и сойдутся всѣ вмѣстѣ, такъ любо со стороны

взглянуть — вокругъ все въ порядкѣ, все чисто, сами хозяева довольны, дѣти веселы, а коли, бывало, придешь за чѣмънибудь во время обѣда, то для знакомаго и сосѣда отыщется и стаканъ добраго бургонскаго. Ужъ безъ бутылочки за столъ не садилась. Добрые люди были. А повѣрите-ли, сударь, вѣдь ему никто почти не завидовалъ, да и что было завидовать, онъ своимъ трудомъ наживалъ хлѣбъ и наживалъ честно. О! что до этого, такъ честнѣе папа Моле и въ Парижѣ-то другаго не отыщите—онъ даже вошелъ въ половицу у сосѣдей. Если, бывало скажутъ про кого: онъ честенъ, какъ Моле, то ужъ это значило — на чистоту, хоть душу довѣрай.

— Но зачѣмъ же онъ отдалъ сына въ мастерство, а не приучалъ его къ торговли?

— Ну вотъ подите! отвѣчала прачка. Мы тоже говорили, но Моле судилъ по своему: мастеровой, говорить, можетъ всегда торговать, коли захочетъ, а торговецъ не всегда знаетъ какое нибудь мастерство; а кто знаетъ, чѣмъ придется хлѣбъ добывать? — Ну, оно такъ и вышло. Изъ школы онъ отдалъ мальчика къ знакомому сапожнику, а когда бѣ не отдалъ, то теперь всѣ умерли бы съ голоду.

— Но отчего-же они обѣдиѣли?

— А, это другая пара маншетъ, отвѣчала прачка, которая, какъ женщина, да еще и француженка, любила поболтать. Случай, просто случай! продолжала она. Одинъ разъ ночью насъ всѣхъ разбудилъ ужасный шумъ; векакиваемъ: Боже мой, на дворѣ такъ свѣтло, какъ днемъ! «Пожаръ, пожаръ!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. Мы кинулись вонъ изъ домовъ; горѣло очень близко, почти что полъ бокомъ, дома чрезъ четыре, именно, гдѣ жилъ папа Моле. Ахъ, Господи, и теперь страшно вспомнить! Домъ-то, знаете, былъ старый, внутри все деревянныя постройки, его обхватило пламя очень скоро, и лавочки и всего хозяйства честнаго папа Моле, какъ не бывало! Конечно, кое-что сосѣди вытащили, но онъ потерялъ самое дорогое, потерялъ жену.... Когда загорѣлся домъ, всѣ спали, и Моле проснулся, когда комната была уже полна дыму; онъ кинулся къ женѣ и дочери; почти нагѣ выбѣжали они на улицу. Моле только успѣлъ захватить съ собою ящикъ съ небольшими деньжонками, которыя у него водились. Ну, разумѣется, сосѣди кинулись спасать, кто что могъ; вдругъ слышимъ крикъ: Гдѣ жена? гдѣ г-жа Моле?— «Маменика!» кричала дѣвочка, но г-жа Моле не откликалась, она съ сосѣдами тоже было по-

бѣжала спасать, что можно; но обезсилѣвъ отъ страха и дыма, не могла найти выхода и обрушилась вмѣстѣ съ обгорѣвшими балками. Всѣ безъ исключенія кинулись ее спасать; но какъ войти въ эту печь? никто не рѣшился. — И вотъ Моле, блѣдный, отчаянный, полупомѣшанный, набросивъ на себя мокрое сукно, вкочилъ на окно, и въ одинъ мигъ исчезъ въ развалинахъ и пламени. Разумѣется, воды тутъ не жалѣли; чрезъ минуту онъ показался въ окнѣ, окруженный пламенемъ, съ женою на рукахъ; огонь, извиваясь вкругъ ихъ длинными языками, такъ и хотѣлъ поглотить обонхъ; но сотни рукъ протянулись на помощь. Наконецъ онъ выскочилъ; паръ отъ мокраго сукна поднимался столбомъ, еще минута и старикъ Моле не вынесъ бы жара и самъ бы упалъ въ огонь, не спасши жену; да впрочемъ спасти ее и нельзя было, мужъ жертвовалъ собою даромъ. Полуобгорѣлая, почернѣвшая отъ жара и дыма, бѣдная лежала на улицѣ безъ чувства, и когда Моле пришелъ въ себя, она уже кончалась. Жалко было смотрѣть на маленькую Луизу, дочь Моле: босая, въ одной рубашонкѣ, она съ ужасомъ жалась ко всѣмъ окружающимъ, закрывая лицо рученками, чтобъ не видѣть матери, которая за нѣсколько часовъ еще укладывала ее спать съ молитвою и благословеніемъ. Ахъ, сударь, ужасно и вспомнить! А вотъ вѣдь мы и всѣ такъовы: думаемъ объ завтра, а не ждемъ, не чаемъ, что еще будетъ сегодня! А тутъ еще иной разъ загадываешь: дай-ка я вотъ насолю сосѣдкѣ или устройю такую-то штучку. Глядь, а самъ и попадешь въ яму, прежде другаго.

Разсказчица вздохнула и на минуту замолкла.

— Бѣдное семейство! произнесъ съ участіемъ молодой человекъ.

— Да, сударь, ужъ подлинно бѣдное! подхватила опять прачка. На другой день, когда Моле пришелъ въ себя, и увидѣлъ, что онъ сирота и нищій, на него было страшно смотрѣть; онъ постарѣлъ, исхудалъ въ одну ночь, какъ иной не постарѣетъ въ цѣлый годъ страданій. Дикій, бессмысленный взглядъ его, заставилъ насъ бояться заего разсудокъ, но Богъ умилосердился и разсудокъ уцѣлѣлъ; только глаза его, пострадавшіе отъ огня и сильнаго воспаленія мозга, потухли навсегда: онъ ослѣпъ. Бѣдный мальчишка его принужденъ былъ оставить свое мастерство и хозяина, чтобъ водить слѣпаго отца ко всѣмъ, кому онъ былъ долженъ. Сами знаете, въ торговлѣ не безъ кредита.... старикъ изъ спасенныхъ денегъ платилъ всѣмъ, что могъ. — Многие, правда, не взяли,

но за то съ прочими онъ раздѣлялся на чисто и самъ остался ни при чемъ.

— Честный человѣкъ! сказала вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Гм! продолжала расказчица, одушевленная тѣмъ, что ее слушаютъ, честный! мало того, что честный, ужъ чрезъ чуръ честенъ, до глупости честенъ! Онъ даже продалъ все, что удалось спасти, и деньги отдалъ — а вещи-то все были прекрасныя. Ну и я, чтобы помочь бѣдняку, тоже купила у него, почти за безцѣнокъ, прекрасную шаль его жены; почему, думаю себѣ, не сдѣлать добраго дѣла: надо помогать ближнему.

— Но чѣмъ же они жили? спросилъ съ состраданіемъ незнакомый господинъ.

— Чѣмъ? да сперва тѣмъ, что осталось отъ уплаты долговъ, правда и осталось — то почти ничего; а потомъ.... Тутъ прачка прищелкнула пальцами и прибавила: а потомъ.... какъ водится, и сѣли на мель — продать нечего, ѣсть надобно, да еще и дѣвочка захворала.... голодно, голо, знаете.... Бѣдный мальчишка былъ въ отчаяніи, оставить слѣпаго отца нельзя, работать не чѣмъ, и шила-то купить не на что, не токмо товару или тамъ чего другаго... — Такъ прошло нѣсколько времени; онъ для сосѣдей дѣлалъ все, что ни заставляли, за нѣсколько су; да вѣдь иной разъ дѣла-то нѣтъ, тогда — голодали. Вдругъ, одинъ разъ прибѣгаетъ онъ домой счастливый, веселый. Старикъ сидѣлъ тогда съ ребенкомъ на рукахъ у порога; онъ кинулся къ нему съ крикомъ «Батюшка! теперь у насъ будетъ хлѣбъ, у меня есть инструментъ, я буду работать! о! мы будемъ сыты!» Какой-то господинъ, видите-ли, купилъ ему инструменты для работы и на товаръ далъ. Богъ знаетъ, такъ-ли это, а только онъ принесъ всего франковъ на десять, коли не больше; мудрено, чтобы, такую сумму рѣшилъ ктонибудь подарить — шутка! десять франковъ! Иногда сколько работаешь за этакія деньги, а ему, вишь-ли, подарили, — мудрено. Ну, да Богъ съ нимъ, тамъ пускай онъ самъ рѣшаетъ съ своей совѣстью!...

Злословіе и зависть, при воспоминаніи удачи ближняго, — полились изъ сердца разсказчицы и заставили ее забыть все несчастіе бѣдняковъ.

— Да, ему дѣйствительно были подарены инструменты, я это знаю, прервалъ прачку молодой незнакомецъ; онъ самъ мнѣ объ этомъ сказывалъ и стыдно сомнѣваться въ его честности и предполагать чтонибудь....

— О, сударь, отвѣчала прачка, немного сконфуженная, — я

и не сомнѣваюсь; Моле честный милый—но вѣдь вы знаете, горе, нужда иногда доводятъ и до....

— Честнаго человѣка горе можетъ довести до отчаянія, до могилы; но никогда до преступленія!—И желая положить конецъ этому разговору, тѣмъ болѣе, что дождь уже почти прошелъ, молодой человѣкъ спросилъ: далеко-ли отсюда домъ, гдѣ живетъ старикъ Моле?

— О, сударь, отвѣчала прачка, очень близко; если вамъ угодно; то я провожу васъ; мнѣ же надо вернуться домой и поправить кое что—потому-что, благодаря нѣкоторымъ неотесаннымъ людямъ—она оглянулась было на тѣснившаго ее такъ блузника, но онъ уже ушелъ, и его примѣру послѣдовали большая часть изъ укрывавшихся.

Дождь освѣжилъ душную атмосферу; прохладный вѣтерокъ прорывался въ эти безконечно узкіе корридоры, называемые въ Парижѣ улицами и радостно прохладядалъ и живилъ прохожихъ. Жители предмѣстія опять толпою выхлынули на улицы и жизнь, суетливая, хлопотливая, вновь закипѣла повсюду. Только одинъ человѣкъ, повидимому, не принималъ малѣйшаго участія въ окружавшей его дѣятельности. Это былъ старикъ, блѣдный, худой, съ совершенно сѣдою головою. Судя по чертамъ, его состарило не время, а тяжкія жизненные волненія. Онъ сидѣлъ на каменной скамьѣ возлѣ воротъ высокаго, закоптѣлаго дома, который весь былъ испещренъ вывѣсками мелкихъ торговцевъ; онъ грустно поникъ головою и безумно хранилъ глубокое молчаніе. Ни шелестъ вѣтерка, который вѣя прохлагою ему въ лицо, шевелилъ его сѣдые волосы, ни говоръ и смѣхъ проходящихъ, ничто не извлекало его изъ унылой задумчивости и не вызывало улыбки на его прекрасное лицо, на которое сама природа положила яркое клеймо ума и добродушія.

Довольно долго старикъ сидѣлъ, погруженный въ свои думы, какъ вдругъ голосокъ дѣвочки, ребенка лѣтъ шести, вывелъ его изъ задумчивости, и вызвалъ жизнь на безчувственное лицо. — «Папа! прозвучалъ возлѣ старика нѣжный голосокъ малютки, выбѣжавшей изъ воротъ, вотъ я совсѣмъ готова, пойдемъ же, я тебя поведу немного погулять.»

Руки старика протянулись въ ту сторону, гдѣ было дитя, и послѣ нѣсколькихъ движеній по воздуху, опустились на голову ребенка, и глаза безъ свѣта по привычкѣ устремились на него; но вѣчный мракъ закрывалъ для него милыя черты, и только осязая ихъ, онъ могъ составить себѣ понятіе о теперешней наружности ребенка: старикъ былъ слѣпъ.

Медленно и нѣжно обводилъ онъ руками кудрявую головку и плечики дочери, говоря: «Да, да, головка гладенькая, ну, и все прочее тоже, кажется, въ порядкѣ — а гулять-то мы съ тобой не пойдемъ.» — Отчего же, папа? — «Оттого, что мокро, я думаю, послѣ такого сильнаго дождя. Да надо и брата дожидаться, его съ утра нѣтъ, а дождь вѣрно не пощадилъ его»... и старикъ глубоко вздохнулъ. — Такъ, что же, отвѣчала дѣвочка, которой видимо хотѣлось погулять, мы его на дорогѣ встрѣтимъ, вѣдь я знаю, гдѣ онъ сидитъ, мы приведемъ его домой, а на улицѣ, право, не мокро. Не вѣришь, ну, вотъ спроси у сосѣдки Ларошъ, вонъ она несетъ свою корзинку, и разговариваетъ съ какимъ-то господиномъ.

Дѣвочка прибавила эти послѣднія слова оттого, что привыкла замѣнять зрѣніе отцу. Вслѣдъ за тѣмъ раздался голосъ Магдалины Ларошъ: — «Папа Моле! вотъ я привела къ вамъ гостя, который желаетъ съ вами поговорить.» Старикъ Моле, — это былъ онъ, — тихо приподнялся и почтительно поклонился въ ту сторону, откуда слышались голоса.

— Извините, сударь, я слѣпъ и не могу видѣть васъ, хоть можетъ быть прежде и имѣлъ удовольствіе съ вами встрѣчаться. Что доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія? — Голосъ старика былъ такъ мягокъ, выраженія и манеры такъ приличны и благородны, что невольно внушали къ нему уваженіе.

— Не беспокойтесь, г-нъ Моле, садитесь, садитесь, пожалуйста! отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ состраданіемъ глядя на слѣпца. Вы меня не знаете; но сынъ вашъ прежде работалъ на меня.

— Что же, прервалъ его старикъ, онъ и теперь можетъ опять служить вамъ, сударь! Теперь онъ можетъ работать, если вамъ будетъ угодно заказать ему; только не знаю, какъ онъ справится съ товаромъ; вѣдь его заработокъ мы, сударь, сѣдаемъ.... Онъ еще такъ молодъ, почти дитя, а принужденъ уже кормить насъ! — Послѣднія слова какъ будто невольно сорвались съ его языка.

— Именно, я за тѣмъ и пришелъ, отвѣчалъ незнакомецъ. Онъ нуждался въ деньгахъ на товаръ, вотъ я и принесъ ему, что слѣдуетъ. Работа мнѣ не къ спѣху; если нужно, пусть онъ употребитъ эти деньги на другіе нужнѣйшіе заказы, а когда мнѣ будетъ нужно, я его увѣдомлю. Незнакомецъ вынулъ изъ бумажника два наполеондора и положилъ ихъ въ руку старика.

— Но позвольте мнѣ, сударь, узнать ваше имя, чтобы сказать сыну объ вашемъ посѣщеніи.

— Вашъ сынъ сегодня меня видѣлъ; онъ будетъ знать, отъ кого деньги. Я тороплюсь и васъ не хочу отвлекать отъ вашихъ занятій. Прощайте! и незнакомецъ поспѣшно удалился.

Моле держалъ еще въ раздумьи деньги въ рукѣ, какъ Луиза сказала ему: Папа, этотъ господинъ, кажется, потерялъ вотъ эту бумажку, когда доставалъ деньги.

— Какую бумажку? спросилъ слѣпой.

— А вотъ какую, и дѣвочка подала отцу свою находку.

Моле ошупалъ бумажку и сказалъ: это, должно быть, визитная карточка; а что, можно догнать его? спросилъ онъ Луизу.

— Не знаю, папа, онъ скоро пошелъ, да и народу много на улицѣ.

— Ну, сказалъ старикъ, положимъ брата и отладимъ ему.

Было уже около пяти часовъ. Старикъ собирался въ свою комнату. Маленькая Луиза готовилась вести его.

Но вдругъ изъ-за угла ближней улицы показался молодой Моле.

— Папа! папа! братъ идетъ! братъ! закричала дѣвочка и старикъ снова опустился на скамью. Раскланиваясь съ сосѣдями и насвистывая пѣсню, весело подошелъ мальчикъ къ отцу и сестрѣ, которые съ нетерпѣніемъ его поджидали.

— Добрый вечеръ, батюшка, здравствуй Луиза! говорилъ онъ, взявъ дѣвочку на руки; и малютка, обвивъ рученками шею брата, кричала: А у насъ былъ гость! а онъ намъ что-то далъ. .. А знаешь-ли что, Жоржинька?

— Не знаю, сказалъ смѣясь Жоржъ, что онъ тебѣ далъ, а вотъ, что я тебѣ дамъ гостинецъ, это знаю! И онъ вытащилъ изъ кармана сладкій пирожокъ и подалъ дѣвчкѣ. — Ну, батюшка, сегодня былъ славный девекъ, почаще такіе, такъ и хорошо-бы. У! мнѣ кажется, что у цѣлаго Парижа сегодня поистерлась обувь. Народъ все бѣгаетъ любоваться на Императора, ну, и ступаетъ подошвы, а нашему брату любо.... Да здравствуетъ Бонапартъ! съ нимъ сапожники не помрутъ съ голоду. Зато, батюшка, у насъ сегодня праздникъ! Вотъ я и вамъ припасъ гостинецъ, вы давно этого не отвѣдывали, извольте-ка! И онъ съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ вложилъ въ руки слѣпому бутылку бургонскаго. Когда рука старика коснулась бутылки, онъ быстро поднялъ голову и вперилъ безсвѣтныя глаза въ сына, какъ-бы силась

прочитать въ истомленныхъ чертахъ юноши, сколько труда и лишений было ему принесено въ даръ, но лишенный возможности видѣть это счастливое лицо, онъ только спросилъ:— «А ты самъ бѣлъ сегодня?»—Эге, отвѣчалъ молодой человекъ, смѣясь и обнимая отца, да еще какъ славно! за четверыхъ, то-есть, вотъ какъ! Потому-то я и сказалъ себѣ: «Ты Жоржъ, сегодня славно работалъ, много досталъ, самъ сытъ выше ушей, нужно, чтобы и дома всѣ были такъ же довольны. Вотъ я и купилъ бутылочку, чтобы вы, батюшка, подкрѣпили силы! Вамъ это нужно, говоритъ докторъ. Да къ тому-же вы еще не осушили ни одного стаканчика за здравіе новаго Императора.

— Спасибо! произнесъ отецъ, пожимая руку сына; но въ этомъ *спасибо* было столько грусти и восторга, столько любви и благословеній, что это, отцовское спасибо трудящемуся сыну непременно долетѣло до неба, какъ теплая молитва.

А вотъ и еще, продолжалъ Жоржъ. Не взыщите только, это остаточекъ;—и онъ проворно опустилъ руку въ тошій карманъ и нѣсколько мелкихъ монетъ перешли изъ него въ дрожащую отъ волненія руку старика.—Да, прибавилъ онъ, я сегодня очень доволенъ, и за все это, награди Богъ того, кто далъ мнѣ средство заработать кусокъ хлѣба... и онъ набожно приподнялъ свой картузь.

— Ахъ да, я было и забылъ, сказалъ старикъ Моле; къ тебѣ приходилъ какой-то господинъ, у котораго ты былъ, кажется, сегодня — онъ тебѣ принесъ деньги на товаръ.

— Господинъ! какой господинъ? Я сегодня ни у кого не былъ! отвѣчалъ съ удивленіемъ Жоржъ.

— Или вчера, сказалъ старикъ; но только вотъ, что онъ велѣлъ тебѣ отдать. И онъ подалъ сыну деньги.

— Сорокъ франковъ! Это, батюшка, не мнѣ, это вѣрно ошибка, говорилъ Жоржъ, я не знаю никакого господина и ни къ кому не ходилъ.

— Однакоже, мой другъ, отвѣчалъ отецъ, онъ именно тебя спрашивалъ.

— Кто это? подхватила старуха Ларошъ, выходя изъ дома, съ полною опять карзинкою бѣлья.— Давишій господинъ, что-ли? Жаль, что я не могла остаться съ вами и поговорить; да эти невѣжды смяли у меня все бѣлье, надо было поправить и сегодня-же разнести. А ужъ славный господинъ, ласковый, добрый такой. Бѣлье все на немъ голланд-

ское, тонкое такое! Вотъ-бы достать его практику. Помоги, Жоржъ! Гдѣ онъ живетъ? кто онъ?

— Да я не знаю, отвѣчалъ съ большимъ недоумѣніемъ молодой Моле, объ комъ вы говорите? Даже не могу придумать.

— А онъ объ васъ очень спрашивалъ, говорила Магдалина, онъ очень интересовался вашимъ положеніемъ. Ну, ужъ я, разумеется, постояла за своихъ и услужила сосѣдямъ, чѣмъ могла; а ужъ какъ вѣжливъ-то, тотчасъ видно, что образованный человѣкъ! Свой зонтикъ предлагалъ.... просто прелесть! Любезностямъ и комплиментамъ конца цѣтъ, знаетъ, какъ обходиться съ дамами.... Я подъ триумфальными воротами стояла съ нимъ болѣе часа—и простояла бы, пожалуй, цѣлый день: такой, право, увлекательный!

— И онъ вамъ говорилъ, что знаетъ насъ? спросилъ Жоржъ.

— Вѣроятно знаетъ; потому-что вашъ адресъ у него былъ записанъ.

При этомъ словѣ, молодой Моле схватилъ себя за голову. Нашъ адресъ.... ахъ, Боже мой, неужели?— Ради Бога, сосѣдка, скажите, каковъ онъ собою?

— Красавецъ, молодъ, пылокъ, любезенъ, то-есть такъ, что хотъ расцѣловать! отвѣчала съ жеманной сентиментальностію Магдалина.

Жоржъ съ нетерпѣніемъ отъ нея отвернулся, и схватилъ за руку свою сестру:

— Скажи Луиза, каковъ собою тотъ господинъ, что былъ здѣсь?

— Тоненькій, высокій, въ очкахъ, отвѣчала дѣвочка.

Кровь огненной лавой прихлынула къ головѣ Жоржа, и онъ, закрывъ лицо руками, со стономъ опустился на скамью.

Всѣ кинулись къ нему съ вопросами: «что съ вами?»

Но онъ, не отвѣчая ни кому, твердилъ только:

— Онъ, онъ! Ахъ, Боже мой, а меня не было дома.... ахъ, я несчастный!

— Но кто же онъ? спрашивалъ встревоженный отецъ.

— Тотъ, батюшка, кто купилъ мнѣ инструментъ, кто даже сегодня—но взглянувъ на Магдалину, онъ остановился и прибавилъ только,—былъ у васъ. И я его не видалъ, можетъ-быть, не увижу никогда, не скажу ему того, что чувствую! Ахъ, это ужасно! почти со слезами говорилъ бѣдный мальчикъ. Парижъ великъ, гдѣ онъ живетъ, я не знаю;

какъ его зовутъ, тоже не знаю.... и онъ съ тоскою глядѣлъ въ даль.

— Ахъ, постой.... произнесъ вдругъ старикъ, проворно опуская руку въ карманъ, — вотъ, Луиза нашла какую-то карточку, которую, вѣроятно, онъ обронилъ: посмотри, что это такое?

Мальчикъ жадно схватилъ билетикъ, на которомъ мелко были напечатаны два слова. Это была визитная карточка.

Дрожа отъ волненія и радости, молодой Моле съ какимъ-то благоговѣнiемъ прочиталъ имя и фамилю незнакомца. Если-бы кто въ эту минуту взглянулъ на лицо Жоржа, на его дикій восторгъ, на прыжки, которые онъ дѣлалъ, то вѣрно бы, въ нашъ денежный вѣкъ, сказалъ, что онъ нашелъ миллионъ. А онъ только нашелъ простую бумажку, на которой было имя человѣка, сдѣлавшаго ему добро. Жоржъ, прыгая и цѣлуя отца, Луизу и даже госпожу Ларошъ, твердилъ только: Нашелъ, нашелъ, знаю, знаю!

— Гдѣ же онъ живетъ? спросилъ отецъ. Эти слова оставили Жоржа, и онъ, вдругъ присмирѣвъ, печально сказалъ: «Не знаю; но потомъ, помолчавъ съ минуту, онъ прибавилъ— но буду знать, увѣрю васъ, батюшка, что найду его, если-бы мнѣ для этого пришлось обойти весь Парижъ, спрашивать въ каждомъ домѣ, но я найду его.

— Фамиля, произнесъ старикъ Моле, иностранная, это не французъ, это иностранецъ, должно быть.

— Ну, ужъ извините, папа Моле, сказала въ свою очередь Магдалина, это французъ и изъ самаго знатнаго круга; я это знаю, я видала знатныхъ; это придворный, ужъ повѣрьте мнѣ, онъ навѣрное живетъ въ Шоссе-Д'Антенской улицѣ, ищи его тамъ Жоржъ.

Но Жоржа уже не было. Влекомый чувствомъ, которое наполняло въ эту минуту всю его душу, онъ незамѣтно скрылся. Безсознательно, слѣдуя порыву сердца, онъ отправился отыскивать человѣка, помогающаго его семейству.

—

День клонился къ вечеру. Жизнь парижанъ въ это время обыкновенно сосредоточивается у подъѣздовъ театровъ, которые въ Парижѣ, въ самомъ центрѣ города, можно считать десятками. Безконечныя ке или хвосты жаждущихъ зрѣлищъ тянулись у кассъ, и тогда только прекращались, когда изъ завѣтнаго окна раздавался голосъ: «Господа! на

сегодняшній вечеръ мѣсть болѣе нѣтъ.» Тогда нетерпѣливая толпа съ шумнымъ ропотомъ разсыпалась въ разныя стороны искать въ другихъ мѣстахъ развлечения. При такой жаднѣ къ театральнымъ представленіямъ, очень натурально всё дома пустѣли; каждый, даже небогатый человѣкъ, оконча денной трудъ, и если отъ этого труда у него оставался лишній франкъ, сѣдѣлъ въ театрѣ. Въ особенности гостинницы, всегда наполненныя путешественниками, — изъ которыхъ многіе одинъ только разъ въ жизни имѣли возможность прокатиться по Европѣ и потому торопились видѣть все и всёхъ — были оставляемы своими временными жильцами и на нѣсколько часовъ отдыхали, вмѣстѣ съ своими привратниками и слугами, отъ шума, говора, смѣха и бѣготни. На этомъ основаніи и г. Мюнье, привратникъ отеля де Лондръ, оконча свои занятія, опочивалъ на лаврахъ возлѣ лѣстницы въ маленькой, чистенькой коморкѣ, которую онъ называлъ своей комнатою. Правда, по временамъ, покой его нарушался легкимъ стукомъ въ маленькое окно, въ которое ему подавали то письмо, то визитную карточку, если на вопросъ извнѣ: «Дома-ли г-нъ тотъ-то, или такой-то?» Мюнье лаконически отвѣчалъ: Вышелъ!

Систематически и аккуратно разложивъ посылки, письма и карточки по ящикамъ, подъ номерами тѣхъ, къ кому они были адресованы, Мюнье опять садился въ свои кресла и принимался за газету. Но вотъ снова послышался стукъ. Окно отворилось.

— Что угодно? спросилъ привратникъ.

— Позвольте узнать, не здѣсь-ли живетъ вотъ этотъ господинъ? послышался голосъ снаружи, и вслѣдъ за тѣмъ протянулась къ Мюнье рука съ визитною карточкою. Мюнье взялъ карточку, прочиталъ и сказалъ: «Здѣсь, въ № 8.»

— Слава Богу! произнесъ голосъ, наконецъ-то я нашелъ! Мюнье выглянулъ въ окно и увидѣлъ юношу, лѣтъ семнадцати. Усталый видъ и запыленная обувь ясно свидѣтельствовали, что онъ былъ на ногахъ въ продолженіе многихъ часовъ.

— Можно его видѣть?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Мюнье: его нѣтъ дома; а завтра рано утромъ онъ уѣзжаетъ изъ Парижа.

— Завтра? уѣзжаетъ! воскликнулъ юноша, будто пораженный громомъ. Ахъ, сударь, ради Бога, доставьте мнѣ случай его увидѣть; я не знаю, что со мною будетъ, если

я его не увижу! Вотъ уже болѣе недѣли я хожу по Парижу и ищу его; я перебивалъ вездѣ, наконецъ мнѣ сказали, что вѣроятно это иностранецъ, и я обошелъ всѣ гостиницы, и когда нашелъ его, то онъ.... Ахъ, сударь, я непременно долженъ съ нимъ увидѣться.

Огонь, горѣвшій въ глазахъ мальчика, его живыя тѣлоденія заинтересовали Мюнье и онъ спросилъ съ любопытствомъ: А на что онъ тебѣ такъ нуженъ, дружокъ?

— Мнѣ? На что онъ нуженъ! О! сударь, это тайна....

Въ эту минуту у двери раздался голосъ: *le cordon S'il vous plait!* и къ окну подошелъ статный молодой человекъ. — Мой ключъ, любезный Мюнье! сказалъ онъ привратнику. Не былъ ли у меня кто нибудь?

— Кромѣ вотъ этого мальчика, никто не приходилъ.

Подошедшій оглянулся: передъ нимъ стоялъ Жоржъ. При самомъ входѣ, юноша узналъ того, кто такъ великодушно помогъ ему и его семейству. Онъ было хотѣлъ кинуться къ нему, но не могъ, хотѣлъ въ эту минуту говорить и тоже не могъ, а когда молодой человекъ взглянулъ на него, онъ только въ состояннн былъ пролепетать: «Ахъ сударь.... Ахъ, Боже мой! Какъ я счастливъ».... Слезы помѣшали ему продолжать. Молодой человекъ тоже узналъ его. Нечаянное появленнн мальчика его нѣсколько смутило; онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, какъ Жоржъ узналъ его имя и адресъ. — Но кто же тебѣ сказалъ, кто я? спросилъ онъ его наконецъ.

— Самъ Богъ! отвѣчалъ Жоржъ и показалъ ему карточку. Вы это потеряли у нашихъ дверей и я отыскалъ васъ, чтобы отдать вамъ.... Здѣсь мальчикъ покраснѣлъ и робко протянулъ было руку съ деньгами....

— Напрасно трудился, другъ мой; перебилъ его молодой человекъ; но такъ, какъ ты уже здѣсь, то пойдемъ ко мнѣ! И онъ поспѣшно пошелъ по лѣстницѣ. Это была одна изъ тѣхъ отраднхъ натуръ, которыя, сочувствуя всему ихъ окружающему, не выдаютъ святыни своего чувства на позоръ и какъ будто стыдятся обнаружить порывъ сердца предъ людьми. Сконфуженный, какъ будто воръ, пойманннй на дѣлѣ, молодой человекъ быстро увлекъ Жоржа за собою, чтобъ скрыть его отъ любопытства привратника.

Черезъ четверть часа, дверь въ № 8 отворилась и Жоржъ вышелъ; глаза у бѣдняка были полны слезъ; и спускаясь съ лѣстницы, онъ нѣсколько разъ утиралъ лобъ рукавомъ блузы.

— Ну, что онъ тебѣ сказалъ, дружище? спросилъ его любопытный Мюнье, когда Жоржъ поровнялся съ нимъ.

— Онъ велѣлъ мнѣ быть честнымъ и трудолюбивымъ, отвѣчалъ восторженный Жоржъ; и я буду такимъ, клянусь Богомъ! Пусть это будетъ залогомъ моей къ нему вѣчной благодарности! И онъ поспѣшно кинулся на улицу.

— Да за что, за что? кричалъ Мюнье; но одинъ стукъ двери былъ ему отвѣтомъ.

На другой день солнышко ярко выглянуло между двухъ готическихъ башенъ Парижской Богоматери и подняло на ноги тысячи людей для дневныхъ заботъ и труда, для важныхъ государственныхъ занятій и для мелкой уличной промышленности. Правда, многіе еще и не думали открывать глазъ и, закутанные въ батистъ, подъ атласными одѣлами, нѣжились въ своихъ полутемныхъ спальняхъ, полныхъ комфорта; но это были баловни фортуны, любимыя дѣтки слѣпаго случая, для которыхъ существуетъ только лѣнь и радость. Однако, не смотря на раннее утро и на сонъ людей, имѣвшихъ право кататься въ каретахъ, много тяжелыхъ экипажей уже пересѣкали улицы по разнымъ направлениямъ. Это были omnibusы, дилижансы и почтовые кареты, которые изъ разныхъ концовъ столицы спѣшили развозить путешественниковъ въ разные концы Франціи. Между тѣмъ, въ гостиницахъ, гдѣ ежедневно, въ извѣстные часы, бывалъ приливъ и отливъ путешественниковъ, не представлялось ничего необыкновеннаго, не было ни бѣготни, ни шума, обычныхъ принадлежностей отъѣзда.

Такъ и въ отель де Лондръ, Мюнье разбудилъ всѣхъ, кому нужно было ѣхать въ это утро, говоря: «Пора, сударь, ваши вещи надо сейчасъ отправить въ мессажери или въ такую-то контору и вамъ самимъ остается только одѣться, чтобы поспѣть.»—Готовый къ отъѣзду жилецъ 8-го номера, тоже вышелъ на крыльцо и, подавая привратнику пятифранковую монету, сказалъ: Спасибо Мюнье за хлопоты! въ комнатѣ я забылъ кой-какія вещи изъ моего гардероба, прибереги это своимъ ребятишкамъ. Прощай!

— Не забывайте, сударь, старика Мюнье, говорилъ привратникъ, усаживая щедрога постояльца въ кабріолетъ фіакра, и если опять пожалуете въ Парижъ, такъ въ нашемъ отелѣ....

— Нѣтъ, другъ Мюнъе, врядъ-ли мы съ тобою увидимся. По-крайней-мѣрѣ, не скоро! — Фіаркъ хлопнулъ бичемъ и кабріолетъ покатился.

Зала почтовой конторы была уже полна народу и, не смотря на то, экипажи все еще подѣзжали къ крыльцу, и новыя лица ежеминутно появлялись на порогѣ. Носильщики, согнутые подъ грузомъ чемодановъ и ящиковъ, снова тамъ и сямъ, и вѣсы поднимались и опускались ежеминутно.

Все кипѣло жизнью въ обширной залѣ, повсюду раздавались говоръ и смѣхъ, а иногда и тяжкіе вздохи. Отѣздъ дѣлаетъ самаго молчаливаго человѣка почти говорунимъ, потому-что у каждаго въ минуту разставанья найдется сказать о многомъ множествѣ вещей, чего нельзя оставить до завтраго; отѣздъ — это также смерть, только съ надеждою на свиданіе. Но вотъ раздался звукъ трубы почтальона, всѣ поднялись съ мѣсто, начались прощанья, слезы, поклоны и желанья всѣхъ возможныхъ благъ.

Вслѣдъ за тѣмъ повторился призывный звукъ и толпа шумно бросилась къ выходу. Въ это время мальчикъ въ синей блузѣ быстро перебѣжалъ залу и прильнулъ къ дверямъ, которыя вели къ подѣзду. Ухватясь обѣими руками за рѣшетку, онъ старался противиться натиску толпы, которая увлекала его за собою. Пропустя мимо себя многихъ, онъ вдругъ схватилъ за руку проходившаго молодого человѣка, поднесъ ее къ губамъ, и быстро сказалъ: «Прощайте, сударь, гдѣ бы вы ни были, молитвы наши будутъ съ вами!» Молодой человѣкъ съ удивленіемъ оглянулся и только что успѣлъ мелькомъ разглядѣть знакомыя ему черты молодого сапожника Жоржа. Но полныя слезъ глаза Жоржа слѣдили за нимъ до самой кареты, и когда дверцы захлопнулись, бичъ щелкнулъ и тяжкій экипажъ быстро пронесся по улицѣ, эти же глаза провожали его до-тѣхъ-поръ, пока вдали еще вилося надъ нимъ облачко пыли. Повотъ и пыль разсѣялась въ воздухъ, и дальній стукъ замолкъ.... и все пришло въ прежній порядокъ. Жоржъ все еще стоялъ на порогѣ, у него какъ будто что-то оторвалось отъ сердца.... Наконецъ онъ глубоко вздохнулъ, груди стало легче, и прошепталъ: Добрый человѣкъ, дай Богъ ему счастья! — онъ надѣлъ свой картузь, которымъ за минуту безсознательно махалъ въ воздухъ, и тихими шагами пошелъ домой.

II.

АНГЛІЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Люблю я молодость во всѣхъ ея видахъ въ природѣ: въ царствѣ растительномъ, въ мірѣ животныхъ и въ существѣ мыслящемъ и чувствующемъ. Взгляните на молоденькое деревцо: какъ пышно оно одѣто въ свою свѣжую зелень, какъ заманчиво оно манитъ отдохнуть подъ его махровыми вѣтками и подышать ароматомъ, который щедро льется съ каждаго листка! Какъ гордо поднялись его гибкія вѣтки, покорныя малѣйшему дуновенію вѣтра, и качаются, и играютъ съ нимъ, не боясь, что этотъ вѣтеръ можетъ превратиться въ ураганъ и вырвать его съ корнемъ. Какая нужда ему до того, ему—молодому, пышному! Въ эту минуту въ его зелени купается лучъ тѣлаго солнышка; на вѣточкѣ, качаясь, поетъ птичка, и деревцо весело бьется каждымъ листкомъ. Взгляните на молодость въ человѣкѣ. Съ какою вѣрою и надеждою онъ весело вступаетъ въ свѣтъ, душа полна любви и міра, доверчиво глядитъ онъ вокругъ себя, не скрывая ни помысла, ни чувства; воображеніе его ярко, душа впечатлительна; онъ гордъ своею силою, счастливъ своимъ обаяніемъ, ищетъ только сочувствія. — Неизъяснимо становится мнѣ грустно, когда я вижу засохшее молодое растеніе, сорванный, не распустившійся цвѣтокъ и юношу, лишеннаго вѣры въ настоящее, упованія въ будущее!

Рано утромъ, въ одинъ изъ іюньскихъ дней, Петербургъ проснулся съ пріятнымъ сюрпризомъ: его небо было чисто и на Исакиевскомъ куполѣ ярко и жарко играло лѣтнее солнышко. Ни одинъ изъ его сотни вѣтровъ не надвигалъ надъ роскошной столицей темной облачной шапки, и Нева мирно и гладко лилась изъ бурнаго Ладожскаго Озера. Дворники тамъ и сямъ лѣнливо мели улицы и чистили тротуары; булочники отпирали настежь свои пекарни, выпускающая изъ нихъ густой, накопившійся паръ; трубочисты веселой гурьбой, лепеча на какомъ-то сомнительномъ нарѣчьи, спѣшили въ харчевню; изъ высокихъ банныхъ трубъ разстилался густой дымъ. Водовозныя бочки стучали по мосто-

вой и визгливо скрипѣли телѣжки, на которыхъ къ домамъ подвозили дрова, известь, кирпичи, а съ улицъ свозили соръ и нечистоты.

По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше, улицы наполнялись народомъ. Вотъ потянулись сидѣльцы Апраксина и Шукина дворовъ; крестясь на каждую церковь, они шумно отпирали слончатые двери лавокъ; по всѣмъ направлениямъ замелькали проворныя охтянки съ коромыслами на плечахъ, на которыхъ болтались жестяные кувшины всѣхъ размѣровъ. Но нигдѣ еще не видно было озабоченныхъ административныхъ лицъ, форменныхъ костюмовъ, туго набитыхъ портфелей, торопливыхъ походокъ, не слышалось разнощичьихъ криковъ, не несло богатыхъ экипажей, и по тротуарамъ не прыгали школьники, съ сумками черезъ плечо.

Въ это сомнительное время, между не начавшимся еще днемъ и уже прошедшей ночью, изъ-за угла одного изъ безымянныхъ переулковъ мѣстности, неизвѣстно почему называемой «Песками» показался человѣкъ, одѣтый довольно щеголевато и съ наружною, обличавшею внутреннее достоинство. Прекрасный ростъ, необыкновенная стройность и то благородство движеній, которыя невольно заставляютъ уважать человѣка, придавали ему видъ болѣе солидный, чѣмъ, по видимому, можно было ожидать отъ его лѣтъ. Лицо не поражало своею мужественною красотою; но черты этого лица были кротки, воспріимчивы и подвижны. Тонкость и правильность придавали имъ нѣсколько видъ женскій. Глаза не кололи васъ пронизательностію и рѣзкостью взгляда, которая невольно заставляетъ смириться предъ собою, но блистали тѣмъ отраднымъ, свѣтлымъ огнемъ, который влечетъ къ себѣ и противъ воли поселяетъ въ душѣ симпатію. Свѣтло-каштановые волосы, тонкіе и мягкіе, какъ шелкъ, освѣняли его открытый, блѣдный лобъ; но блѣдность эта была не болѣзненная или изнурительная, а болѣе признакъ натуры нервной и впечатлительной.

Онъ шелъ задумавшись, не смотря ни на что окружающее; такъ прошелъ онъ нѣсколько улицъ шагомъ, то торопливымъ, то вдругъ медленнымъ и нерѣшительнымъ. Почти можно было угадать по его походкѣ, что душу его въ эту минуту волновали — желаніе и робость. У подъезда одного изъ великолѣпныхъ домовъ на Литейной онъ остановился. Нѣсколько разъ обошедъ около него и заглядывая въ зер-

кальня стекла, онъ наконецъ, какъ будто подъ напѣтѣмъ какой-то внезапной мысли, вдругъ встрепенулся, снялъ шляпу, отеръ потъ шелковымъ, желтымъ фуляромъ, поправилъ волосы, и, принявъ важную осанку, подошелъ къ подъѣзду и дернулъ за звонокъ. Черезъ минуту хрустальная ручка богатой рѣзной двери повернулась, и массивная дверь неслышно отворилась предъ гостемъ. Онъ вошелъ въ роскошныя сѣни. Швейцаръ, принимая пальто, отвѣчалъ на вопросъ: «Что всталъ?»—Встали-съ, изволятъ принимать. — Молодой человѣкъ почти весело побѣжалъ по широкой лѣстницѣ, устланной дорогимъ ковромъ. Четверть часа спустя, онъ же сходилъ по этой широкой лѣстницѣ, держась за ее позолоченныя перила, но только походка его была медленна и тиха; голова поникла, и все, что разрушенная надежда, не сбывшееся, завѣтное желаніе души могутъ вызвать горькаго изъ груди, ярко отражалось на лицѣ молодаго человѣка, такъ, что старикъ швейцаръ, подавая ему пальто, не съ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ, сказалъ: «Что, сударь, знать вамъ не посчастливилось?»—Молодой человѣкъ, ничего не отвѣчая, грустно вышелъ вонъ, двери за нимъ хлопнулись и онъ, тяжело вздохнувъ, поспѣшно пошелъ по тому же направленію, по которому пришелъ. Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ кто-то назвалъ его по имени и, крѣпко схватя за руку, остановилъ.

— Анатоль! Что это ты, mon cher, своихъ не узнаешь? Что ты, братецъ, руду золотую, что-ли отыскиваешь, что идешь, не глядя на свѣтъ Божій, а? Откуда такъ рано?

— Анатоль (такъ звали молодаго человѣка) дружески пожалъ протянутую ему руку, невольно улыбувшись, отвѣчалъ — Что я такъ рано на улицѣ, это, другъ, не диво; а: вотъ что ты показался здѣсь ранѣе двухъ часовъ, такъ это хоть въ лѣтописи заноси. Ты кажется, князь, раньше двѣнадцати не вставалъ прежде?

— Да, прежде. Мало ли, что было прежде! Если бы ты былъ по добрѣе, да позволялъ-бы почаще старымъ пріятелямъ себя видѣть, такъ зналъ-бы, что меня теперь часто и въ девять уже дома нѣтъ. Заботъ, хлопотъ, mon cher, столько, что, право, даже голова кружится. Вотъ хоть-бы теперь, третій день, какъ собака бѣгаю, а все безъ толку... Смѣется, экой чудакъ! да развѣ у меня не могутъ быть заботы?

— Конечно могутъ, отвѣчалъ Анатоль, и должно быть

не бездѣльные, когда ты самъ говоришь, что третій день бѣгаешь. Но за чѣмъ же?

— За лошадьми, mon cher; просто съ ума сошелъ. Обѣздилъ пол-города и все не могу найти, чего хочу. Миѣ непременно нужна на пристяжку буланая съ яблоками. И что-жъ, повѣришь-ли, все такая дрянь попадаетея, что, просто, можно въ отчаянье придти.

— Отъ бездѣлья и то рукодѣлье — говоритъ пословица, надо, же объ чемъ-нибудь заботиться и думать, когда нѣтъ другихъ серьезныхъ заботъ! сказалъ Анатоль.

— Э! душа моя! что-жъ, небось, по твоему: только и на умѣ «высокое да полезное». Нѣтъ, любезный, мой девизъ: «приятное и веселое». Умрешь, такъ и вся тутъ не долга. По моему, на землѣ человѣку необходимы три вещи: удовольствіе, еще удовольствіе, и опять удовольствіе; а прочее... и князь значительно махнулъ рукою. — Кстати, продолжалъ онъ: А что Эйжень, гдѣ онъ теперь и что подѣлываетъ?

— Братъ за границею и.... умираетъ, сказалъ тихо и грустно Анатоль.

— Болѣнъ, умираетъ? повторилъ князь, взявъ съ чувствомъ за руку Анатоля. Что ты, братецъ, меня пугаешь! Можетъ-ли быть: нашъ добрый, умный, лихой Эйжень умираетъ.... Но Боже мой, что-же съ нимъ сдѣлалось?

Анатоль хотѣлъ говорить, но не могъ; губы его дрожали, онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ словами о братѣ у него выльется еще что-нибудь наружу, и взглянувъ на князя, онъ только утвердительно покачнулъ головою. Князь совершенно изменился: это уже былъ не беззаботный вѣтренникъ, но человѣкъ, всею душою сочувствующій горю товарища. Видя, что Анатоль не отвѣчаетъ, и желая перемѣнить разговоръ, онъ снова спросилъ:

— Ну, а ты, что ты самъ дѣлаешь теперь?

На этотъ разъ Анатоль уже отвѣчалъ съ ироніею:

— Тоже, что и ты, бѣгаю и ищу.

— Чего? спросилъ князь.

— Мѣста, отвѣчалъ Анатоль. Одно я самъ упустилъ; ищу теперь другое....

— Мѣста! но какого мѣста ты ищешь, Анатоль? можетъ-быть твои претензіи...

— Какого? развѣ я могу выбирать? я всякому мѣсту былъ-бы радъ, отвѣчалъ Анатоль, потому-что оно миѣ крайне нужно.

— Помилуй, другъ, перебилъ его князь, какъ-же это мо-

жно, ужъ когда я.... ну, ты вѣдь знаешь меня, такъ-ли я учился, какъ ты? когда я имѣю мѣсто, какъ же тебѣ.... Да нѣтъ, ты шутишь, мѣсто должно тебя искать.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ Анатоль, ты имѣешь мѣсто — но сверхъ-штатное; ты ищешь службы, я ищу дѣла; тебѣ нужны отличія, мнѣ нужны средства въ жизни. Понимаешь-ли?

Князь задумался и, молча, постукивалъ тросточкою по глянцовому сапогу. Пріятель его такъ же молчалъ. Такъ прошло минуты двѣ, вдругъ князь вскрикнулъ: Ахъ, Боже мой! что если-бы.... да нѣтъ, ты не согласишься, а, право, пока, это было-бы не дурно. Только не знаю, какъ тебѣ и сказать....

— Что такое? спросилъ Анатоль.

— Видишь-ли что, Толя, у меня есть мѣсто и хорошее мѣсто, то-есть по финансовой части, но оно частное; конечно, оно не для тебя — но все-таки пока, до приисканія казеннаго....

— Какое-же это мѣсто?

— Здѣсь неловко говорить, это надо объяснить тебѣ по-подробнѣе... Ты тамъ-же живешь?

— Нѣтъ! Я живу.... да вотъ мой адресъ. Анатоль вынулъ карточку и подалъ князю.

— На Пескахъ! безподобно.... Я же долженъ-быть на Лѣтней Конной.... вотъ оно и кетати.... Такъ, чрезъ часъ или два, я у тебя буду, топ шер.

— Да, сказалъ, улыбаясь Анатоль, если не забудешь.

Князь погрозилъ ему пальцемъ, примолвля: Неисправимъ, хоть брось! и они, дружески пожавъ руки, разстались.

Въ одномъ изъ немощеныхъ переулковъ Песковъ, былъ старый, деревянный двухъ-этажный домъ, съ флигелемъ и маленькимъ палисадникомъ на дворѣ. Онъ имѣлъ видъ аристократическаго жилища среди бѣдныхъ и покачнувшихся лачугъ, которыя его окружали. Необыкновенная чистота снаружи и внутри, ни пятнушка на стѣнахъ, ни соринки на дворѣ, и пестрая, раскрашенная красной, зеленой и бѣлой краской деревянная рѣшетка, вмѣсто забора, ясно свидѣтельствовали, что онъ принадлежитъ кушчу.... или виновата — купчихѣ. Хозяинъ съ семействомъ занималъ оба этажа главнаго строенія, а флигель, раздѣленный на двѣ квартиры,

отдавался въ наймы. Маленькую квартирку во флигель, окнами въ стѣну сосѣдняго дома, отъ которой ее отдѣлялъ небольшой палисадникъ, занималъ старичекъ съ сыномъ. Три небольшія комнатки, чистыя и опрятныя, служили имъ спальней, гостиной и передней, или, лучше сказать, служили имъ библиотекой, потому-что все онѣ были заставлены шкафами съ книгами и съ огромными рукописными фолиантами. Даже два стола въ гостиной, одинъ у окна, письменный, и другой у дивана, круглый, были завалены книгами и бумагами.

Въ этой-то маленькой квартиркѣ, на диванѣ сидѣлъ старичекъ, лѣтъ шестидесяти; его бѣлые волосы, рѣдкими и длинными прядями падали на худощавое лицо, не покрытое тѣмъ безчисленнымъ множествомъ морщинъ, которыя дѣлаютъ старость такъ неприятною для взгляда; но прорѣзанное кое-гдѣ тонкими, правильными линиями, которыя не мѣшаютъ ему и въ старости быть привлекательнымъ. Дѣйствительно, лицо старичка было такъ юношески добро, такъ добросердечно кротко, что могло заставить позавидовать такой старости. Онъ держалъ въ рукахъ распечатанное письмо. Нѣсколько разъ принимался читать его, но принужденъ былъ снова класть его на столъ, и бѣлыми, какъ воскъ, дрожащими руками, снималъ очки, протиралъ ихъ, опять надевалъ, но чрезъ минуту, они снова были тусклы, а глаза влажны. Слезы молодости—избытокъ жизни тѣлесной; слеза старика недостатокъ жизни души. Утрата ея не возратна.

Въ десятый разъ старичекъ принимался за свою работу, какъ вдругъ тихій звонъ колокольчика заставилъ его вздрогнуть и проворно спрятать письмо въ боковой карманъ, длиннаго, ваточнаго сюртука своего.—«Онъ!» сказалъ про себя старикъ, стараясь принять по возможности спокойный, если не веселый, видъ, и потомъ прибавилъ: «что-то будетъ, что-то будетъ!» Дверь отворилась и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ. Старикъ пристально взглянулъ на него и на лицѣ его отразилась какое-то безпокойство. Пока молодой человѣкъ снималъ перчатки и клалъ шляпу, онъ робко сказалъ:—«Я не ждалъ тебя такъ скоро, Анатоль!»—Я очень скоро шелъ, батюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и разговоръ прекратился. Старикъ молча слѣдилъ за движеніями сына, который, пройдя раза два по комнатѣ, подошелъ къ окну и прилежно глядя на стѣну сосѣдняго дома, началъ барабанить по стеклу пальцами. Нѣсколько минутъ длилась эта нѣмая сцена; видно было, что оба боялись заговорить

объ какомъ-то предметѣ, одинаково для нихъ интересномъ. Наконецъ старикъ глубоко вздохнулъ, грустно покачалъ головою и тихо сказалъ:—«Что, Анатолий... не получилъ?»

— Нѣтъ, батюшка; мѣсто, о которомъ я просилъ, занято другимъ... отвѣчалъ Анатолий, но видя, что слова его сильно дѣйствуютъ на отца, онъ быстро прибавилъ: впрочемъ, я сейчасъ встрѣтилъ князя Сомскаго, онъ говорилъ мнѣ объ какомъ-то мѣстѣ, которое можно занять теперь-жѣ, и хотѣлъ прѣхать къ намъ сегодня.

— Эхъ, мой другъ! развѣ можно положится на князя? Онъ такъ вѣтренъ и притомъ для этихъ людей....

Сильный звонокъ прервалъ старика на половинѣ фразы, и чрезъ минуту князь уже былъ предъ ними.

— Здравствуйте, Алексѣй Ивановичъ, говорилъ онъ, вѣжливо кланаясь старику. Видишь, Анатолий, какъ я аккуратенъ, часъ едва прошелъ, и я ужъ у тебя.

— Виноватъ, князь, говорилъ Алексѣй Ивановичъ, улыбаясь, а я только было воздвигъ на васъ хулу, называя васъ вѣтренникомъ; но ваше любезное посѣщеніе заставляетъ сознаться старику, что онъ не правъ.

— А все вѣдь онъ, вотъ этотъ баринъ, прославилъ меня вертопрахомъ, сказалъ князь, указывая на Анатоля. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ отчасти и правъ, но только не теперь. Онъ меня такъ поразилъ неприятною вѣстью о Евгениѣ, что я, право, не зналъ, какъ доѣхать сюда поскорѣе, даже лошадей не сталъ смотрѣть на Конной. Скажите, гдѣ онъ теперь, и кто вамъ пишетъ объ немъ?

— Онъ въ Парижѣ, и пишетъ самъ, отвѣчалъ горестно отецъ.

— Можно взглянуть на письмо? сказалъ просительно князь.

Алексѣй Ивановичъ вынулъ изъ бокового кармана письмо, которое онъ спряталъ въ минуту возвращенія сына, и украдкою взглянулъ на послѣдняго.

Пока князь жадно читалъ извѣстіе отъ своего университетскаго товарища и друга, Анатолий сказалъ отцу съ кроткимъ упрекомъ: Ахъ батюшка! за чѣмъ это! вы только возобновляете свои страданія, по нѣскольку разъ въ день читая это письмо. Къ чему напрасно убивать себя, это брату не поможетъ, а вамъ повредитъ.

— Mais c'est affreux! Ужасно, даже безчеловѣчно! говорилъ князь, окончивъ чтеніе письма: Одинъ, болѣнъ и безъ гроша денегъ, это ужасъ! Скажите, посланы-ли ему деньги?

спросилъ онъ вдругъ. Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданъ, что въ эту минуту на него князь не получилъ никакого отвѣта, и невольно самъ смутился и замолчалъ, чувствуя всю неловкость своего любопытства, продиктованнаго сердцемъ, безъ спроса головы. Но черезъ минуту Алексѣй Ивановичъ твердо сказалъ: — Нѣтъ, князь, ему еще не высланы деньги, потому-что у насъ ихъ не было до сегодня, но завтра я ему непременно вышлю!

Анатолий вопросительно взглянулъ на отца, который отвѣчалъ ему тихо: Завтра я продамъ мои книги!

Молодой человекъ вздрогнулъ всемъ тѣломъ, а старикъ вздохнулъ. Князь не слышалъ сказаннаго. Но желая выдти изъ неприятнаго разговора, который необдуманно самъ вызвалъ, вдругъ сказалъ, обратясь къ Анатолию:

— Однако, братъ, потолкуемъ теперь объ мѣстѣ, про которое я давеча говорилъ тебѣ. Вотъ видишь-ли, я знакомъ съ однимъ очень богатымъ человекомъ, это англичанинъ, банкиръ, Локскей. Онъ постоянно держитъ у себя секретаря — даетъ прекрасное жалованье, платитъ съ купеческой точностью, даже впередъ.... Ну, разумѣется и довольно работы, вся корреспонденція, частная и дѣловая, на рукахъ секретаря. Теперешній секретарь его очень болѣнъ, такъ, что едва-ли встанетъ; да кажется, банкиръ былъ имъ и не такъ доволенъ. Дня три тому назадъ, онъ спрашивалъ, не знаю-ли я когонибудь? Надо знать три языка. Это не хитрость. Я обѣщалъ прислать къ нему молодаго человека, именно, Шмита.... да ты его не знаешь.... это сынъ моего бывшаго гувернера; отецъ его добрый старикъ, живетъ у насъ въ деревнѣ... просилъ, нельзя-ли его какъ-нибудь пристроить. Да вотъ видишь-ли, сего Анатолий: во-первыхъ, я какъ ни бьюсь, не могу его отыскать, говорятъ бѣгаетъ отъ кредиторовъ, какъ заяцъ отъ гончихъ, а потомъ, сколько я могъ узнать, онъ при хорошихъ способностяхъ и отличномъ образованіи, имѣетъ еще способность быть большимъ негодяемъ. Ну, а этого достоинства Локскей не ищетъ въ секретарѣ. Извини, мой другъ, что я тебѣ предлагаю такое мѣсто, но ты давеча говорилъ, пока.... и князь замолчалъ.

Алексѣй Ивановичъ и Анатолий тоже молчали; первый, впоривъ неподвижный взоръ въ чернилицу, сидѣлъ на диванѣ, покачивая сѣдою головою изъ стороны въ сторону; а Анатолий, скрестя руки на груди, задумчиво стоялъ, прислонясь къ столу. Видно было, что въ душѣ его происходила страшная борьба оскорбленной гордости съ воюющею необходимостію.

— Вѣдь это наемникъ въ частномъ домѣ, слуга нелѣпыхъ приказаній часто необразованнаго богача, купеческій прикащикъ! думалъ онъ: А старикъ отецъ, а большой братъ! одинъ слабъ, другой у гроба! эти мысли быстро смѣнялись въ головѣ молодого человѣка, борьба была минутная: сынъ и братъ вышелъ побѣдителемъ. Притая вздохъ, онъ наконецъ весело сказалъ князю:—«Чтожъ, я радъ, и охотно возьмусь за это дѣло. Только откровенно, князь: каковъ онъ въ человѣческомъ-то отношеніи?»

— Добрѣйшая душа! человѣкъ простой и деликатный — только страненъ немножко, какъ и всѣ англичане вообще. У него въ конторѣ все иностранцы, а русскаго ни одного; правда, былъ одинъ, но онъ оставилъ контору, найдя для себя мѣсто выгодиѣе. Г-нъ Лосклеи просилъ меня прислать ему, если я знаю, преимущественно нѣмца. Но все это вздоръ и ничего не значить; я съ нимъ на дружеской ногѣ, ведемъ кой-какія дѣлишки: старикъ меня любитъ, и завтра, если хочешь, отправляйся къ нему, вотъ съ моею карточкою. Скажи только, что отъ меня — а я сегодня же вечеромъ съ нимъ увижусь, переговорю и все улажу. Идетъ?

— Идетъ! сказалъ рѣшительно Анатолий: Благодарю! и онъ дружески потрясъ руку князя.

Князь повернулся еще нѣсколько разъ на каблукахъ, распрощался и поскакалъ опять хлопотать, какъ самъ выразился, о дѣлѣ не терпящемъ отлагательства, то-есть, о буланой пристяжкѣ съ яблоками. Анатолий съ отцемъ остались одни. Погруженные каждый въ свою думу, долго молчали они, и только маятникъ стѣнныхъ часовъ, громко и мѣрно постукивая, нарушалъ тишину, да слышались изрѣдка изъ сосѣдней комнаты слова мальчика лакея: «Тихе Васька, экой мошенникъ, оцарапалъ руку! Ото бестія! А нутка свой хвостъ попробуй!»

— Такъ вотъ оно что! сказалъ наконецъ медленно старикъ, вотъ для чего потрачено было столько силъ и труда, приобрѣтено столько познаній, чтобы быть ни больше, ни меньше... онъ не договорилъ, замолкъ и тяжело вздохнулъ.

— Что же батюшка! возразилъ Анатолий, желая успокоить отца, отчего это васъ такъ огорчаетъ? хлѣбъ честный! Притомъ не на вѣкъ я поступаю въ контору банкира, а пока.... и за то надо благодарить Бога. — Конечно, если бы не Евгений — то бы еще можно было подумать, а теперь и раздумывать нечего. Бѣдный братъ! какъ его страшно обманули; но кто же могъ это пред-

видѣть, продолжалъ Анатоль: обѣщанія были такъ заманчивы, онъ могъ объѣхать почти всю Европу, могъ удовлетворить свое желаніе побывать во всѣхъ почти университетахъ, видѣть, слышать все. «Вы будете всюду съ нами, вы знаете языки, будете объяснять намъ все!»—и что же вышло? Довезли до Парижа и кинули его тамъ съ тридцатью рублями. «Вы-де больны, намъ нельзя васъ ждать, мы спѣшимъ!» Что онъ долженъ былъ выстрадать, одинъ, въ чужомъ городѣ.... Что онъ чувствуетъ еще теперь, дожидаясь медленной смерти — безъ призора, безъ помощи, можетъ быть, безъ куска хлѣба.... О! Боже мой! отъ одной этой мысли я сойду съ ума! И бѣдный молодой человѣкъ крѣпко сжалъ голову обѣими руками.

— Ну, что? спросилъ старикъ отецъ, послѣ короткаго молчанія, не находя ничего сказать въ утѣшеніе сыну, ну, что тебѣ сказалъ редакторъ на счетъ моей статьи?

— Въ этомъ номерѣ не можетъ помѣститься, она пойдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Ну, а къ тому-то заходилъ ты?

— Не засталъ дома, но оставилъ адресъ.

— Можетъ быть, тутъ удастся, сказалъ Алексѣй Ивановичъ. Дай-то Богъ! прибавилъ онъ.

— Я просилъ немедленно придти, сказалъ Анатоль, но если не придетъ черезъ часъ, я опять схожу къ нему.

Но въ тоже почти время тихо зазвонилъ колокольчикъ и когда дверь отворилась, незнакомой голосъ спросилъ: «Здѣсь-ли живетъ Алексѣй Ивановичъ Ивановъ?» и вслѣдъ за тѣмъ легкое покашливаніе и тяжелая поступь возвѣстили прибытіе новаго гостя. — Въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, сухой и плоскій, какъ новгородская сырть, въ рыжемъ парикѣ, съ торчащими во всѣ стороны, не примазанными волосами. Онъ былъ одѣтъ въ очень поношенный, довольно длинный и широкій сюртукъ: въ рукахъ держалъ сучковатую палку и порыжѣлую шляпу, съ засаленными полями. Толстый слой пыли на сапогахъ его ясно доказывалъ, что онъ любилъ упражняться въ медотѣ пешехожденія. Желтое, съезженное и скулистое лицо этого человѣка было совершенно неподвижно, какъ у муміи. Глаза его маленькіе, сѣрожелтаго цвѣта съ краснымъ отливомъ, въ синебагровыхъ ободкахъ, вмѣсто рѣсницъ, были такъ безжизненны и вообще вся фізіономія его съ перваго взгляда производила такое чувство омерзенія, что при появленіи его не-

вольно рвались слова: «Милости просимъ выдти вонъ!» вмѣсто: «Добро пожаловать.»

— Если я не ошибся, то не вашъ-ли адресъ мнѣ давеча оставили? Я Каиновичъ.

— Да; отвѣчалъ Анатоль, значительно взглянувъ на отца: я самъ былъ у васъ, но не засталъ дома.

— Дѣла-сь! невзыщите! какъ всталъ—за дѣла, и ляжешь отъ дѣла. Мы люди маленькіе! говорилъ визгливо новоприбывшій: кусокъ хлѣба не даромъ достается бѣдному человеку.

— И я у васъ былъ за дѣломъ, прерывая гостя, сказалъ Анатоль.

— Чѣмъ могу служить? сказалъ старикъ, глядя на Анатоля и изъ подлобья ястребинымъ взглядомъ окинувъ всю комнату. Но тотъ молчалъ, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Алексѣй Ивановичъ отвѣчалъ вмѣсто сына:

— Видите-ли, почтеннѣйшій, намъ рекомендовали васъ, какъ добраго и честнаго человѣка, съ которымъ можно имѣть дѣло.

— Да-сь, это такъ!... сказалъ скоро и холодно Каиновичъ.

— Вотъ видите-ли, намъ нужна небольшая сумма денегъ.

— Сумма денегъ! прервалъ пришедшій старичишка, взвизнувъ, какъ будто его ужалила пчела: небольшая сумма денегъ! а гдѣ нынче большія-то суммы? Тысячи рукъ тянутся за этими небольшими суммами, а гдѣ прикажете ихъ взять? Что мы, изъ земли, что-ли, ихъ копаемъ, да и изъ земли-то не выкопалъ бы столько, сколько требуютъ. Дай денегъ! продолжалъ онъ съ кашлемъ; а приди-ка ихъ полѣ получить, такъ и дуй въ кулакъ — знаемъ мы.

Озадаченные этой выходкою Ивановы, не понимали, что это значить. На кроткомъ лицѣ Алексѣя Ивановича выразилось какое-то смятеніе: добрый и деликатный отъ природы, онъ не могъ постигнуть, какъ можно говорить такимъ языкомъ. Напротивъ, Анатоль былъ преисполненъ негодованія, и лишь только старикъ снова закашлялся, онъ не далъ ему продолжать и сказалъ:

— У васъ, сударь, не просятъ денегъ, а хотятъ занять; стало быть, даютъ вамъ на себя обязательство.

— А какое? спросилъ Каиновичъ, переводя духъ, съ лукавой полуулыбкой.

— Заемное письмо.

Шипѣнье, вмѣсто хохота, было отвѣтомъ на эти слова.

— Только-то, государь мой? сказалъ старичишка, переставъ смѣяться. То есть — бумажку-то? — Нѣтъ, ужъ подь такое обезпеченіе вы не найдете денегъ.... Нѣшто какой полумный....

— Такъ что-же надо? въ свою очередь спросилъ Ана-толь.

— Залогъ, отвѣчалъ старикъ.

— Какой залогъ?

— Смотря по суммѣ, какую хотите занять, говорилъ Каиновичъ: домъ тамъ, что-ли, дачу, или серебряныя, золотыя вещи, даже цѣнное платье, какъ-то: мѣха, соболь, еноть, илька, боберъ — ну, всяческій, въ этомъ родѣ.

— Ну, я вамъ дамъ, что-нибудь поцѣннѣе мѣховъ, сказалъ спокойно Алексѣй Ивановичъ, я вамъ дамъ вотъ что, и торжественно вставъ, онъ показалъ на шкафы съ книгами. Въ это мгновеніе лицо его подернулось грустью, при мысли о разлукѣ съ своими всегдашними собесѣдниками. Но мысль о сынѣ, о возможности ему помочь, возвратила ему спокойствіе и онъ весело взглянулъ на ростовщика, желая полюбоваться радостію его, при видѣ такого неопѣ-неннаго заклада. — Старый Іуда, потряхивая рыжею головою, съ кислую гримасою говорилъ: «Хе, хе! Шутите! Нѣтъ-съ: это не залогъ, намъ это не съ руки.

— Книги-то не залогъ? почти гнѣвно спросилъ Алексѣй Ивановичъ, дорогія изданія, рѣдкія рукописи — не залогъ? Такъ что-же это по вашему?

— Хламъ! холодно отвѣчалъ Каиновичъ: куда его, гроша не стоитъ.

Старикъ Ивановъ съ негодованіемъ всплеснулъ руками, а ростовщикъ продолжалъ: Но, чтобы я не даромъ промялся къ вамъ, ужъ такъ и быть, пожалуй, одолжу; — да вамъ сколько надобно?

— А вы сколько дадите подь нихъ? въ свою очередь спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— А много-ли ихъ счетомъ-то? сказалъ старикъ.

— Пять сотъ томовъ, и сорокъ рукописей; отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Гм! Пять сотъ! проговорилъ старикъ, обводя глазами шкафы, пять сотъ? куда такая гибель, пять сотъ! и онъ началъ что-то высчитывать, повертывая пальцами и бормоча про себя, и потомъ прибавилъ: — Ну-съ, такъ вотъ какъ: сарай вы должны нанять отъ себя и перевезти на вашъ

счетъ; если же тамъ какая приключится плесень, или крысы обгложатъ, то ужъ я не отвѣчаю....

— Такъ сколько же вы намъ дадите тогда? спросилъ Анатоль съ петерифнiемъ....

Каиновичъ помолчалъ съ минуту, понюхалъ табаку изъ тавлинки, утерся нестрымъ, бумажнымъ платкомъ съ дырами, и сказалъ: ужъ такъ и быть — рискну, куда ни шло.... только одно — это такъ заведено, проценты впередъ.

— Сколько-же? повторилъ вопросъ молодой человѣкъ.

— Тридцать серебромъ можно....

— Тридцать, съ отчаянiемъ сказалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Да: отвѣчалъ старикъ: больше никто не дастъ. Что-жъ, сумма хорошая: все, за расходами, рублей 15 вамъ очистится.

Наконецъ Анатоль не выдержалъ и грозно пошелъ къ Каиновичу; хладнокровiе и наглость ростовщика, горе и унынiе любимаго имъ отца, потеря надежды помочь брату, пробудили въ душѣ его какую-то отчаянную злобу. — Послушайте, любезный! сказалъ онъ, едва удерживаясь, что вы, сумасшедшiй или пришли сюда смѣяться, дѣлая такое нелѣпное предложенiе? Если ты вздумалъ шутить, такъ я тебя спущу съ лѣстницы, старый жидъ! — Старикъ, не ожидая такой развязки, трусливо попытался къ двери, бормоча:

— Милостивый государь, вы не можете горячиться.... не имѣете права.... что вы это.... я такой же, какъ и вы, я самъ изъ отставныхъ.... неприлично, стыдно вамъ! — Но когда онъ увидѣлъ отворенную дверь, то заговорилъ гораздо тверже и громче: — «Съ лѣстницы.... вишь-ты хватъ какой... попробуй-ка—да еще безчестiе заплатишь! Я вотъ просьбу подамъ.... такъ посмотримъ.... фуфырится тоже.... вишь ты, дай имъ денегъ подъ хламъ какой-то.... мои деньги не хламъ, не соръ, а трудовыя кофѣйки.... А вы что? Разбойничать, насильно хотите....»

Онъ ушелъ. Ивановы лишились послѣдней надежды. Оба стояли, какъ окаменѣлые. Анатоль прежде пришелъ въ себя изъ этой летаргiи отчаянiя. Но какъ онъ ни старался скрыть свою тоску и успокоить отца, горе неволью вырывалось наружу и онъ измѣнялъ себя. Такъ прошелъ этотъ тягостный день, наступилъ вечеръ. Анатоль, ложась спать, сказалъ отцу: такъ завтра я пойду, батюшка?

— Какъ знаешь, мой другъ! пожалуй, попробуй, отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ: и долго не спалось старику, онъ безпокойно кидался на постели, силясь успокоиться и призвать сонъ, бѣжавшiй отъ страданiй сердечныхъ. Мысль, что для

сыновей его можетъ быть еще надолго закрылась блестящая карьера, для которой онъ ихъ готовилъ трудами и заботами цѣлой жизни, какъ потухшая мечта, согрѣвавшая его сорокъ лѣтъ, не давала старику покоя. Душа его пыла и рвалась, а горячіе глаза отказывали въ слезахъ. Только подъ утро природа взяла свое: усталый и истомленный, Алексѣй Ивановичъ заснулъ и, засыпая, тихо твердилъ, крепя больную грудь: что-то будетъ что-то будетъ?

Въ десятомъ часу утра, на слѣдующій день, у подъѣзда большаго дома, который занималъ Локсклей на Англійской Набережной, стояло уже нѣсколько экипажей; много людей, имѣвшихъ дѣло съ конторою или лично съ самимъ банкиромъ, перебивало въ его приемной; въ числѣ ихъ былъ и Анатолій. Войдя въ переднюю, онъ объявилъ челоѣку желаніе видѣть г. Локсклея и получилъ въ отвѣтъ: «Баринъ еще не выходилъ изъ кабинета, не угодно-ли вамъ будетъ подождать въ приемной.» Хорошо, отвѣчалъ молодой челоѣкъ; но вотъ, любезный, карточка, отнеси ее къ барину и скажи, что меня прислалъ князь Сомскій. Челоѣкъ взялъ карточку и ушелъ. Черезъ минуту, Анатолія попросили въ кабинетъ.

Локсклей, мужчина средняго роста, полный, съ круглымъ, смѣющимся лицомъ, встрѣтилъ Анатолія въ кабинетѣ и, ласково указавъ ему на мягкое кресло, сказалъ:

— Садитесь! Вы пришли, молодой челоѣкъ: очень радъ! Князь мнѣ говорилъ объ васъ, значитъ дѣло кончено. Остается только желать, чтобы мы сошлись съ вами.

— Мой долгъ будетъ оправдать рекомендацію князя, и сдѣлать все, что въ моихъ средствахъ, чтобы заслужить ваше расположеніе; сказалъ, кланяясь Анатолю.

— Ну и славно! значитъ и это кончено: мы поладимъ. Вы должны вести мою корреспонденцію, дѣловую и частную. Дѣла много, но ничего, съ прилежаніемъ совсѣмъ ничего! Можно. Только время! время, знаете время — это деньги. Нельзя терять, поскорѣе надо за дѣло.

— Я готовъ хотя сегодня! отвѣчалъ Анатолю.

— Ну, и прекрасно. Теперь статья номеръ первый: плата. По этой части — на первый случай опытъ. Три мѣсяца вы будете на пробѣ: это мое правило. Сойдемся, все хорошо, тогда и объ условіяхъ, а за эти три мѣсяца

вотъ что я могу вамъ дать. Угодно, возьмите и баста. Локскей подошелъ къ столу, вынулъ изъ ящика пять сторублевыхъ кредитныхъ билетовъ, растопырилъ ихъ, какъ вѣтеръ передъ Анатолиемъ и спросилъ: такъ, что-ли? Безмолвный поклонъ Анатоля Локскей принялъ за совершенное согласіе, и положивъ передъ нимъ деньги на столъ, сказалъ: Ну славно! Значить и это дѣло кончено. Уберите-же поскорѣй эту дрянъ въ карманъ и черезъ два часа—ровно въ двѣнадцать—приходите въ контору. Я укажу ваше мѣсто, дамъ дѣла — и все будетъ въ порядкѣ. Прощайте.

— Но я еще не заслужилъ этихъ денегъ, замѣтилъ Анатоль.

— Должны заслужить. Кто получаетъ впередъ, не можетъ пятиться назадъ. Это мое правило. Прощайте: мнѣ некогда.

Можно-ли выразить словами то, что чувствовалъ Анатоль, выходя отъ банкира! Не радость, не восторгъ, нѣтъ, что-то гораздо большее наполняло въ это время душу молодого человѣка. Это было родъ безумно-сладкаго опьяненія. Въ его рукахъ теперь была помощь, можетъ быть, спасеніе брата и возможность его возврата на родину. Не шелъ онъ домой, а бѣжалъ, какъ воръ, за которымъ гонятся сыщики. У воротъ своего дома онъ довольно невѣжливо толкнулъ двухъ мелкихъ апраксинскихъ торговцевъ, разговаривавшихъ у калитки и заслонявшихъ ему дорогу.

— Василій Петровичъ, говорилъ одинъ съ маленькой бородкой, другому, съ кошечьею физиономіею, въ нѣмецкомъ сюртукѣ и смазныхъ сапогахъ: видно надо-тъ прикинуть, а то смотри — наши апраксинцы пронохаютъ, какъ разъ вырвутъ изъ рукъ!

— Погоди маненичко, отвѣчалъ другой, какъ-то странно подмигивая и подергивая лѣвой щекою, еще опомнитъ-ся, вернетъ — Вишь ты, ему видно крайняя приспѣла.... того, выходитъ, профершипилился.

— Да ужъ ты больно мало посулилъ, возразила бородка.

— Эхъ, полноте-съ! что-жъ, такъ прямо штоль настоящую-то цѣну и ляпнуть... на выторгъ тоже надо оставить... Ужъ мы, на этотъ счетъ, тоже смѣкаемъ.... — Обождемъ, маненько—такъ и увидите. А-съ?

— Ну, вамъ и книги въ руки.... вишь ты верченый да простеганный, по нѣмецкому обычаю.... а мы что?

— Позвольте, позвольте, говорилъ Анатолий, протѣснясь въ калитку и расталкивая ихъ,—что вы стоите на дорогѣ?

— Дорога про всѣхъ, господинъ, больно широко ходишь! Полы оботрешь! отвѣчалъ опѣмеченный купчикъ, проведя себѣ пальцемъ подъ носомъ, и насмѣшливо кивнувъ головою.

— Не по книги-ли и этотъ пришелъ? сказалъ другой остряку, когда Анатолю исчезъ въ калиткѣ; не прозѣвать бы намъ, Василю Петровичъ?

— Нѣтъ, эвто не нашего поля ягода. Ходить звонко, молвить громко, да въ карманѣ тонко! Замашка не та! Здѣсь фу-фу!

Въ комнатѣ у отца, Анатолю увидѣлъ страшный беспорядокъ. Книги изъ двухъ шкафовъ были выбраны и грудями лежали на полу, и надъ ними Алексѣй Ивановичъ стоялъ блѣдный, разстрѣбанный, закрывъ лицо руками.

— Батюшка, батюшка! говорилъ Анатолю, кидаясь къ отцу, что съ вами, успокойтесь! — Есть Богъ, батюшка, и Онъ очень милостивъ — вотъ Онъ намъ что далъ, чтобъ спасти Евгения.

— Деньги! — почти закричалъ старикъ Ивановъ, деньги, гдѣ ты ихъ взялъ, Анатолю?

Когда Алексѣй Ивановичъ узналъ обо всемъ, случившемся съ сыномъ, онъ чуть не заплакалъ отъ радости. Весело, почти въ припрыжку бѣгалъ онъ около своихъ любимыхъ книгъ, такъ чудно спасенныхъ отъ продажи, и почти вышелъ изъ себя, когда пришла къ нему опять торговаться.

— Книги не продаются, закричалъ онъ; не умѣли давеча покупать, а теперь ни за что не продамъ.

Написавъ письмо къ брату и поруча отцу перевести деньги гдѣ нибудь на парижскаго банкира и отправить вексель на почту, Анатолю поспѣшилъ къ новой своей должности. Старикъ проводилъ его до порога, и бормоча что-то про себя, трижды перекрестилъ его вслѣдъ.

Три большія комнаты составляли контору банкира Локсклея и были уставлены столами и конторками, у которыхъ усердно занимались человѣкъ до двадцати. Дѣятельность этой конторы ясно показывала значительность дѣлъ Локсклея. Ровно въ двѣнадцать часовъ, Локсклей сошелъ по витой лѣстницѣ, ведущей изъ его покоевъ въ контору и, увидя Анатоля, прямо подошелъ къ нему. А, ужъ явились! Аккуратно! хорошо! Пожалуйте.... Господа! сказалъ онъ, обращаясь къ конторщикамъ, бывшимъ въ комнатѣ, вотъ вамъ

новый товарищъ, рекомендую — г. Шмитъ! онъ займетъ мѣсто Германа. — Мистеръ Джонсъ, погрудитесь сдать г. Шмиту бумаги и познакомить его съ этимъ дѣломъ. — Сказавъ это, Локсклей быстро повернулся и ушелъ изъ комнаты. Имя *Шмитъ*, какъ молнія поразило Анатоля. — Шмитъ, что это значитъ? думалъ онъ, что это: ошибка или капризъ англичанина замѣнить русскою фамилію иностранною, или наконецъ, князь не былъ и не объяснилъ ему... При этой мысли онъ вздрогнулъ, сердце у него сжалось, вся кровь прихлынула къ головѣ. Что, если онъ не былъ, повторилъ онъ мысленно, о, Боже мой! тогда меня принимаютъ за другаго, а я взялъ уже деньги и распорядился ими, воротить ихъ нельзя; нѣтъ, надо непременно объяснить дѣло.... Онъ готовъ былъ бѣжать за Локсклеемъ, во куда? — надлежало ждать, и онъ рѣшился тотчасъ-же по окончаніи дѣла, прямо отправиться къ князю и попросить у него разрѣшенія этой тягостной загадки.

Съ трудомъ подавляя мысль, волновавшую его, онъ принялъ бумаги отъ Джонса, и къ величайшей радости узналъ, что дѣловыя письма на завтрашній день были уже кончены, оставалось только отнести ихъ къ Локсклею для подписанія. Не имѣя никакого понятія объ корреспонденціи такого рода, Анатоль со вниманіемъ пробѣжалъ нѣкоторыя изъ нихъ, потомъ принялся писать отвѣты на частную переписку, соображая ихъ съ отмѣтками банкира, на поляхъ каждаго письма.

Въ пять часовъ всѣ дѣла въ конторѣ кончились, конторщики собрались домой, а Анатоль бросился къ князю. Но каково было его горе, когда онъ узналъ, что князь, на канунѣ часа въ два получилъ извѣстіе, что его родной дядя, котораго онъ былъ единственнымъ наследникомъ, умираетъ, и въ ночь, сломя голову, поскакалъ въ Тверь. «Черезъ двѣ недѣли общали быть назадъ!» прибавилъ лакей....

— А ты не знаешь, любезный, гдѣ вчера вечеромъ былъ твой баринъ? спрашивалъ Анатоль лакея.

— Да день-то цѣлый они хлопотали объ отпускѣ да о подорожной, отвѣчалъ слуга, а вечеромъ камердинеру приказали уложиться, а сами изволили выѣхать.

— Куда?

— Да куда-то на Аглицкую Набережную. Не могу знать, къ кому тамъ.

Отъ сердца у Анатоля нѣсколько отлегло; на Английской Набережной жилъ Локсклей — стало быть, князь былъ у

банкира : но что же значить эта нѣмецкая фамилія ? Неужели онъ чудить ? но странно же это. Поль-жизни отдалъ бы бѣдный Анатоль, за то, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ. Если это причуда англичанина, то хорошо, а если нѣтъ, если онъ дѣйствительно думаетъ, что я.... Холодный потъ выступилъ на лицѣ Анатолія — тогда надо возвратить деньги, а гдѣ ихъ взять ? — Мысли эти страшно терзали молодаго человѣка, пока онъ шелъ домой ; но послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, Анатоль рѣшился наконецъ ничего не дѣлать до возвращенія князя и предоставить все на волю судьбы.

— А, вотъ наконецъ и ты дома, сказалъ Алексѣй Ивановичъ, весело протянувъ руку сыну. — Эти торгаши заставили меня порядкомъ потрудиться : разрознили почти все книги ; но, слава Богу, теперь все въ порядкѣ, и кажется не нужно будетъ опять тревожить моихъ старыхъ друзей и выставлять передъ этими барышниками.

— Какъ онъ веселъ теперь, онъ успокоился. За что же я разрушу миръ его души, развѣ легче страдать вдвоемъ ? не скажу ему пока ничего ! подумалъ Анатоль, и Алексѣй Ивановичъ не узналъ, что было съ сыномъ у банкира.

Прошло нѣсколько дней съ того времени, какъ Анатоль поступилъ къ банкиру. Сначала ему было очень трудно привыкнуть къ фамиліи Шмитъ, которая каждый разъ, какъ молотомъ, ударила его по сердцу.

Молодые люди, занимавшіеся въ конторѣ у банкира, очень смѣялись надъ его разсѣянностію, когда принуждены были по нѣсколько разъ кликать Анатолія, и не получали отвѣта : «Что вы г-нъ Шмидъ, туги на ухо, или парите подъ облаками, что не слышите, когда васъ зовутъ ?» говорили они ; но мало-по-малу онъ свыкъся съ новой фамиліей и дѣло пошло, какъ нельзя лучше. Анатолій былъ бы очень счастливъ въ своемъ новомъ положеніи, если бѣ не злая мысль объ будущемъ.

Товарищи его все были люди образованные и съ ними онъ сошелся очень скоро. Самъ Локскей былъ имъ очень доволенъ, ласкалъ его и показывалъ особенное довѣріе и расположеніе.... и это-то именно еще больше терзало Анатолія. Между тѣмъ, князь не возвращался, хотя двѣ недѣли давно уже прошли. По справкѣ оказалось, что онъ уѣхалъ въ Тамбовъ, въ имѣніе.

Просиживая иногда въ кабинетѣ съ банкиромъ по нѣсколько часовъ, Анатоль могъ ближе познакомиться съ ха-

ракторомъ этого человѣка. Локсклей былъ то, что у насъ на обыкновенномъ языкѣ привыкли называть «пряникомъ.» Богатство давало ему право на независимость въ своихъ дѣлахъ, а нужда другихъ въ его посредничествѣ и помощи, придавала ему родъ первенства надъ всѣми, кто къ нему прибѣгалъ. При множествѣ дѣлъ, онъ не имѣлъ времени тратить на фразы и потому выражался коротко, отрывисто, положительно, что иногда отбѣняло рѣчь его нѣкотораго рода суровостью. Впрочемъ, это была душа добрѣйшая. Въ честности и безкорыстїи онъ могъ поспорить съ Регуломъ, что видно было изъ всѣхъ дѣлъ его. Онъ былъ уменъ, но умъ его былъ болѣе практической и образованъ далеко ниже состоянїя, впрочемъ, навѣкъ и тактъ, которымъ обладалъ Локсклей, дѣлали этотъ недостатокъ незамѣтнымъ для всякаго другаго, менѣе внимательнаго и не такъ изучившаго его, какъ Анатолю; а Анатолю это дѣлалъ изъ собственной пользы, чтобы хотя нѣсколько, судя по характеру банкира, предугадать, чего онъ долженъ ожидать въ будущемъ.

Особенныхъ странностей, какими обыкновенно славятся англичане, Анатолю не замѣчалъ въ Локсклей. Онъ былъ радушно разговорчивъ, благородно простъ, постоянно веселъ и если чудилъ, то развѣ тѣмъ, что держалъ у себя въ домѣ пресмѣшную, старо-модную французенку, въ званїи гувернантки или, лучше, кампаньонки своей дочери, надъ которой постоянно потѣшался и каждый разъ ея обидчивую восприимчивость лечилъ дорогими подарками и благодѣянїями. Жены у него не было. Люсилъ, такъ звали дочь банкира, осталась безъ матери еще такъ мала, что едва-ли понимала свое существованїе. Отдавая ее на руки старушкѣ французенкѣ, Локсклей сказалъ: «Позаботесь о томъ, чтобы она меня только любила: другаго воспитанїя мнѣ не нужно.» Эти слова были тема для душевнаго направленїя молодой дѣвушки. «Богъ и отецъ, это святыня, предъ которою ты должна благоговѣть, дитя мое! говорила дѣвочкѣ старая гувернантка. Богъ далъ тебѣ душу, но сосудъ, въ которомъ вмѣстилъ онъ свой даръ, твое тѣло, ты получила отъ отца; благодарность и любовь къ нимъ должны быть для тебя выше всего. Любовь Бога къ тебѣ изливается, черезъ твоего отца, онъ тебя радуешь, тѣшитъ, рядить и запрещаетъ только то, что вредно для тебя, — потому надо быть съ нимъ откровенной, чтобъ онъ зналъ твои желанїя.»—Эти слова, подтверждаемая дѣйствїями отца, глубоко врѣзались въ душу Люсилїи и теперь, въ шестнадцать лѣтъ, она любила отца

тою-же наивною любовью, какъ пятилѣтній ребенокъ. До сихъ-поръ у нея не было тайны отъ него.

У банкира было очень много знакомыхъ; онъ охотно принималъ, но самъ рѣдко выѣзжалъ изъ дому, кромѣ театра, гдѣ онъ имѣлъ постоянную ложу. Очень натурально, что изъ числа посѣщавшихъ его домъ, многіе искали руки богатой невѣсты, но странно, что до семнадцати почти лѣтъ дѣвушка отвѣчала обыкновенно отцу, когда онъ ей говорилъ: — «Ну, Люсиль, новости, повости! есть женишокъ, хочешь замужъ?» — Нѣтъ, папа, не хочу. Мнѣ съ вами веселѣе. — «Однако надо же, мой другъ, когда-нибудь рискнуть, безъ этого нельзя, такъ водится. Это успокоило бы меня и обрадовало.»

— Вы не хлопочите, папочка, когда я рѣшусь и выберу, то скажу вамъ, отвѣчала дѣвушка весело подпрыгнувъ, ударивъ его обѣими ручками въ пухляя щеки и чмокнувъ въ подбородокъ.

— Ну, какъ знаешь! отвѣчалъ съ радужной улыбкой отецъ. Тѣмъ разговоръ обыкновенно и кончался.

Не извѣстно отчего такъ поступалъ банкиръ, упуская тѣмъ много блестящихъ партій для дочери. Былъ-ли это эгоизмъ богача, окружившаго себя всѣми своими сокровищами и не хотѣвшаго растаться съ самымъ драгоценнѣйшимъ изъ нихъ, съ дочерью; или благоразумно обдуманнѣйшій планъ: дать дѣвушкѣ самой выбрать себѣ товарища жизни; или, наконецъ, страхъ вѣрить счастье любимой дочери, единственнаго роднаго ему существа, чужому человѣку, не имѣя законныхъ причинъ положиться на него? Богъ знаетъ, только предпочтеніе не было отдано еще никому, и отецъ даже совѣтами не колебалъ воли Люсилы. Каждый день записываясь у Локсклея, Анатолю не видалъ еще ни разу Люсиль, хотя зналъ, что у банкира есть дочь. Правда, нѣсколько разъ ему удавалось слышать изъ гостиной звуки фортепьяно и онъ тотчасъ понималъ, что такую нѣгу, такое чувство и увлеченіе могли влить въ бездушныя клавиши только ручки дѣвушки чистой и мечтательной. Одинъ разъ Анатолю, занятый своимъ дѣломъ, работалъ одинъ въ кабинетѣ. Послышалась музыка, и чудная мелодія изъ «Сонамбулы» коснулась его слуха. Кто-то пѣлъ, акомпанируя себѣ на фортепьяно. Голосъ былъ женскій; но какой голосъ! свѣжій, какъ запахъ розы, сильный, какъ ключъ, бьющій изъ сердца горы, и обворожительный, какъ наитіе сладкаго сна. Все, что великій маэстро хотѣлъ передать намъ въ этой музыкальной поэмѣ, слышалось въ голосѣ пѣвицы: любовь,

мольба и отчаяніе смѣнялись попеременно въ самыхъ обаятельныхъ звукахъ. Никогда еще музыка не производила на Анатоля такого чуднаго дѣйствія; онъ невольно сталъ слушать, обратился весь во вниманіе и заслушался; дѣло остановилось, и долго бы еще пробылъ онъ въ забытіи, все болѣе и болѣе увлекаясь чуднымъ пѣніемъ, еслибы голосъ Локсклея не вызвалъ его изъ міра звуковъ и мечтаній, на вексельную бумагу, лежавшую на письменномъ столѣ.

— А! видно хорошо поеть!—сказалъ Локсклей, уже нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ отцовскаго тщеславія любовавшійся увлеченіемъ Анатоля.

— Превосходно! отвѣчалъ, не скрывая восторга, Анатоля. Ахъ! Боже мой! какой голосъ, сколько въ немъ души и силы!

Похвалы эти льстили, какъ и всегда, самолюбію отца.

— Да, вотъ оно! сказалъ самодовольно Локсклей. А вы сами-то, музыкантъ тоже? поете, играете?

— Да; я играю на фортепяно; но далеко не такъ хорошо, отвѣчалъ Анатоля.

— Э! да это славно! Что-жъ вы не сказали? такъ пойдемте, я васъ представляю ей: вдвоемъ-то будетъ лучше. А что, много еще осталось? прибавилъ Локсклей, указывая на бумаги.

— Срочныя дѣла всѣ кончены, я ждалъ васъ, чтобы подписать ихъ, а пока занимался приготовительными....

— Ну и прекрасно. Такъ пойдемъ. И старикъ потащилъ Анатоля за руку чрезъ анфиладу внутреннихъ комнатъ.

Описывать-ли эти комнаты? Едва-ли нужно. Какъ и у всѣхъ богатыхъ людей, у Локсклея все было роскошно и изящно: атласъ и бархатъ покрывали мебель, дорогіе ковры полъ, картины и огромныя зеркала стѣны, бронза, фарфоръ, мраморъ и серебро — столы и столики.... все это было, какъ вездѣ,—а какъ это бываетъ вездѣ—вещь извѣстная. Вся разница состоитъ только въ обстановкѣ, въ цвѣтахъ и во вкусѣ, съ какимъ все это бываетъ расположено и придумано. Но гдѣ живетъ молодая дѣвушка, и притомъ артистка, тамъ безвкусія быть не можетъ.

Когда Анатоля съ Локсклеемъ вошли въ комнату, гдѣ была Люсилія, молодая дѣвушка сидѣла еще у рояля, повернувшись къ нимъ бокомъ и шаловливо перебирала клавиши лѣвою рукою. Люсилъ была премиленькое созданье, съ свѣтлокаштановыми кудрями, но вовсе не блистала безукориз-

ненною, правильною, но холодною красотою, характеризующею англичанокъ. Напротивъ, почти дѣтскія черты Люсилы были неправильны, но онѣ носили на себѣ отпечатокъ ума игриваго, воображенія живаго, и были такъ подвижны, что малѣйше чувство отражалось на этомъ миниатюрномъ личикѣ, какъ въ зеркалѣ.

Маленькій, прекрасный ротикъ готовъ былъ каждую минуту къ обворожительной улыбкѣ, въ темнокарихъ глазахъ, ослѣненныхъ длинными, густыми рѣсницами, сверкали попеременно мысль, задушевность и пѣга. Вздернутый немножко носикъ свидѣтельствовалъ о врожденной прониц. Пропорціональный ростъ и движенія, исполненные граціи и благородства—довершали производимое ею впечатлѣніе. Вообще, дѣвушка принадлежала къ тѣмъ милымъ существамъ, которыя не поражаютъ васъ, но притягиваютъ къ себѣ магической силой.

— Люсиль, вотъ тебѣ — рекомендую... мой помощникъ, — большой меломанъ! Онъ въ такомъ экстазѣ отъ твоего пѣнія, что иной подумалъ бы, будто рѣчь идетъ о Женни Линдъ. Вотъ и привелъ... Благодарю сама, какъ знаешь. Мое дѣло сторона.

— Я очень признательна за ваше снисхожденіе, сказала Люсиль, наклоня головку и слегка вспыхнувъ; но вѣрно вы сами прекрасный музыкантъ?

— Предъ вами я школьникъ, отвѣчалъ кланяясь Анатолю; но я люблю музыку и нахожу въ ней наслажденіе.

— Я не понимаю тѣхъ, кто не любитъ музыки; сказала Люсиль; мнѣ кажется, это говорятъ изъ одной оригинальности: можно не знать музыки, но не любить ея—нельзя.

— А ну-ка, Люсиль, попроси своего поклонника заплатить тебѣ долгъ и сыграть чтонибудь: онъ же слушалъ тебя, такъ пусть и намъ дастъ себя послушать.

Люсиль встала и очаровательнымъ жестомъ, сопровождаемымъ плутовскою улыбкой, пригласила молодаго человѣка занять ея мѣсто.

— Не смѣю ослушаться, сказалъ Анатолю, сядя за рояль, но боюсь, едва-ли моя игра доставитъ вамъ удовольствіе. Онъ взглянулъ на лежавшія передъ нимъ ноты: «Септюръ» Гуммеля, превосходное музыкальное произведеніе было открыто на пиюитрѣ. Анатолю взялъ аккордъ и началъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ слышаннаго пѣнія; звуки полились, то прядая каскадомъ, то журча отрадою, то замирая дальнымъ эхо. По мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, онъ

одушевлялся и наконецъ вся душа его вылилась на клавиши. Анатолий игралъ хорошо, но въ эту минуту онъ сдѣлался истиннымъ виртуозомъ. Локсклей и дочь его сперва слушали его съ изумленіемъ, а наконецъ съ восторгомъ, и когда онъ кончилъ, то Люсилъ, какъ наивное дитя и страстная музыкантша, запрыгала, захопала въ ладоши, восклицая: Чудесно! неподобно! Папаша, голубчикъ, какъ это мило! и потомъ, подбѣжавъ къ молодому человѣку, быстро протянула ему руку, прибавя: благодарю васъ, вы доставили мнѣ истинное наслажденіе. Нѣтъ, какъ хотите, а я буду у васъ учиться! Локсклей гордо потеръ руки и сказалъ только: вотъ оно и важно! Почему же.... конечно.... Молодецъ!

Еще нѣсколько времени Анатолий пребылъ въ гостиной и потомъ вѣжливо откланялся Люсилѣ, которая кричала ему вслѣдъ: «Мосье! не забудьте сюда дороги! Я васъ буду ждать.»

Войдя въ кабинетъ, Локсклей молча прошелъ раза два взадъ и впередъ по комнатѣ, пока Анатолий приводилъ все въ порядокъ и укладывалъ бумаги въ портфель. Вдругъ банкиръ остановился: «Послушайте, любезный Шмитъ, что вы у меня: только два мѣсяца, кажется.... а ужъ чортъ знаетъ, что это такое! Не могу ни разу на васъ пофнять: все хорошо, все аккуратно—словно десять лѣтъ за дѣломъ. Право такъ! На вещи глядите, какъ слѣдуетъ, умъ у васъ здравый, есть спаровка и смѣтка; много познаній, — они видны во всемъ, хоть вы ихъ и таите.... ну, а вотъ теперь еще и музыкальное дарованіе! Фу ты пропасть, да это роскошь! Все показываетъ, что родители-то у васъ, видно, не грошами отсыпали за ваше воспитаніе. Ну, оно и прекрасно, неподобно.... только, признайтесь-ка, вѣдь теперешнія ваши занятія вамъ не по нутру? Такъ вѣдь?... угадалъ? Это изъ необходимости; нужда пригнула! Князь говорилъ мнѣ, вы не богаты.—При этихъ словахъ Анатолий нѣсколько покраснѣлъ, не отъ намека на недостатокъ, а отъ мысли, что не объ немъ говорилъ князь. Банкиръ продолжалъ: Что-жъ, бѣда не важная! бѣдность не порокъ.... И Локсклей, съ участіемъ пожавъ руку Анатолия, вышелъ.

Съ этого дня Анатолий бывалъ у Локсклея иногда, какъ гость, особливо, когда банкиръ съ дочерью переселился на дачу. Изъ конторы Локсклей увозилъ Анатолия обыкновенно съ собою на Карповку и, по окончаніи письменныхъ дѣлъ, часто оставлялъ его обѣдать. На дачѣ банкиръ любилъ жить собственно для себя, и потому у него только два дни въ недѣлю были назначены для приѣма гостей. Въ остальные

рѣдко можно было встрѣтить у него когонибудь, исключая нѣкоторыя лица изъ самыхъ короткихъ друзей; но на дружбу Локсклей былъ очень скупъ и потому такихъ людей являлось не много.

Въ эти-то дни Анатолий и Люсилъ оставались совершенно одни и часто проводили вмѣстѣ по нѣсколько часовъ. Любилъ очень музыку, Локсклей съ удовольствіемъ смотрѣлъ на занятія молодыхъ людей, и когда они обыкновенно, въ угодность ему, вмѣстѣ съ одушевленіемъ исполняли трудныя музыкальныя пьесы, онъ говорилъ: Вотъ это такъ!... Люблю! славно, право хорошо! Мастера; мастера! Вы у меня настоящіе концертисты.

Такой день обыкновенно заканчивался прогулкою молодыхъ людей въ огромномъ саду, принадлежавшемъ къ дачѣ банкира. Анатолий былъ вѣжливъ и почтителенъ съ Люсилю; Люсилъ, въ свою очередь, была съ нимъ мила и простодушно весела. Часы летѣли для нихъ незамѣтно: онъ находилъ на все умное замѣчаніе, она противъ всего оригинальную выходку. Смѣялись, спорили, соглашались, и, на прощанье, Люсилъ обыкновенно подавала Анатолию крошечную, бѣленькую свою ручку, прибавя съ строгой гримаской: «До свиданья, monsieur Anatole, не забудьте, что вамъ предстоитъ еще обязанность пройти со мною новую пьесу, которую я получу на дняхъ!» — О, повѣрьте, не забуду! восклицалъ молодой человекъ съ какимъ-то увлеченіемъ и спѣшилъ изъ дома банкира, гдѣ такъ дружески и привѣтливо былъ принятъ. Но въ то же время какая-то непонятная грусть давила ему сердце; онъ былъ недоволенъ собою и, съ тоскою и страхомъ, ожидалъ дня, въ который долженъ былъ сбросить невольное свое инкогнито, которое лежало у него на душѣ, какъ камень. «Что-то скажетъ Локсклей? что подумаетъ обо мнѣ Люсилія, когда все узнаетъ?» думалъ онъ. «Надо-же было, чтобы это такъ случилось! и для чего я раньше не открылся ему? тогда бы я не»... и онъ боялся докончить свою мысль. Но случай или судьба распорядились ранѣ срока, предполагаемаго Анатолиемъ — и все открылось до истеченія трехъ мѣсяцевъ.

Товарищи Анатолия съ завистію смотрѣли на возрастающее довѣріе и расположеніе Локсклея къ молодому секретарю, хотя нѣкоторые изъ нихъ, болѣе добросовѣстные, въ душѣ признавали его преимущества передъ собою; но все-таки злоба болѣе или менѣе шевелила ихъ языки. Въ особенности успѣхи Анатолия мучили Германа, однообразнаго, рыжаго

нѣмца, котораго мѣсто онъ занялъ. Низкій и вкрадчивый отъ природы, онъ, по выздоровленіи своемъ, опять умѣлъ склонить къ себѣ Локсклея, и снова поступилъ въ его контору; но уже въ гораздо низшую должность, разумѣется и съ значительнымъ пониженіемъ оклада. Этого желчный германецъ не могъ простить Анатолю, какъ будто тотъ былъ виною его неудачи, и внутренно ненавидѣлъ его. Наружнымъ образомъ эта ненависть выражалась у него лестью, угодничествомъ и самою изысканною предупредительностію, на которыя Анатолю отвѣчалъ одною холодною вѣжливостію. Одинъ только Джонсъ, съ обычною британскою флегмою отвѣчалъ всегда, когда рѣчь касалась до секретаря: — «Что-жъ, онъ славный малый и добрый товарищъ!» но это не успокоивало Германа.

Одинъ разъ, когда Анатолю, окончивъ дѣла въ конторѣ ранѣе обыкновеннаго, уѣхалъ съ Локсклеемъ, въ контору пришелъ мальчикъ, слуга Алексѣя Ивановича, съ запискою. Старикъ Ивановъ спѣшилъ обрадовать сына, извѣщая его о пріѣздѣ брата.

Едва мальчикъ робко перешагнулъ порогъ, бѣгающій изъ стороны въ сторону Германъ, первый на него наткнулся съ рѣзкимъ вопросомъ: Тебѣ что?

— Пожалуйста, сударь, потрудитесь выслать ко мнѣ барина, отвѣчалъ еще болѣе оторопѣвшій мальчикъ.

— Какого барина?

— Анатоля Алексѣича Иванова.

— Какого Иванова? здѣсь никакихъ Ивановыхъ и въ заводѣ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ, помилуйте. Вотъ я имъ и записку принесъ, говорилъ мальчикъ, Анатолю Алексѣичу здѣсь слушать.

— Говорятъ, что здѣсь нѣтъ Иванова: развѣ изъ артельщиковъ?

— Мой баринъ господинъ, благородный, сказалъ оскорбленный мальчикъ, что вы это.... Онъ секретарь....

— Секретарь! произнесъ живо Германъ; да секретарь нашъ точно Анатолю, только не Ивановъ, а Шмитъ.

— Можетъ и шумить, только онъ хорошій баринъ.... господинъ Ивановъ, а не артельщикъ! настойчиво продолжалъ мальчикъ. Вотъ къ нимъ и записка.

Германъ быстро вырвалъ записку изъ рукъ мальчика и побѣжалъ въ контору.

— Это должно быть ошибка, сказалъ Джонсъ, когда

Германъ разсказалъ происшествіе. Одно изъ двухъ: или слуга вретъ, или письмо не къ нему. Во всякомъ случаѣ надо подождать: секретаря теперь нѣтъ, онъ уѣхалъ съ патрономъ.

Германъ спряталъ записку въ карманъ и возвратясь къ мальчику, сказалъ: Хорошо, записку ему доставятъ. Зайди черезъ часъ.

— Черезъ часъ, легко сказать! Я и то шель, шель, индо ноженъки заныли.

— А вы гдѣ живете? спросилъ Германъ и проворно записалъ адресъ. Да, ну, это дѣйствительно далеко. Такъ ступай съ Богомъ! Записку отдадутъ безъ тебя.

Мальчикъ поклонился и въ припрыжку пустился по лѣстницѣ.

—

Часовъ въ пять Германъ подѣхалъ къ дачѣ банкира. Усталый и озабоченный, онъ попросилъ слугу доложить, что ему крайне нужно видѣть господина Локсклея.

— Что нужно? спросилъ банкиръ, выходя къ нему въ залу.

— Преданность и уваженіе мое къ вашему дому, господинъ Локсклей, всегда были для меня священнымъ долгомъ....

— Все это прекрасно.... только нельзя-ли по-короче.

— Простите моей назойливости, но эти чувства и теперь привели меня сюда. Позвольте мнѣ минутъ пять поговорить съ вами наединѣ и сообщить вамъ важную тайну....

Локсклей съ удивленіемъ взглянулъ на Шмита и жестомъ пригласилъ въ кабинетъ.

— Ну-съ, что за тайна? — я слушаю! сказалъ банкиръ, сядя въ кресло.

— Господинъ Локсклей, простите за откровенность, но васъ обманываютъ самымъ безчестнымъ образомъ.

— Кто это? съ неудовольствіемъ спросилъ банкиръ, сдвинувъ нѣсколько брови.

— Господинъ Шмитъ.

Локсклей сдѣлавъ движеніе, пристально взглянулъ на Германа, и съ живостію сказалъ: «А чѣмъ бы это примѣрно онъ меня обманывалъ? Любопытно! Только предупреждаю, Германъ: я сплетень не люблю.

— Я говорю правду, господинъ Локсклей, продолжалъ

Германъ. Я нѣмецъ — и кривить душою не привыкъ. Во-первыхъ онъ скрылъ отъ васъ свое настоящее имя, неизвѣстно по какой причинѣ. Честные люди, господинъ Локсклей, не отказываются отъ своего имени, не входятъ подъ вымышленную фирмою въ домъ къ почтеннымъ и знаменитымъ людямъ; а господинъ Шмитъ это сдѣлалъ.

— Вы, сударь лжете, сказалъ строго Локсклей. Шмита мнѣ рекомендовалъ князь Сомской, человекъ достойный и благородный.

— Богъ вѣсть, сказалъ Германъ, сконфузаясь, знаетъ-ли его еще князь; и его-ли онъ вамъ рекомендовалъ. Но я, съ своей стороны, смѣю васъ увѣрить, что онъ не Шмитъ, какъ называетъ себя.

— Кто же онъ? разгорячася спросилъ Локсклей.

— Да ни больше, ни меньше, какъ просто какой-то коренной Ивановъ.

— Ивановъ? вскричалъ банкиръ, Ивановъ — русскій?

— Да-съ, Ивановъ, должно быть не изъ иностранцевъ! ободряясь продолжалъ съ иронической усмѣшкой товарищъ Анатоля, и пустился широковыщательнымъ и кудрявымъ языкомъ излагать подробности дѣла. Черезъ пять минутъ Локсклей зналъ уже все, что произошло въ конторѣ, зналъ даже, что Германъ нарочно ѣздилъ въ домъ, гдѣ живетъ Анатоль; что онъ былъ у него въ квартирѣ, видѣлъ старика отца и брата, только-что прѣхавшаго изъ за границы; что всѣ они вмѣстѣ, и каждый порознь — Ивановы, а не Шмиты, и даже такъ прописаны въ кварталѣ; что самъ отецъ не зналъ, что сынъ его перемѣнилъ фамилію на конторѣ и изъ кореннаго руссака Иванова сдѣлался благороднымъ нѣмцемъ Шмитомъ, и потому-то письмо и было имъ такъ неловко адресовано.

— Ивановъ, Ивановъ! съ волненіемъ повторялъ Локсклей, вертя записку въ рукахъ. — Гмъ! да; — это открытіе для меня важно. Благодарю, Германъ! — Анатолій теперь здѣсь, въ саду, велите его тотчасъ позвать ко мнѣ! А вы можете ѣхать. Прощайте!

Поклонясь, Германъ съ торжествомъ вышелъ отъ банкира: «А мѣстечко-то опять мое!» говорилъ онъ, потирая руки и проворно сходя съ лѣстницы. Лицо его сіяло, и шея, по обычаю наклоненная, какъ-то надмѣнно выгнулась назадъ, составя съ его сутуловатою спиною и рѣзко вдавшеюся талию — правильное французское S. Анатоль явился. Спо-

койно вошелъ онъ въ кабинетъ, и невольно вздрогнулъ, когда Локсклей встрѣтилъ его словами:

— Г-нъ Анатоль, я все знаю: вы не Шмитъ, вы Ивановъ! Вотъ къ вамъ записка отъ вашего отца. Съ какой дѣлюю вы меня обманывали, принявъ чужую фамилію? Да говорите-же! надѣюсь, мнѣ надо это знать? горячо и съ нетерпѣніемъ продолжалъ банкиръ.

Неожиданность такого объясненія сначала испугала Анатоля; но сознавая въ душѣ всю чистоту своихъ поступковъ, молодой человѣкъ скоро пришелъ въ себя. Ровнымъ и спокойнымъ голосомъ онъ началъ свое оправданіе: «Вы мнѣ дали деньги, продолжалъ онъ послѣ предварительнаго объясненія, тогда, какъ я не зналъ, что вы меня принимаете за другаго, а когда я узналъ это, было уже поздно: вся сумма была мною отослана къ больному брату, который одинъ, безъ помощи, умиралъ въ Парижѣ и вдобавокъ, своимъ положеніемъ, убивалъ старика отца. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я отправился къ князю, чтобы объяснитьсь съ нимъ. — Князь въ ту ночь ускакалъ къ умирающему дядѣ, откуда до-сихъ-поръ еще не возвращался. Не скрою, мнѣ было очень тяжело носить имя, мнѣ не принадлежащее, а открыть истину я вамъ не смѣлъ, боясь, что если вы, какъ говорилъ князь, не захотите имѣть русскаго секретаремъ—я долженъ буду возвратить вамъ деньги... А у меня ихъ не было... да если-бъ и были, то, простите за откровенность, г-нъ Локсклей, то и тогда я бы вамъ ихъ не отдалъ: горе стараго, больнаго отца и страшное положеніе брата—были такъ ужасны, такъ мучительны... Волненіе помѣшало молодому человѣку продолжать, онъ замолкъ и неподвижный взоръ его загорѣлся слезою. Съ минуту длилось молчаніе.

— Ну-съ, продолжайте! кротко сказалъ Локсклей.

— Я рѣшился, снова началъ Анатоль, ждать князя или заработать взятую плату и тогда, не медля ни минуты, открыть вамъ все и предоставить остальное на волю Провидѣнія. Я писалъ много разъ къ князю, прося его поскорѣе пріѣхать и вотъ еще сегодня получилъ отъ него отвѣтъ... Съ этимъ словомъ, Анатоль вынулъ письмо изъ кармана и подалъ банкиру; но Локсклей, отведя его рукою отъ себя, сказалъ:

— Зачѣмъ? Я вѣрю вамъ, Анатоль. Причины ваши дѣльны, даже благородны. Я самъ бы тоже сдѣлалъ. Ну, пунктумъ на счетъ этого. Вы останетесь у меня и мы будемъ по прежнему добрыми друзьями, такъ-ли, мой милый Ивановъ?

— О! г-нъ Локсклей! это больше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться! могъ только сказать Анатолю.

— Руку, молодой человекъ: вотъ такъ и прекрасно; значитъ и это дѣло покончено! Такъ вы Ивановъ.... да!... какъ это пишется по-французски?... I-wa-poff.... да! ну, что-жъ: очень хорошо! Да; а батюшка вашъ—старичекъ. Очень старъ? а чѣмъ занимается? И Локсклей съ живостью и вниманіемъ придвинулся къ Анатолю.

— Отецъ мой, началъ успокоенный и счастливый Анатолю, занимался всегда учеными трудами и для этого въ молодости даже много ѣздилъ по Европѣ.

— Чай все видѣлъ: и въ Парижѣ былъ, и въ Лондонѣ.... Такъ вѣдь? Вѣрно былъ въ Парижѣ...

— Да, сказалъ Анатолю, въ Парижѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, роаясь въ библіотекахъ и осматривая древности.... Но теперь онъ уже старъ и съ трудомъ можетъ заниматься....

— Да, да, конечно!—это чай ужъ давненько было, когда вашъ отецъ ѣздилъ за границу и былъ въ Парижѣ....

— Это было лѣтъ за тридцать слишкомъ.... я еще не родился..

— Ну, вотъ и прекрасно, мой молодой другъ, и славно....

А какъ бишь зовутъ батюшку-то вашего?

— Алексѣй Ивановичъ.

— Алексѣй!... Да, ну и безподобно.... Такъ вы меня познакомьте съ вашимъ отцомъ, непременно.... Не такъ-ли? Да только поскорѣе; старики нетерпеливы! Я-же очень люблю ученыхъ людей, особливо когда они много изѣздили по свѣту и къ тому еще имѣютъ такихъ молодцевъ, какъ вы! И банкиръ, весело смѣясь, обнялъ Анатоля.

Тяжесть спала съ души молодаго Иванова, и все это сдѣлалось такъ неожиданно, такъ хорошо! Отъ объясненія онъ не только не проигралъ, но казалось, еще выигралъ во мнѣніи Локсклея. Когда они вошли въ гостиную, Люсилія сидѣла на балконѣ съ своею бывшею гувернанткою. Увидя отца и Анатоля, она повернулась къ нимъ и весело спросила послѣдняго:

— Что съ вами monsieur Anatole? отчего вы такъ веселы? что вы тамъ отыскиали?

— Ужъ именно отыскалъ! вотъ прямое выраженіе, говорилъ, смѣясь, Локсклей: онъ, Люсилъ, отыскалъ свою собственность, которую было насильно отняли у него.

— Кто-же это, папа?

— Да мы всё, мой другъ, общими силами, навязали бѣдному Анатолю Богъ знаетъ какую-то дикую нѣмецкую фамилію.

— Фамилію, спросила съ любопытствомъ Люсиль, какую фамилію? И отецъ принужденъ былъ ей рассказать все дѣло. Съ живѣйшимъ и теплымъ участіемъ слушала дѣвушка рассказъ отца, и когда онъ кончилъ, она ласково подала руку молодому человѣку и съ чувствомъ сказала: «Бѣдный Анатолю, какъ вы должны были страдать! Оттого-то, продолжала она, вѣрно вы и бывали иногда такъ задумчивы со мною? Но за то теперъ, не правда-ли, этого больше не будетъ? А не то — я васъ въ уголь поставлю, какъ мамзель Пешагрень меня ставила, когда я, бывало, надую губки. Смотрите!

— Мы постараямся, чтобъ этого не было! отвѣчалъ банкиръ. И всё гурьбой весело пошли въ столовую. Скоро Анатолю уѣхалъ домой, гдѣ его ждала другая радость: пріѣздъ брата.

«Теперъ, кажется, все устроилось и я спокоенъ и счастливъ,» думалъ молодой человѣкъ, ѣдучи домой, но невольный вздохъ, въ которомъ онъ самъ боялся дать себѣ отчетъ, ясно говорилъ, что для полного счастья еще чего-то не доставало.

—

Радость Алексѣя Иваныча при неожиданномъ свиданіи съ возвратившимся сыномъ, была такъ велика, что бѣдный старичекъ захворалъ. Всякое сильное потрясеніе, отъ какого-бы чувства оно ни происходило, въ извѣстные годы, особливо при слабой конструкціи человѣка, обыкновенно дѣйствуетъ на организмъ разрушительно, потому-что нравственнымъ силамъ даетъ всегда перевѣсъ надъ физическими.

— Вотъ онъ каковъ! говорилъ старичекъ, съ какимъ-то упоеніемъ смотря на сыновей, которые съ словомъ: «Братъ!» кинулись другъ къ другу и крѣпко обнялись. Вотъ онъ каковъ! захотѣлъ обрадовать насъ съ тобою, Толя; недумано, нежданно явился. Спасибо, молодецъ! Только отъ радости я какъ будто усталъ! Да это ничего, пройдетъ.... послѣ обѣда отдохну маленько. Дѣйствительно, руки и ноги дрожали у старика, такъ, что послѣ обѣда сыновья принуждены были уложить его въ постель. «Дрянъ я сталъ, братцы, никуда не гожусь, вотъ и обрадоваться-то путемъ не умѣю!» говорилъ онъ молодымъ людямъ, хлопотавшимъ

*

около него. Наконецъ, дня чрезъ три, силы старика подкрѣпились и онъ уже началъ ходить по комнатѣ, такъ, что молодые люди, безъ опасенія, могли отлучиться изъ дома.

Анатолю, какъ и всегда, отправился къ своему дѣлу, а прѣзжій повидаться съ друзьями. Старикъ Ивановъ остался дома. Сидя въ большихъ волтеровскихъ креслахъ, онъ перелистывалъ внимательно книгу или, какъ онъ выражался, бесѣдовалъ съ старымъ другомъ. Незнакомый голосъ въ передней заставилъ старика прервать любимое занятіе и поднять голову.... въ комнату вошелъ незнакомый человѣкъ, благообразный, полный, съ смѣющейся физиономіей.

— Извините, сказалъ онъ по-французски, что вхожу безъ доклада. Я просилъ вашего сына познать насъ, но онъ сказалъ, что вы не здоровы. А у меня прегнусный порокъ: я нетерпѣливъ, болѣзнь-же часто бываетъ упряма.... Такъ вотъ я и рѣшился самъ отъявиться. Честь имѣю.... Я Локсклей, банкиръ.

— Ахъ, господинъ Локсклей! сказалъ Алексѣй Ивановичъ, закутываясь въ свой мѣховый халатъ. — Извините, ради Бога, что я такъ.... Чрезвычайно радъ вашему посѣщенію и случаю поблагодарить васъ за ласку и доброе расположеніе къ моему сыну. Давно самъ хотѣлъ, да не смѣлъ. У богатыхъ людей много недосуга... все дѣла, поважнѣе нашихъ мелкихъ притязаній...

— Та, та, та! все вздоръ! Мѣшки съ золотомъ не всегда безъ сердца.... Но вы человѣкъ старый, больной, тревожитесь вамъ не слѣдуетъ. Мое дѣло сказать вамъ спасибо за сына: не я ему, онъ мнѣ полезенъ. Вотъ что. А Анатолю у васъ лихой мальчій.... право! добръ, уменъ, трудолюбивъ... Ну, и не мудрено, продолжалъ Локсклей, обводя комнату глазами, было гдѣ набраться разума! Труда тутъ много похорошили, не такъ-ли?

— Да, сказалъ Алексѣй Ивановичъ, я занимался археологіей и исторіей и собиралъ все, что касалось до этихъ предметовъ.

— Анатолю мнѣ сказывалъ, что вы много путешествовали?

Въ молодости я прожилъ за границею довольно долго, особливо во Франціи и въ Англии.

— Во Франціи.... значитъ были и въ Парижѣ?

— Да, я провелъ тамъ первый годъ воцаренія Наполеона.

— Въ это время я самъ былъ въ Парижѣ, сказалъ бан-

кирь. — Скажите, г. Ивановъ, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ тогда Парижъ?

Старики вообще любятъ вспоминать бывшее, особливо, когда съ нимъ еще соединено много интереснаго; между Локсклеемъ и Ивановымъ завязался одушевленный разговоръ. Впрочемъ, говорилъ по большей части старикъ Ивановъ, передавалъ свои наблюденія, замѣчанія и даже въкоторыя происшествія, случившіяся съ нимъ за границею. Локсклей слушалъ его съ живымъ любопытствомъ. Болѣе двухъ часовъ прошло, а старики ихъ и не замѣтили. Ударило четыре часа и Локсклей поднялся. Съ сердечною прямою пожалъ онъ руку Алексѣя Иваныча, и прощаясь, сказалъ:

— Надѣюсь, это свиданіе первое, но не послѣднее.... Почаще намъ надо сходиться.... Я, знаете, васъ заслушался.... Я, конечно, что я — дуракъ по этой части, совершенный дуракъ, но люблю умныхъ людей. Такъ будемъ видѣться, такъ, что-ли?

— Если позволите, отвѣчалъ скромно Ивановъ, я за особенную честь почту....

— Ну, честь тутъ мнѣ, толковать нечего. Такъ конечно! Мы видимся, какъ можно чаще.

— Я готовъ всегда....

— Вотъ и прекрасно! Значить и это дѣло покончено! Вы большы — я къ вамъ, а выздоровѣете—вы ко мнѣ, и квитъ. Ха! ха! ха!

Локсклей ловко разшаркался и уѣхалъ, почти насильно втолкнувъ Иванова въ комнату, когда тотъ вздумалъ его провожать.

Много лѣтъ уже Алексѣй Иванычъ оставилъ почти совершенно свѣтъ, и весь предался заботамъ объ образованіи своихъ дѣтей и труду, чтобы пріобрѣсти для этого средства. Онъ такъ свыкъся съ уединеніемъ и домашнею жизнію, что выходы его въ богатый домъ Локсклея сначала были ему даже въ тягость. Но постоянная дружба и ласки банкира, простота и нецеремонность обхожденія, уваженіе, которое ему оказывали всѣ, встрѣчавшіеся въ домѣ Локсклея, которые если не были знакомы ему лично, то знали его по ученымъ трудамъ, оживили его и онъ началъ посѣщать банкира чаще и все съ болѣшимъ удовольствіемъ.

Анатоль по прежнему занимался своимъ дѣломъ, только уже

не въ конторѣ; текущая, торговая корреспонденція была поручена другому, а на долю Иванова остались только частныя и тайныя дѣла Локсклея. Но съ нѣкотораго времени, Анатоль совершенно измѣнился. Веселость его исчезла, хотя онъ и старался это скрыть; онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ. На вопросы отца «что съ тобою?» онъ обыкновенно отвѣчалъ, стараясь казаться какъ можно покойнѣе и веселѣе: «Ничего, батюшка! это время я какъ-то чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, оттого, думаю, и похудѣлъ нѣсколько. Но теперь, слава Богу, все прошло.»

Локсклей, который очень любилъ Анатоля, также замѣтилъ въ немъ переѣну: «Можетъ быть вашъ Анатоль истощается тѣмъ, что долженъ каждый день такъ далеко ходить? говорилъ онъ старику Иванову.

— Знаете-ли что? продолжалъ онъ.... Нижній этажъ въ лѣвомъ моемъ флигелѣ теперь свободенъ.... я не хочу больше имѣть стороннихъ въ моемъ домѣ.... Я помѣщу тутъ Анатоля—это будетъ мнѣ полезно, и ему хорошо.... Вы вѣдь не откажетесь ко мнѣ переѣхать.... да и по справедливости это такъ быть должно: вамъ здѣсь будетъ и просторнѣе, и спокойнѣе, а мнѣ лучше. Такъ-ли? а? Конечно, что-ли дѣло?

Но Анатоль поблагодарилъ Локсклея, увѣряя, что онъ очень любитъ ходить, что это ему, напротивъ, очень полезно и рѣшительно отказался отъ добраго предложенія.

Въ гостиную къ дамамъ молодой человѣкъ тоже очень рѣдко сталъ заглядывать и музыкальныя занятія съ Люсиліей, которыя прежде приводили его въ восторгъ, почти совсѣмъ прекратились. Все свободное время онъ проводилъ дома, читая что нибудь, но часто случалось, что книга оставалась раскрытою по цѣлому часу на одной и той-же страницѣ и Анатоль сидѣлъ надъ нею въ глубокой думѣ.

Можетъ быть, Анатоль тяготился занятіемъ, которое не вело его ни къ какой цѣли; но мѣсто это, если не могло удовлетворить его, какъ гражданина, то удовлетворяло, какъ человѣка и сына; оно избавляло старика отца его отъ необходимыхъ трудовъ, которые въ его лѣта обходятся не дешево. Или его тяготило чванство молодыхъ, блестящихъ, и часто ничтожныхъ, богачей, которыхъ онъ иногда встрѣчалъ въ гостиной банкира, куда золото и связи прокладывали имъ дорогу; или, наконецъ, можетъ быть... Но предположеніямъ не было-бы и конца, да они и не привели-бы ни къ чему положительному; пото-

му что самъ Анатоль упорно молчалъ и таилъ свою печаль въ глубинѣ души. Но вотъ что случилось.

У Локсклея готовился большой балъ по случаю дня рожденія его дочери. На канунѣ бала, Анатоль, какъ и всегда, занимался въ кабинетѣ у банкира. Въ комнату вошла Люсилія.

— Monsieur Анатоль, сказала она, завтра день моего рожденія, и я желаю, чтобы у меня на праздникѣ были всѣ друзья наши, а потому пришла просить васъ и вашего папа пожаловать къ намъ. Надѣюсь, что на этотъ разъ вы не откажете мнѣ? Вы вѣрно захотите быть въ числѣ моихъ милыхъ гостей?

Анатоль поблагодарилъ милую хозяйку праздника, и сказалъ: Г. Локсклей пригласилъ уже насъ, и ваше вторичное приглашеніе налагаетъ на насъ непремѣнную обязанность воспользоваться имъ.

Съ самаго утра въ день бала, множество ливрейныхъ лакеевъ перебивало въ передней у Локсклея съ поздравленіями къ Люсиліи отъ имени господъ; много молодыхъ людей рассыпались передъ нею въ отборныхъ фразахъ на всѣхъ возможныхъ діалектахъ, и каждый спѣшилъ усвоить себѣ право танцовать съ нею вечеромъ. Изъ числа самыхъ жаркихъ ея поклонниковъ былъ и князь Сомской.

Князь уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ возвратился въ Петербургъ. Онъ получилъ въ наслѣдство, по смерти дяди, около двухъ тысячъ душъ, въ Тамбовской губерніи. Это придаточное къ титулу князя давало ему право на названіе «завиднаго жениха» и на самыя изысканныя аттенціи догадливыхъ маменекъ взрослыхъ дочерей, которыя не совѣмъ равнодушно смотрѣли на слишкомъ частые его визиты въ домъ у Локсклея.

По возвращеніи изъ деревни, князь Сомской тотчасъ-же явился къ банкиру, представился Люсиліи и началъ учашать свои посѣщенія до того, что по городу пошли слухи, что Люсилія Локсклей скоро къ огромному богатству прибавитъ и имя княгини.

Анатоль тоже на минуту входилъ въ гостиную, гдѣ Люсилія, свѣжѣе и прекраснѣе обыкновеннаго, съ своею милою и наивною непринужденностію принимала гостей. Поздравленіе его было вѣжливо и коротко.

Въ десять часовъ вечера залы дома Локсклея были уже полны гостей. Все, что богатство, мода визитный вкусъ могли произвести лучшаго и изысканнѣйшаго—тѣшило взоръ, усажда-

ло чувства. Множество красавицъ, соединенныхъ какъ-бы въ пышный букетъ, украшали праздникъ роскошнаго набо-ба; но милѣе и очаровательнѣе всѣхъ была Люсиль, не смотря на простоту ея наряда и непретендательность ея манеръ. Искренняя, дѣтская веселость и какое-то простодушное увлечение (abandon) оживляли ея милое личико необыкновеннымъ блескомъ и придавали каждому движенію очаровательную, иногда причудливую, но вовсе не придуманную, грацію. Оркестръ Лядова загремѣлъ. Все пришло въ движеніе, каждый спѣшилъ доставить себѣ честь протанцовать съ прекрасною хозяйкою. Четыре кадрили скоро смѣнили другъ друга. Молодая дѣвушка порхала, какъ бабочка, увлекаемая ароматомъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Послѣ небольшой паузы, посвященной легкой болтовнѣ и кратковременному отдыху, раздался снова аккордъ и вслѣдъ за нимъ пригласительная ригурнель на пятую кадрили. Въ эту минуту Люсиль подошла къ Анатолю, стоявшему задумчиво у дверей гостиной. Въ то-же время князь Сомской, ловко разсѣкая толпу, съ привѣтливой улыбкой подлетѣлъ къ Люсиль, и небрежно кланяясь, сказалъ: «Могу-ли надѣяться, М-ше Люсиль, что буду такъ счастливъ».... — Извините, князь, прервала его молодая дѣвушка: эту кадрили я танцую съ Мг. Ивановымъ! и обратясь къ Анатолю, когда князь отошелъ, она сказала съ очаровательной гримаской, выражавшей полу-упрекъ, полу-жалобу: «Что дѣлать! Надо чтобы я васъ насильно заставила танцовать съ собою: надѣюсь, не откажетесь?»

— Смѣлъ-ли я оспоривать право на эту честь у людей достойнѣйшихъ? отвѣчалъ молодой человекъ.

Люсиль быстро взглянула на него, и потомъ съ укоромъ отвѣчала:

— Наши гости все пользуются одинаковыми правами; а друзья моего отца въ моемъ сердцѣ имѣютъ преимущество. Пойдемте!—И она протянула ему свою маленькую ручку. Съ почтительнымъ поклономъ взялъ Анатолий руку Люсиль и они стали въ ряды танцующихъ.

Когда Анатолий отводилъ Люсиль на мѣсто по окончаніи танца, она сказала: «Я на васъ сердита, Мг. Ивановъ! вы сегодня меня ничѣмъ не подарили.

— Что могъ я принести вамъ въ даръ, достойное васъ? отвѣчалъ, улыбаясь, Анатолий.

— Дѣло не въ цѣнѣ подарка, а въ желаніи. Я вамъ говорю, вы виноваты, Анатолий! Но еще не поздно: исправьте

поскорѣй вашу вину и мы помиримся. Подарите меня теперь-же.

— Но чѣмъ!

Люсиль оглянулась и потомъ сказала: Да хоть вотъ этою камелию; она показала на бѣлую камелию, которая со множествомъ другихъ цвѣтовъ стояла въ залѣ. Анатоль сорвалъ прекрасный цвѣтокъ и подавая его Люсиль, сказалъ: При подаркѣ всегда есть желаніе: пусть вся жизнь ваша будетъ такъ прекрасна и роскошна, какъ эта камелия.

— О, я знаю, вы не пожелаете мнѣ ничего — неискренно! Миръ! вскричала Люсиль, пожавъ ему руку, и чрезъ минуту бѣлая камелия, прильнувъ къ кружевной бертѣ трепетно забила на груди молодой дѣвушки. — Дѣвушка рѣзво упорхнула въ толпу, а Анатоль исчезъ изъ залы, гдѣ не переставали танцовать и курить оміамъ лести прелестямъ Люсильи. И не мудрено: прелести эти такъ положительно обусловливались прилагательнымъ милліономъ.

Князь Сомской въ этотъ вечеръ былъ особенно внимателенъ, даже приторно нѣженъ съ Люсильею. Самая сильная любовь, допускаемая тономъ высшаго общества и приличіями свѣта, проглядывала въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи молодаго человѣка. Онъ почти не отходилъ отъ миленькой милліонерки, танцевалъ только съ нею и невольно заставилъ нѣкоторыхъ сказать съ скрытою завистию: «Ай да князь, счастливчикъ! Какая славная партія.»

Одна Люсиль какъ-будто не замѣчала этого. Она была мила и обходительна со всѣми; правда, въ срединѣ бала, Люсиль сдѣлалась нѣсколько разсѣянна: она окидывала глазками толпу танцующихъ, безпрестанно поглядывала на двери, какъ-будто отыскивала кого-то, и легкое облачко неудовольствія набѣгало на ея всегда смѣющееся личико. — Но это было мгновенно и посторонній глазъ едва-ли бы это замѣтилъ.

Далеко за полночь кончился балъ и гости стали разъѣзжаться. Въ гостиной Люсиль увидѣла Анатолія, который прощался съ Локсклеемъ; молодая дѣвушка подошла къ нему.

— Вы, Анатоль, не хотѣли веселиться у меня на праздникѣ, Богъ съ вами! — и потомъ ласково взглянувъ на него, съ чувствомъ прибавила: Скажите, Анатоль, по чистой совѣсти... по дружбѣ... въ чемъ я виновата? за что вы сердитесь?

Молодой человѣкъ вздрогнулъ; блѣдное лицо его покрылось легкимъ румянцемъ и онъ отвѣчалъ: — Сердиться! мнѣ?

На васъ? О, Боже мой! имѣю-ли я на это право? могу-ли? да и за что-же?

— Отчего-же вы не танцовали? зачѣмъ ушли изъ залы?

— Я не такъ здоровъ, сказалъ Анатоль, въ другой разъ постараюсь исправить свою вину.

— Въ другой разъ.... сказала Люсилъ задумчиво.... Хорошо! Я это вспомню.

И послѣ обычныхъ фразъ прощанія, молодые люди разстались.

—

На слѣдующій день послѣ бала, Анатоль явился къ банкиру въ урочный часъ своихъ обыкновенныхъ занятій.

— Ба! любезный Анатоль! Вы ужъ и здѣсь! — сказалъ Локсклей; а я было думалъ, что усталость, поздній сонъ... Но что съ вами? продолжалъ онъ съ участіемъ: вы такъ блѣдны! Встревожены.... Ужъ не больны-ли?

— Я утромъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ; но теперь, кажется, все прошло!

— Но все-таки, вы не должны сегодня работать....

— Отчего-же?

— Да еще хуже можетъ быть.... Нѣтъ, нѣтъ! Я не допущу!

— Помилуйте, говорилъ Анатоль, садясь къ столу, все это вздоръ! Пустой припадокъ.

Но онъ видимо лгалъ, болѣзнь его была гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ представлялъ ее.

— Нѣтъ ужъ! сказалъ банкиръ: сегодня баста! Мы оба отдохнемъ, а завтра, пожалуй, можно и опять за работу съ новыми силами. А я все-таки радъ, что вы пришли, у меня есть до васъ дѣло крайней важности.... Оно касается собственно до меня и до Люси.... Понимаете?... Надо, чтобъ вы говорили.... такъ, знаете, — положила руку на сердце, — на прямки.

Анатоль вздрогнулъ; вопросительно и съ безпокойствомъ взглянулъ на Локсклея; но тотъ, не замѣчая этого, продолжалъ:

— Ну, такъ къ цѣли. Вы давно знаете князя Сомскаго?

— Давно, отвѣчалъ Анатоль; мы съ княземъ школьные товарищи, вмѣстѣ росли и потомъ вмѣстѣ проходили университетскій курсъ.

— Вотъ и прекрасно, значить это дѣло кончено. Ну, скажите же мнѣ теперь, любезный Анатоль.... Только я

Вѣдь это не изъ любопытства, понимаете.... Тутъ есть интересъ — важный, кровный.... Нужно правду, правду и еще разъ правду! Такъ вотъ что: каковъ онъ по вашему, по совѣсти? Какъ вы думаете объ немъ?

— Онъ очень хорошій человѣкъ, отвѣчалъ Анатоль.

— Да, хорошій.... Ну, конечно хорошій.... Только это не то! говорилъ Локсклей. Какъ свѣтскаго человѣка, и я знаю князя съ прекрасной стороны, все это въ порядкѣ! онъ уменъ, говоритъ мастеръ, польку хорошо выдѣлываетъ.... Но мнѣ надо бы что нибудь пообстоятельнѣе.... Этакъ, на счетъ душонки.... Правила то какъ у него?... внутри-то что сидитъ?

— Онъ добръ и благороденъ, вотъ все, что я могу сказать о немъ, отвѣчалъ Анатоль. И если-бъ не маленькое легкомысліе, то....

— То и пунктумъ! сказала Локсклей: Ну, это порокъ еще не важный, лѣта его исправить. Не у всѣхъ, другъ Анатоль, такой положительный умъ, какъ у васъ.... Не кланяйтесь! это не комплиментъ; благодарить не за что: въ этомъ достоинствѣ вы сами не виноваты; все судьба, любезный! Она васъ не побаловала — и вышло хорошо!

Локсклей былъ доволенъ своей философской фразой, раза два прошелся по комнатѣ, и потомъ весело продолжалъ: Такъ вы говорите, что Сомскій — человѣкъ! Точно?

Анатоль утвердительно кивнулъ головою.

— Ну и прекрасно; значитъ, это дѣло кончено! Сейчас-только, передъ вами князь былъ у меня и знаете за чѣмъ?

— Цѣтъ, отвѣчалъ Анатоль, съ какимъ-то безотчетнымъ волненіемъ.

— Г-мъ! Люсиль приглянулась; онъ сватается. А, каково?

— Что-же, проговорилъ молодой человѣкъ, судорожно прижимая руку къ груди и голосъ его нѣсколько дрожалъ; что-же? князь можетъ составить счастье жены.

— Ну и прекрасно! проговорилъ радостно банкиръ. Я послалъ за дочерью; она сейчасъ придетъ.... Оставайтесь здѣсь, вы мнѣ поможете.

Анатоль хотѣлъ возражать, но дверь открылась и Люсиль вошла. Глазки ея были еще томны отъ усталости, румянецъ на щекахъ немножко поблѣднѣлъ; на груди качалась вчерашняя полузавялая камелія.

— А вотъ и сама! говорилъ Локсклей, цѣлуя дочь, ну что, каково спала?

— Хорошо, папа! — Мг. Анатоль, что вамъ сегодня лучше? спросила Люсиль, обратясь съ теплымъ участіемъ къ молодому человѣку; но тотчасъ-же прибавила: нѣтъ, Боже мой! вамъ не лучше; папа! посмотрите, какъ онъ блѣденъ.

Анатоль, у котораго въ эту минуту на блѣдное лицо, вмѣстѣ съ холоднымъ потомъ проступило какое-то мгновенное выраженіе отчаянія, съ неимовернымъ мужествомъ подавилъ свое чувство, и твердо отвѣчалъ, сѣясь улыбнуться: О нѣтъ, мнѣ сегодня гораздо лучше, благодарю васъ за участіе.

Онъ стоялъ, прислонясь къ столу, скрестя обѣ руки на груди. Правая рука, между тѣмъ, за жилеткой крѣпко сжимала грудь, какъ-бы удерживая бѣшеніе сердца, которое съ каждой секундой становилось сильнѣе и громче.

— Ну, Люсиль, а скажи-ко: тебѣ ничего не снилось?...

— Ничего, папа... кромѣ однако-жъ одной французской кадрили.

— А мнѣ такъ снилось.... вскричалъ Локеклей, смѣясь, да только на яву... И знаешь-ли, что, Люсочка?

— Что такое, папа?

— Угадай!

— Не мучьте, голубчикъ, скажите, папочка! И она маленькими ручками гладила пухлыя щеки банкира.

— А! любопытна!... Мнѣ снилось, что ты будешь княгиней.... Важно такъ: Ваше Сіятельство!... А? вѣдь важно?

— Какъ княгиней?

— Да просто — за князя выйдешь. За красавчика! За Сомскаго, онъ сейчасъ былъ у меня.

— За Сомскаго! вскричала Люсиль.

— Ага! нравится. Теперь, небось, не скажешь обычнаго: «нѣтъ, папа, не хочу замужъ!» Анатоль говоритъ, что князь отличный человѣкъ, ошастливить тебя.

Молодая дѣвушка при этихъ словахъ медленно взглянула на Анатоля. Определить этотъ взглядъ было трудно; но Анатоль, хотя глаза его были опущены, почувствовалъ его электрическое дѣйствіе, потому что кровь, закипѣвъ, сильно хлынула къ сердцу и къ головѣ молодого человѣка.

— Ну, Люсиль, что ты скажешь?

Люсиль тихо вздохнула, и опустя голову, сказала:

— Я не пойду за князя, я не хочу замужъ!

— Э! нѣтъ, душа! Это ужъ вздоръ... пустой капризь.... Князь богачъ, молодець, умница.... Чего-жъ тебѣ еще? Глупишь, дѣвочка, и я не понимаю....

— Папа, сказала съ мольбою и почти со слезами молодая дѣвушка, вы дали мнѣ право выбрать себѣ жениха, не отнимайте-же того, чѣмъ надѣлили.

— Но когда-же это будетъ? сказалъ Локсклей; я ужъ видишь, старъ, дряхлѣ становлюсь... Для спокойствія души мнѣ нужно умереть съ убѣжденіемъ, что ты счастлива.

Люсиль кинулась къ отцу, крѣпко поцѣловала его руку и сказала: «Мой милый, добрый папа! скоро, очень скоро я выберу, но только не принуждайте меня. — Въ глазахъ ея блеснули слезы и она выбѣжала изъ комнаты.

Банкиръ былъ обезоруженъ и разбитъ на голову. Молча прошелся онъ по комнатѣ и наконецъ сказалъ: Вотъ ужъ этого не понимаю! Тупикъ, совсѣмъ тупикъ!... И этотъ не по ней! Да что-жъ у нея тамъ такое.... А? какъ вы думаете, Анатоль?

Анатоль, который, въ глубокой думѣ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, вздрогнулъ. Голосъ Локсклея заставилъ его поднять голову; лицо его по прежнему было блѣдно, истомлено, но покойно и рѣшительно. Казалось, онъ вынесъ съ собою сильную борьбу и принялъ твердое намѣреніе.

Не отвѣчая на вопросъ Локсклея, онъ сказалъ: Г-нъ Локсклей, мнѣ тоже надо поговорить съ вами, и если вы позволите.... теперь же.

— Видно ужъ сегодня такой день, что всѣмъ надо говорить, сказалъ улыбаясь Локсклей. Что же такое, Анатоль?

— Господинъ Локсклей, я хочу просить васъ уволить меня отъ моей должности, я не могу долѣе оставаться у васъ.

Локсклей разинулъ ротъ и размахнулъ руками. Онъ былъ такъ изумленъ этими словами, что съ минуту не могъ придти въ себя и наконецъ сказалъ: Не можете? у меня? Уволить.... Да какъ-же это? Отчего такъ, любезный другъ?

— Оттого, что я имѣю на-это причины.... причины очень важныя, которыхъ я не могу объяснить вамъ, г-нъ Локсклей.

— Конечно, должны быть причины, говорилъ банкиръ, почти съ досадою; нельзя же безъ причины оставить домъ, гдѣ васъ любятъ, бросить старика, который васъ считаетъ другомъ, сыномъ.... Ну, скажите, пожалуйста, какая причина?—Если вы чѣмъ недовольны, то по моему, надо прямо: баць! и концы въ воду!—Вотъ, молъ, оно что! а не бросать людей изъ какого нибудь вздора.

— Честь моя велитъ мнѣ оставить васъ, г-нъ Локсклей. Я это считаю моимъ долгомъ, именно потому, что вы были

всегда такъ расположены ко мнѣ. Вы сдѣлали мнѣ такъ много добра, что я....

— Что вы хотите огорчить меня! Дѣло! А по какой логикѣ это такъ приходится, смѣю спросить? — Вздоръ! вы не сдѣлаете этого, говорилъ Локсклей, не дозволю, не допущу! Ну, скажите, мой милый, чѣмъ вы недовольны?

— Ахъ! проговорилъ съ тоскою Анатолю, я всѣмъ болѣе, чѣмъ доволенъ, повѣрьте, г-нъ Локсклей; мнѣ очень горько, мнѣ такъ горько.... но я долженъ васъ оставить непремѣнно.

— А! капризъ! Давно-ли вы записались въ бабы?—Гм! гм!.. Глупо, ей Богу, глупо! И прискорбно.... Я такъ привыкъ къ вамъ, такъ люблю васъ... Грѣхъ, грѣхъ огорчать старика... проговорилъ банкиръ едва внятнымъ голосомъ.

— Г-нъ Локсклей, сказалъ Анатолю съ чувствомъ: чтобы вы не подозрѣвали во мнѣ неблагодарности и ребячества, я открою вамъ причину. Я принужденъ оставить вашъ домъ потому, что не хочу платить за добро—зломъ; потому-что не хочу, чтобы вы могли сказать: онъ обманулъ меня!... Наконецъ, не хочу, чтобы вы когда нибудь раскаялись въ вашемъ ко мнѣ расположеніи.

— Ничего не понимаю! Ровно ничего.... Это египетская азбука.

Анатолю на минуту замолчалъ и потомъ твердо и рѣшительно сказалъ : Я люблю вашу дочь!

— А! — произнесъ банкиръ съ большимъ изумленіемъ.

— Да, продолжалъ Анатолю, закрывъ лицо руками, я люблю ее! Сколько я ни боролся съ этимъ чувствомъ, сколько ни разсуждалъ, все напрасно, разсудокъ замолкъ, а сердце рвется.... Но, продолжалъ онъ, я все еще не оставилъ бы дома, гдѣ меня ласкали, какъ роднаго, съумѣлъ бы скрыть страсть мою въ душѣ, поборолъ бы горе силою воли, если бы....

— Что? — спросилъ банкиръ.

— Если бы я не боялся....

— Чего?

— Если бы я не боялся, говорилъ Анатолю, преодолевая невольное смущеніе, что и дочь ваша....

— Любить васъ? — съ живостію спросилъ банкиръ.

— По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.... отвѣчалъ Анатолю застѣнчиво. Надо остановить зло въ началѣ. Вы видите, я необходимо долженъ оставить вашъ домъ.

Банкиръ замолчалъ. Заложа руки за спину, онъ скоро хо-

диль по комнатѣ, и наконецъ спросилъ, не переставая ходить: Люсиль вамъ говорила что нибудь?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Анатолий; но я подозрѣваю и боюсь....

Прошло еще минутъ пять, въ которыя слышались только шаги Локсклея. Наконецъ онъ быстро остановился передъ Анатолиемъ.

— Руку вашу, Анатолий! сказалъ онъ: вы честный малый! Но.... прибавилъ банкиръ, это дѣло надо разъяснить, я не люблю путаницы. И сейчасъ же! Въ дѣлахъ нужна чистота! — Онъ позвонилъ и приказалъ позвать дочь.

Съ большимъ недоразумѣніемъ глядѣлъ Анатолий на банкира, не постигая, что онъ хочетъ дѣлать. Онъ было взялся за шляпу, Локсклей молча его остановилъ и указалъ на кресло. Черезъ нѣсколько минутъ Люсиль вошла въ кабинетъ, глаза молодой дѣвушки были заплаканы, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни.

— Гм! значительно произнесъ Локсклей, взглянувъ на дочь, да.... вотъ оно что! Послушай, ты вострушка! я передумалъ.... не хочу больше ждать, подавай мнѣ мужа! Всѣхъ, кого ты знаешь, знаю также и я, такъ, не откладывая въ долгій ящикъ, изволь говорить прямо и сейчасъ же: кого ты выбрала?

Сконфуженная до послѣдней степени, Люсиль молчала, не зная что дѣлать.

— Да, ну-же, Люсиль, я разсержусь! я не люблю долго ждать! продолжалъ онъ морщась и пристально глядя въ глаза дочери.

Люсиль молчала: но прекрасные ея глаза, полные слезъ, долго блуждали и наконецъ обратились къ Анатолию.

— Его, что-ли? сказалъ наконецъ банкиръ, показывая на молодого человѣка.

Невольное: *Ахъ!* вырвалось у бѣдной дѣвушки и она кинулась на грудь къ отцу.

— Ну, и прекрасно, дурочка! сказалъ банкиръ, весело глядя ее по головѣ, давно бы такъ: значить и это дѣло кончено! Анатолий, вамъ отходить не для чего.... Напротивъ, перебирайтесь-ко сюда.... Вотъ тебѣ жена, шалунъ!

И онъ толкнулъ дочь въ объятія онѣмѣвшаго отъ восторга Иванова.

Вѣсть объ такомъ неожиданномъ происшествіи быстро распространилась по городу. Очень многіе не хотѣли вѣрить,

чтобы это могло стучиться. — Да кто такой Ивановъ? — А кто его знает! — Съ неба свалился, что-ли? — Конторщикъ, говорятъ. — Нѣтъ, хуже: сынъ какого-то русскаго литератора. — Фи, какая гадость! — Да что старикъ-то съ ума спятилъ, что выдаетъ дочь за такую дрянь? — Для курьозу — по англійски! — Но онъ, говорятъ, очень образованъ, прекрасной души. — А за душой-то что? — Пусто! — А вотъ теперь подобѣтъ золотомъ, будетъ лучше.

Таковы были толки на свѣтскихъ сходкахъ. Но какъ бы то ни было, а чрезъ мѣсяць печатныя приглашенія были разсланы ко всѣмъ знакомымъ, а князь Сомскій былъ выбранъ шаферомъ.

— Ну, ужъ братецъ, говорилъ князь, поздравляя Анатоля, сыгралъ же ты со мною штуку: изъ подъ носу жирную куропатку подстрѣлилъ. Да ужъ моя такая доля, вѣчно хлопочу безъ толку: на лошадей, да на женщинъ рѣшительно нѣтъ удачи.... Ну, да въ добрый часъ! Я радъ! съ тобою она будетъ счастливѣй, чѣмъ со мною. Ты человекъ аккуратный, а я бы все протранжирилъ: такая натура.

Свадьба была сыграна скромно, но весело. Ивановы переселились въ домъ банкира и чрезъ нѣсколько дней на всѣхъ коммерческихъ бумагахъ этого дома имя Локсклея замѣнилось новою фирмою: *Ивановъ и комп.*

Прошелъ годъ, прошло два, канулъ въ вѣчность третій, а за нимъ и четвертый. Кто-то сказалъ, что годы имѣютъ одинакое свойство съ баранами: что сдѣлалъ первый, то будутъ дѣлать и всѣ, сколько бы ихъ тамъ ни было.

Семейство Локсклея въ эти четыре года немножко порасплодилось и жило, какъ говорятъ, припѣваючи. Анатолю съ каждымъ днемъ, казалось, все болѣе и болѣе чувствовалъ свое счастье, а Люсиль жила и дышала однимъ мужемъ. Значить дѣло шло ладно и складно, какъ въ сказкѣ. Старик-отцы постоянно играли въ бостонъ или въ шахъ-и-матъ, предоставляя дѣла молодымъ. Но подчасъ они ссорились, за двухъ ребятишекъ, мальчика и дѣвочку, которые ежеминутно возились вокругъ дѣдушекъ, сбивали ихъ съ толку и путали имъ игру: — Эхъ, какіе скучные, говорилъ Локсклей дѣтямъ, все взѣралашили! Этакая досада; еще бы одинъ ходъ, такъ бы и задалъ Алексѣю шахъ и матъ. Пошли, пошли въ дѣтекую, да прошу ни шагу оттуда.

— Эхъ-ма! старина! полно тебѣ! вѣдь они дѣти, съ ними

надо кротко, говорилъ Алексѣй Ивановичъ. Ну какъ можно такъ на нихъ покрикивать.... Подите сюда, кропотунчики!... Лѣля! Соля! надо слушаться, вотъ видите.... И тутъ начнется кроткое увѣщаніе, которое кончится обыкновенно тѣмъ, что дѣти кидались на него, лезли на колѣна, душили его за шею, и пары очковъ какъ не бывало.

Только по поводу внучатъ и были размолвки между стариками. Алексѣй Ивановичъ любилъ дѣтей страстно и въ такой же мѣрѣ баловалъ ихъ. Локсклей любилъ ихъ не меньше, но былъ строгъ, иногда нетерпѣливъ — и это-то служило безконечною темою споровъ и длинныхъ разсужденій о воспитаніи — между стариками. Однако-жъ, не смотря на вспыльчивость и быстроту Локсклея, во время крупныхъ размолвокъ, даже когда онъ бывалъ правъ, онъ всегда первый протягивалъ руку примиренія старику Иванову и почти ребячески просилъ у него извиненія.

Такъ-то жилъ новый банкирскій домъ *Ивановъ и комп.* и дѣйствительно трудно было отыскать въ Петербургѣ семейство, болѣе счастливое, но по пословицѣ короля Дагоберта: «Нѣтъ столь пріятной компаніи, которая бы наконецъ не прасходила!» и судьба оложила разрознить нашихъ героевъ. Первый жребій выпалъ на Локсклея и смерть совершенно неожиданно явилась у его изголовья. Безсильна наука человѣка, когда въ предвѣчномъ законѣ положено воззвать зѣмнаго скитальца къ безсмертному началу: не смотря на всѣ заботы и попеченія, которыми окруженъ былъ Локсклей, на всю мудрость и знаніе медиковъ, его пользовавшихся, послѣдній часъ его наступилъ. Алексѣй Ивановичъ, какъ всѣ люди слабой и нежной природы, плакалъ, какъ ребенокъ, сидя у постели друга, такъ щедро и великодушно надѣлившаго его семейство счастіемъ: — «Не ему бы, говорилъ онъ, а мнѣ, человѣку дряхлому, слѣдовало умереть прежде, а вотъ я переживаю его!»

Въ послѣднія минуты Локсклей, какъ бы по особенному нравственному усилію на нѣсколько мгновеній вырвался изъ рукъ смерти: онъ открылъ глаза, съ любовію взглянулъ на дѣтей и друга, которые съ тоскою и отчаяніемъ слѣдили малѣйшія его движенія, и тихо сказалъ: — «Хочу проститься съ вами; будьте всегда честны — а счастливы будете! Не плачьте, у васъ еще остается отецъ: вотъ онъ! шепталъ умирающій, протягивая руку Алексѣю Ивановичу — Поцѣлуйте меня, добрый, вѣрный, единственный другъ мой!»

Старикъ Ивановъ, тихо рыдая, наклонился надъ умирающимъ.

— Благодарю, говорилъ Локсклей, за все благодарю.... Тамъ.... въ бюро.... въ сафьянномъ ящикѣ.... лежитъ величайшее мое сокровище.... я дорожилъ имъ больше всего въ жизни и оно принесло мнѣ богатство, почетъ и счастье.... Въ томъ-же ящикѣ вы найдете мое завѣщаніе: прошу исполнить его въ точности.... Тутъ голосъ старика ослабѣлъ, дыханіе стало рѣже, еще минута, еще одно нервическое потрясеніе, тихій, послѣдній вздохъ и душа разорвала тѣлесныя цѣпи....

Локсклей былъ любимцемъ родной семьи, источникомъ счастья окружающихъ, и потому можно судить, съ какимъ горемъ провожали его въ послѣдній путь, съ какими горячими слезами опустили богатый гробъ въ землю! Каждый изъ осиротѣлыхъ кинулъ горсть земли на прахъ усопшаго съ невыразимою тоскою и возвратился въ богатый опустѣвшій домъ, какъ будто на родное пепелище.

Наступило время вскрытія духовнаго завѣщанія. Двери кабинета открылись и родные покойнаго Локсклея съ благоговѣніемъ вошли въ комнату, въ которой каждое мѣсто напоминало имъ объ радостныхъ событіяхъ въ прошедшемъ. Люсили подали ключъ, она отперла отцовское бюро и вынула изъ него богатый сафьянный ящикъ съ золотою обивкою, объ которомъ говорилъ банкиръ. Когда отстегнули застѣжки, то увидѣли, что этотъ ящикъ служилъ только футляромъ другому, простому, изъ обыкновеннаго дерева. На крышкѣ его лежало духовное завѣщаніе.

Люсилия взяла бумагу, нѣсколько разъ поцѣловала ее, и сказала, подавая мужу: читай, мой другъ.

Анатолий развернулъ листъ и прочелъ:

«Во имя Бога живаго, предъ лицомъ котораго я предстою въ эту минуту, завѣщаю моимъ наслѣдникамъ, дочери Люсилии и нареченному сыну Анатолию Ивановымъ; хранить драгоценность, находящуюся въ этомъ ящикѣ свято и неприкосновенно, какъ залогъ нашего общаго счастья, и напоминаніе о долгѣ человѣчества и чести, и по смерти передавать дѣтямъ и позднѣйшему потомству нашего дома изъ рода въ родъ.»

Банкиръ Д. Локсклей.

«Писано мною собственноручно, въ городѣ Петербургѣ, лѣта, по Р. X. 1845 г. сентября 10-го дня.»

Читайте и помните:

«Въ Парижѣ, въ сентябрѣ 1804 года, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, голодный и въ отчаяніи, готовъ былъ просить милостыню для бѣднаго слѣпаго отца и малютки сестры, которые уже два дни не ѣли. Молодой человекъ, иностранецъ, спасъ его отъ этого униженія; узнавъ, что мальчикъ сапожникъ, онъ купилъ ему инструментъ, съ помощію котораго бѣднякъ могъ кормить свое семейство. Но этого мало, великодушный иностранецъ посѣтилъ старика-слѣпца, и щедрая помощь его на много времени облегчила несчастье и трудъ мальчика. По карточкѣ, которую незнакомецъ обронилъ, молодой сапожникъ узналъ, что это былъ русскій путешественникъ. Мальчикъ отыскалъ его въ Парижѣ; но не пріемля никакой благодарности, великодушный русскій сказалъ ему только: «будь честенъ, трудись, и Богъ тебя не оставитъ. Его святому промыслу слѣдуетъ благодареніе — не людямъ.» Съ этимъ онъ сунулъ ему въ руку три червонца и простился. Мальчикъ поклялся въ душѣ всю жизнь исполнять, какъ заповѣдь, слова благодѣтеля, и на другой день проводилъ его изъ Парижа.

«Послѣ смерти отца, мальчикъ занялся образованіемъ сестры. Но Богъ не судилъ ему пожать плоды его заботливости: она умерла по двѣнадцатому году. Тогда осиротѣлый юноша отправился въ Англію съ однимъ англичаниномъ, тоже сапожникомъ, и жилъ у него долго подмастерьемъ. Въ послѣдствіи онъ женился на его дочери, и заведеніе, знаменитое въ Лондонѣ, перешло въ его руки. Помня завѣтъ русскаго, онъ постоянно работалъ его сапожнымъ инструментомъ и счастье лилось на него рѣкою. Честность и трудолюбіе его ставили въ примѣръ. Вдругъ, неожиданное благополучіе совершенно измѣнило положеніе сапожника. Богатый торговый домъ Ливерпульскій предложилъ ему, какъ отличному мастеру и знатоку этого дѣла, вступить въ товарищество, для покупки, выдѣлки и производства русскихъ кожъ въ Англіи и другихъ государствахъ континента. Онъ согласился. Операции ихъ были чрезвычайно счастливы: въ короткое время они нажили два милліона франковъ. Домъ ихъ сталъ одинъ изъ извѣстѣйшихъ. Но чрезъ два года Локсклей умеръ. Онъ былъ одинокъ, и по существовавшему между ними условію, товарищъ долженъ былъ ему наследовать безъ изъятія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить прежнюю фирму. Сапожникъ сталъ полнымъ хозяиномъ и счастливо велъ свои обороты.

Трудолюбіе и *честность* и здѣсь оказали свое вліяніе: капиталы его скоро удвоились. Черезъ нѣсколько лѣтъ нашъ сапожникъ-миллионеръ переселился въ Россію, куда влекло его непреодолимое желаніе отыскать своего перваго благодѣтеля. Здѣсь онъ развѣдывалъ о каждомъ человѣкѣ, носившемъ фамилію его перваго благодѣтеля... но къ несчастію онъ всегда видѣлъ, что отысканный былъ не тотъ, кого онъ искалъ. Наконецъ, чрезъ пятнадцать лѣтъ по смерти любимой жены, случай увѣнчалъ его желанія. Онъ нашелъ своего благотворителя. Изъ собственныхъ его разказовъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, онъ убѣдился, что это тотъ-самый, и умеръ наконецъ съ сладкой увѣренностію, что уплатилъ долгъ благодарности, отдавъ сыну благодѣтеля лучшее свое сокровище — дочь, а семейству его, *честью* и *трудолюбіемъ* приобрѣтенное богатство. Благодѣтель сапожника былъ *Алексій Ивановъ*; сапожникъ-банкиръ — *Джоржъ Локсклей*.

«Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе, а въ сердцахъ вашихъ добрая молитва объ усопшемъ.»

Люсиль первая пришла въ себя, по прочтеніи этой приписки къ духовной, и съ крикомъ: Батюшка! Батюшка! кинулись на шею къ рыдавшему Алексѣю Ивановичу. Она цѣловала его глаза, руки, голову, говоря: благодарю, благодарю васъ!

Когда всѣ нѣсколько поуспокоились, то Люсиль сказала: Но, что-же такое батюшка оставилъ намъ на память? Какое сокровище заключается въ ящикѣ? — Алексѣй Ивановичъ взялъ ящикъ съ драгоценностію, объ которой писалъ Локсклей, трепетною рукою открылъ его: въ ящикѣ лежалъ — старый сапожный снарядъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЫЛО И ПРОШЛО.

Я васъ любилъ какъ сумасшедшій,
 И хоть не жаль — я признаюсь —
 Мнѣ глупости моей прошедшей,
 Но воротиться къ ней боюсь.
 И вы въ тѣ дни не отвѣчали
 Галиматьѣ моей любви,
 Насмѣшкой умной усмиряли
 Волнение дерзкое къ крови.
 Теперь я сталъ и самъ умнѣе,
 Злость вѣсь мнѣ въ свѣтѣ придаетъ
 И я понравиться скорѣе
 Могу, какъ запрещенный плодъ.
 Такъ для чего же намъ влюбляться
 На зло приличью и уму?
 Теперь мнѣ трудно увлекаться,
 А увлекать мнѣ васъ къ чему?
 Въ душѣ изношенной, усталой
 И мало чувствъ, и мало силъ;
 Вы сами будете, пожалуй,
 Сходить съ ума, какъ я сходилъ;
 Быть можетъ сердце мнѣ, какъ прежде,
 Наполнить глупая любовь,
 И страсти, счастьемъ и надеждѣ
 Я какъ дитя повѣрю вновь. —
 И будетъ жалко и труднѣе

Намъ другъ отъ друга отвыкать,
 Смотрѣть въ глаза другя стынѣ,
 Грустнѣй другъ друга забывать.
 Мы нашей глупостью несчастной
 Во мнѣни всѣхъ себя уьемъ,
 А сумасшествіе вдвоемъ —
 Гораздо хуже и опаснѣй.

В. ЗОТОВЪ.

ДУМА.

Чуть мерцаетъ, свѣтъ небесный
 Въ тусклое окно.
 Птичка дремлетъ въ клеткѣ тѣсной
 Тихо и темно.
 Я смотрю — весною воды
 Мутныя бѣгутъ.
 День за днемъ, и непогоды
 Зимнія пройдутъ.
 День пройдетъ, другой проглянетъ
 Тихой чередой.
 Можетъ быть трава завянетъ,
 Въ осень надо мной...
 Что нужды! туманъ въ день ясной
 Долженъ улетать,
 А жильцамъ земли прекрасной
 Надо-жъ мѣсто дать.

Н. ХВОЩИНСКАЯ.

ЗАЧѢМЪ?

Зачѣмъ блистать передо мной
Игривостью ума и бойкой острою?
Не нуженъ умъ душѣ большой:
Она ей не дастъ любви святой
Съ ея отрадной теплотою.

Умомъ торжествовать могли-бъ вы предъ толпой
Друзей, гдѣ все вамъ смѣхъ, забава,
И гдѣ блестятъ вашъ умъ игривый и живой,
Какъ фейерверкъ струею огневой,
Гдѣ вамъ за то честь и слава!

Вниманье женщины вы любите привлечь
И смѣлой фразою, и взоромъ полутомнымъ,
Намекомъ, выходкой, нѣмымъ пожатьемъ плечъ,
Все, все у васъ въ ходу, лишь только-бы завлечь
Своимъ умомъ, подь-часъ нескромнымъ!

Но для меня вашъ хитрый умъ
Не занимателенъ, божуся вамъ, нисколько!
Весь этотъ блескъ, и чадъ, и шумъ —
Она не достойна сладкихъ думъ....
Она оглушительна для мозга, но — и только.

Грустна и холодна бываю съ вами я!
Мнѣ скучны ваши разсужденья
И юная душа безпечная моя,
Скажу вамъ, правды не тай,
Отъ нихъ не чувствуетъ — ни нѣги, ни томленья!

Бездушныхъ не люблю!... а въ васъ одинъ лишь умъ,
Не глится искры вдохновенья...
Васъ обуялъ хвалы ничтожный шумъ,
И вы не созданы понять высокихъ думъ
И оцѣнить ихъ силой пѣснопѣнья!

Н. С. А.

М О Г И Л А.

Вотъ камень гранитный, подъ сѣнію клѣна,
 Вѣнкомъ павелики покрыть....
 Надъ нимъ лучезарно сіяетъ икона,
 Подъ нимъ — мой товарищъ зарыть.

Счастливецъ! разстался онъ съ жизнью бесплодной,
 И въ лучшую жизнь улетѣлъ, —
 Гдѣ нѣтъ ни страданій, ни дружбы холодной,
 Гдѣ вѣчности мврный предѣлъ....

Да! тамъ не бушуютъ ни зависть, ни страсти,
 Тамъ нѣтъ ни тревоги, ни зла, —
 И грудь тамъ неправдой не рвется на части,
 И думы не морщатъ чела.

Сильна ты защитой, добра ты, могила!
 Ты отдыхъ страдальцу дала, —
 Ты въ нѣдра останки его приютила,
 А душу Творцу отдала....

Но роншетъ листочекъ могильной былинки, —
 О томъ-ли онъ шепчетъ со мной,
 Что въ мірѣ не больше ничтожной пылинки
 Надмѣнный мечтатель земной?...

Н. СУСЛОВЪ.

БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЙ СТАРОСТА.

(Сказка).

Глухою осенью, вечернею порой,
 Съ пустою на спинѣ сумой,
 Промокнувъ отъ дождя и отощавъ безъ пищи,
 Плелся проселкомъ нищій.
 Вокругъ лѣса мертвѣютъ,

Поля поблекшія желтѣютъ,
 И вѣтеръ хворостъ шелеститъ.
 По грязи нищій нашъ спѣшитъ,
 Сбирается съ послѣдней силой
 И вотъ добрель до ближняго села.
 Повсюду тишина, какъ будто надъ могилой:
 Селенье спитъ давно, вездѣ ночная мгла.
 Вдругъ видитъ онъ: у самаго проселка
 Стоитъ тесовая свѣтѣлка,
 Въ ней брезжетъ свѣтлый огонѣкъ.
 «Авось дадутъ мнѣ уголокъ!»
 Такъ думаетъ бѣднякъ и въ ворота стучится.
 Песъ лаезъ на дворѣ, корова шевелится,
 Въ свѣтелкѣ-жъ никого не трогаетъ тотъ стукъ:
 Богатый староста, возсѣвъ на свой сундукъ,
 Надъ ужиномъ заботливо трудится,
 А батраки его, угрѣвшись на печи,
 Не трогаются съ мѣсть. «Стучи себѣ, стучи»—
 Такъ думаютъ они: «Авось и перестанешь;
 Какъ руки отобьешь; тогда и самъ отстанешь.»
 И точно, нищій нашъ, продрогнувъ подъ дождемъ,
 Побрель опять своимъ путемъ.
 Оно не мудрено, и въ старину бывало
 (Не знаю какъ теперь) — богатый очень мало
 Заботился о горѣ бѣдняка,
 Лишь самаго-бъ судьбина не приперла,
 А до другихъ нужда не велика.
 А староста нашъ былъ богатъ и сытъ по горло.
 Стучится нищій къ бѣдняку.
 Тотъ отперъ, ввелъ его въ лачугу,
 Хозяинъ гостю р дь, какъ другу:
 Соломки стелеть къ рундуку
 И дѣлить съ нимъ краюху хлѣба.
 Утолена первѣйшая потреба,
 Молитву теплую убогій шлетъ на небо
 Благословляетъ дружній домъ
 И засыпаетъ... вѣчнымъ сномъ.
 Поутру всталъ мужикъ, но не встаетъ убогій;
 Бѣжитъ онъ къ старостѣ съ переполохъ
 И прямо бухнулъ въ ноги:
 «Пафнутій Сидорычъ! Меня попуталъ Богъ!
 Ужъ видно такъ судьба хотѣла:

Сегодня у меня гость нищій почеваль,
 Да за ночь вдругъ смередушка приспѣла :
 Онъ жить намъ долго приказаль !»
 — Какъ ! Умеръ ? — Староста вскричалъ :
 Ахъ ты разбойникъ, ахъ злодѣй !
 И ты глядишь еще на свѣтъ и на людей ?
 Вѣдь это всякаго убійства хуже !
 И чтожь-бы стоило бѣднягу приютить,
 И отогрѣть, и накормить ?
 Да ты-бъ ко мнѣ пришелъ, сказалъ-бы только слово :
 Въ моей избѣ для бѣдныхъ все готово,
 Такъ нѣтъ, вотъ взялъ да уморилъ.
 — Помилуй, мой отецъ ! — мужикъ заговорилъ,
 Да онъ вѣдь самъ къ тебѣ стучался....
 «Молчать, безсовѣтный ! заврался !
 Не знаешь развѣ ты
 Что у меня ворота
 Для бѣдныхъ отперты
 И день и ночь :
 Ступай и ѣшь, была-бы лишь охота!»

—
 Такіе старосты межъ нами есть точь въ точь :
 Для мертвыхъ ворота всѣ настежь отворяють,
 А отъ живыхъ — семью замками запирають.

о. к.

=

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСТОРИЯ ТАНЦОВАНИЯ И БАЛЕТА,

ПО РАЗЫСКАНИЯМЪ ФРАНЦУЗОВЪ И АНГЛИЧАНЪ.

II. ТАНЦОВАНИЕ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКИ И НАЧАЛО НОВАГО БАЛЕТА.

Приступая къ новому періоду въ исторіи искусства, мы считаемъ нужнымъ повторить то, что мы говорили въ началѣ статьи: что пляска, какъ и все искусство, имѣла первоначально значеніе мистическое, религиозное. Съ перваго взгляда покажется, что это замѣчаніе не приложимо къ исторіи танцovanія у племенъ, озаренныхъ свѣтомъ Откровенія, у которыхъ не должно бы встрѣчаться тѣхъ суевѣрныхъ понятій и обрядовъ, какіе мы находимъ у народовъ древнихъ, видѣвшихъ все величіе творенія, сознававшихъ необходимость божества, творца видимаго міра, и создававшихъ себѣ религіи по своимъ человѣческимъ понятіямъ. Дѣйствительно, первые христіане, хранившіе во всей его чистотѣ ученіе своего Божественнаго Учителя, съ омерзеніемъ смотрѣли на все, что отзывалось язычествомъ. Но когда ихъ стало считаться не десятками, не сотнями, а цѣлыми племенами, разумѣется что эти массы новообращенныхъ полудикарей не могли постигать чистоты и возвышенности вѣры, столь непричастной человѣческимъ слабостямъ. Новыя вѣрованія ипогда сливались въ серд

цахъ и умахъ ихъ съ старыми, и они стали переносить въ христіанство языческіе обряды, въ которыхъ родились и умирали ихъ отцы. Нужно было много поколѣній, чтобы изгладить память и преданія старины, такъ крѣпко льнуція къ слабой натурѣ человека, и обратить новое ученіе въ кровь и плоть новыхъ его послѣдователей. Церковь старалась искоренять эти злоупотребленія наставленіями, громила ихъ уставами соборовъ, но часто бывала принуждена снисходить къ невѣжеству и слабости своей паствы, и предоставить времени очистить ея понятія. Притомъ низшее духовенство само, по бѣльшей части, принадлежало къ тѣмъ же новообращеннымъ племенамъ, и не совсѣмъ чуждо было ихъ суевѣрій.

Такимъ образомъ, у христіанъ, какъ и у язычниковъ, пляска и хороводъ имѣли первоначально значеніе религиозное, выполнялись въ прославленіе Всевышняго, въ большіе праздники, на площадяхъ, на кладбищахъ, передъ церквами. Кромѣ писаній святыхъ отцовъ, и нысканій позднѣйшихъ ученыхъ (напримѣръ Менетрїа, въ его *Traité des ballets*), самыя уставы Вселенскихъ соборовъ свидѣлствуютъ, до какой степени эти остатки язычества укоренились въ народныхъ понятіяхъ, и какъ долго боролась съ ними Церковь. Но какъ они не имѣютъ того значенія, какое имѣли у древнихъ, не протекаютъ изъ религіи, а являются только чуждымъ ей наростомъ, послѣдними слѣдами умирающаго язычества, то мы не станемъ о нихъ много распространяться, а представимъ только, какъ изъ нихъ возникла одна изъ отраслей нашего искусства, балетъ.

Мы уже сказали, что первая пляска и хороводы у христіанъ выполнялись передъ церквами, на кладбищахъ, или наконецъ на площадяхъ и вообще на открытыхъ мѣстахъ, въ присутствіи огромнаго числа зрителей. Церковь, разумѣется, прежде всего старалась удалить эти языческія воспоминанія отъ мѣстъ, посвященныхъ богослуженію; однако же слѣды ихъ еще видны были въ шестнадцатомъ вѣкѣ, а въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ областяхъ, даже до конца семнадцатаго; напримѣръ во Франціи, парижскій Парламентъ въ 1667 году издалъ указъ, запрещающій пляску, исполнявшуюся въ первое воскресенье великаго поста, вокругъ огня на площадяхъ, и исполнявшіеся въ новый годъ и перваго мая; обѣ пляски давно уже были запрещены Церковью, и свѣтская власть нашла нужнымъ обратить на нихъ вниманіе.

Пляски и хороводы на площадяхъ никогда не подвергались

такому преслѣдованію Церкви. Они прекратились прежде другихъ, потому что, по мѣрѣ распространенія общаго просвѣщенія, они необходимо должны были получить другое направленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ утратить свое первоначальное значеніе, чтобы получить значеніе чисто художественное; и потому, что они слишкомъ ясно указывали путь къ балету въ настоящемъ смыслѣ. Эти пляски и хороводы назывались *кочующими балетами* (*ballets ambulatoires*), и занимаютъ въ исторіи балета тоже самое мѣсто, какое въ исторіи драмы занимаютъ *мистеріи*. Сюда принадлежатъ: *праздникъ шутовъ*, *праздникъ ословъ*, *тетки дуры*, *Арльская процессія*, и множество другихъ, которыхъ описаніемъ наполнены всѣ старинныя хроники.

Хороводные балеты прямо указывали путь къ балету въ настоящемъ смыслѣ, — смыслѣ искусства и увеселенія. И дѣйствительно, изъ описанія знаменитѣйшихъ хороводныхъ балетовъ видно, что мнимая связь ихъ съ религіею ограничивалась тѣмъ, что они учреждались для какого-нибудь праздника или событія; ва что даже содержаніе ихъ почти безъ разбору почерпалось изъ исторіи, мифологіи, или было чисто вымышленное, аллегорическое. Слѣдовательно стоило только дать ему другое назначеніе, приложить его, къ событіямъ другаго рода, чтобы измѣнить его направленія и открыть ему другой путь.

Этотъ переходъ совершился въ Италіи. Первую попытку сдѣлалъ нѣкто Симплицій, человекъ соединявшій въ себѣ самые разнообразныя таланты. Онъ надѣялся, для успѣха своего предпріятія, на покровительство кардинала Ріатти, племянника папы Сикста IV, славившагося своего любовью къ искусствамъ. Но Сикстъ былъ очень равнодушенъ къ балетному искусству, и попытка не удалась. Простому ломбардскому дворянину, по имени Бергонціо ди Ботта, суждено было осуществить мысль Симплиція.

Ему поручено было отъ города Тортоны, въ 1489 году, устроить праздникъ въ честь Галеаса, герцога Миланскаго, и супруги его, Пзабеллы Аррагонской. Вотъ что онъ придумалъ.

Въ огромной, великолѣпной залѣ, окруженной галереями, былъ поставленъ пустой столъ. Въ ту самую минуту, какъ явились высокіе супруги, съ другаго конца вошелъ Язонъ съ аргонавтами, подъ звуки воинственнаго марша. Они несли достославное *золотое руно*, и разостлали его на столъ вмѣсто скатерти, проплясавъ сначала балетъ, выражавшій ихъ удивленіе и радость при видѣ такой прекрасной принцессы, и столь достойнаго ея супруга. Когда они вышли, явился Меркурій и пропѣлъ родъ речитатива,

въ которомъ повѣствовалося, сколько труда и хитростей стоило ему украсть у Аполлона, пастуха стада царя Алмета, откормленнаго телятѣ, котораго онъ и подносилъ молодымъ на золотомъ блюдѣ. Хотя телянокъ былъ и краденый, однако же супруги милостиво приняли даръ, по пословицѣ, что дареному коню въ зубы не смотрятъ. Между тѣмъ, какъ его ставили на столъ, три кадрили исполняли другой балетъ. За Меркуриемъ слѣдовала Діана съ своими нимфами; за нею несли на вызолоченныхъ носилкахъ жаренаго оленя; богиня объявила, что этотъ олень никто иной, какъ Актеонъ, который утѣшится въ своей преждевременной смерти честью служить пищею такой прекрасной и скромной нимфѣ. Не знаемъ, то ли думалъ Актеонъ подъ зубами Изабеллы!

Вдругъ сладостная мелодія поразила слухъ гостей. Она возвѣщала еракійскаго пѣвца; онъ явился съ своею лирою и воспѣлъ хвалу юной герцогинѣ. «Когда я оплакивалъ въ Апенинскихъ горахъ, говорилъ онъ, смерть моей возлюбленной Эвридики, я узналъ о союзѣ юной четы, достойной жить другъ для друга, и впервые позналъ радость со времени моего несчастья. Въсѣтъ съ чувствами моего сердца, перемѣнились и мои пѣсни; птицы стали слеталась слушать ихъ; посвящая ихъ прекраснѣйшей принцессѣ на землѣ, потому что нѣтъ уже моей Эвридики.» Пожалуй, Эвридика взыщетъ съ него на томъ свѣтѣ за эту невѣрность!

Зауки трубъ прервали эту усладительную мелодію. Тезей и Аталанта, сопровождаемые многочисленною свитою, изобразили въ живыхъ и быстрыхъ пляскахъ шумную охоту. Она кончилась смертью каллидонскаго вепря, который въ свою очередь былъ поднесенъ герцогу при веселыхъ, побѣдныхъ пляскахъ.

За этимъ послѣдовало другое, не менѣе великолѣпное зрѣлище. Съ одной стороны явилась Прида, на колесницѣ запряженной павлинами, въ сопровожденіи вѣсколькихъ нимфъ, одѣтыхъ въ легкой газѣ, которыя несли блюда полныя тѣхъ же птицъ. Съ другой стороны явилась Геба съ нектаромъ, этимъ напиткомъ небесныхъ жителей, за нею шли аркадскіе пастухи съ разными молочными кушаньями, Вертумва и Помона съ плодами всякаго рода.

Въ то же время вышла изъ подъ земли тѣнь изѣжившаго Аппидія, придать этому пиршеству вѣтъ утонченности, заслужившія ему имя перваго римскаго сластолюбца.

Это зрѣлище смѣнилось большимъ балетомъ, составленнымъ изъ вѣтъ боговъ моря и ломбардскихъ рѣкъ; они несли самыя вкусныя рыбы и подавали ихъ съ самыми разнообразными пляс-

камн. Потомъ явился опять Орфей, Амуры, Граци, Супружеская вѣрность, передъ которою бѣжали Елена, Клеопатра, и прочая. Ихъ смѣнили Лукреція, Пенелопа, Порція и Сульпиція, которыя подвесили юной принцессѣ пальмы цѣломудрія и скромности, заслуженныя ими при жизни. Ихъ скромная, благородная пляска была очень ловко прервана Вакхомъ, Силеномъ и цыганами, которые также сѣвшили приветствовать славную чету. Такимъ образомъ, говоритъ современный писатель, праздникъ кончился самымъ веселымъ и замысловатымъ баломъ.

Этотъ странный праздникъ, въ которомъ Бергонціо хотѣлъ, можетъ быть, воскресить въ большихъ размѣрахъ, пиршество Трималкіона, о которомъ говоритъ Петроній, произвелъ много шума во всей Италиі; повсюду печатались описанія его; повсюду явились подражанія ему; онъ былъ началомъ большихъ балетовъ.

Большіе балеты дѣлились на историческіе, мифологическіе и поэтическіе. Послѣдніе представляли то олицетвореніе являющейся природы, какъ напримѣръ: «*Времена года*», «*Возрасты*», «*Стихій*»; то аллегорію какого нибудь событія, какъ «*Прерванная радость*», «*Пословицы*», или какой нибудь мѣстной обычай, какъ «*Парижскіе разнощики*», «*Удовольствія Карнавала*», или наконецъ были чистымъ вымысломъ автора, какъ «*Пари*», «*Какъ выходятъ въ люди*», и т. п.

Большой балетъ дѣлился по большей части на пять дѣйствій; дѣйствіе же состояло ихъ трехъ, шести, девяти, и даже двѣнадцати *выходовъ* (*entrées*). Выходомъ называлась одна или нѣсколько кадрили изъ четырехъ, восьми или двѣнадцати танцоровъ, одѣтыхъ по большей части одинаково, и выразившихъ, своими позами и тѣлодвиженіями, смыслъ балета.

Этотъ родъ представленія сдѣлался скоро самымъ моднымъ и любимымъ зрѣлищемъ по всей Италиі; но это было роскошное и дорогое зрѣлище, предоставленное только царскимъ дворамъ; скоро каждый монархъ захотѣлъ имѣть свой придворный балетъ.

Къ числу самыхъ знаменитыхъ балетовъ принадлежитъ балетъ «*Нищенствующая Истина*» (*la Verità rampinga*), представленный въ Венеціи. Истина являлась въ немъ старою нищею, исхудалою, истомленною, въ рубищѣ, преслѣдуемою адвокатами и стряпчими, ябедниками и челобитчиками, врачами, аптекарями, головорѣзами и хвастуномъ капитаномъ. Можно бы сюда же прибавить журналистовъ, — но журналисты изобрѣтеніе позднѣйшаго времени. Первая часть оканчивалась *выходомъ* поселянъ. Добрые мужички не боятся истины, не чуждаются, не бѣгутъ ея, но и не

высоко цѣнять. Во второй части, купецъ, откупщикъ, молоденькія женщины, пригожія и кокетливыя поочередно удаляются отъ истины, и она, бѣдняжка, бредеть, всеѣми оставленная, пока не натывается на музу театра. Муза встрѣчаетъ ее ласково, надѣваетъ на нее новое платье, учитъ ее новымъ приѣмамъ, новому языку, словомъ накидываетъ на нее то блестящее покрывало, подъ которымъ ей дозволяется *castigare ridendo mores*.

Англія имѣла также свой знаменитый балетъ. Брантомъ разсказываетъ, что когда Верховный пріоръ Франціи и конетабль де Монморанси, на возвратномъ пути изъ Шотландіи, явились засвидѣтельствовать свое почтеніе королевѣ Елисаветѣ, она дала имъ великолѣпный ужинъ, послѣ котораго ея придворныя дамы представили большой балетъ. Онъ составили двѣ кадрили; у каждой танцовщицы была въ рукѣ серебряная лампада превосходной работы; но у однихъ онѣ горѣли, а у другихъ были пусты. Потомъ онѣ пригласили знатныхъ гостей и даже королеву танцевать съ ними.

Во Францію балетъ былъ введенъ Екатериною Медичи, которой надо отдать ту справедливость, что она привезла изъ своего болѣе просвѣщеннаго отечества, Италіи, любовь къ искусствамъ, и болѣе всехъ французскихъ королевъ содѣйствовала успѣхамъ ихъ во Франціи. До нея турниры были единственными увеселеніями, въ которыхъ дворяне могли показывать свою ловкость и любезность, а дамы блистать красою и нарядами. Но послѣ того несчастнаго турнира, въ которомъ погибъ Генрихъ II, въ 1559 году, эти опасныя забавы стали гораздо рѣже. До 1612 года было только четыре турнира, и изъ тѣхъ одинъ былъ ознаменованъ смертью Генриха Бурбона, маркиза де Бопре.

Сначала балеты во Франціи, въ которыхъ разговоръ соединялся съ танцованіемъ, были безвкусны и скучны. Балтазарини, болѣе извѣстный подъ именемъ Божауйе, которое онъ принялъ во Франціи, первый придалъ этому зрѣлищу нѣкоторую правильность и художественность. Онъ былъ присланъ изъ Италіи маршаломъ Бриесакомъ, губернаторомъ Пиемонтскимъ, въ хорѣ музыкантовъ. Екатерина Медичи пожаловала его своимъ камердиреромъ, и онъ скоро сдѣлался распорядителемъ всехъ праздниковъ, балетовъ, концертовъ и театральныхъ представлений, даваемыхъ при дворѣ.

Онъ сочинилъ, въ 1571 году, знаменитый *Колическій балетъ королевы*, по случаю бракосочетанія герцога де-Жоайёза съ Маргаритою Лотарингскою, невѣсткою короля. Болье и Сальмонъ,

учители Генриха III, сочинили къ нему музыку; королевскій капеланъ Лашене написалъ слова, а королевскій живописецъ Жакъ Патенъ — декорацин.

Вотъ что пишетъ объ этомъ праздникѣ тогдашній, чуть не единственный, журналъ: «Король и новобрачный были одѣты «одинаково, все въ золотомъ шитьѣ, въ жемчугахъ и дорогихъ «каменьяхъ, такъ что и сказать нельзя, чего это стоило; ибо «были наряды, стоившіе до тридцати тысячъ франковъ, а на «семнадцати праздникахъ, данныхъ по повелѣнію его величества, «по порядку чиновъ и черезъ день, по случаю этого бракосочета- «нія, родственниками новобрачной и другими придворными вель- «можами, все гости, мужчины и женщины, являлись каждый «разъ въ новомъ нарядѣ; и все эти наряды были изъ золотой и «серебряной парчи, и покрыты шитьемъ и самыми дорогими «каменьями».

«Во вторникъ, 10 октября, кардиналъ де Бурбонъ далъ празд- «никъ въ своемъ дворцѣ при аббатствѣ Сен-Жерменъ-о-пре. «Онъ велѣлъ построить на Сенѣ огромный паромъ въ видѣ «триумфальной колесницы, на которомъ король, принцы, прин- «цессы и новобрачные должны были переѣхать изъ Лувра «на Подъячій лугъ, съ большимъ великолѣпіемъ. Эту дивную «колесницу должны были тащить другія лодки, имѣвшія видъ «морскихъ коней, тритоновъ, дельфиновъ, китовъ и другихъ «морскихъ чудовищъ, числомъ двадцать четыре. А въ брюхахъ «этихъ животныхъ были спрятаны отличные музыканты, скри- «пачи, трубачи, горнисты и гобонисты, и также нѣсколько искус- «ныхъ фейерверкеровъ, которые должны были, во время пере- «ѣзда, давать разныя весьма потѣшныя представленія королю «и пятидесяти тысячамъ зрителей, собравшимся на берегу.

«Но торжество не удалось; не было средства двинуть съ мѣ- «ста животныхъ. Такъ что король, прождавъ въ Тюильрійскомъ «дворцѣ, чтобы они тронулись, отъ четырехъ часовъ по полудни «до семи, и видя неудачу, былъ очень недоволенъ, и сказалъ: «гдѣ скотамъ управляться со скотами».

«И за тѣмъ король сѣлъ въ свою карету и поѣхалъ съ коро- «левами и со всемъ дворомъ на ужинъ, который затмилъ вели- «колѣпіемъ все прежніе ужины. Кардиналъ построилъ для это- «го случая искусственный садъ, съ деревьями, цвѣтами и пло- «дами, словно въ маѣ мѣсяцѣ, или въ іюлѣ или августѣ.

«Въ воскресенье, пятнадцатаго числа, былъ праздникъ у коро-

«левы, въ Луврѣ, и послѣ пиршества представлень балетъ Цир-
«цел и ея нимфы».

Этотъ балетъ былъ представленъ въ большой Бурбонской залѣ, королевою, принцессами, въ видѣ наядъ и перендъ, и всѣми придворными вельможами, въ видѣ тритоновъ, и продолжался отъ десяти часовъ вечера до трехъ часовъ утра. По окончаніи его, королева и принцессы роздали танцовавшимъ съ ними въ балетѣ вельможамъ золотыя медали съ девизами.

Далѣе тотъ же журналъ продолжаетъ: «Въ понедѣльникъ, шестнадцатаго числа, на большомъ ристалищѣ, устроенномъ въ Луврскомъ саду, представлено сраженіе четырнадцати бѣлыхъ противъ четырнадцати желтыхъ, въ восемь часовъ вечера, при свѣтѣ факеловъ. Семнадцатаго числа, другое сраженіе, пѣшее и конное, на пикахъ и шпагахъ. А въ четвергъ, 19 числа, представленъ большой конный балетъ, нарочно для того выписанными изъ Испаніи учеными лошадьми, которыя скачутъ, кружатся, сражаются при звукахъ трубъ и гобоевъ. Говорятъ, эти лошади обучены въ пять мѣсяцевъ».

По поводу этого коннаго балета, можно-бы многое поразсказать о звѣриныхъ пляскахъ, о балетѣ слововъ, о которомъ говоритъ Плиній, о конскихъ пляскахъ у Римлянъ, которые приписывали изобрѣтеніе ихъ сибаритамъ. Но мы оставимъ ихъ въ покоѣ, какъ вещь чуждую искусству.

Генрихъ IV, какъ беарнецъ, долженъ былъ любить танцы, а слѣдовательно и балетъ. Онъ самъ мастерски танцовалъ одинъ извѣстный въ то время танецъ *les tricolets*, припѣвая къ нему пѣсню *Vive Henri IV*, и даже сочинилъ къ нему новое па, сохранившее его имя. Если вѣрить современнымъ запискамъ, въ его царствованіе, то - есть съ 1589 по 1610 годъ, дано было восемьдесятъ балетовъ. Самъ Сюлли оставлялъ свои государственныя заботы, чтобы заниматься ихъ сочиненіемъ; въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что когда не онъ ими распоряжался, король всегда находилъ въ нихъ какой-нибудь недостатокъ. Эти представленія давались въ арсеналѣ, гдѣ Сюлли построилъ для нихъ прекрасную залу.

Мрачный характеръ Людовика XIII, и его перваго министра, разумѣется, долженъ былъ отразиться и на дворѣ, которому было

вовсе не до забавъ. Однако-же въ царствованіе этого короля также дано нѣсколько балетовъ.

Первый, о которомъ упоминаютъ современныя записки, былъ балетъ de maitre Galimathias, pour le grand bal de la douairière de Billebahaut et de son fanfon de Sotteville. Это былъ просто фарсъ.

Десятаго февраля 1619 года, король выдалъ сестру свою за герцога Савойскаго. При этомъ случаѣ данъ былъ балетъ льнянаго цвѣту (le ballet gris de lin), любимаго цвѣту привящессы. Эроть снимаетъ съ своихъ глазъ повязку, которая давно уже лишала его зрѣнія, и его поражаютъ яркія цвѣта Приды. Какъ взбалмошный ребенокъ, онъ непременно хочетъ присвоить себѣ одинъ изъ этихъ цвѣтовъ, и выбираетъ льняной. Онъ повелѣваетъ, чтобы этотъ цвѣтъ находился во всѣхъ растеніяхъ; чтобы онъ блестялъ въ самыхъ дорогихъ каменьяхъ и въ перьяхъ самыхъ рѣдкихъ птицъ; чтобы имъ красовались самые изящные наряды, и чтобы онъ былъ символомъ любви.

Въ 1630 году, герцогъ Немурскій далъ балетъ подагриковъ. Онъ самъ страдалъ подагрой, такъ, что не могъ ходить. Его принесли въ залу въ креслахъ, и онъ самъ билъ тактъ танцамъ своею тростью.

Въ то время былъ при дворѣ кардиналъ де Савоа. Королева, безпрестанно искавшая средства разсѣять короля, просила его придумать на тотъ конецъ какую-нибудь новую забаву. Кардиналъ призвалъ на помощь итальянца графа Филиппа д'Алье, извѣстнаго своею изобрѣтательностью на праздники, и они сочинили вдвоемъ балетъ *Жители горъ* (Gli abitatori di monti), представленный въ Монед, 21 августа 1631 года. На театрѣ возвышались пять великихъ горъ; вѣтряная гора, звучащая, лучезарная, темная и Альпы. Горы эти разверзлись одиѣ за другими; изъ первой вышли танцоры въ обтянутой одеждѣ тѣлеснаго цвѣта, съ вѣтряными мѣльничками на головахъ и мѣхами въ рукахъ: это были вѣтры; изъ второй люди съ турецкими барабанами, обсыпанные бубенчиками и съ колоколами вмѣсто шляпъ; это были звуки, подъ предводительствомъ нимфы Эхо. Изъ лучезарной горы вышли люди, покрытые разноцвѣтными фонарями; ихъ вела ложь, ходившая прихрамывая, на деревянной ногѣ, въ платьѣ, составленномъ изъ множества маскъ и съ глухимъ фонаремъ; обитатели темной горы вышли подъ предводительствомъ Сна, окруженнаго сновидѣніями. Всѣ эти жители горъ усердно плясали въ долинѣ, каждый соотвѣтственно своему званію, пока

не разогнали ихъ девять французскихъ всадниковъ, сошедшіе съ Альпъ подь предводительствомъ славы.

Кардиналь Ришелье не хотѣлъ никому уступать въ какомъ бы ни было родѣ славы; поэтому онъ состязался съ Корнелемъ въ трагедіи, и поэтому же рѣшился самъ сочинить балетъ; и 16 февраля 1641 года, угостилъ дворъ небольшимъ дивертисментомъ, подь названіемъ: *Слава французскаго оружія*.

Хотя, какъ мы видѣли, вельможи, министры, кардиналы, ставили себѣ въ честь посвящать свои досуги хореографическому искусству, однако-же у Людовика XIII былъ балетмейстеръ, нѣкто Дюранъ, человекъ бездарный и невѣжественный, но умѣвшій держаться въ милости у кардинала. Людовикъ учредилъ также особенные цѣхи для музыкантовъ и танцоровъ; но это учрежденіе болѣе повредило искусству, чѣмъ принесло пользы.

До сихъ поръ балеты представляютъ намъ только или глупые фарсы или пошлыя аллегоріи, въ которыхъ авторъ добивается одного: позабавить того, для кого они сочинены. Только при Людовикѣ XIV искусство вышло изъ этой колѣн. Бенсерадъ, на котораго возложено было распоряженіе придворными увеселеніями, уже не довольствовался занемтованіемъ изъ мнѳологіи дѣйствующихъ лицъ; онъ сталъ почерпать изъ нея и самыя сюжеты. Это былъ большой шагъ впередъ; балетъ получилъ болѣе единства, и намеки, неизбежныя при его тогдашнемъ назначеніи, стали тоньше и замысловатѣе. Бенсерадъ сочинилъ множество балетовъ; имѣвшихъ огромный успѣхъ: *Торжество Вахха, Время, Забавы, Большой Эротъ, Алкивиадъ, Насмѣшка, Петерльнїе, Венсенъ, Любовныя плутни*. Мы не станемъ ихъ рассказывать, потому что все они болѣе или менѣе на одиивъ покрѳой, а желающимъ получить о нихъ понятіе стоитъ только прочесть интермедіи Мольеровыхъ комедій. Замѣтимъ только, что они иногда все не имѣли другаго названія, какъ только *Королевскій балетъ*.

Такъ какъ эти балеты были только домашнею забавою короля и двора, то и исполняли ихъ придворные, и даже самъ король. Онъ участвовалъ во всѣхъ исчисленныхъ выше балетахъ. Онъ страстно любилъ эти представленія, и являлъ въ нихъ истинно замѣчательный талантъ. Въ 1669 году королева и все знатнѣйшіе вельможи Франціи также участвовали въ этихъ увесе-

леніяхъ: графиня де-Суасонъ, мадмуазель де-Немуръ, герцоги де-Сюлли и де-Сентъ Эньянь, маркизы де-Насса, де-Санкуръ, де-Жанлисъ, герцогини де-Фуа, де-Сюлли, де-Креки, де-Люинъ, госпожа Монтеспанъ, дѣвицы де-Монтансье, д'Эльбѣфъ, д'Аркенъ, де-Бранка, де-Караманъ, де-Севинье, и множество другихъ.

Впрочемъ, любовь Людовика XIV къ искусству танцюванія не ограничилась безплоднымъ участіемъ въ придворныхъ балетахъ. Въ 1661 году онъ учредилъ королевскую академію танцюванія, которой всѣ члены считались въ придворной службѣ. Это былъ первый шагъ, чтобъ балетъ изъ придворной забавы сдѣлать общественнымъ достояніемъ. Любопытенъ указъ объ учрежденіи этой академіи, какъ свидѣтельство уваженія Людовика къ хореграфическому искусству. «Хотя, говоритъ онъ, искусство танцюванія всегда признавалось однимъ изъ благороднѣйшихъ искусствъ и необходимѣйшихъ для развитія тѣла и для приспособленія его ко всякому роду упражненій, въ томъ числѣ и къ военнымъ, и слѣдовательно однимъ изъ самыхъ полезныхъ нашему дворянству и другимъ лицамъ, имѣющимъ честь приближаться къ нашей особѣ, какъ въ военное время, въ лагерь, такъ и въ мирное, на нашихъ придворныхъ праздникахъ и балетахъ; однако же среди безпорядковъ военнаго времени въ означенное искусство, какъ и во всѣ прочія, вкралось множество злоупотребленій, могущихъ привести его къ совершенной гибели. Видя необходимость положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, возстановить искусство во всей его чистотѣ и по возможности распространить его, мы сочли нужнымъ учредить въ нашемъ добромъ городѣ Парижѣ «Королевскую Академію Танцюванія», имѣющую состоять изъ тринадцати членовъ, наиболѣе извѣстныхъ по своему искусству». За тѣмъ слѣдуетъ исчисленіе этихъ членовъ.

Въ то же время была отведена зала въ Луврекомъ дворцѣ для засѣданій этого новоучрежденнаго общества, но скромные академики убоялись пышности королевскихъ чертоговъ, и предпочли держать свои засѣданія въ грязномъ кабацѣ подъ вывѣскою «Деревянной шпаги».

Такъ какъ дальнѣйшее развитіе балета тѣсно связано съ исторією оперы, то надо сказать нѣсколько словъ объ основаніи оперы въ Парижѣ. Въ Италіи опера родилась въ первые годы семнадцатаго вѣка, во Флоренціи, и распространилась съ необыкновенною быстротою. Около 1620 года она перенесена въ Дрезденъ и во всю Германію. Во Франціи же она появилась гораздо позднѣе. Въ 1645 году, кардиналъ Мазарини выписалъ труппу музыкан-

товъ изъ Италіи, которые представили на театрѣ малаго Бурбонскаго дворца оперу «*Mнимая сумасшедшая*», *Fiata pazza*, на которую съѣхался весь знатнѣйшій кругъ Парижа. Успѣхъ этого нововведенія былъ такъ великъ, что многіе пожелали, чтобы писались оперы на французскія слова. Осуществленіе этого желанія представляло огромныя препятствія; во Франціи въ то время не доставало для оперы трехъ условій: поэтовъ, композиторовъ и пѣвцовъ. Не смотря на то, нѣкто Аббатъ Перренъ рѣшился сдѣлать попытку. Онъ соединился съ органистомъ Камберомъ, бывшимъ въ то время директоромъ капеллы королевы-матери, и они сочинили вдвоемъ пастушескую пьесу съ музыкою, въ пяти дѣйствіяхъ, которая представлена въ первый разъ 1-го апрѣля 1659 года, въ Пессіи, въ домѣ Делажея, метръ дотеля королевы Анны-Австрійской.

Въ то же время былъ въ Парижѣ одинъ маркизь, славившійся своимъ огромнымъ богатствомъ и страстью къ механикѣ. Это былъ Александръ де-Ріе, маркизь де Сурдакъ. Еще въ 1660 году, по случаю бракосочетанія Людовика XIV, онъ представилъ въ своемъ Нейбургскомъ помѣстьи, въ Нормандіи, *Золотое руно*, пьесу съ волшебствами, превращеніями и всякими хитрыми машинами. Потомъ онъ переѣхалъ въ Парижъ, чтобы продолжать тутъ свои прежнія занятія, и построилъ въ своей отелі прекрасный театръ на пятьсотъ человѣкъ зрителей. Перренъ и Камберъ отправились къ нему и предложили вступитъ съ нимъ въ товарищество для большаго совершенства предпринимаемаго ими дѣла. Де-Сурдакъ принялъ предложеніе, и черезъ десять лѣтъ послѣ перваго представленія Перрена и Камбера, 28-го іюня 1669 года, король даровалъ имъ грамоту *на учрежденіе во всемъ королевствѣ оперныхъ академій, для представленія музыкальныхъ пьесъ на французскомъ языкѣ*.

Такимъ образомъ было положено начало оперѣ во Франціи.

Для пользованія королевскою грамотою, нуженъ былъ, прежде всего, театръ. Нѣкто Шампо взялся доставить необходимый на то капиталъ, и вскорѣ возникъ на Мазариніевской улицѣ, на мѣстѣ, гдѣ прежде были устроены кегли, прекрасный театръ, который былъ названъ *hôtel de Guénégaud*. Когда театръ былъ отстроенъ, антрепренеры вспомнили, что у нихъ не было пѣвцовъ. Перренъ взялся ихъ выкопать; онъ завербовалъ лучшихъ пѣвчихъ изъ парижскихъ соборныхъ церквей, и составилъ такимъ образомъ довольно полную труппу. Камберъ, съ своей стороны, ангажировалъ нѣсколькихъ танцовальныхъ учителей. Но тутъ оказалась новая бѣда. Пѣвчіе не хотѣли являться на сцену ря-

домъ съ своими товарищами танцорами, да сверхъ того готовы были пѣть, но только съ тѣмъ, чтобы не дѣлать при этомъ ни малѣйшаго тѣлодвиженія. Аббать тщетно истощалъ все сокровища своего краснорѣчія, чтобы восторжествовать надъ ихъ упрямствомъ; они ничего не хотѣли слышать. Послѣ первыхъ репетицій, директоры сочли необходимымъ употребить уловку; упрямыхъ пѣвцовъ поставили за кулисами, а на сцену вывели танцоровъ, которые должны были своими движеніями выражать все то, что другіе пѣли. Но согласилась-ли бы публика на такой ребяческій обманъ? Къ счастью, все препятствія мало по малу были устранимы, и 22 марта 1671 года, новый театръ былъ открытъ пастушескою оперою «*Помона*», который музыку написалъ знаменитѣйшій въ свое время композиторъ, Мишель Рамберъ. Это была первая, по времени, французская опера, представленная на публичномъ театрѣ.

Мѣста въ партерѣ были по полъ-лундору.

Не прошло двухъ лѣтъ съ заключенія товарищества, какъ между товарищами возникли несогласія и даже довольно крупныя ссоры. Люлли, управлявшій тогда придворною капеллою короля, хитрый, какъ итальянецъ, воспользовался ихъ раздорами, чтобы выпросить себѣ ихъ привилегію. Онъ тотчасъ построилъ, въ Вожирарской улицѣ, противъ Люксамбургскаго дворца, новый театръ, который названъ театромъ de-Bel-air, по имени бывшей здѣсь прежде кегельной игры.

Изъ этого театра опера перешла въ 1673 году въ театръ Палерояля, построенный кардиналомъ Ришелье для представленія его трагедій «*Миріамны*», и упраздненной по смерти Мольера. Опера пробыла тутъ девяносто лѣтъ, до 1763 года; въ этомъ году театръ сгорѣлъ, былъ вновь отстроенъ, и сгорѣлъ опять въ 1781 году, послѣ представленія «*Орфей*» Глука. Опера перенеслась въ новый театръ, построенный для нея директоромъ полиціи Левуаромъ, въ семьдесятъ пять дней, у Сенъ-Мартенскихъ воротъ. Черезъ тринадцать лѣтъ, въ 1794, правительство перевело ее въ театръ, построенный дѣвицею Монтансье, откуда ее изгнала смерть герцога Беррійскаго. Она временно перенеслась въ театръ Фавара, а потомъ въ зданіе, которое занимаетъ до нынѣ.

Люлли, получивъ управленіе оперы, успѣшилъ замѣнить все должности своими людьми. Поэтъ Бертенъ былъ замѣненъ другомъ Люлли, Кино, маркизь де-Сурдакъ моденскимъ машинистомъ Вигарани, а самъ Люлли занялъ мѣсто органиста Камбера. Одинъ только балетмейстеръ Бошанъ сохранилъ должность, данную ему Перреномъ; правда, что не легко было бы найти ему преемни-

ка для сочиненія балетовъ. Говорятъ, что онъ сочинялъ фигуры своихъ танцевъ на голубятнѣ, наблюдая разнообразныя движенія и группы голубей, когда они бросались на брошенную имъ горсть зеренъ. Онъ самъ былъ отличный танцоръ, и особенно славился въ фигурѣ называемой *tourbillon*.

Люлли былъ созданъ для управленія оперою. Подобравный гдѣ-то на улицѣ въ Италіи Гизомъ, котораго мадмуазель де-Моппансье просила привести ей маленькаго итальянца, онъ былъ сначала нажемъ; но оказавшись неспособнымъ къ этой службѣ, переведенъ на кухню. Однако-же онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своей госпожи своими рѣдкими музыкальными способностями, и она перевела его скрипачемъ въ свой оркестръ; ему было тогда десять лѣтъ. Потомъ онъ перешелъ въ службу короля. Людовикъ XIV образовалъ для него новый оркестръ, *les petits violons*, который скоро перещеголялъ большой оркестръ. Наконецъ, король назначилъ его главнымъ директоромъ придворной музыки.

Никто, говоритъ де Френсезъ, не умѣлъ лучше его управлять съ труппою актеровъ. Правда, что онъ подчасъ разбивалъ имъ объ головы скрипки, но всѣ знали, что черезъ минуту все было забыто. Онъ былъ ужасный оригиналъ, сознавалъ собственное свое достоинство, и никому не позволялъ мѣшаться въ свое дѣло. Король только выбиралъ либретто изъ тѣхъ, которые Люлли представлялъ ему, а потомъ уже все зависѣло отъ композитора. Однажды королю надоѣло долго ждать обѣщаннаго балета, и онъ велѣлъ спросить композитора, долго-ли еще ему придется ждать. — Его величеству стоитъ приказать, и будутъ ждать сколько ему будутъ угодно, отвѣчалъ находчивый итальянецъ. Такіе случаи должны были встрѣчаться не рѣдко, потому-что Люлли работалъ очень медленно. Когда либретто было выбрано королевемъ, поэтъ долженъ былъ нѣсколько разъ его передѣлывать, чтобы угодить взыскательному композитору; особенно съ Кино онъ не стѣснялся, и заставлялъ его передѣлывать свою работу иногда до двадцати разъ. Когда либретто было совершенно копчено, Люлли читалъ его столько разъ, что выучивалъ на память; потомъ садился за клавишъ, клалъ подлѣ себя табакерку, — безъ табаку онъ не могъ ничего дѣлать, и онъ самъ и его клавишъ были всегда покрыты этимъ вдохновительнымъ зельемъ, — и принимался сочинять. Если онъ былъ взыскателемъ къ другимъ, то не щадилъ и собственнаго труда; каждую мелодію онъ пѣлъ, игралъ, исправлялъ, передѣлывалъ до тѣхъ поръ, пока находилъ, что въ ней уже ничего нельзя осудить. За

тѣмъ онъ посылалъ за своими писцами, Колассомъ и Лалюетомъ, которые должны были писать съ его пѣвня и игры. Такимъ образомъ онъ просиживалъ по году за каждую оперою; а надо помнить, что тогдашняя опера не могла равняться по объему ея музыкальной части и по работѣ одному дѣйствию вышѣшней. Горячность Люлли была причиною его смерти. Въ 1686 году, во всѣхъ церквахъ Франціи служили благодарственные молебны по случаю выздоровленія короля. Люлли воспѣшилъ сочинить новый *Te-Deum*, и самъ дирижировалъ его, по тогдашнему обыкновению, въ церкви *Des feuillants*. Въ досадѣ на какую-то ошибку, онъ ударилъ себя тростью въ ногу, и такъ сильно, что на палецѣ сдѣлалась рана, которая все разширилась и причиняла ему ужасную боль. Люлли послалъ за своимъ врачомъ, Алью. — Что вы посоветуете, докторъ? спросилъ онъ. — Врачъ внимательно осмотрѣлъ рану, нахмурилъ брови, покачалъ головою, и сказалъ: «Отрѣзать палецъ». — Люлли отвернулся съ досадою. На слѣдующій день врачъ пришелъ опять; боль не унималась. — Что мнѣ дѣлать, докторъ? — «Врачъ опять посмотрѣлъ рану, и еще болѣе наморщилъ лобъ. «Отрѣзать ступню» отвѣчалъ онъ, Люлли притворился спящимъ. На третій день докторъ явился опять; рана разросталась съ ужасною быстротою. — «Докторъ, что мнѣ дѣлать?» спросилъ Люлли. — «Отрѣзать ногу», отвѣчалъ неумолимый врачъ, взглянувъ на рану. Люлли призадумался и молчалъ. На четвертый день врачъ былъ опять встрѣченъ обычнымъ вопросомъ: «Что мнѣ дѣлать, докторъ?» Люлли страдалъ жесточайшимъ образомъ. — Врачъ приподнял одѣяло, опустил его съ мрачнымъ видомъ, и сказалъ. «Ровно ничего; теперь уже поздно!» И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней, 22-го марта 1687 года, Люлли умеръ въ мучительныхъ судорогахъ. Ему было пятьдесятъ четыре года.

Люлли и его постоянного сотрудника Киню можно назвать творцами оперы—балета, вышей формы балета въ то время, потому что совершенно самостоятельный, пантомимный балетъ, родился гораздо позднѣе.

Одно нововведеніе особенно должно заслуживать Люлли вѣчную благодарность любителей балета. До него, ни одна танцовщица не являлась на публичномъ театрѣ. Даже въ его первыхъ балетахъ, женскія роли исполняли переодѣтые мужчины; такъ, что даже когда оберштамейстеръ, герцогъ Монмутъ, герцогъ де-Вильруа и маркизь де-Росенъ вздумали представить, въ 1672 году, въ присутствіи короля, Люллиевъ балетъ «Празднество Эрота

и *Вакха*,» они принуждены были пригласить на женскія роли танцоровъ Сентъ-Андре, Фавье, Лапьера и Бошана.

Въ первый разъ Люлли рѣшился на свое пововеденіе въ 1681 году, въ балетѣ «*Торжество любви*.» Балетъ этотъ, по обыкновенію сначала былъ представленъ въ Сентъ-Жерменскомъ дворцѣ, и тогда женскія роли исполняли члены королевской фамилии и придворныя дамы. Въ Парижѣ, на публичномъ театрѣ Люлли замѣнилъ этихъ знатныхъ танцовщицъ дѣвицами Лафонтенъ, Пезанъ, Карре и Леклеръ. Можно себѣ представить, какой фуроръ произвела эта новость; не говоря уже о томъ, что вся сцена была уставлена молоденькими и хорошевыми дѣвушками, чтобы балетъ явился совершенно въ томъ же видѣ, какъ при дворѣ. Этихъ танцовщицъ называли *femmes pantomimes*, для отличія отъ знатныхъ танцовщицъ — *дилетантокъ*.

Въ числѣ танцоровъ, ознаменовавшихъ эту эпоху, первое мѣсто послѣ Бошана занималъ преемникъ его въ должности балетмейстера, Пекуръ, человекъ съ необыкновеннымъ талантомъ, и славившійся своимъ остроуміемъ. Однажды маршалъ Шуазель встрѣтилъ его у Ниноны Лакло въ такое время, когда не ожидалъ такой встрѣчи, и въ какомъ-то сомнительномъ нарядѣ, похожемъ на мундиръ. Маршалъ спросилъ его, давно-ли онъ въ военной службѣ, и въ какомъ корпусѣ? — Маршалъ, отвѣчалъ Пекуръ, я командую корпусомъ, въ которомъ вы давно уже изволите служить.

Дюмени, другой знаменитый танцоръ того времени, дебютировавшій въ 1677 году, въ «*Прологъ Изиды*,» былъ прежде поваромъ у какого то господина Фуко. Онъ имѣлъ странную страсть воровать левты у всѣхъ танцовщицъ и фигурантокъ, и составилъ себѣ такимъ образомъ огромную коллекцію, которую онъ называлъ своими воспоминаніями.

Изъ танцовщицъ, одна дѣвица Лафонтенъ имѣла истинный талантъ; она однако же скоро оставила сцену и умерла въ монастырѣ.

Король очень любилъ Люлли и осыпалъ его благодарностями; далъ ему дворянскую грамоту, должность секретаря, а по смерти его, передалъ привилегію на оперу его второму сыну, Жапъ-

Луи Люлли, который однако же не долго ею пользовался; онъ умеръ въ слѣдующемъ году.

Преемникъ его, Жанъ-Никола Франсинъ, былъ счастливѣе; въ его управленіе, въ 1697 году, былъ представленъ балетъ «L'Europe galante» Деламота; этотъ балетъ, въ пяти *выходахъ*, имѣлъ огромный успѣхъ, и остался донынѣ образцовымъ въ своемъ родѣ. Онъ памятенъ также тѣмъ, что подалъ поводъ къ опредѣленію закономъ вознагражденія поэтамъ и композиторамъ, работавшимъ для оперы. До тѣхъ поръ они получали условленную напередъ съ директорами плату. Но какъ Деламотъ и Кампрà, положившій его оперу-балетъ на музыку, не могли сойтись въ цѣнѣ съ Франсиномъ, то положено было, чтобы впредь авторъ и композиторъ получали за каждую оперу или за каждый балетъ по сту франковъ съ первыхъ десяти и по пятидесяти съ слѣдующихъ десяти представлений.

Въ это время за входъ платилось: въ партеръ полтора франка, въ ложахъ перваго яруса шесть франковъ за мѣсто. Но король издалъ постановленіе, которымъ цѣны были повышены одною шестою, въ пользу больницы.*

Въ управленіе Франсина дебютировала знаменитая танцовщица г-жа Мопенъ, урожденная Добины. Она родилась въ Сень-Жерменѣ и вышла, въ очень молодыхъ лѣтахъ, за нѣкоего Мопена. Она выхлопотала ему мѣсто въ провинціи, а сама поѣхала въ Парижъ. Тутъ она познакомилась съ Сезаномъ, знаменитымъ фехтовальнымъ учителемъ, и въ короткое время почти перещеголяла его самого въ этомъ искусствѣ. Она любила ходить въ мужскомъ платьѣ; причемъ съ нею не разъ случались презабавныя приключенія.

Однажды танцоръ Дюмени отпустилъ на ея счетъ острое слово. Она отправилась въ мужскомъ платьѣ въ одну улицу близъ площади Побѣды, подстерегла его, и не бывъ узнана, предложила ему драться на шпагахъ. Все искусство и храбрость Дюмени ограничивались его ногами, и потому онъ предпочелъ обратиться къ ихъ помощи, и далъ тягу. Но г-жа Мопенъ успѣла выхватить у него изъ кармана золотыя часы, и отвѣсить ему два-три здоровые удара плашмя шпагою. На слѣдующій вечеръ, во время представленія, Дюмени поспѣшилъ похвастать своимъ приключеніемъ пе-

редъ товарищами, сказавъ, что шесть человѣкъ напало на него врасплохъ, и что онъ едва могъ отъ нихъ отбиться.

— Лжешь, вскричала танцовщица; я была одна, и я ударила тебя плашмя шпаги, а въ доказательство вотъ твои часы.

Рядомъ съ г-жею Моенъ, скоро явилась другая несравненно высшая по таланту танцовщица, дѣвица Превó; но вскорѣ ихъ обѣихъ и всѣхъ ихъ предмѣтвенницъ затмили двѣ молодыя танцовщицы, которыхъ имена донынѣ не изгладились изъ памяти любителей искусства; дѣвицы Камарго и Саллè.

Марія Анна Кюписъ де Камарго родилась въ Брюсселѣ, въ 1710 году, и происходила изъ хорошей, но обѣдѣвшей испанской фамилии. Похищеніе ея графомъ де-Мелюнь, и жалоба, которую подалъ по этому случаю королю ея отецъ, человѣкъ гордый и благородный, только по нуждѣ согласившійся пустить дочерей своихъ на театръ, занимаютъ огромное мѣсто во всѣхъ зазорныхъ запискахъ прошлаго вѣка. Ей было шестнадцать лѣтъ, когда она дебютировала; она была ученица дѣвицы Превó, и скоро сдѣлалась страшнѣйшею ея соперницею. Она памятна въ исторіи искусства изобрѣтеніемъ антрша: хотя впрочемъ ея антрша были-бы теперь дѣтскою игрушкою для самаго посредственнаго танцора. Она же первая стала являться на сценѣ въ короткомъ платьѣ, что причинило ужасный соблазнъ въ зрителяхъ, не отличавшихся впрочемъ чрезмѣрною скромностію. Однакоже, какъ ни кричали противъ этого нововведенія, всѣ танцовщицы приняли его, и оно сохранилось донынѣ. Наружность дѣвицы Камарго вовсе не соответствовала ея таланту; она была небольшого росту, нехороша лицомъ, и не совсѣмъ хорошо сложена; но танцованіе ея было полно блеску, живости, веселости, выраженія; она и не хотѣла танцовать иныхъ ролей, какъ живыхъ и веселыхъ. Современники говорятъ, что никогда не видали болѣе легкаго, воздушнаго, зѣрнаго существа, что особенно поражало всѣхъ среди тяжелаго, неповоротливаго кордебалета. Любопытно, что какъ скоро она оставила сцену, простилась съ публикою, которую сколько лѣтъ очаровывала, характеръ ея совершенно измѣнился; ея веселость, ея беззаботность смѣнились глубокою грустью, тоскою, которая не покидала ее до самой смерти, въ 1776 году.

Преемницею дѣвицы Камарго была дѣвица Саллè, которой танцованіе отличалось чистотою, благородствомъ, страстью и выра-

зительностию. Поверь, великій преобразователь балета, съ восторгомъ вспоминаеть о ней въ своихъ письмахъ. Онъ говоритъ, что невозможно быть граціознѣе и естественнѣе ея; что въ движеніяхъ ея не было ни малѣйшаго жеманства, ни малѣйшаго усилія. все было просто, нѣжно, полно невыразимой гармоніи, и что на нее нельзя было смотрѣть безъ восторга. Гаррикъ рассказываетъ, что когда она пріѣзжала въ Лондонъ, въ 1741 году, народъ драгся на улицѣ за билеты въ ея бенефисъ; и что изъ всѣхъ ложъ сыпались къ ногамъ ея гинен а пачки банковыхъ билетовъ. Цвѣты прошлаго вѣка были подороже нашихъ! Она собрала такимъ образомъ болѣе трехъ сотъ тысячъ франковъ.

Самъ Вольтеръ благоговѣлъ передъ этими двумя артистками, и написалъ къ нимъ вѣсколько стиховъ, которые прекрасно характеризуютъ ихъ талантъ.

Ah, Camargo, que vous êtes brillante!
 Mais que Sallé, grands dieux, est ravissante!
 Que vos pas sont légers et que les siens sont doux!
 Elle est inimitable, et vous êtes nouvelle:
 Les nymphes sautent comme vous,
 Et les grâces dansent comme elle.

Изъ танцовщиковъ этого времени нѣтъ ни одного очень замѣчательнаго. Первое мѣсто занимаетъ Дюпре, по прозванію *великій*; но это прозваніе онъ болѣе заслужилъ своею наружностью, чѣмъ талантомъ, онъ былъ прекрасно сложенъ, стиль его танцованья былъ блестящій, но въ немъ не доставало разнообразія и выраженія.

Жавилье, Дюмуденъ и Лани были артисты второстепенные. Первый былъ прозванъ *дьяволомъ*, потому что игралъ обыкновенно чертей и злыхъ духовъ; въ танцованіи его не было ни гибкости, ни выраженія, ни колорита. Второй былъ прозванъ *птицею* за свою легкость и быстроту. Лани скоро пересталъ танцовать и занялся преподаваніемъ и сочиненіемъ балетовъ; но онъ шелъ слѣпо по слѣдамъ своихъ предшественниковъ.

Балетъ этого времени только вставлялся въ оперу, съ которою имѣлъ большую или меньшую существенную связь. Чтобы создать балетъ, какъ самостоятельную отрасль драматическаго искусства,

нуженъ былъ человѣкъ необыкновеннаго таланта, человѣкъ, вполнѣ знающій свое искусство во всѣхъ его подробностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — поэтъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Такимъ человекомъ былъ Новеръ, творецъ нынѣшняго самостоятельнаго, пантомимнаго балета.

Галлерейя Русскихъ художниковъ.

==
РУССКІЙ ПѢВЕЦЪ И КОМПОЗИТОРЪ

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ РУПИНИ.

==
(НЕКРОЛОГЪ).
==

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка: вся роскошь жизни, весь блескъ и все мотовство русскихъ баръ сосредоточивались въ любви ихъ къ изящнымъ искусствамъ. Всѣ фамилные наши вельможи, всѣ родовые богачи старались блеснуть другъ передъ другомъ своимъ вкусомъ, своими художественными сокровищами, своими доморощенными талантами, великолѣпнѣемъ, занимательностию и артистическимъ совершенствомъ своихъ замысловатыхъ праздниковъ. Здѣсь соединялось богатство съ умомъ и умѣньемъ проживать его; здѣсь все ласкало глазъ, услаждало чувство, воспламеняло воображеніе. Въ обширныхъ галлерейяхъ, украшенныхъ мастерскими произведеніями кисти и рѣзца, раздавалась дивная роговая музыка, пѣли стройные хоры; часто возвышалась сцена, на которой дебютъ преслали таланты

должествовавшіе потомъ составить славу Россіи. Лучшій цвѣтъ русскаго общества, соединяемый привѣтливостію и гостепріимствомъ хозяина, соединялся тутъ въ просвѣщенный ареонагъ и рѣшалъ безпристрастнымъ судомъ будущую судьбу литераторовъ, артистовъ, виртуозовъ, художниковъ. Все это общество было проникнуто однимъ духомъ и направленіемъ: для него музы были первыя богини, а жрецы ихъ — люди, достойные всякаго уваженія и поощренія; и имъ то въ жертву приносились несмѣтныя богатства, имена ихъ гремѣли всюду, а вельможи гордились названіемъ меценатовъ науки и таланта.

Но за то въ то время и нельзя было узурпировать славы, надлежало ее пріобрѣсти трудомъ, стараніемъ, талантомъ. Никто не могъ прослыть гениальнымъ артистомъ, талантливымъ музыкантомъ, неподражаемымъ живописцемъ, не пройдя сперва чрезъ строгую оцѣнку неподкупнаго ареонага образованнѣйшей публики и не получивъ въ ея одобренія патента на знаменитость. Газетныя возгласы тогда не имѣли значенія и промышленность самохваленій не доходила еще до вершины своего развитія. Сочинителю польскаго или эккосеза того времени труденько было бы возвеличить себя, посредствомъ услужливыхъ друзей, великимъ композиторомъ, какъ это бываетъ иногда въ настоящее время съ сочинителями полекъ и редовъ; авторъ удачной пѣсенки былъ бы конечно оцѣненъ и въ то время по достоинству, но его не поставили бы за нее выше Керубини и Бозальдѣ, какъ нынѣ ставятъ иногда романсера выше великаго современнаго музыканта Верди. Труднѣе было тогда также и актеру сдѣлаться любимцемъ публики; требованія того времени были строги и основывались на чисто-эстетическомъ вкусѣ: нѣсколько удачныхъ фарсовъ драматическихъ или комическихъ не давали еще права на эту разборчивую и взыскательную любовь. Представителя находили только хорошимъ забавникомъ или чтецомъ, но не увѣнчивали славою, для которой надлежало создать нѣсколько глубоко-продуманныхъ характеровъ, оказать существенныя заслуги искусству, пожертвовать многолѣтнимъ, постоянно-успѣшнымъ трудомъ. Слава накоплялась годами, росла вмѣстѣ съ талантомъ и заслугами, и оканчивалась скромнымъ, но почетнымъ именованіемъ «великаго артиста», которое открывало входъ во всѣ общества и доставляло всеобщее уваженіе. Такъ окончили свое поприще Дмитревскій, Пашкевичъ, Бартиянскій, Сапдунова, Е. С. Семенова, Н. С. Семенова, Кашинъ, Дидло и многіе другіе. Объ литераторахъ мы уже не говоримъ. Ни одинъ актеръ, ни од-

на актриса, будь она моложе поворожденнаго младенца, красивѣе первой одалыки Мороккаго Дея и кокетливѣе котенька, никогда не осмѣлились-бы и подумать составить себѣ публичный апофеозъ, подготовленный и сопровождаемый заказными восторгами и печатными возгласами.

Въ это-то время появилось много замѣчательныхъ талантовъ, которые, можно сказать, были родоначальниками нынѣшнихъ художественныхъ успѣховъ. Многіе изъ нихъ рѣшительно посвящали всю жизнь свою воздѣлыванію избраннаго ими искусства и доводили его до возможной степени совершенства. Они были оцѣнены по достоинству современниками, но, по несчастію, забыты потомствомъ, которое, впрочемъ, скорѣе можно упрекнуть въ незнаніи ихъ заслугъ, чѣмъ въ неблагодарности. Всѣ эти художники были преданы своему дѣлу съ истинно артистическою наивностію: увлекаемые порывомъ души, своимъ внутреннимъ вдохновеніемъ, они не знали побочныхъ цѣлей, жили искусствомъ и для искусства — и почти всѣ умирали въ бѣдности. Это были какіе то рыцари своего призванія, истинные, восторженные жрецы того упопительнаго міра фантазій, который создала на землѣ любовь къ высокому и прекрасному. Психическое изслѣдованіе этихъ исключительныхъ, энергическихъ натуръ представляетъ другу человечества самую утѣшительную картину, въ которой духовная сила человѣка ярко выступаетъ на первый планъ и затмѣваетъ собою всѣ мелкія подробности житейскихъ нуждъ, условій и тревоженій.

Разсадниками бѣльшей части этихъ замѣчательныхъ дарованій были, какъ я уже сказалъ выше, дома вельможъ, которые проницательнымъ взглядомъ отыскивали ихъ и возвышали наукою, кою, наставленіями и совѣтомъ, до степени художниковъ.

Такъ домашніе театры, хоры и оркестры графа Петра Борисовича Шереметьева, князя Петра Михайловича Волконскаго, Юрія Владиміровича Долгорукаго, графовъ Ягужинскаго и Каменскаго, баръ Н. А. Дурасова, П. И. Юшкова, Теплова — и многихъ другихъ, произвели актеровъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, которыхъ имена гремѣли въ свое время.

Но многія-ли изъ этихъ именъ помнятъ еще въ наше время? Сохранила ли намъ исторія русскаго искусства поучительную

повѣсть ихъ успій, ихъ борьбы съ трудностями самаго дѣла? Указала-ли она на степень ихъ совершенства и на принесенную ими пользу? Увы!... артистъ тоническій : актеръ, пѣвецъ, исполнитель инструментный—не оставляетъ по себѣ осязаемыхъ памятниковъ; объ нихъ могутъ оставаться одни памятники писменные. Но въ то время критика художественная принадлежала избранному обществу, а не литературѣ, она была изустная, а не печатная, и только изъ разсказовъ старожиловъ можно собрать нѣкоторыя свѣденія о знаменитостяхъ прошедшихъ. За то, чѣмъ отдаленнѣе эпоха, тѣмъ эти преданія темнѣе, неопредѣлительнѣе, сбивчивѣе.

Кто нынче можетъ дать намъ подробныя свѣденія о жизни и твореніяхъ *Пашкевича*, русскаго композитора и капельмейстера, который былъ первымъ камеръ-музыкантомъ Екатерины Великой, написалъ нѣсколько комическихъ оперъ *, дирижировалъ оперными спектаклями и концертами Эремитажа, и состязался съ величайшими знаменитостями того времени Бюланомъ, Балтазаромъ Галуппи (Буравелло), Раупахомъ, Старцеромъ? Кто знаетъ что нибудь о *Соколовскомъ*, написавшемъ оригинальную, русскую музыку на оперу Аблесимова «Мельникъ колдунъ?» — Имѣемъ-ли мы какое-нибудь понятіе о *Матинскомъ*, доморощенномъ музыкантѣ графа Ягужинскаго, который написалъ слова и музыку народной оперы «Гостинный дворъ», производившей фуроръ въ свое время **, и текстъ другой оперы «Тунисскій паша», который долго путешествовалъ по Италіи и даже тамъ пріобрѣлъ известность своими дарованіями? Знаемъ-ли мы что нибудь о малороссійскомъ гудошникѣ *Гандошкѣ* (Антошкѣ), великомъ скрипачѣ, случайно встрѣченномъ свѣтлѣйшимъ Потемкинымъ на улицѣ и потомъ обворожавшемъ блистательный дворъ Екатерины, объ этомъ русскомъ Паганини, который за семьдесятъ лѣтъ предъ симъ выдѣлывалъ всѣ трудныя фокусы покусы современной скрипичной школы, и затмѣвалъ игрой своей знаменитыхъ Виотти и Местрино? А между тѣмъ Гандошка написалъ и напечаталъ до ста композицій для скрипки. Нынче эти творенія археологическая рѣдкость. Недавно только мы получили нѣкоторыя данныя о жизни и трудахъ скрипача Рачинскаго, нашего современника, который восхищалъ всѣхъ своей игрой въ началѣ нынѣшняго вѣка

* Лучшими почитались : *Несчастіе отъ кареты*, «*Кузнецъ*» — «*Тунисскій паша.*»

** Она была дана въ Петербургѣ 17 разъ кряду, въ Москвѣ имѣла тотъ-же успѣхъ.

и стоялъ, какъ исполнитель и скрипичный композиторъ, на ряду съ славными Дипомъ и Роде. А гдѣ біографія старика Булахова, этаго чудака съ металлическимъ голосомъ и безукоризненной методой? Между тѣмъ, это былъ искуснѣйшій и образованнѣйшій пѣвецъ, когда либо являвшійся на русской сценѣ, пѣвецъ, о которомъ итальянцы говорили, что еслибъ онъ родился въ Италіи и выступилъ на сцену въ Миланѣ или Венеціи, то убилъ бы всѣ до него извѣстныя знаменитости.

Нынѣ собрать свѣденія и біографическія данныя объ этихъ людяхъ гораздо труднѣе и сопряжено съ большими хлопотами, чѣмъ накопать пудъ золота въ Калифорніи. Между тѣмъ, эти свѣденія необходимы для поясненія начала и развитія русскаго искусства: безъ фактическихъ данныхъ трудно изобразить вѣрную и полную историческую картину художественнаго совершенствованія Россіи. Поэтому на современникахъ, какъ я думаю, лежитъ священная обязанность сохранять память о людяхъ, двигавшихъ искусство впередъ, и вносить имена и заслуги ихъ въ лѣтописи, въ назиданіе будущему поколѣнію.

Въ десятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія праздновалъ роскошнымъ обѣдомъ день своего рожденія одинъ изъ знаменитѣйшихъ иностранныхъ артистовъ, занесенныхъ въ Россію брачными волненіями западной Европы и молвою о русской щедрости и нашемъ гостепримствѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ выразительной южной физиономіей и быстрыми, нетерпѣливыми движеніями, свидѣтельствовавшими о вулканическомъ свойствѣ его натуры. Онъ былъ нѣкогда пѣвецъ, — прославленный въ Италіи и Франціи, одинъ изъ числа первыхъ знаменитостей своего времени по части вокальной музыки, товарищъ Бабіни, Лунджи Маркези и Пакиаротти; опаснѣйшій соперникъ Кресченцини, этого блавнаго фортуны и любимца Наполеона, котораго величіе и артистическую славу только онъ одинъ и смущалъ своимъ гениальнымъ состязаніемъ. Словомъ, пѣвецъ этотъ былъ — Мускети.

Мускети принадлежалъ къ кастѣ пѣвцовъ, извѣстныхъ въ исторіи искусства подъ общимъ названіемъ кастратовъ. Знаменитый сопранистъ Карло Бросчи, болѣе извѣстный подъ именемъ Фаринелли, былъ величайшій пѣвецъ, какой донынѣ существовалъ въ мірѣ. При силѣ голоса, почти что баснословной, Фаринелли владелъ искусствомъ пѣнія неподражаемымъ, дѣлающимъ сказку объ Орфеѣ почти вѣроятною. Онъ жилъ въ началѣ прошлаго вѣка; въ Римѣ состязался съ трубачемъ и силою и могуществомъ голоса своего одержалъ побѣду надъ тромбономъ; въ Лондонѣ увлекъ до того знаменитаго басса Сенезино,

что тотъ на сценѣ, забывъ характеръ представляемаго имъ трагическаго тирана, со слезами умиленія началъ его сжимать въ объятіяхъ и цѣловать; въ Испаніи вылечилъ своимъ пѣніемъ короля Филиппа V отъ гипохондріи, за что и былъ сдѣланъ министромъ и пожалованъ кавалеромъ ордена Калатравы.

Мускети поселился въ Москвѣ, когда отъ лѣтъ спалъ уже съ голоса. Здѣсь занялся онъ преподаваніемъ вокальной музыки и по этой части почитался мастеромъ неподражаемымъ. Онъ былъ наставникомъ прелестныхъ пѣвицъ того времени, Ф. И. Бартеньевой, урожденной Бутурлиной, Луниной, кн. Зенаиды Волконской, кн. Гагариной, урожденной Меншиковой, и знаменитаго пѣвца Сибони, приводившаго всѣхъ въ восторгъ въ роли *Лицинія*, въ «Весталкѣ.» Мускети былъ любимцемъ русской знати, и представителемъ всѣхъ музыкантовъ. Достигнуть совершенства въ искусствѣ пѣнія было задачею цѣлой его жизни, и онъ разрѣшилъ ее дивнымъ образомъ. За то человѣкъ этотъ изучилъ не только анатомическое свойство пѣвческихъ органовъ, но и физическіе законы каждаго звука отдѣльно и психическое вліяніе каждой вибраціи на человѣческіе нервы. Изъ всего этого онъ составилъ особенную систему, или школу пѣвія, для которой сперва приготовлялъ тѣло пѣвца, подвергая его извѣстнымъ упражненіямъ, потомъ приучилъ его къ чистому и ясному произношенію, наконецъ придавалъ звуку силу и выразительность, а голосу сообщалъ гибкость, быстроту и продолжительность.

И такъ, въ день его рожденія, къ обѣду артиста собралось избранное общество: нѣсколько вельможъ, знаменитѣйшіе художники, артисты, дипломаты. Трапеза шла весело, толковали много о музыкѣ, о пѣніи, спорили и придумывали тошты. — «Теперь слѣдуетъ десертъ, сказалъ подъ конецъ Мускети, — для этого, господа, я принасъ вамъ самое лучшее и дорогое мое блюдо и надѣюсь, что за русскую хлѣбъ-соль, и самъ угощу васъ на славу.» Съ этимъ словомъ онъ громко кликнулъ: *Caro Giovanni!* Въ комнату вешель молодой человѣкъ, худощавый, небольшого роста, съ темнорусыми волосами, очень скромно одѣтый и робко поклонился знаменитому собранію. Всѣ гости съ недоумѣніемъ и ожиданіемъ переглянулись.

«Ну, мой милый, сказалъ ему Мускети, спойка намъ экзерциціи Кресцентини № 12!»

Это еще болѣе изумило гостей : всѣ знали, что экзерциціи Кресчентини составляли камень преткновенія для всѣхъ пѣвцовъ и что кромѣ самаго автора и Мускети за нихъ никто безнаказанно не могъ взяться. Молодой человекъ, нисколько не удивляясь задачѣ, принялся за нее безъ малѣйшей робости, какъ-будто это было дѣло самое простое и обыкновенное. Раздался голосъ чистый, пѣжный, увлекательный. Это былъ альтъ свѣжій, энергическій и мастерски обработанный. Всѣ трудныя варіаціи, коларатуры, трели этого блестящаго фейерверка для голоса— были имъ исполнены съ непринужденностію и искусствомъ замѣчательными. Первоначальное изумленіе гостей скоро превратилось во всеобщее увлеченіе и восторгъ. Громкія рукоплесканія прівѣтствовали молодого пѣвца, когда онъ кончилъ.—Но кто-же этотъ чудный артистъ? — спросили десять голосовъ довольнаго хозяина.

— Это, отвѣчалъ Мускети, лучшей мой ученикъ, русскій соловей : Иванъ Рупинъ.

— Рупинъ! воскликнули гости съ новымъ изумленіемъ.

— А что-бъ эта русская фамилія не возбуждала предубѣжденія, добавилъ Мускети съ прощескою улыбкою, мы пожалуемъ его въ Рупин-ини.

Такъ дебютировалъ Иванъ Алексѣевичъ Рупини на девять-надцатомъ году своей жизни *.

Съ этихъ поръ началась его артистическая слава.

Рупинъ былъ родомъ москвичъ, принадлежалъ шталмейстеру Петру Ивановичу Юшкову, извѣстному любителю и покровителю искусствъ, потратившему на свои домашніе хоры и оркестры огромное богатство. Обученный первоначально церковному пѣнію, Рупинъ скоро отлично-звучнымъ, пріятнымъ своимъ голосомъ (альтомъ) и необыкновенною страстію къ пѣнію обратилъ на себя вниманіе многихъ знатоковъ и любителей. Петръ Ивановичъ рѣшился развить его талантъ и отдалъ его учиться къ Мускети первому тогдашнему учителю пѣнія въ Россіи. Рупинъ бралъ у него уроки ежедневно въ теченіе двухъ лѣтъ, и за каждый урокъ знаменитому итальянцу платилось по 25-ти рублей ассигнаціями. Стало-быть музыкальное образованіе Рупини обошлось не деше-

* Анекдотъ этотъ рассказывалъ самъ покойникъ, по случаю разговора о трудности выполненія современной лирической музыки.

во, но за то онъ умѣлъ имъ и воспользоваться, что не всегда и не со всѣми русскими артистами случается.

Въ Москвѣ всѣ успѣхи Рупини ограничивались перковнымъ пѣніемъ. Въ произведеніяхъ Бартнянскаго онъ былъ неподражаемъ и умилялъ слушателей до слезъ. Но, со времени переселенія своего въ Петербургъ, когда голосъ его перешелъ въ теноръ, онъ занялся особенно оперною музыкою и будучи уволенъ господиномъ, намѣревался поступить на сцену, гдѣ тогда еще торжествовалъ Климовскій, пѣвецъ съ прелестнымъ и обширнымъ голосомъ, но далеко не владѣвшій мастерствомъ, выразительностію, энергіею, и въ особенности тѣмъ вкусомъ, которыя отличали Рупини. Однако жъ желаніе Рупини не сбылось. По поводу этого намѣренія онъ рассказывалъ мнѣ два случая.

«Многіе знатоки и любители, говорилъ онъ, и въ томъ числѣ старикъ Кавосъ, слышавшіе, какъ я исполняю знаменитую арію «*Om-bra adorata aspetta*» и нѣкоторыя пьесы Россини, настоятельно убѣждали меня поступить на сцену, обѣщая непремѣнный успѣхъ. Я былъ молодъ, легкомысленъ, самолюбіе кипѣло. Пріятели приступили и я рѣшился. Являюсь къ одному артисту, отъ котораго должна была впоследствии нѣкоторымъ образомъ зависѣть моя театральная участь. Меня принимаютъ строго, и не спрашивая о голосѣ, объ искусствѣ пѣнія, говорятъ прямо: «Помилуй, любезный! Да какъ-же ты можешь пѣть первыя партіи въ оперѣ, когда у тебя нѣтъ ни росту, ни дородства?»

— А; вамъ это нужно! въ такомъ случаѣ извините, — отвѣчалъ я съ низкимъ поклономъ, — я точно не гожусь, но могу рекомендовать вамъ моего пріятеля, *тульскаго звонаря*: онъ вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ вашей сцены *.

«Однако-жъ этотъ случай несколько не уменьшилъ моихъ порывовъ къ сценѣ, а напротивъ еще болѣе разжегъ мое самолюбіе. Я хотѣлъ доказать во что бы то ни стало, что можно потрясать зрителя и другою силою, кромѣ физической, и сталъ домогаться гдѣ-нибудь сыграть одну изъ любимыхъ мною ролей. Вскорѣ случай мнѣ поблагопріятствовалъ. На частномъ театрѣ князя *** любители и дилетантки собрались снѣтъ «*Ромео и Джульетту*» Зингарелли. Мнѣ на долю выпала роль Ромео. На пробахъ всѣ были въ восторгѣ отъ моего пѣнія, я самъ запосился въ небеса отъ восхищенія. Наступилъ день спектакля. Когда меня нарядили въ

* *Тульскій звонарь* этотъ былъ знаменитый великанъ въ три аршина два вершка, котораго тогда возили по Россіи и показывали за деньги.

испанскій костюмъ, навѣсили мантию на плечо, и прикрыли маленькимъ баретомъ съ висячимъ на бокъ перомъ и я подошелъ къ зеркалу, то самъ отскочилъ въ изумленіи и померъ со смѣху. Забавнѣе каррикатуры на нѣжнаго Шекспировскаго любовника трудно себѣ представить. Но этого мало. Началась опера. Мой выходъ. Желая, какъ можно поэфектнѣе появиться передъ публикою, я рѣшился выбѣжать съ восторженнымъ видомъ и тотчасъ же сбросить свой баретъ и мантию, въ которой путался, какъ котенокъ въ клубкѣ нитокъ. Въ волненіи я забылъ о палкѣ, прибитой къ нижней части декорации и составляющей въ дверяхъ какъ бы порогъ, зацѣпился за нее и растянулся на сценѣ во весь ростъ, такъ, что этимъ потрясъ своды замка и чуть-чуть не перебилъ всѣхъ лампъ за кулисами. Эффектъ былъ удивительный! Когда я приподнялся съ краснымъ носомъ, зрители хохотали гомерическимъ смѣхомъ. Никакое чувство и выраженіе въ пѣніи не могли разогнать этой веселости: едва я появлялся — смѣхъ снова раздавался отсюду. Такъ Ромео палъ съ перваго шага на сцену. Я убѣдился, и притомъ самымъ чувствительнымъ образомъ, что въ актеры негожусь.»

Впрочемъ, Рупини нѣсколько преувеличивалъ свою неспособность къ драматическому выполненію музыки. Правда, онъ не могъ похвалиться особенною ловкостію и стройнымъ ростомъ, однако лицо его, не смотря на природную веселость и добродушіе, было выразительно, глаза живы. Значитъ, онъ имѣлъ еще преимущество предъ Иваномъ Батистычемъ Рубини, который при совершенной неподвижности тѣла и лица, увлекалъ всѣхъ однимъ драматизмомъ своего пѣнія.

Рупини глубоко чувствовалъ все, что пѣлъ, а что чувствовалъ умѣлъ выражать сильно и энергически. Высказать слова въ настоящемъ ихъ значеніи почиталъ онъ первымъ правиломъ драматическаго пѣнія. «Для чего-же и музыка прилагается къ словамъ, — говорилъ онъ, — какъ не для того, чтобы усилить ихъ выраженіе и влить въ нихъ больше страсти. По моему — въ пѣвцѣ первое условіе — *душа*, второе — *голосъ*.»

Лѣтъ двѣнадцать тому мнѣ случилось быть въ обществѣ, куда былъ приглашенъ и Рупини. Вечеромъ, хозяйка дома и гости попросили его спѣть что-нибудь. Не отговариваясь, онъ сѣлъ къ роялю и задумался на счетъ выбора пьесы. Вдругъ глаза его ос-

становился на модномъ романсѣ П. С. Оедорова, тогда только что вышедшемъ въ свѣтъ :

Прости меня, прости прелеетное созданье!

Упрекомъ я тебя, быть можетъ, оскорбилъ.

Онъ схватилъ его съ пюльпитра и началъ пробѣгать глазами, начиная, по обычаю своему, съ словъ. Рупини никогда не рѣшался пѣть пьесы, когда слова ея не выражали мысли или глубокаго чувства.

Кто только знаетъ исторію этого романса, написаннаго молодымъ, талантливымъ писателемъ Булгаковымъ, такъ рано погибшимъ отъ безумной любви къ вѣтренной Лансѣ театра, тотъ пойметъ, какъ много чувства заключено въ его немногія слова. П. С. Оедоровъ, одинъ изъ самыхъ короткихъ друзей атвора, очень хорошо зналъ, подъ какимъ вліяніемъ и при какихъ обстоятельствахъ они вылились изъ души Булгакова, и умѣлъ ему сочувствовать въ музыкѣ, такъ, что романсъ этотъ дѣйствительно вышелъ образцовымъ произведеніемъ. Рупини, при первомъ взглядѣ на романсъ, по врожденному такту, понялъ поэта и музыканта. Онъ началъ пѣть. Съ первыхъ-же звуковъ романсъ принялъ у него выраженіе глубоко драматическое, но при словахъ :

Я выслушалъ твое — съ восторгомъ — оправданье,

Я вверился тебѣ — я снова полюбилъ!

онъ потрясъ и растрогалъ всѣхъ слушателей до слезъ. Слова : *съ восторгомъ* и *я снова полюбилъ* дышали такимъ глубокимъ чувствомъ, были высказаны такъ сильно и съ такимъ выраженіемъ лица — что пѣвецъ въ эту минуту становился величайшимъ драматическимъ актеромъ. Громкія рукоплесканія покрыли послѣдніе звуки пѣвца. Всѣ просили повторенія, но Рупини потратилъ на это исполненіе столько силъ душевныхъ, что не могъ продолжать, слезы блистали у него на глазахъ и онъ уже не пѣлъ болѣе во весь вечеръ.

Рупини готовилъ для пѣнія, и преимущественно для церковнаго и комнатнаго хоральнаго, а потому на знанія его музыкальныя вовсе не было обращено вниманія. Но онъ самъ понималъ, что для упражненія въ пѣніи надо умѣть себѣ аккомпанировать

и знать законы сочетанія звуковъ и переходовъ изъ тона въ тонъ. Для этого на первыя, маленькія свои деньги онъ купилъ фортепьяно и началъ прилежно учиться. Въ то время познакомился онъ съ Жучковскимъ, талантливымъ и знающимъ капельмейстеромъ русскаго театра, вошелъ съ нимъ въ дружескую связь и у него научился первымъ правиламъ гармоніи и контрапункта.

Имя Рупини скоро сдѣлалось извѣстно, его пѣніе почиталось образцовымъ всѣми знатоками и восхищало своей обаятельною силою всѣхъ профановъ. Онъ слылъ, и былъ дѣйствительно, первымъ и лучшимъ учителемъ пѣнія въ Петербургѣ*, за него рвали и эти обильные уроки поглащали все его время. Конечно, это было очень выгодно и даже необходимо для молодого человѣка, который начиналъ только жить и обзаводиться, но въ то же время это вредило его стремленію впередъ и мѣшало совершенствованію. Кончилось тѣмъ, что онъ совершенно посвятилъ себя учительской жизни и на этомъ поприщѣ принесъ много пользы, но пользы болѣе частвой, чѣмъ всеобщей. Рупини часто вспоминалъ методу своего славнаго учителя и ею постоянно руководствовался при своемъ преподаваніи.

«Главное искусство пѣвца, говорилъ онъ, по очень основательному мнѣнію Мускети, состоитъ въ умѣнн чисто и ясно произносить пять гласныхъ буквъ; а, е, и, о, у. Кажется, это очень легко, а въ сущности очень трудно, и большая часть нашихъ отличныхъ голосовъ пропадаютъ именно оттого, что пѣвцы не обращаютъ вниманія на эту, по ихъ мнѣнію, бездѣлицу. При произношеніи каждой изъ этихъ буквъ тоническимъ образомъ, т. е. въ сопровожденіи музыкальнаго звука, требуется совершенно особенное отверзтіе рта, положеніе языка и гортани, и даже самой головы. Безъ необходимыхъ знаній этихъ правилъ звукъ никогда не будетъ полнымъ и чистымъ, онъ или будетъ ударять въ гортань или придерживаться языкомъ и зубами. Стало быть, прежде всего, надо приучить головные и грудные органы къ извѣстнымъ положеніямъ — и это-то всего труднѣе, потому что это дѣло физическое и требуетъ большаго навыка, упражненія, а главное терпѣнія, свойства, котораго люди, желающіе пѣть, по большей части не имѣютъ. Второе, важное искусство въ пѣвцѣ, есть знаніе когда, какъ, и въ какой мѣрѣ вдыхать воздухъ и ка-

* Знаменитый Салиэнца тогда уже не существовалъ.

кимъ образомъ хозяйничать его запасомъ, чтобы не растратить преждевременно и некстати. Ничто не нарушаетъ такъ эффекта и не утомляетъ болѣе пѣвца, какъ вдыханіе посреди неконченной фразы; а неумѣнье распорядиться запасомъ воздуха дѣлаетъ его неспособнымъ къ блестящимъ пассажамъ, къ протяженію и энергическому усиленію эффектной финальной ноты. Третье искусство — умѣнье атаковать ноту, воспользоваться мѣстомъ, для разчитаннаго эффекта такъ, чтобы это было неожиданно и незамѣтно. Мускети училъ только пѣть одни солфеджіи да экзерциціи, и потомъ давалъ въ руки музыкальную пьесу, заставляя ее прочесть и спѣть безъ особенныхъ приготовленій; и она пѣлась хорошо и эффектно, потому что трудностей уже не могла представлять для пѣвца, прошколеннаго на его манеръ. Все зависѣло только отъ колорита и вкуса: ну, это такія качества, которыя должны быть врожденны человѣку и которыхъ никакой наукой передать нельзя.»

Этими-то качествами Рупини владѣлъ вполне и въ высшей степени. Прибавьте къ этому чрезвычайную музыкальную начитанность и рутину — и вы поймете, какой это былъ замѣчательный пѣвецъ и драгоценный учитель. Этотъ врожденный, инстинктивный вкусъ, очищенный превосходною методою и былъ причиною, что лучше Ивана Алексѣича еще никто въ Россіи не пѣвалъ русскихъ пѣсень. Сколько души, выразительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, простоты и народности было въ этихъ пѣсняхъ! Рупини самъ вышелъ изъ того класса народа, гдѣ эти пѣсни родились и получили свое значеніе: онъ слышалъ ихъ съ дѣтства, въ устахъ народа, въ приложеніи къ самымъ рѣзкимъ минутамъ его жизни, къ минутамъ мимолетной радосты, врожденной удали или забубеннаго молодечества. И въ его пѣсняхъ вамъ такъ и слышались — то веселье удалое, то унылая тоска!

Наконецъ Рупини рѣшился слышанныя имъ и заученные русскіе народныя пѣвны перенести на бумагу и положить ихъ на ноты безъ нарушенія ихъ простоты и музыкальной конструкціи, не смотря на ея неправильность. Задача была очень трудная, однако жъ онъ совладѣлъ съ нею мастерски, и въ 1831 году вышла первая тетрадь его «Русскихъ пѣсень.» Она была посвящена Государынѣ-Императрицѣ, произвела всеобщее впечатлѣніе и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ литераторовъ отзывался объ этомъ трудѣ съ восторгомъ, въ одномъ изъ номеровъ «Сѣверной Пчелы» того года. Необыкновенный успѣхъ этого

перваго изданія побудилъ Рупини продолжать свой трудъ. Въ 1833 году появилась вторая тетрадь его «Русскихъ пѣсень», а въ 1836, третья, заключающая въ себѣ семь пѣсень, положенныхъ на одинъ голось, съ варьяціями и аккомпаньеманомъ фортепьяно. Изъ послѣдняго собранія особенный успѣхъ имѣли: «Голубчикъ, голубчикъ, голубчикъ ты мой!» и «Я по цвѣтикамъ ходила, по лазоревымъ гулла!» Всѣ пѣсни, положенныя на музыку П. А. Рупини отличаются сохраненіемъ чистаго народнаго напѣва, и тѣмъ, что варьяціи въ нихъ, нисколько не удаляясь отъ темы, совершенно близки къ переливамъ голоса нашихъ простонародныхъ пѣсень и своими мастерскими переходами изъ одного тона въ другой невольно восхищаютъ слушателя. Но надо было слышать, какъ онъ самъ пѣлъ эти пѣсни — тогда онѣ выигрывали сто процентовъ. Каждое слово получало значеніе, каждый звукъ являлся изъ души — и прямо въ душу.

Простой и добродушный характеръ Рупини и это мастерство передавать русскія пѣсни такъ, что въ минорныхъ — у васъ слезы просились наружу, а въ веселыхъ вамъ подергивало всѣ жилки и мускулы, сблизили съ нимъ довольно тѣсно многихъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ и литераторовъ: сперва Пушкина, Дельвига, Туманскаго, и нѣкоторыхъ другихъ, а въ послѣдствіи Полеваго, Струговщикова, Якубовича, С. Глинку, и вашего покорнаго слугу. Домъ его, нѣкогда полная чаша, былъ всегда открытъ для друзей и онъ любилъ блеснуть московскимъ гостепріимствомъ и радушіемъ. Каждый вечеръ вы могли встрѣтить у него тѣсный кружокъ литераторовъ, любителей музыки и артистовъ. Тутъ-же иногда пивались слова для пѣсень и романсовъ, тутъ-же ихъ клали на музыку и исполняли. Лучшія русскія пѣсни и лирическія стихотворенія барона Дельвига родились въ минуту увлеченія, на роляхъ Ивана Алексѣевича Рупини и имъ положены на музыку. Умная, добрая и прелестная жена Ивана Алексѣевича умѣла оживлять бесѣду своей непринужденной веселостію, простымъ и милымъ обхожденіемъ — и придавала еще болѣе очарованія этимъ литературно-музыкальнымъ вечерамъ.

Кромѣ «Русскихъ народныхъ пѣсень» Рупини самъ создалъ до пятидесяти пѣсень, романсовъ, кантатъ, каватинъ и мелодій, изъ которыхъ многія сдѣлались совершенно народными и донинѣ поются, даже между простымъ классомъ. Такова, напримѣръ, его пѣсня: «*Вотъ мчится тройка удалая*». Замѣчательнѣйшая черта

творчества И. А. кромѣ вкуса и мелодичности, состояла въ томъ, что онъ каждой пьесѣ умѣлъ придать свойственный ей колоритъ. Такъ его «*Старый рыцарь*», на слова Пушкина, есть образцовое произведеніе, отъ котораго не отказался бы Мейерберъ, столько въ немъ романтическаго, средневѣковаго, полу-воинственнаго, полу-религіознаго элемента; другая его пьеса — «*Мальчикъ налей мнѣ фіалъ*», на слова Дельвига, такъ и дышетъ воздухомъ Элады, такъ и облаетъ вась вѣгою древнихъ пировъ; въ «*Пьесу Маргариты изъ Фауста*», на слова Струговщикова, все проникнуто германской мечтательностію и дѣтственнымъ восторгомъ сѣверной любви. Кромѣ того, романсы его отличаются граціей, чувствомъ, благородствомъ стила, свѣжестью и разнообразіемъ мотивовъ, и эффектомъ своихъ переходовъ, въ особенности-же драматизмомъ. Лучшіе изъ нихъ: *Кого-то нѣтъ, кого-то жаль*; — *Нѣтъ, обманула васъ молва*; каватина: *Не припадай ко мнѣ на грудь*; *Могила Маріи*; *Дружба*; *Сновидѣніе*; *Прекрасный день, счастливый день*; *Не цвѣта небснаго очи твои*; *Пьесу Кичкени*; *Бокалъ*; *Нищій*; *Видѣніе*; *Тебя здѣсь нѣтъ*; *Не улыбайся такъ привѣтно*; *И нѣтъ въ мѣрѣ очей*; *Ахъ, какъ мнѣ быть, скажите мнѣ?* Последній былъ мною написанъ на вечерѣ у Рупини въ 1839 году, по настоянію покойнаго Полеваго, и тутъ-же, на мѣстѣ преступленія, положенъ Иваномъ Алексѣевичемъ на музыку — въ видѣ импровизаціи. Изъ русскихъ, имъ сличивенныхъ, пьесъ, лучшія: *Одинокъ мѣсяцъ плылъ*; *Приди, приди на этотъ лугъ*; *Ахъ, не одна во поле дороженька*; *Я не знала ни о чемъ въ свѣтъ тужить*; *Не бѣлы сныги*; *Рано цвѣтикъ, рано ты въ поле распустился*; *Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ*; *По небу тучи громовыя ходятъ*; *Что соловушка напѣваешь ты*, и *Кольцо*. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ были изданы имъ въ Альбомахъ, изъ которыхъ самый замѣчательный «*Букетъ*», другія являлись въ разныя времена отдѣльно или при періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того въ 1839 году были имъ изданы: «*Русскій привѣтъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Николаевны*», и «*Русское ура!*» Обѣ пьесы написаны по случаю, на слова покойнаго С. Н. Глинки.

Произведенія Рупини постоянно пользовались успѣхомъ, пѣлись на сценѣ, въ концертахъ, въ пышныхъ салонахъ и между народомъ, и были осыпаны похвалою въ критическихъ разборахъ повременныхъ изданій. За многія изъ нихъ онъ былъ удостоенъ Высочайшихъ наградъ.

Въ 1840 году Рупини лишился нѣжно-любимой имъ жены и это породило въ немъ постоянное уныніе, какую-то безотчетную тоску и ослабило всѣ его силы душевныя и тѣлесныя. Онъ былъ человѣкъ энергическій и глубоко-чувствующій, и не всегда умѣлъ подчинять порывовъ своего сердца холодному разуму, но старался подавить ихъ въ забвеніи насильственномъ. Съ этихъ поръ творческое вдохновеніе рѣдко его посѣщало, слава не могла вырвать его изъ печальной апатіи духа; часто просиживалъ онъ цѣлые дни одинъ, въ раздумьи, подъ своимъ окномъ, и неглижировалъ уроками, которые составляли единственный источникъ его доходовъ. И уроки для него становились рѣже, и вотъ явился болѣзнь тѣлесныя, а за ними слѣдомъ за порогъ его прокралась и нужда. Въ эту - то эпоху, лѣтъ семь тому назадъ, поступилъ онъ въ театръ *учителемъ хоровъ итальянской оперы*. Можетъ быть, вамъ не разъ удавалось случайно замѣтить въ заднихъ рядахъ хоровъ, во время представленій незабвеннаго Рупини и Віардо, небольшое существо, одѣтое въ крестьянскій костюмъ, или въ латы и шишакъ, которое суетилось, бѣгало и приводило въ движеніе массу пѣвцовъ, то жестомъ, то голосомъ? — Это былъ нашъ нѣкогда славный пѣвецъ и *русскій народный композиторъ*, тотъ самый, объ которомъ еще въ 1836 году печатали: «Кому изъ жителей «Петербурга, скажемъ лучше, кому изъ любителей всего изящнаго въ цѣлой Россіи, не извѣстенъ высокій талантъ нашего русскаго пѣвца И. А. Рупини? Мы, русскіе, должны быть особенно благодарны этому истинному артисту русскаго напѣва за то, что онъ посвятилъ талантъ свой изученію духа и красотъ нашихъ родныхъ пѣсенъ. Но можетъ-ли похвала, истекающая хотя отъ чистѣйшаго восторга, прибавить что либо къ достоинству композитора, давно уже публикою оцѣненнаго?» *

У Рупини учились первые русскіе артисты пѣнія: Петровъ, Степанова, Н. Самойлова.

25 го прошлаго марта, въ самый день Благовѣщенія, когда солнушко, заглянувъ къ намъ рѣдкимъ гостемъ, обдало обрадованный Петербургъ первымъ весеннимъ тепломъ, изъ маленькой, надворной квартирки, одного изъ домовъ близъ Николы Морскаго, потянулся

* Сѣверная Пчела, №19, по поводу вновь вышедшихъ пѣсенъ Рупини.

къ Смоленскому кладбищу скромный похоронный кортежъ. За небогатымъ гробомъ шли нѣсколько литераторовъ, артистовъ, лицъ административныхъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ въ плерезахъ и нѣсколько старухъ и молодыхъ, цвѣтущихъ женщинъ — въ глубокомъ траурѣ и въ искреннихъ слезахъ. Бѣдныя дроги и небольшое число провожатыхъ незамѣтно промелькнули по оживленнымъ улицамъ Петербурга и Васильевского Острова; никто не обратилъ на нихъ вниманія, никто не остановилъ ихъ вопросомъ: кого хоронятъ? Озабоченные дѣлами и мыслью о весельи, быстро проносились мимо лица, довольныя жизнью, не заботясь о томъ, что не стало одного, котораго талантъ пролилъ на нихъ столько наслажденія, котораго труды и произведенія достойны памяти и уваженія всей Россіи.

За три дни до этихъ похоронъ, въ той самой бѣдной, но чистенькой надворной квартиркѣ, у Николая Морекаго, умиралъ пятидесятисемилѣтній старикъ Рупини, изможденный страданіями тяжелой болѣзни, которая продержала его пять мѣсяцевъ въ постели. Взоръ его закатился спокойно и молитва осѣнила улыбающіяся уста въ послѣднюю минуту: страдалецъ благословлялъ свое бытіе. Около его одра стояло нѣсколько существъ, изъ которыхъ одни были имъ облагодѣтельствованы, а другія, любя его благородную, прекрасную душу, не забыли его и въ часъ нужды, удрученія и страданій. Онъ видѣлъ предъ собой въ послѣдній мигъ слезы благодарности и участіе дружбы: два блага, которыя не всегда достаются въ удѣлъ умирающимъ богачамъ и сильнымъ земли. Пѣвецъ, артистъ, художникъ, Рупини умеръ для русской публики уже давно: въ ту минуту, когда кончилось его творчество; человекъ Рупини — умиралъ, забытый этой публикою, которой въ жертву онъ принесъ всю свою жизнь, все завѣтныя мечты своего сердца, но онъ умиралъ — среди чуждой ему по родству, по родственной по сердцу семьи друзей, которые помнили его добро и сладкія минуты, которыми онъ дарилъ ихъ въ години счастья и довольства.

На скромныя, посильныя приношенія этихъ друзей и нѣкоторыхъ лицъ, не забывшихъ еще хлѣбъ соль артиста-богача, были совершены не пышныя его похороны. Но, съ грустію должны мы сказать, никто изъ артистовъ, наиболѣе своими успѣхами обязанныхъ его наставленіямъ и таланту, не явился отдать послѣдній долгъ учителю и русскому артисту. Но что болѣе всего характеризуетъ покойника, такъ это то, что бѣднякъ, едва-едва списывав-

шій тяжкимъ трудомъ засушенный кусокъ для себя и призрѣннаго его добротою семейства, что нишій артистъ, остался гордъ и благороденъ въ самомъ рубищѣ: послѣ него не оказалось копѣйки долгу, даже за квартиру было заплачено за мѣсяць впередъ.

Полтора года тому, Рупини посѣтилъ меня грустный, убитый: онъ жаловался на забвеніе людей, которыхъ нѣкогда почиталъ друзьями. Вообще, отъ разныхъ неудачъ житейскихъ, чувство собственного достоинства сдѣлалось въ немъ въ послѣднее время очень раздражительно. Я старался его утѣшить и обратить все его вниманіе на искусство, воспламенить въ немъ прежнюю творческую дѣятельность, увѣряя, что въ трудѣ своемъ онъ найдетъ вознагражденіе за всѣ жизненные язвы. «Нѣтъ, любезный О. А.

«Пѣлъ соловушко громко, радостно,
Какъ подруженька его слушала,
Да стрѣлокъ лнхой — неумышленно
Загубилъ ее злой дробиною»...

отвѣчалъ онъ мнѣ, словами моей же пѣсни, когда-то положенной имъ на музыку. «Прошло мое время и за новый трудъ приниматься уже не приходится.» Я убѣждалъ его всеми доводами, говоря, что для таланта нѣтъ времени и что творчество есть лучше средство для забвенія горькой существенности. «Хорошо, сказалъ онъ наконецъ:

Еще разъ въ жизни согрѣшу:
Одну вамъ пѣсню напишу...

но это будетъ *послѣдняя* и больше отъ меня ничего не ждите: въ ней я выскажу все и, можетъ быть, тогда вамъ молчаніе мое будетъ понятнѣе.» Черезъ двѣ недѣли онъ пришелъ опять и подалъ мнѣ, молча, свертокъ нотной бумаги. Я развернулъ: это былъ романсъ, подъ названіемъ «Послѣдняя пѣсня Рупини» *посвящается его сыну*. — Прочтите, сказалъ онъ мнѣ. И я прочелъ слѣдующія слова:

И нечего ужъ мнѣ желать,
Какъ чайкѣ осени порою,
Мечты умчался съ весною

И имъ назадъ не прилетать!
 И некого ужъ мнѣ встрѣчать:
 Отпировавъ я пиръ удалый,
 Я въ этомъ мирѣ запоздалый,
 Ужъ мнѣ гостей не созывать!
 И нечему меня пугать:
 Не страдалъ я всѣхъ страданья
 И спряталъ сердца упованья
 Подъ гробовую я печать.
 И некому ужъ мнѣ пѣвять:
 Мои всѣ близкіе далеко —
 Они лежатъ въ землѣ глубоко,
 И мнѣ ихъ больше не видать.

Онъ сѣлъ за фортепьяно и спѣлъ эту трогательную, проникнутую чувствомъ мелодію. Видно было, что она вылилась у него прямо изъ души и онъ разставался съ нею, какъ съ заветною тайною. На послѣднихъ двухъ стихахъ голосъ его задрожалъ и замеръ, сѣдая голова опустилась на грудь и двѣ крупныя слезы канули на клавиши. Послѣ минутнаго молчанія, онъ ободрился и быстро вставая, сказалъ: «Вы меня много разъ спрашивали о подробностяхъ моей жизни: вотъ вамъ полная моя біографія; тутъ мнѣ ни прибавить, ни убавить, ничего нельзя.» Я съ участіемъ пожалъ руку старика и поцалъ, что дѣйствительно, при такомъ упадкѣ душевныхъ силъ, онъ уже отжилъ для искусства.

Но если онъ жаловался на такое одиночество, спросите вы, кто-же были женщины въ траурѣ, которыя такъ искренно окропили гробъ его слезами? — Это были бѣдныя, безпріютныя сироты, которыхъ онъ воспиталъ и пристроилъ на послѣднія свои трудовыя копѣйки; это были вдовы дряхлыя и бѣдныя, съ которыми онъ дѣлился тѣснымъ угломъ своимъ и послѣднимъ кускомъ хлѣба. И ихъ-то слезами напутствуемый, онъ умеръ съ улыбкою на устахъ.

Что сказать вамъ о характерѣ этого замѣчательнаго человѣка? Это былъ ребенокъ въ сѣдинахъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ, прекраснымъ натурамъ, которыя до могилы сохраняютъ младенческую чистоту души, теплоту сердца, просящаго постоянной пищи для любви, и паивность ума, вполне покорнаго увлеченіямъ фантазіи. Когда онъ былъ достаточно, онъ бросалъ деньги во всѣ стороны, гдѣ только замѣчалъ,

что недостатокъ ихъ можетъ причинить огорченіе ближнему; онъ подчивалъ друзей, потому что видѣть ихъ веселыми почиталъ первымъ своимъ наслажденіемъ. Когда онъ впалъ въ бѣдность, онъ жалѣлъ не о томъ, что нуждается, а о томъ, что у него отняты средства дѣлать добро другимъ. Правъ его былъ всегда дѣтски-веселый, и дѣтски-капризный; въ послѣдніе только годы тѣлесныя страданія сдѣлали его хандрикомъ, и подчасъ брюзгою. Человѣческое чувство было въ немъ развито въ высшей степени; за то практическую жизнь онъ не понималъ вовсе. Онъ создавалъ себѣ міръ по своему, населялъ его ангелами въ человѣческомъ образѣ, и блаженствовалъ, видя ихъ счастье, и плакалъ ихъ горю, не справляясь объ источникѣ ихъ радости или слезъ. Собственное несчастье поразило его тѣмъ болѣе, что онъ не вѣрилъ въ возможность охлажденія въ людяхъ и переменъ мнѣній, съ переменною обстоятельствомъ. Въ искусство свое онъ былъ влюбленъ съ фанатизмомъ: объ немъ только и думалъ, и мечталъ; и хотя, какъ я выше сказалъ, онъ остановился въ своемъ совершенствованіи въ извѣстное время, однако внутреннимъ инстинктомъ умѣлъ постигать и оцѣнять нововведенія, усвоенныя современнымъ искусствомъ, вслѣдствіе новаго воззрѣнія на его законы и на развитіе новыхъ началъ. Онъ не былъ приверженцомъ какой-нибудь одной музыкальной школы, но поклонялся прекрасному и высокому въ каждой изъ нихъ, и, благоговѣя предъ Моцартомъ и Бетговеномъ, не презиралъ и мелодическаго Беллини и игриваго Обера.

Главный недостатокъ Рубина состоялъ, можетъ быть, въ томъ, что онъ самъ не зналъ настоящей цѣны золота, заключеннаго въ его душѣ и не понималъ высокихъ достоинствъ, которыми его надѣлила природа. Иначе, не дѣлая своему значенію слишкомъ мелочной оцѣнки, онъ не палъ бы духомъ при первой немножко рѣзкой невгодѣ и нашель-бы силы противъ судьбы въ собственномъ своемъ геніи.

Какъ-бы-то ни было, онъ принесъ пользу русскому искусству своими трудами, оставилъ сыну честное, незапятнанное имя, друзьямъ много сладкихъ воспоминаній, многимъ несчастнымъ — спокойствіе и радость; почтимъ-же этого достойнаго артиста и

человѣка — доброю памятью, какъ послѣдней данью нашей признательности *.

* Рупини, умирая, завѣщалъ мнѣ свой портретъ, рисованный извѣстнымъ художникомъ нашимъ Афанасьевымъ и чрезвычайно похожій. Въ слѣдующемъ номерѣ «Пантеона», я постараюсь подѣлиться имъ съ моими читателями.

Ө. КОНИ.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ О ГАРРИКЪ.

(АРТУРА МУРФИ *.)

=

I.

Фамилія Гарриковъ происходитъ изъ Франціи, откуда она выселилась, со многими другими протестантскими фамиліями, по отъѣзду Нантскаго эдикта, въ 1685 году. Петръ Гаррикъ, отецъ знаменитаго актера, служилъ въ арміи и жилъ обыкновенно въ Личфильдѣ; но часто бывалъ въ разъѣздахъ для приѣма рекрутовъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ родился Давидъ Гаррикъ, въ Гирфордѣ, 20 февраля, 1716 года. Страсть и дарованіе его къ драматическому искусству проявились уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Труппа кочующихъ актеровъ, дававшая отъ времени до времени представленія въ Личфильдѣ, пробудила въ ребенкѣ такую пламенную любовь къ театру, что, не довольствуясь частымъ посѣщеніемъ ихъ представленій, онъ захотѣлъ самъ играть комедіи и трагедіи. Для этого онъ уговорилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей разучить роли одной пьесы, и принялъ на себя должность директора и режиссера малолѣтней труппы. Любимую его пьесою на личфильдскомъ репертуарѣ былъ *«Рекрутскій вербов-*

* Гаррикъ не оставилъ записокъ о своей жизни, но вскорѣ послѣ смерти его, современникъ и другъ его, Артуръ Мурфи, писавшій для него нѣсколько пьесъ, издалъ довольно подробную біографію великаго актера, назвавъ ее «Записками о Гаррикѣ». Это-то сочиненіе мы и предлагаемъ читателямъ нашего журнала.

щикъ» *, Фаркуара; ее-то онъ и выбралъ для перваго представленія. Это представленіе происходило въ 1727 году, въ присутствіи многочисленнаго и избраннаго общества. Самъ Гаррикъ, которому было въ то время одиннадцать лѣтъ, взялъ роль сержанта Кайта, и, по увѣренію всѣхъ современниковъ, исполнилъ ее съ рѣдкимъ умомъ и талантомъ. Такимъ образомъ, ребенкомъ онъ предвѣщалъ уже будущую свою славу, и обѣщалъ сдѣлаться со временемъ величайшимъ драматическимъ артистомъ Англіи.

Не смотря на то, отецъ прочилъ его въ адвокаты. Окончивъ ученіе въ Личфильдской школѣ, молодой Гаррикъ поступилъ въ частный пансіонъ знаменитаго доктора Джонсона, который тогда былъ еще небогѣе, какъ неизвѣстный литераторъ и плохой школьный учитель. Пансіонъ шелъ плохо; убивъ на него большую часть приданаго жены, докторъ Джонсонъ принужденъ былъ его закрыть, и учитель съ учениками, въ томъ числѣ Гаррикомъ, отправился, въ 1736 году, искать счастья въ Лондонѣ. Давидъ долженъ былъ тутъ приступить къ изученію законовъ, но внезапная смерть отца разрушила всѣ его планы.

Старшій братъ Давида Гаррика, Петръ, держалъ винный погребъ въ Лондонѣ. Давидъ, получивъ послѣ отца 1 00 фунтовъ стерлинговъ, предложилъ ему, въ 1738 году, вступить съ нимъ въ товарищество. Самюэль Футъ ** часто рассказывалъ, что помнилъ

* Это одна изъ лучшихъ комедій Фаркуара и всего англійскаго комическаго театра. Она представлена въ первый разъ на Дриорленскомъ театрѣ, въ 1705 году. Когда Фаркуаръ писалъ эту пьесу, онъ самъ былъ *рекрутскимъ вербовщикомъ*, и изобразилъ роль эту съ самаго себя. Рассказываютъ забавный случай, бывшій въ одно изъ представленій этой пьесы. Актеръ Куннъ, игравшій роль судьи Баланса, по разсѣянности, а можетъ-быть и потому, что немножко подпилъ, спросилъ мистрисъ Уоффингтонъ, игравшую роль его дочери: Сильвія, сколько было тебѣ лѣтъ, когда твоя мать вышла замужъ?—Актриса смутилась, и не отвѣчала.—«Я спрашиваю, повторилъ судья, который годъ былъ тебѣ, когда твоя мать родилась?»—Мнѣ очень жаль, отвѣчала находчивая актриса, что я не могу отвѣчать на вашъ вопросъ; но могу удовлетворить васъ, если вы пожелаете узнать, сколько мнѣ было лѣтъ, когда она умерла.

** Футъ былъ актеръ и драматическій писатель. Жизнь его довольно любопытна по своимъ превратностямъ. Онъ родился въ Корнваллисѣ, отъ довольно богатыхъ родителей, и воспитывался въ Оксфордѣ, готовясь къ адвокатскому званію. Но едва онъ почувствовалъ себя на свободѣ, тотчасъ предался удовольствіямъ, и въ нѣсколько лѣтъ промоталъ отцовское достояніе, и чтобъ не умереть съ голоду, принужденъ былъ обратиться къ театру. Онъ дебютировалъ въ *Отелло*; но не имѣвъ успѣха, бросилъ трагедію, и принялся за сочиненіе комедій и фарсовъ для Геймаркет-

Гаррика, когда онъ еще жилъ на Дургемскомъ подворьи и величалъ себя виноторговцемъ, на томъ основаніи, что имѣлъ въ своемъ погребкѣ три боченка жидкости, болѣе похожей на уксусъ, чѣмъ на вино. Справедливо ли это сужденіе Фута о качествахъ вина или нѣтъ, но достовѣрно, что братья Гаррики снабжали виномъ все дома по сосѣдству обоихъ театровъ. Давидъ былъ членомъ различныхъ клубовъ, въ которыхъ преимущественно собирались все тогдашніе актеры. Онъ позволялъ себѣ даже довольно вольно критиковать ихъ, и, для болшей силы и ясности своихъ замѣчаній, становился на столъ и передразнивалъ игру и дикцію каждаго изъ нихъ. Онъ давалъ такимъ образомъ заранѣе понятіе о необыкновенномъ талантѣ, который онъ долженъ былъ явить впоследствии въ роли Бейза, стяжавшей ему такую огромную славу.

Съ этого времени званіе актера сдѣлалось единственнымъ предметомъ его мыслей и честолюбія.

Состояніе театра въ то время было очень не блистательно. Маклинъ съ успѣхомъ игралъ роль Шайлока, въ «Венеціанскомъ купцѣ»; Куинъ былъ безспорно очень хорошій актеръ; Мистрисъ Притчардъ и мистрисъ Уоффингтонъ нравились въ высокой комедіи; послѣдняя забрала себѣ безраздѣльно веселую комедію, и на пустозвонномъ языкѣ современниковъ величалась не иначе,

скаго театра, которыя имѣли огромный успѣхъ. Онъ самъ игралъ въ своихъ пьесахъ комическія роли и роли переодѣванія, на которыя онъ имѣлъ дѣйствительный талантъ. Въ 1766 году, онъ упалъ съ лошади и такъ разшибъ себѣ ногу, что пришлось ее отрѣзать; онъ воспользовался этимъ, чтобы написать нѣсколько пьесъ, въ которыхъ была роль на деревяной ногѣ. Впрочемъ это несчастіе доставило ему еще другую выгоду: герцогъ Йоркскій выхлопоталъ ему пожизненную привилегію на Геймаркетскій театръ. Въ 1775 году, онъ вздумалъ вывести на сцену похождения герцогини Кингстонъ, бывшіе тогда предметомъ всехъ разговоровъ. Герцогиня сначала хотѣла откупиться, но не сошедшись съ авторомъ въ цѣнѣ, прибѣгла къ кратчайшему пути, обратилась къ лорду камергеру, и пьеса была запрещена. Съ этого времени счастье стало измѣнять ему. Въ 1777 году, онъ былъ преданъ суду по наговорамъ прогнаннаго слуги, обвинявшаго его въ безнравственныхъ поступкахъ, и хотя судъ оправдалъ его, однако-же это такъ потрясло его, что онъ захворалъ и скоро умеръ, въ Дуврѣ, на пути во Францію, куда его послали врачи. Въ продолженіе почти тридцати лѣтъ, онъ каждую зиму игралъ на разныхъ лондонскихъ театрахъ и писалъ пьесы, и каждое лѣто исправно проматывалъ то, что заработалъ зимою. Изъ множества его пьесъ, только двадцать шесть были напечатаны, и изъ нихъ только одна «The mayor of Garrall», донынѣ изрѣдка является на сценѣ.

какъ *Музою комедіи*. А между тѣмъ драматическое искусство было въ младенствѣ: оно было ничто-иное, какъ напыщенная, неестественная декламация; сильныя страсти выражались крикомъ и завываніемъ; горестъ — плаксивымъ голосомъ; любовь — протяжностью рѣчи; актеръ не зналъ другаго средства потрясать души зрителей, какъ потрясать ихъ первы ревомъ. Комедія, съ другой стороны, ниспала на степень фарса и гаерства. Гаррикъ видѣлъ, что природа была изгнана съ театра, и рѣшился возвратить искусство на путь истинный.

Въ началѣ 1740 года, онъ предоставилъ брату продолжать торговлю одному, и сталъ готовиться къ исполненію своего предпріятія, изучая съ безпримѣрною ревностью и строгою отчетливостію главныя роли пьесъ Шекспира и другихъ образцовыхъ писателей. Впрочемъ, онъ былъ не совсѣмъ спокоенъ, потому что зналъ, что основатель новой школы всегда встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, и что публика съ недоувѣрчивостію смотритъ на всякое нововведеніе. Притомъ онъ самъ не довѣрялъ своимъ силамъ, и не разъ готовъ былъ отступить отъ предпріятія. Но онъ не могъ противиться призванію, которое влекло его, не давая ему времени осмотрѣться.

II.

Гаррикъ былъ очень друженъ съ Джиффардомъ, директоромъ Гудменсфильдскаго театра *. Онъ обратился къ нему за совѣтомъ на счетъ замышляемаго предпріятія. Обдумавъ вдвоемъ дѣло, они рѣшили, что прежде, чѣмъ отважиться предстать предъ строгую столичную публику, благоразумнѣе будетъ испытать свои силы на какомъ нибудь провинціалскомъ театрѣ. Въ Инсвичѣ была лѣтомъ 1741 года хорошая труппа актеровъ, и друзья наши избрали этотъ городъ для перваго опыта. Они тотчасъ поѣхали вмѣстѣ въ Инсвичъ; но Гаррикъ еще такъ мало довѣрялъ себѣ, что не хотѣлъ дебютировать подъ своимъ именемъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, остаться неизвѣстнымъ. Онъ назвался Лидделемъ и выбралъ для перваго дебюта роль негра Абоана въ трагедіи «Оревоко» **. Въ этомъ нарядѣ переступилъ онъ Руби-

* Одинъ изъ второстепенныхъ лондонскихъ театровъ. Открытъ въ первый разъ въ 1729 году, вскорѣ закрытъ по распоряженію правительства, открытъ снова въ 1752 году. Онъ давно уже не существуетъ.

** Этотъ первый дебютъ Гаррика сопровождался двумя любопытными обстоятельствами. Во-первыхъ, вышедши на сцену, онъ такъ оробѣлъ,

конъ; но его встрѣтилъ такой благосклонный пріемъ, что нѣсколько дней спустя онъ явился уже въ настоящемъ видѣ, въ роли Шамова, въ трагедіи Отвея «Сирота», Рукоплескавія публики и поощренія знатоковъ одушевляли его, и увѣренность въ свои силы позволила ему на этотъ разъ раскрыть все свое драматическое дарованіе. И не одни жители Ипсвича стекались смотрѣть на дебютанта; всѣ образованные люди изъ окрестностей спѣшили въ театръ, какъ на торжество. Ипсвичъ справедливо гордится тѣмъ, что жители его оцѣнили прекрасныя надежды, которыя подавалъ молодой артистъ, и первые признали геній, долженствовавшій вскорѣ сдѣлаться первымъ украшеніемъ англійскаго театра.

Ипсвичскіе успѣхи такъ ободрили Гаррика, что онъ рѣшился оставить второстепенныя роли и разомъ стать въ первый рядъ. Онъ выбралъ роль Ричарда III, въ трагедіи Шекспира. Мысль была смѣлая и отважная; но онъ тщательно изучилъ эту роль и внутренній голосъ шепталъ ему, что онъ побѣдитъ всѣ трудности. Старикъ Сибберъ давно уже передѣлалъ устарѣвшую, по мнѣнію его и публики, трагедію Шекспира на новый ладъ; впрочемъ, надо ему отдать ту справедливость, что передѣлка была сдѣлана очень ловко, и всѣ вставленные стихи были заимствованы изъ Шекспира же. Самъ Сибберъ игралъ главную роль и съ огромнымъ успѣхомъ.

Дѣйствительно, Сибберъ былъ отличный актеръ, хотя не совсемъ способный къ выраженію сильныхъ ощущеній и страстей. Голосъ его былъ слабъ, говорилъ онъ протяжно и никакъ не могъ возвыситься до энергіи Ричарда III. Гаррикъ рѣшился бросить преданія и слѣды своихъ предшественниковъ, и положить только на свои собственныя силы въ созданіи этой роли; онъ всѣмъ былъ обязанъ въ ней себѣ одному.

Гаррикъ въ первый разъ явился въ Лондонѣ на Гудменсфилдскомъ театрѣ, 19 октября 1741 года. Гаррикъ всегда былъ на театрѣ тѣмъ самымъ лицомъ, которое онъ представлялъ; онъ такъ ероднялся съ нимъ силою своей фантазіи, что всѣ страсти,

что нѣсколько минутъ не могъ выговорить ни слова, и оправился только при нисходятельныхъ рукоплескавіяхъ публики. Во-вторыхъ, не зная еще искусства соразмѣрять свои средства, онъ истощилъ всѣ свои силы въ первые два дѣйствія; голосъ его сталъ такъ хрипѣть и слабъ, что его скоро стало-бы вовсе не слышно, если бъ одна изъ актрисъ, бывшихъ за кулисами, не передала ему апельсина. Благодѣтельный сокъ этого плода подкрѣпилъ его, и тотчасъ возвратилъ его голосу обычную силу и звучность.

всѣ чувства, которыя онъ долженъ былъ изображать, высказывались въ чертахъ его, прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ произнести одно слово; его осанка, поступь, лицо, голосъ, движенія, мѣнялись сообразно каждой роли. Въ Ричардѣ III онъ производилъ несказанное впечатлѣніе на зрителей, когда вскрикивалъ голосомъ, обуреваемымъ гнѣвомъ: «Что-жъ они дѣлають тамъ, на сѣверѣ, когда должны бы, съ оружіемъ въ рукахъ, окружать и защищать своего государя?» Монологъ его въ шатрѣ раскрывалъ, казалось, всю его душу. Передъ глазами зрителя, какъ будто происходило все, что онъ описывалъ; раздавался барабанный бой той и другой арміи, полки шли на полки. Когда онъ просыпался отъ злобщаго сна, всѣ зрители были объаты ужасомъ. Какимъ страшнымъ голосомъ кричалъ онъ: — «Другаго коня!» и потомъ останавливался, и говорилъ со стономъ: — «Перевяжите мнѣ раны.» — Наконецъ упалъ на колѣна, и съ раздрающимъ шуму отчаяніемъ взывалъ: — «Господи! ежался надо мною!»

Все это было въ высокой степени художественно и поразительно, потому-что все было истинно и вѣрно природѣ. Гогартъ снялъ портретъ съ Гаррика въ этой сценѣ; этотъ портретъ образцовое произведеніе и по сходству, и по экспрессіи.

Слава Гаррика мигомъ развѣслась по столицѣ. Всѣ стремились въ Гудменфильдскій театръ, посмотрѣть на молодаго артиста, который съ перваго своего дебюта оставялъ такъ далеко за собою всѣхъ своихъ предшественниковъ; ряды каретъ каждый вечеръ тянулись до Тетль-бара, то-есть, почти на двѣ мили отъ театра. Самъ Поле рѣшился оставить свое Твикенгемское уединеніе и пріѣхать въ городъ, чтобы посмотрѣть это чудо. Онъ былъ такъ пораженъ его игрою, что сказалъ вслухъ: «Боюсь, что этого молодаго человѣка избалуютъ, потому-что у него не будетъ соперника!»

Странно покажется сначала, что послѣ такого блистательнаго успѣха въ Ричардѣ III, Гаррикъ низошелъ до комической роли «Абеля Дроггера»; однако же онъ сыгралъ этого сидѣльца табачной лавки такъ оригинально и съ такимъ истиннымъ комизмомъ, безъ кривляній, безъ фарсовъ, безъ каррикатуры, что трудно было себя представить, чтобы это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Знаменитый живописецъ Гогартъ, видѣвъ его въ «Ричардѣ», а на слѣдующій день въ «Абелѣ Дроггерѣ», былъ такъ пораженъ превосходствомъ и естественностію его игры въ обѣихъ роляхъ, что сказалъ ему съ восторгомъ: — «Вымажь васъ грязью или кровью, вы все въ своей стихіи.»

Между тѣмъ, на Дрюинленскомъ и Ковентгарденскомъ теа-

трахъ играли передъ пустыми скамьями, потому что Гаррике привлекалъ весь городъ въ Гудменфильдскій театръ. Оба театра съ досадою смотрѣли на его безпримѣрные успѣхи. Куинъ, славившійся своимъ колкимъ остроуміемъ, сказалъ однажды: «Гаррике модная игрушка; игра его новая секта, всѣ смотрятъ на него, слушаютъ его, какъ поваго Уайтфильда *», но скоро всѣ обратятся снова къ правотѣрью.» Гаррике отвѣчалъ эпитагмою, въ которой говорилъ, что онъ провозглашаетъ не ересь, а реформу. Въ этомъ отвѣтѣ было болѣе истины, чѣмъ бываетъ обыкновенно въ эпитагмахъ. Игра Гаррика была дѣйствительно началомъ великой реформы въ драматическомъ искусствѣ. И трагедія и комедія признала въ немъ артиста, должествовавшего дать новое направление искусству.

По преданію, сохранившемуся на англійскомъ театрѣ со временъ Марло и Шекспира, большая часть сколько нибудь замѣчательныхъ актеровъ, были въ то же время и драматическими писателями. Гаррике не отсталъ и въ этомъ отъ своихъ сверстниковъ, и въ первый же годъ своего драматическаго поприща далъ двѣ комедіи: «*Леуна слугу*» и «*Лету, или Эзона въ царствѣ мертвыхъ*»; въ послѣдней онъ самъ игралъ три роли **.

Гаррике пробылъ на Гудменфильдскомъ театрѣ семь мѣсяцевъ, до закрытія его на лѣто, въ концѣ мая 1742 году. Эти семь мѣсяцевъ были непрерывнымъ рядомъ самыхъ блистательныхъ успѣховъ. Между тѣмъ, слава его распространилась по всему королевству, и даже проникла въ Ирландію; директоры Дублинскаго театра пригласили его провести лѣтніе мѣсяцы въ ихъ городѣ. Онъ охотно принялъ предложеніе, и въ началѣ іюня отправился въ Дублинъ съ мистрисъ Уоффингтонъ, которая была тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, красоты и таланта. Эта прекрасная актриса была одарена рѣдкимъ, возвышеннымъ умомъ; пропускающая сквозь пальцы немногія слабыя стороны, можно сказать, что она соединяла въ себѣ всѣ совершенства; бесѣда ея была всегда умна, жива, увлекательна, и не рѣдко поучительна; необыкновенно развитый эстетическій вкусъ всегда держалъ въ надлежащихъ границахъ ея колкое, сатирическое остроуміе и останавливалъ на устахъ слишкомъ рѣзкое слово, готовое съ

* Whitefield, знаменитый проповѣдникъ, основавшій секту кальвинистскихъ методистовъ.

** Уильямъ Газлитъ, одинъ изъ самыхъ глубокихъ англійскихъ критиковъ и ревностный поборникъ Шекспировой школы, отзывался о комедіяхъ Гаррика съ чрезвычайнымъ уваженіемъ.

нихъ сорваться. Роль сэра Вильдера (въ комедіи Фаркуара) довершила ея славу. Вильсъ прославился до нея этою ролью; она взяла ее черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ него, и сыграла ее съ такимъ превосходствомъ, что всѣ актеры, въ томъ числѣ самъ Гаррикъ, отказались отъ этой роли, и она сохранила ее до самой смерти ***. Она часто съ невыразимою прелестью рассказывала слѣдующій анекдотъ. Однажды, когда она играла роль сэра Гарри Вильдера и была удостоена еще болѣе восторженныхъ рукоплесканій, чѣмъ обыкновенно, она вошла въ фойе, и сказала: «такъ часто играю сэра Гарри, что можно побиться объ закладъ, что половина города принимаетъ меня дѣйствительно за мужчину.»

Съ этою необыкновенною артистскою отпавился Гаррикъ въ Дублинъ. Они играли вмѣстѣ и съ равнымъ успѣхомъ множество комедій; но въ трагедіи Гаррикъ показался всѣмъ какимъ-то чудомъ, чѣмъ то невѣроятнымъ. Когда же онъ перешелъ отъ Ричарда III и короля Лира къ Абелю Дроггеру, не было границъ всеобщему изумленію; всѣ были убѣждены, что послѣ этого не можетъ быть роли, которой онъ не передастъ-бы съ неподражаемою истиною и естественностью.

Мы не разъ слышали отъ самого Гаррика, какъ онъ изучалъ трудную роль короля Лира. У него былъ хорошій пріятель, очень почтенный человекъ, жившій въ Леманъ-Стритѣ, не далеко отъ Гудменсфилдскаго театра. Этотъ пріятель былъ вдовъ и имѣлъ одну только двухлѣтнюю дочь, которую страстно любилъ. Однажды онъ сидѣлъ у окна, игралъ съ малюткою и заставлялъ ее танцовать на окнѣ. Дѣвочка вдругъ сдѣлала быстрое движеніе, вырвалась изъ рукъ отца, упала на дворъ, и, разумѣется, разшиблась до смерти объ каменную мостовую. Сосѣди сбѣжались, подняли ребенка, и принесли окровавленный трупъ несчастному отцу, который все время стоялъ неподвижно у окна, будто прикованный, и только кричалъ и стоналъ съ невыразимымъ отчаяніемъ. Несчастный помѣшался, и никакія попеченія не могли уже возвратитъ ему разсудка. Какъ онъ былъ человекъ зажиточный и сумасшествіе его было кротко, то его оставили на квартирѣ, представивъ къ нему только для присмотра двухъ надежныхъ сторожей, рекомендованныхъ докторомъ Мовро. Гаррикъ часто навѣщалъ своего несчастнаго друга. Бѣдный отецъ въ помѣшательствѣ своемъ безпрестанно подходилъ къ окну, воображалъ, будто игралъ съ ребенкомъ, потомъ упускалъ его, и

* Маргарита Уоффингтомъ умерла въ 1760 году, 42 лѣтъ, бывъ двадцать два года однимъ изъ лучшихъ украшеній англійскаго театра.

тогда весь домъ оглашался отчаянными криками и стономъ. На-коонецъ онъ опускался на ближайшій стулъ, въ глубокой горести, вперивъ безмысленные взоры въ какой нибудь предметъ, потомъ обводилъ ими вокругъ себя, будто умоляя о состраданіи. Гаррикъ часто бывалъ свидѣтелемъ этой горестной сцены, и говорилъ, что заимствовалъ у несчастнаго своего друга многія черты для помѣшательства короля Лира.

III.

Флитвудъ *, директоръ Дрюриленскаго театра, опасаясь, чтобы Гаррикъ не поступилъ опять на Гудменсфильдскій театръ, поспѣшилъ вступить съ нимъ въ переговоры, чтобы пріобрѣсти его для своей сцены и предложилъ ему за сезонъ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ **. Гаррикъ согласился, потому, что до него ни одинъ актеръ не получалъ такого огромнаго оклада.

Мы уже говорили, что Гаррикъ не ограничивался трагедіею. Въ этомъ году онъ исполнилъ нѣсколько комическихкихъ ролей съ огромнымъ успѣхомъ. Въ то время въ большомъ ходу была комедія герцога Букингэма «Театральная проба» (the Rehearsal), въ которой авторъ старался предать заслуженному осмѣянію нѣкоторыхъ безвкусныхъ современныхъ драматурговъ, которые полагали поэзію въ напыщенности и создавали неправдоподобныя, уродливыя произведенія. Это ложное направленіе драматическихкихъ писателей совратило съ истиннаго пути и актеровъ, даже самыхъ даровитыхъ; жеманную поступь, напыщенную декламацию, крики, они считали искусствомъ.

Гаррикъ занималъ въ «Пробѣ» роль Бейза, и съ неподражаемою истиною представилъ въ немъ надутаго барича-глупца, ко-

* Другой біографъ Гаррика, Дэвизъ, говоритъ, что этотъ Флитвудъ былъ развратный человекъ и мотъ, всегда по уши въ долгахъ, и рассказываетъ по этому поводу довольно забавный анекдотъ. Кредиторы Флитвуда описывали однажды имущество театра. Полицейскіе служители, на которыхъ возложено было это дѣло, хотѣли вмѣстѣ съ другими вещами описать шляпу, украшенную перьями и подѣльными камнями, которая служила Гаррику въ роли Ричарда III. Слуга его, живой и добродушный Ирландецъ, случившись въ это время въ театрѣ, вскричалъ: «это шляпа короля!» Полицейскіе, вообразивъ, что шляпа ссужена театру по приказанію короля Георга II, тотчасъ-же отступились отъ своей добычи.

** Около трехъ тысячъ рублей серебромъ.

торый воображаетъ себя великимъ драматическимъ поэтомъ, потому-что пишетъ въ напыщенныхъ стихахъ предлинныя трагедіи, въ которыхъ нѣтъ ни правдоподобія, ни здраваго смысла. Гаррикъ часто на репетиціяхъ останавливалъ своихъ товарищей, чтобы замѣчать имъ недостатки и указывать на болѣе естественную и художественную дикцію; но какъ ничто такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ примѣръ, то онъ вздумалъ воспользоваться ролью, чтобы показать имъ нелѣпость направленія, отъ котораго онъ желалъ ихъ отучить. Избравъ нѣкоторыя изъ знаменитостей своего времени, онъ передразнивалъ поочередно поступъ, тѣлодвиженія, голосъ, дикцію каждаго.

Делэнъ блисталъ на первомъ мѣстѣ; Гаррикъ началъ съ него. Это былъ человекъ громажнаго росту, прекрасно сложенный, съ сильнымъ и звучнымъ голосомъ, но просто напыщенный декламаторъ. Гаррикъ вышелъ въ глубинѣ театра, перекинувъ лѣвую руку черезъ грудь, поддерживая ею правый локоть, и поднявъ указательный палецъ къ носу; величественною поступью приблизился къ авансценѣ, и, тряся головою, продекламировалъ густымъ басомъ Делэна: «Такъ, когда вдали рокочуть громы, борю съ своею грязною подругою, тайнымъ инстинктомъ чуя приближающуюся грозу, ищу убѣжища во тьмѣ лѣсовъ; и тамъ, вѣжась на кучѣ грязи, сгарая огнемъ своей отвратительной любви, гнусная чета съ сладострастіемъ предастся упоенію счастья.»

За Делэномъ слѣдовалъ Гель. Ковентгарденскаго театра, молодой человекъ красивой наружности, съ мягкимъ, вѣжнымъ голосомъ и переслащенной рѣчью. Онъ не имѣлъ соперниковъ и считался неподражаемымъ въ сценахъ вѣжныхъ и патетическихъ; поэтому онъ преимущественно игралъ любовниковъ. Гаррикъ выбралъ его, прибралъ нѣсколько стиховъ его репертуара, и произнесъ, превосходно перенимая протяжный, вѣжно-плачевный, ничего не выражающій голосъ Геля: «Увы, какая власть паложилъ на меня свои оковы? какое непонятное чувство волнуетъ меня и смущаетъ мою жизнь? Любовь-ли долженъ я винить, или судьбу? Но гдѣ взять силы, чтобы сѣтовать на любовь, и какого смертнаго надменная дерзость посмѣетъ роптать на судьбу?»

Райнъ былъ одинъ изъ ветерановъ театра; онъ игралъ нѣкогда роль Порція въ «Катонѣ» Адисона *. Онъ немного заикался,

* «Катонъ» Адисона считался нѣкогда *самою образцовою* трагедіею англійскаго театра. Онъ написанъ подъ вліяніемъ французско-классическаго направленія, которое ввелъ Пове, и поборники этой школы про-

вслѣдствіе, говорили, удара, полученнаго имъ въ буйной пирушкѣ. Его нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ чувства, но протяжность рѣчи и это косноязычіе чрезвычайно уродовали его дикцію; не смотря на то онъ считался первокласнымъ артистомъ, и былъ, дѣйствительно, не безъ таланта. Гаррикъ не пощадилъ и его, и прекрасно перенялъ его дрожащій, разбитый голосъ.

Такимъ образомъ онъ осмѣялъ главнѣйшіе модные недостатки, чтобы ярче показать достоинства настоящей драматической декламации, какъ онъ самъ ее понималъ, декламации, которой первыя условія — истина и вѣрность природѣ. Не знаемъ, пародировалъ-ли онъ еще другихъ актеровъ, кромѣ трехъ приведенныхъ выше; но онъ никакъ не позволилъ бы себѣ этого въ отношеніи къ Куину, котораго онъ очень уважалъ и считалъ превосходнымъ актеромъ, особенно въ Фальстафъ *.

Вскорѣ послѣ того, снова была объявлена «Проба», и Гаррикъ долженъ былъ опять играть роль Бейза. Извѣстно было, что противъ него составилъ сильный заговоръ, но у него нашелся ревностный другъ и покровитель. Это былъ нѣкто мистръ Уиндгемъ, человекъ умный и образованный, отчаянный боксеръ и любитель гимнастическихъ упражненій, которыя были тогда въ большой модѣ. Онъ навербовалъ тридцать здоровыхъ и ловкихъ боксеровъ и просилъ Флитвуда впустить ихъ въ залу до открытія театра. Директоръ согласился и боксеры размѣстились въ самой серединѣ партера. Передъ самымъ поднятіемъ занавѣса, одинъ изъ нихъ всталъ и сказалъ грознымъ голосомъ: — «Господа, до меня дошелъ слухъ, что здѣсь есть нѣсколько лицъ, которыя пришли въ намѣреніи не слушать пьесы, и не давать ее слушать другимъ; а какъ я пришелъ за тѣмъ, чтобы ее слышать, и съ тѣмъ заплатилъ за мѣсто, то прошу желающихъ прервать

титу поставляли его минимуму безвкусію Шекспировской трагедіи. Онъ уже почти забытъ.

* То-же самое рассказываютъ о Мольерѣ, который въ своей пьесѣ «*Impromptu de Versailles*», пародировалъ всѣхъ актеровъ Бургонской оперы, кромѣ одного Флорикюра. Кукъ рассказываетъ, что когда Гаррикъ задумалъ эту выходку, онъ обратился прежде всего къ Джифарду, и просилъ позволенія начать съ него, чтобы другіе не имѣли права обижаться. Джифардъ сначала согласился, но увидѣвъ свой портретъ, взбѣсился, вызвалъ Гаррика на дуэль и ранилъ его въ правую руку. Пьеса должна была идти на слѣдующій день; ее отменили по болѣзни актера, игравшаго главную роль. Она была дана черезъ двѣ недѣли, но уже Джифардъ былъ пощажень.

представленіе — благоволилъ выдти изъ театра.» Противники зашумѣли, но скоро порядокъ возстановился, Гаррикъ вышелъ, почтительно поклонился публикѣ, и представленіе прошло безъ помѣхъ.

IV.

Въ слѣдующую зиму Гаррикъ рѣшился украситъ свое чело еще однимъ лавровымъ листомъ, заимствованнымъ изъ безсмертнаго вѣнка Шекспира: роль Макбета стала предметомъ всѣхъ его желаній и всего его честолюбія.

Честолюбивая душа воспламеняется и увлекается надеждою царскаго вѣнца, который указываютъ ему въ будущемъ какія-то таинственныя существа, *не мужчины и не женщины, не похожія на земныхъ обитателей*, хотя *ходятъ, или скорѣе, скользятъ по землѣ*; но эта душа не имѣетъ сильной воли ни на добро, ни на зло; она желаетъ цѣли, но содрогается передъ средствами, которыя должны вести къ этой цѣли; гнушается этими средствами, и не имѣетъ силы ихъ отвергнуть.

Вотъ мысль, которую Шекспиръ развиваетъ въ первой половинѣ своей чудной драмы, и можно смѣло сказать, что Гаррикъ былъ достойнымъ его истолкователемъ. Каждая мысль, каждое чувство, которое онъ долженъ былъ выразить, казалось прямо изъ его души и изображалось во всѣхъ его чертахъ. Макбетъ окапчиваетъ монологъ непоколебимою, какъ онъ думаетъ, рѣшимостію подчинить свое честолюбіе долгу; онъ говоритъ жевѣ, что не хочетъ идти далѣе, но она употребляетъ всѣ средства, чтобы ободрять его къ преступленію; онъ слабо возражаетъ, однимъ страхомъ неудачи; леди Макбетъ устраиваетъ всѣ опасенія, вливаетъ свое неустрашимое мужество въ колеблющееся сердце мужа и онъ рѣшается на страшное дѣяніе.

Геній Шекспира не останавливается на этомъ. Уже въ этой первой части начинаются угрызенія совѣсти, которыя должны преслѣдовать злодѣя; когда растроившему воображенію Макбета является кинжалъ, и онъ вскрикиваетъ въ ужасѣ:

Is this a dagger, which I see before me,
The handle toward my hand?

(Кинжалъ ли я вижу передъ собою, обращенный ко мнѣ рукояткою?). Это первое предвѣстіе кары, которая ожидаетъ его по совершеніи страшнаго злодѣянія. Невозможно описать, какой эффектъ производило минутное молчаніе Гаррика, послѣ этихъ двухъ сти-

ховъ; его неподвижность, ужасъ, изображавшійся въ его чертахъ, заставляли всѣхъ зрителей содрогаться. Наконецъ Макбетъ узнаеть, что это видѣніе только плодъ его разгоряченнаго воображенія; онъ хочетъ себя въ этомъ увѣрить, но княжалъ у него все передъ глазами, и на лезвѣ кровавыя пятна, которыхъ прежде не было.

I see thee still,
And on thy blade and dudgeon, goûts of blood,
Which was not so before!

Наконецъ злодѣйство совершено, и Макбетъ вбѣгаетъ къ жепѣ съ окровавленнымъ княжаломъ въ рукѣ. Въ этомъ мѣстѣ Гаррикъ выбѣгалъ на сцену, какъ человѣкъ, совершенно не помнящій себя, полупомѣшанный; смертная блѣдность его возрастала съ каждою минутою, видъ его, безумныя рѣчи приводили каждаго въ содроганіе. Наконецъ, терзаемый угрызениями совѣсти, онъ вскрикивалъ голосомъ невыразимаго отчаянія: «Весь океанъ смоеть ли эту кровь съ моей руки? Нѣтъ, скорѣе рука обагрить всѣ моря»

Послѣ убіенія Дункана, Макбетъ уже не можетъ остановиться на пути злодѣйства. Съ одной стороны грозныя предвѣщанія вѣдьмъ, съ другой боязнь и подозрительность, не различныя съ нечистою совѣстью, вездѣ представляютъ ему враговъ и *опасныхъ людей*. И съ каждымъ новымъ злодѣйствомъ усиливаются угрызения совѣсти, и представляютъ ему то тѣнь убитаго Банко, то его вѣщеное потомство. Наконецъ, когда сама леди Макбетъ, долго поддерживавшая его мужество своею непоколебимою твердостью, должна заплатить дань природѣ, когда и въ ней пробуждается совѣсть, и она въ бреду ходитъ по комнатѣ, стараясь стереть съ рукъ кровь; надо было имѣть весь геній Гаррика, чтобы представить все, что происходитъ въ это время въ душѣ Макбета, чтобы передать съ такою раздражающею энергіею слова его къ врачу: «Спаси ее; ужели ты не умѣешь врачевать больной души? не можешь вырвать изъ памяти скорбное воспоминаніе? стереть съ скрижалей души, начертанныя на ней страданія? не можешь благодѣтельнымъ зельемъ вырвать изъ груди ея губительный недугъ, который давитъ ея сердце?»

Скоро Макбету возвѣщаютъ смерть жены. Врачныя предчувствія овладѣваютъ его умомъ; душа его изтерзана безпрестанно возобновляющимися пытками, во въ немъ нѣтъ слѣда раскаянія. Одно врожденное мужество вонна поддерживаетъ его, пока наконецъ онъ не проклинаеть адекую силу, обманувшую его дву-

смысленными пророчествами; онъ хочетъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ, бьется съ остервеніемъ отчаянія и падаетъ жертвою своей преступной жизни.

Макбетъ представляетъ самое поразительное нравственное поученіе. Сила совѣсти является въ немъ во всемъ величій древняго рока; ни въ одной литературѣ не найдется пьесы, которую можно бы противопоставить ему. А Гаррикъ, по выраженію Сиббера, превзошелъ въ немъ самого себя, какъ въ предыдущихъ роляхъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Гаррикъ уже въ первый годъ своего драматическаго поприща доказалъ талантъ свой, какъ писатель, въ «Лгунѣ слугѣ» и въ «Летѣ.» Въ январѣ 1747 года онъ поставилъ третью комедію, «Невѣсту» (The miss in her teens) *, которая имѣла огромный успѣхъ и не заслуживаетъ того забвенія, въ которомъ ее оставляютъ въ настоящее время. Самый строгій судья долженъ согласиться, что она очень занимательна по изобрѣтенію, что всѣ сцены вытекаютъ одна изъ другой, иногда поражаютъ неожиданностью, но всегда правдоподобны. Капитанъ Флашъ и Фрибля лица, не созданныя воображеніемъ поэта, а срисованныя съ дѣйствительности. Кофейни того времени были всегда наполнены молодыми офицерами, которые входили, не снимая шляпы, смотрѣли на каждого съ нахальною надменностью, и всегда готовы были обнажить шагу безъ всякаго благовиднаго предлога. Въ противоположность этимъ рубакамъ, существовалъ другой рядъ молодыхъ людей, изнѣженныхъ, чувствительныхъ, какъ дѣвушки, утонченныхъ, прихотливыхъ, жеманныхъ, какъ самая избалованная кокетка. Цѣль пьесы состояла въ томъ, чтобы осмѣять тѣхъ и другихъ, и Вудвардъ въ роли Флаша и Гаррикъ въ роли Фрибля вполнѣ успѣли въ этомъ. Рубака сталъ бояться прозвища капитана Флаша, а матушкинъ сынокъ готовъ былъ упасть въ обморокъ при имени Фрибля. Они сдѣлались предметомъ общаго смѣха и мало по малу совершенно исчезли изъ общества.

* The miss in her teens значитъ собственно *дѣвица въ двадцатыхъ годахъ*; потому что всѣ числа отъ тринадцати до девятнадцати кончаются въ англійскомъ языкѣ слогомъ teen. Въ пятнадцатое представленіе этой пьесы, Гаррикъ очень удивился, увидѣвъ на аффинѣ, что оно давалось въ его пользу, между тѣмъ какъ онъ не имѣлъ права на бенефисъ. Это была любезность директора, который объяснилъ ему, что послѣ богатыхъ сборовъ, которые пьеса доставила театру, онъ считалъ обязанностью изъявить ему такимъ образомъ свою признательность.

V.

Въ июль 1749 года Гаррике, ставъ директоромъ Дрюриленскаго театра, женился на прекрасной Виолетти, вѣнской танцовщицѣ, которой угодно было переимѣнить свое чисто вѣмецкое имя на болѣе благозвучное иностранное *. Она имѣла замѣчательный талантъ, была прекрасно сложена и особенно отличалась необыкновенною граціею во всѣхъ движеніяхъ. Достоверно, что передъ знакомствомъ своимъ съ синьорою Виолетти, Гаррике думалъ жениться на мистрисъ Уоффингтонъ, и свадьба была уже почти улажена; онъ даже, какъ она сама не разъ увѣрляла, принималъ уже на палецъ обручальное кольцо. Но синьора Виолетти пользовалась особеннымъ покровительствомъ лорда и леди Бурлингтонъ, и молва говорила, что они дали за нею въ приданое шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ это время играли «Отелло», попеременно съ комедіею Шекспира: «Много шуму изъ пустяковъ»; послѣдняя пьеса въ это время имѣла особенное достоинство, приложимость къ личнымъ обстоятельствамъ. По случаю женитьбы Гаррика множество мелкихъ писакъ наострили свои перья и наводнили публику шутками, эпиграммами, сатирами. Эта пьеса остановила потокъ оскорбленій. Роль Бенедикта, которую исполнялъ Гаррике, представляла множество мѣстъ, которыя удобно прилагались къ его положенію; напримѣръ слѣдующія: «Вы видите передъ собою Бенедикта, готоваго сдѣлаться женатымъ человѣкомъ.» — «Можетъ быть на меня посыплются насмѣшки, послѣднія крохи изношенныхъ умовъ, за то, что я такъ долго смѣялся надъ супружествомъ; но неужели остроты, шутки, эти хлопущки досужихъ пустомелей помѣшаютъ человѣку поступать, какъ ему угодно? Нѣтъ, надо же позаботиться о населеніи міра. Когда я говорилъ,

* Эва Марія Вигель (Viegel) родилась въ Вѣнѣ въ 1725 году. Когда она поступила на театръ танцовщицею, императрица Марія Терезія такъ полюбила ее, что приняла ее подъ особое свое покровительство и приказала ей переимѣнить свое нѣмецкое имя на итальянское, Виолетти. Въ 1744 году она прѣехала въ Лондонъ съ рекомендательными письмами отъ графини Штарембергъ къ графинѣ Бурлингтонъ. Графиня и ея мужъ приняли ее, почти какъ родную, что, вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ, которое они дали ей при замужествѣ, возбудило неосновательное подозрѣніе, что она была побочная дочь графа. По смерти Гаррика, она отвергла множество самыхъ лестныхъ предложеній и осталась вдовою до самой смерти. Она умерла въ 1822 году, 97 лѣтъ.

что умру холостякомъ, я не зналъ, что доживу до того, чтобы жениться.» На эту и подобныя фразы, публика отвѣчала одобрителнымъ хохотомъ, осыпала актера рукоплесканіями, и Гаррикъ одержалъ полную побѣду надъ всѣми пасквилями.

Въ ноябрѣ 1753 года Гаррикъ возобновилъ на театрѣ «Зару», трагедію, переведенную Гиллемъ съ Вольтеровой «Заиры»*. Онъ занялъ въ ней роль старика Лузивьяна. Сцена, въ которой онъ узнаетъ дочь по кресту, пачертанному на ея рукѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, не только по неподражаемой игрѣ Гаррика, но и потому, что Вольтеръ, кажется, замѣтствовалъ это обстоятельство изъ одной комедіи Ричарда Стиля.

«Заира» почти исключительно владѣла сценою до февраля 1754 года, когда ее замѣнила новая трагедія «Виргиній», заимствованная изъ лѣтописи Тита-Ливія. Во всей исторіи Греціи и Рима не найдется лучшаго сюжета для трагедіи; но чтобы написать ее, какъ слѣдуетъ, нуженъ геній Шекспира, или по крайней мѣрѣ талантъ Отвея или Роу. Мы не хотимъ сказать этимъ, что пьеса рѣшительно плоха; напротивъ, она хорошо ведена, сцены въ ней хорошо связаны, но въ ней ничего нѣтъ такого, что могло бы сильно дѣйствовать на умъ и сердце зрителя. Авторъ ея, мистръ Криспъ, былъ кажется сродни лорду Ковентри, или пользовался особымъ его покровительствомъ. Графиня, первая красавица своего времени, остановилась однажды у подъязда Гаррика, какъ онъ самъ не разъ намъ рассказывалъ, и послала сказать ему, что желаетъ съ нимъ поговорить. Когда онъ вышелъ и приблизился къ экипажу графини, она подала ему рукопись, и сказала: «Мистръ Гаррикъ, вотъ произведеніе, которое, по увѣренію самыхъ строгихъ критиковъ, сдѣлаетъ честь и вамъ и автору.» Болѣе она не сказала ничего, но глаза ея сказали такъ много, что Гаррикъ не могъ не повиноваться и велѣлъ разучивать пьесу. Онъ доказалъ, въ роли Виргиніи, а Моссонъ и мистрисъ Сибберъ въ роляхъ Анніи и Виргиніи, что они заслуживали похвалы, которыя авторъ потомъ расточилъ имъ въ предисловіи. Успѣху трагедіи не мало содѣйствовало и то, что въ ней въ первый разъ дебютировала мистрисъ Йэтсъ (Yates), тогда еще называвшаяся мистрисъ Грегемъ, въ роли Марціи. Ея необыкновенная красота и рѣдкій талантъ придали новую цѣну пьесѣ. Но что рѣшило судьбу ея, — это одно слово, произнесен-

* Любопытно мнѣніе французскаго критика Вильмена о происхожденіи Вольтеровой «Заиры.» Онъ доказываетъ, что это ничто иное, какъ «Отелло», очищенный, облагороженный, пересозданный по системѣ французскаго классицизма.

ное Гаррикомъ. Клавдій, орудіе децемвира, требуетъ выдачи ему Виргиніи, какъ рабы, рожденной въ его домѣ, и защищаетъ свой искъ передъ самымъ децемвиромъ Аппіемъ. Во все это время, Гаррикъ, игравшій Виргинія, стоялъ на противоположной сторонѣ театра, сложивъ руки на груди, опутивъ глаза, неподвиженъ и вѣкъ, какъ статуя. Наконецъ, ему объявляютъ, что децемвиръ согласенъ выслушать его. Виргиніи нѣсколько мгновений остается въ прежнемъ положеніи; на лицѣ его читаются всѣ чувства, волнующія его душу; всѣ взоры устремлены на него. Наконецъ, онъ поднимаетъ голову, медленно поворачиваетъ ее, и взоръ его останавливается на Аппіѣ. Еще минута молчанія; онъ смотритъ на недостойнаго децемвира съ горькимъ презрѣніемъ, и говоритъ голосомъ, задышающимся отъ глубокой горести: «Предатель!» Это слово пробѣжало, какъ электрическая искра, по всѣмъ зрителямъ, и восторгъ ихъ разразился оглушительнымъ залпомъ рукоплесканій. Плиній старшій, говоря о нѣкоторыхъ минералахъ, замѣчаетъ, что природа нигдѣ не является столь великою, какъ въ самыхъ малыхъ вещахъ. Это замѣчаніе можно приложить къ актеру, подобному Гаррику, и сказать о немъ: *Resum natura nusquam magis quam in minimis tota est.*

V.

Въ сентябрѣ 1755 года неожиданная гроза разразилась надъ головою Гаррика. Онъ пригласилъ на свой театръ знаменитаго артиста, Новерра, восхищавшаго всю Европу своимъ танцованіемъ и особенно своими балетами. Гаррикъ поручилъ ему набрать хорошую труппу танцовщиковъ и танцовщицъ. Новерръ пріѣхалъ въ Лондонъ, въ августъ, и привезъ съ собою человекъ сто лучшихъ артистовъ. Живописцы, декораторы, костюмеры тотчасъ принялись за работу, чтобы ставить новый балетъ «*Китайскій праздникъ*». Весь цѣхъ недовольныхъ писакъ и мелкихъ критиковъ, объявилъ походъ противъ директора, наполняя столбцы журналовъ эпиграммами на предпріятіе, *не имѣвшее другой цѣли, говорили они, какъ только передавать англійское золото своръ французамъ.* Неудовольствіе скоро разлилось потокомъ по всему Лондону и Вестминстеру. Гаррикъ встревожился, однако же не отчаявался отвратить бѣду. Король не видалъ еще его игры. Онъ попросилъ герцога Графтона, бывшаго тогда лордомъ-намергеромъ, чтобы ему позволено было играть передъ его величествомъ, когда ему угодно будетъ, по обыкновенію, почтить театръ своимъ

присутствіемъ въ день открытія Парламента. Позволеніе даровано, и въ назначенный день афиши объявили «*Ричардъ III*», по повелѣнію короля. Какъ только, по окончаніи трагедіи, танцовщики вышли на сцену, въ залѣ поднялась суматоха. Это удивило короля; но когда онъ узналъ, что весь этотъ шумъ происходилъ отъ ненависти народа къ французамъ, онъ только улыбнулся и уѣхалъ изъ театра. Пришлось на этотъ вечеръ отказаться отъ балета.

Мистръ Фицъ-Гербертъ, отецъ лорда Сейнтъ-Элленза, одинъ изъ умѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего вѣка, пришелъ послѣ представленія въ фойе. Онъ занималъ какую-то должность при дворѣ и потому былъ въ этотъ день въ ложѣ короля. Гаррикъ, желая узнать поскорѣе, доволенъ-ли былъ король его игрою, поспѣшилъ на встрѣчу Фицъ-Герберту, и спросилъ его, какъ повравился его величеству «*Ричардъ III*». — «Не умѣю вамъ сказать, отвѣчалъ Фицъ-Гербертъ; только когда Ричарду доложили, что лордъ-меръ города Лондона желаетъ ему представиться, его величество стали смотрѣть съ бѣльшимъ вниманіемъ, а когда вышелъ этотъ шутъ Тасвель, въ роли лорда-мера, его величество изволили сказать: «Герцогъ Графтонъ, мнѣ очень нравится этотъ лордъ-меръ». — Но, сказалъ Гаррикъ, громъ сраженія, звуки трубъ и барабановъ, крики солдатъ, вѣроятно были пріятны воинственному духу его величества? — «Не умѣю вамъ сказать, отвѣчалъ Фицъ-Гербертъ; но во время Босвартскаго сраженія, когда Ричардъ отдавалъ царство за коня, его величество изволили сказать: «Герцогъ Графтонъ, лордъ-меръ больше не выйдетъ?»»

Друзья Гаррика совѣтовали ему совсѣмъ отказаться отъ «*Китайскаго праздника*». Однако же онъ пытался еще раза три или четыре дать балетъ, но все успія были напрасны. Джонъ-Буль былъ слишкомъ сердитъ на французовъ и переносилъ ненависть свою на несчастныхъ актеровъ, хотя бѣльшая часть ихъ были итальянцы, швейцарцы и нѣмцы. Последняя попытка была тоже неудачна. Тогда дирекція приняла мѣры для увѣдомленія публики, что «*Китайскій праздникъ*» не будетъ болѣе даваться.

Въ январѣ 1756 года, былъ поставленъ на сцену «*Подма-*

Георгъ II, говоритъ Дэвизъ не покровительствовалъ искусствамъ и не умѣлъ цѣнить ихъ. Когда Гогартъ поднесъ ему одну изъ своихъ лучшихъ картинъ, король предложилъ ему одну гнию, считая его щедрю наградою. Въ театрѣ онъ вѣздилъ раза два или три въ годъ.

стерье» *. Мы скажемъ только на счетъ этой пьесы, что всѣ роли были исполнены превосходно; да кстати расскажемъ довольно забавный анекдотъ. На слѣдующій день послѣ перваго представления, Гаррикъ пошелъ навѣстить автора, съ знаменитымъ докторомъ Мунсеемъ, который не зналъ еще Мурфи. Взойдя до перваго этажа, Гаррикъ вошелъ въ переднюю, но обернувшись случайно, увидѣлъ, что докторъ пошелъ выше. — «Докторъ Мунсей, закричалъ онъ, куда же вы?» — Да на верхъ, къ сочинителю. — Такъ сходите, онъ здѣсь. — «Что за чорты! сказалъ докторъ, входя, а я хотѣлъ идти на чердакъ! И кому же придется въ голову, что сочинитель живетъ въ первомъ этажѣ?» — Онъ сѣлъ и бесѣдовалъ съ часъ очень любезно и умно; потомъ вдругъ всталъ, и сказалъ: «Ну Гаррикъ, будетъ съ меня; теперь отираюсь посмотрѣть Черингкросскую великаншу».

VII.

Въ июнѣ 1758 года, я отдалъ Гаррику рукопись своего *«Китайскаго сироты»*, которую онъ возвратилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, говоря, что моя трагедія не годится для театра. Молодому писателю трудно покориться приговору, который кажется ему несправедливымъ. Можетъ-быть, самолюбіе ослѣпляло меня; когда я размышляю о моихъ дѣйствіяхъ въ то время, я готовъ обвинить себя. Но меня ободряли два пріятеля, на прямоту и разсудительность которыхъ я могъ вполне полагаться, и я завелъ съ Гаррикомъ войну на перьяхъ. Я зналъ, что Гаррикъ былъ чрезвычайно боязливъ на счетъ своей славы, каждое нападеніе приводило его въ ужасъ; это была его слабая сторона, на которую я и обратилъ свою атаку. Гаррикъ пожаловался министру. Фоксъ** призвалъ меня и спросилъ о причинѣ моей вражды къ величайшему современному актеру. Я откровенно рассказалъ ему все, потому что это было единственное средство достигнуть цѣли. — Но

* Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, Артура Мурфи, автора этихъ записокъ. Это первый его драматическій опытъ; онъ увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ, и открылъ путь нѣсколькимъ комедіямъ и трагедіямъ того-же автора. Цѣль *«Подмастерья»* (the apprentice) осмѣять глупую манію лондонскихъ купеческихъ прикащиковъ уродовать лучшія драматическія произведенія на домашнихъ театрахъ.

** Генри Фоксъ, впоследствии лордъ Голландъ, отецъ знаменитаго оратора и противника Пятта.

послѣ «Подмастерья» и «Обойщика», сказалъ Фоксъ, я никакъ не предположилъ бы въ васъ призванія къ трагедіи. Послушайте; я всегда полагаюсь на судъ человѣка, столь опытнаго въ своемъ искусствѣ, и боюсь, что Гаррикъ правъ въ этомъ случаѣ». Однако же онъ попросилъ меня прислать ему рукопись, что я исполнилъ.

Нѣсколько дней спустя, онъ извѣстилъ меня, что читалъ мою рукопись съ Горасомъ Вальполемъ, и что оба убѣдились, что моя трагедія была несправедливо отвергнута. Онъ присоединилъ, что Гаррикъ долженъ обѣдать у него въ слѣдующее воскресенье, и приглашалъ меня побывать у него въ понедѣльникъ. Какъ скоро я явился, первымъ словомъ его было: — «Получили вы извѣстіе отъ Гаррика?»—Нѣтъ.—«Такъ скоро получите. Вчера послѣ обѣда, мы съ мистромъ Вальполемъ привели нѣсколько поразившихъ насъ стиховъ. Гаррикъ взглянулъ на васъ съ удивленіемъ и сказалъ: — «Я вижу, господа, что вы читали рукописную пьесу, которую я также читалъ?»—«Да, мистръ Гаррикъ, отвѣчалъ я, и читали ее съ большимъ удовольствіемъ; мы увѣрены, что и вы чрезвычайно довольны ею.»

Фоксъ не сказалъ мнѣ ничего болѣе; но на слѣдующій день я получилъ записку отъ Гаррика, въ которой онъ просилъ меня прислать ему рукопись вторично, потому что онъ опасался, что осудилъ ее слишкомъ опрометчиво. Я послалъ рукопись, которую онъ возвратилъ мнѣ черезъ недѣлю, при чрезвычайно вѣжливомъ письмѣ, отмѣняя свой первый приговоръ и обѣщая поставить мою трагедію къ началу слѣдующаго года.

Такимъ образомъ мой «*Китайскій сирота*», побѣдилъ всѣ препятствія. Директоръ заказалъ прекрасныя декорации и костюмы, и поставилъ пьесу съ роскошью, которая отчасти также содѣйствовала ея успѣху. Моссонъ, въ роли молодаго царевича, и Голландъ въ роли Гамета, явились достойными своей славы, а Гаррикъ исполнилъ роль мандарина Замти съ такимъ талантомъ, какого онъ, можетъ-быть, не являлъ ни въ одной роли, кромѣ короля Лира. Роль Манданы была первоначально назначена мистрисъ Сибберъ; но какъ она принуждена была отказаться отъ нея по болѣзни, мѣсто ея заступила мистрисъ Йэтсъ. Эта молодая артистка сыграла роль на репетиціи съ такимъ совершенствомъ, что всѣ присутствующіе были въ восторгѣ, а Гаррикъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: — «Все къ лучшему; игра мистрисъ Сибберъ не представила бы ничего новаго, между тѣмъ, какъ мистрисъ Йэтсъ приведетъ всю публику въ восторгъ». Предсказаніе

его сбылось. Удивительно-ли, что пьеса имѣеть успѣхъ, когда она исполнена такими артистами?

Въ день представленія, я обѣдалъ въ трактирѣ, съ Футомъ и нѣсколькими пріятелями, когда мнѣ подали записку отъ мистрисъ Сибберъ. Она очень сожалѣла, что не участвовала въ моей пьесѣ, потому-что чувствовала себя не совсѣмъ здоровою; но какъ уже слишкомъ поздно было, чтобы перемѣнить распредѣленіе ролей, то она просила меня по окончаніи представленія, немедленно написать ей о результатѣ; въ ожиданіи извѣстія, она общала молиться объ успѣхѣ. — «Мистрисъ Сибберъ очень набожна, сказала Футъ съ важностью, она всегда молится за усопшихъ!» Футъ не пощадилъ-бы роднаго отца, когда представлялся случай пустить злое слово; это однако-же не помѣшало ему, когда успѣхъ трагедіи былъ рѣшенъ, первому броситься мнѣ на шею; онъ былъ даже въ такомъ восторгѣ, что не могъ слова вымолвить.

Шериданъ *, бывшій долго директоромъ Дублинскаго театра, понялъ, что ему невозможно было состязаться съ Барри и Корнвалемъ, открывшими новый театръ. Онъ оставилъ Ирландію и, въ сентябрѣ 1761 года, поступилъ на Дрюриленскій театръ. Тутъ онъ дебютировалъ въ роли Гамлета, а потомъ въ роли графа Эссекса, въ новой трагедіи доктора Брука, автора «Густава Вазы». Графъ Эссексъ имѣлъ огромный успѣхъ, благодаря дивной игрѣ Шеридана, который былъ другомъ автора, и вездѣ расхваливалъ его творенія.

VIII.

По закрытіи театра, то-есть лѣтомъ 1763 гола, Гаррикеъ вздумалъ совершить путешествіе по Европѣ. Врачи совѣтовали ему это, потому-что онъ вуждался въ отдохновеніи и перемѣнѣ воздуха; притомъ они находили, что для здоровья мистрисъ Гаррикеъ не бесполезно было-бы пользоваться Барезскими водами. По-

* Этотъ Шериданъ, Thomas Sheridan, былъ сынъ знаменитаго друга Свифта, и братъ Ричарда Бринсlea Шеридана, одного изъ лучшихъ англійскихъ драматическихъ писателей и знаменитаго оратора. Томасъ Шериданъ былъ потомъ директоромъ Дрюриленскаго театра, но соскучивъ интригами, отказался отъ этого званія и посвятилъ себя преподаванію и ученымъ занятіямъ. Онъ издалъ превосходную біографію Свифта и огромный «Ортоэпическій словарь англійскаго языка», безъ котораго донынѣ не можетъ обойтись ни одинъ лексикографъ. Онъ умеръ въ 1788 году, 67 лѣтъ.

слѣднее обстоятельство рѣшило Гаррика; онъ отправился въ Дувръ 15 сентября, поручивъ управленіе театра брату своему Джорджу и мистру Лэси.

Гаррикъ возвратился въ Лондонъ только въ концѣ апрѣля 1765 года; его ждали съ нетерпѣніемъ, а тотъ день, когда въ газетахъ явилось извѣстіе о его пріѣздѣ, былъ днемъ радости для всего города. Жажда славы была господствующею страстью Гаррика и держала его въ безпрестанномъ страхѣ, въ вѣчныхъ тревогахъ. Онъ презиралъ выходки мелкихъ писакъ, но въ то же время боялся ихъ. По выраженію доктора Джонсона, «онъ зналъ, что они не имѣли силы натянуть лукъ, но боялся, что стрѣлы ихъ отравлены.» Преслѣдуемый этимъ страхомъ, онъ сочинилъ, во время своего путешествія, небольшую поэму подъ названіемъ: «*Большая обезьяна*», гдѣ весь сонмъ мелкихъ критиковъ представлялъ подъ видомъ различныхъ животныхъ, возстающихъ на него и его путешествіе. Онъ прислалъ эту басню изъ Парижа, чтобы она могла быть выпущена тотчасъ по пріѣздѣ его въ Лондонъ. Онъ ожидалъ, что враги встрѣтятъ его обычною бранью и надѣялся этою сказкою предупредить и разстроить ихъ злобные замыслы. Но предосторожность оказалась лишнею; критики молчали, между тѣмъ, какъ Лондонъ и Всетминистръ оглашались поздравленіями и радостными кликами.

Мы не намѣрены представить подробнаго описанія путешествія Гаррика по Франціи, Италіи и Германіи; во-первыхъ, мы не имѣемъ потребныхъ на то матеріаловъ, а во-вторыхъ, если бы и имѣли ихъ, такое описаніе не входило бы въ предѣлы нашей задачи — представить исторію Гаррика на поприщѣ искусства. Приведемъ только нѣсколько анекдотовъ, близкихъ нашему предмету.

Когда Гаррикъ былъ въ Италіи, Герцогъ Пармскій просилъ его однажды показать ему образчикъ англійской трагедіи. Гаррикъ выбралъ для того «*Макбета*»; сначала разсказалъ содержаніе трагедіи, потомъ, переходя къ сценѣ, когда разстроенному воображенію Макбета, готовящагося на убійство, представляется князь, онъ прочелъ этотъ дивный монологъ. Никто изъ слушателей не понималъ его словъ, но его лицо и голосъ такъ вѣрно и опредѣлительно изображали все страсти, обуревающія въ эту минуту сердце злодѣя, что не нужно было словъ для поясненія ихъ. Все слушало его съ восторгомъ и, когда онъ кончилъ, самъ герцогъ и все общество единодушно признали, что этотъ отрывокъ былъ достаточенъ для того, чтобы дать понятіе о гении Шекспира и о талантѣ англійскаго актера.

Въ Парижѣ Гаррика встрѣтилъ самый лестный пріемъ. Между прочимъ пригласили его въ одно общество, куда нарочно для него была приглашена и госпожа Клеронъ, первая тогдашняя знаменитость французскаго театра. Когда рѣчь зашла о театрѣ и артистахъ, госпожа Клеронъ встала и продекламировала вѣскольکو сценъ изъ разныхъ трагедій Расина и Вольтера, чтобы имѣть право просить того-же отъ Гаррика. Онъ согласился безъ труда и, давъ предварительно необходимыя объясненія, прочелъ нѣскольکو монологовъ изъ «Гамлета» и «Макбета»; потомъ разсказалъ, какъ онъ выучился играть сумасшествіе короля Лира, и представилъ эту ужасную сцену отца, раняющаго дочь за окно. Онъ оперся на спинку стула, и представилъ, будто играетъ съ малюткою, потомъ роняетъ ее... въ это мгновеніе его отчаянные помѣшайные взоры, прерывающійся голосъ, стоны, такъ живо напомнили отчаяніе несчастнаго отца, что все зрители содрогнулись; госпожа Клеронъ объявила, что съ такимъ актеромъ англійскій театръ не можетъ имѣть соперниковъ для трагедіи ни на одномъ театрѣ въ мірѣ*.

* Общество, передъ которымъ это происходило, говоритъ Дэвизъ, состояло изъ англичанъ и французовъ. Французы отдавали преимущество Гаррику, а англичане, по доглу учтивости, — госпожѣ Клеронъ. По окончаніи сцены отца, уронившаго ребенка, госпожа Клеронъ вскочила и объяла Гаррика; потомъ, обращаясь къ его женѣ, просила извинить ее, говоря, что ее увлекъ энтузіазмъ. Госпожа Клеронъ была всегда любимою актрисою Гаррика. Онъ уже видѣлъ ее въ первую свою поѣздку въ Парижъ, въ 1752 году; тогда слава ея только что начиналась, и госпожа Дюмениль была первымъ свѣтиломъ Французскаго Театра; не смотря на то, Гаррикъ предсказывалъ, что она превзойдетъ всѣхъ своихъ соперницъ, и теперь онъ съ радостью видѣлъ исполненіе своего предсказанія.

Вотъ другой анекдотъ, не менѣе, любопытный, хотя болѣе извѣстный.

Когда Гаррикъ былъ въ Парижѣ, онъ вздумалъ однажды прогуляться за городъ съ знаменитымъ французскимъ актеромъ Превилемъ. Оба были верхами, и Превилю вздумалось представить пьянаго. Гаррикъ похвалилъ его, но замѣтилъ, что въ его картинѣ для совершеннаго сходства недоставало одной черты; что *ноги его не пьяны*. «Посмотрите, продолжалъ онъ, я покажу вамъ англійскаго парня, который, пообедавъ въ трактирѣ, и пропустивъ въ горло три, четыре бутылки портвейну, сѣлъ на лошадь и ѣдетъ домой.» И онъ сталъ представлять пьянство во всѣхъ его степеняхъ. Сначала онъ говорилъ слугѣ, что и солнце, и поля, и все кружится; потомъ сталъ безъ всякой причины работать хлыстомъ и шпорами, заставляя лошадь скакать, брыкаться, прыгать въ сторону, подниматься на дыбы; потомъ онъ уронилъ хлыстъ, упустилъ поводья; ноги его, казалось, не могли держаться на стременахъ, и стали болтаться

Лондонскіе любители театра съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы Гаррикъ снова явился на сценѣ; но ему вужно было отдохнуть отъ путешествія и, какъ до окончанія сезона оставалось уже немного времени, то онъ отложилъ свое появленіе до слѣдующаго сезона.

Четырнадцатаго ноября 1765 года король приказалъ объявить, что онъ будетъ въ театрѣ, по открытіи парламентскихъ засѣданій, и какъ онъ желалъ видѣть «Много шума изъ пустяковъ», Гаррикъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы явиться въ первый разъ послѣ двухлѣтняго отсутствія. Какъ только онъ вышелъ, зала огласилась восторженными рукоплесканіями и криками; когда общая радость утихла, онъ прочелъ очень удачный прологъ своего сочиненія, и представленіе началось. Публика съ восхищеніемъ видѣла, что онъ не утратилъ прежняго огня и комическаго таланта. Весь сезонъ онъ продолжалъ играть по три и по четыре раза въ недѣлю.

Лѣтомъ того же года Гаррикъ занялся приведеніемъ въ исполненіе мысли, которую онъ возымѣлъ давно, и которою очень дорожилъ: устроить торжественный юбилей въ память Шекспира въ его родномъ городѣ, Стратфордѣ-на-Авоонѣ *. Онъ по-

по бокамъ лошади; всѣ члены его повисли, и онъ, казалось, былъ совершенно безъ памяти. Наконецъ онъ свалился съ лошади, и такъ естественно, такъ тяжело, что Превиль невольно вскрикнулъ отъ страха, подбѣжалъ къ нему, и еще болѣе испугался, не получая отвѣта отъ своего товарища. Онъ обтеръ пыль съ его лица и еще разъ спросилъ Гаррика, не ушибся-ли онъ? Гаррикъ съ усиліемъ открылъ одинъ глазъ, и какъ истый пьяница, занкался, потребовалъ еще стаканчикъ. Превиль не могъ опомниться отъ изумленія. Наконецъ, Гаррикъ вскочилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда Превиль сказалъ ему: «Любезный товарищъ, позвольте ученику обнять своего учителя, и поблагодарить его за прекрасный урокъ.»

Гаррикъ былъ такимъ восторженнымъ почитателемъ Шекспира, что во время пребыванія своего въ Парижѣ, не хотѣлъ слышать о знакомствѣ съ ученымъ аббатомъ Лебланомъ, который въ письмахъ своихъ объ Англіи, слишкомъ непочтительно отзывался о ея великомъ поэтѣ.

* Вотъ обстоятельства, которыя приводитъ Дэвизъ, и которыя, говорить онъ, породили мысль о юбилей: «За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, одинъ богатый пасторъ купилъ домъ и садъ Шекспира въ Стратфордѣ. Прекрасное тутовое дерево, посаженное руками самаго поэта, имѣло несчастье не понравиться новому владѣльцу, который находилъ, что оно было слишкомъ близко къ дому, заслоняло свѣтъ и производило сырость безъ дальнихъ разсужденій онъ приказалъ его срубить. Жители Стратфорда, съ дѣтства привыкшіе благоговѣть передъ веѣмъ,

садили за дѣло всѣхъ работниковъ города. На берегу рѣки воздвиглась ротонда и всѣ жители наперерывъ приносили свою лепту для ея украшенія. Пятаго и шестаго октября, многочисленная толпа, собравшаяся изъ всѣхъ окрестностей, и даже изъ Лондона, наполняла Стратфордъ. Седьмаго совершена божественная служба съ особымъ великолѣпьемъ, и по окончаніи ея, всѣ пріѣзжіе поспѣшили идти читать надгробную надпись Шекспиру, находящуюся у входа въ погребальный склепъ, въ восточномъ концѣ церкви. Въ три часа подавъ былъ въ ротондѣ роскошный обѣдъ; за тѣмъ слѣдовалъ концертъ; пѣли куплеты, нарочно для этого случая сочиненные Гаррикомъ; въ заключеніе онъ прочелъ свою оду по случаю открытія статуи Шекспиру въ его родномъ городѣ. Вечеромъ давъ былъ въ ротондѣ великолѣпный балъ. На слѣдующій день, большая процессія должнаствовала идти по всѣмъ улицамъ Стратфорда, представляя разные лица и сцены изъ Шекспировыхъ твореній; но ужасная буря не позволила исполнить эту часть праздника.

Въ октябрѣ этотъ юбилей перенесенъ на Дрюриленскій театръ. Чтобы дать ему драматическій смыслъ, Гаррикъ придумалъ комическое дѣйствіе, въ которомъ участвуютъ жители Стратфорда и пріѣзжіе, явившіеся на юбилей. Пьеска эта никогда не была печатана и потому мы не можемъ отчетливо разсказать ее. Помнимъ только одну сцену, происходившую на постояломъ дворѣ; у воротъ былъ распряженный дорожный экипажъ; когда толпа разошлась, изъ экипажа раздался голосъ Муди, игравшаго ирландца, и сѣтовавшаго на то, что приходится переночевать въ каретѣ, потому что ни на какомъ постояломъ дворѣ нѣтъ свободной комнаты. Разговоръ былъ написанъ очень живо и остроумно, и пьеса кончалась процессіею, неудавшеюся въ Стратфордѣ. Группы актеровъ, въ приличныхъ костюмахъ несли значки, на которыхъ бы-

что принадлежало безсмертному Шекспиру, пришли въ ужасное удивленіе, когда узнали объ этомъ.

Срубленное туговое дерево было куплено плотникомъ, который, зная какая дорогая память была сопряжена съ нимъ, очень умно придумалъ дѣлать изъ него табакерки, коробочки, чайные ящики и тому подобныя вещи, которыя онъ продавалъ съ большимъ барышемъ. Городское сословіе Стратфорда купило нѣсколько такихъ вещей, и прислало Гаррику льготы и грамоты своего города въ ящикъ этого дерева, прося его доставить городу статую, бюстъ или портретъ Шекспира, чтобы поставить его въ залу ихъ засѣданій, и свой собственный портретъ или бюстъ, чтобы поставить его рядомъ съ Шекспиромъ, какъ лучшаго истолкователя безсмертнаго поэта.

ли изображены сцены изъ Шекспира, и пантомимую представляли тѣ же сцены. Шествіе заключалось великолѣпною колесницею, на которой ѣхала мистрисъ Эбингтонъ, одѣтая музою комедіи. Наконецъ Гаррикъ читалъ свою оду на открытіе статуи Шекспира. Музыка доктора Арна, великолѣпіе декораций, талантъ актеровъ придали такую цѣну этой пьесѣ, что она была играна болѣе ста разъ въ этомъ году.

IX.

Начало 1775 года было ознаменовано явленіемъ на сценѣ новой трагедіи неоспоримаго достоинства. Это «Браганца», трагедія Роберта Джефсона, заимствованная изъ португальской исторіи. Авторъ очень хорошо понялъ, что такія близкія и извѣстныя историческія происшествія не должны быть искажаемы вымысломъ, и представилъ все лица такими, какъ передала ихъ намъ исторія; дѣйствіе въ его пьесѣ вѣроподобно, языкъ поэтиченъ, но естественъ и чуждъ всехъ этихъ вычурныхъ прикрасъ, которыя такъ обыкновенны въ драмахъ нашего времени. Трагедія Джефсона была разыграна превосходно и имѣла вполне заслуженный успѣхъ.

Въ томъ же году представлена въ первый разъ, въ пользу актера Кинга, комедія Гаррика «Хорошій тонъ.» Это можетъ быть самая живая и самая забавная изъ мелкихъ пьесокъ англійскаго театра. Характеры въ ней превосходно очерчены; это одушевленная сатира на мотовство и распутство высшаго круга. Разыграна она была въ совершенствѣ и принята съ восторгомъ.

Между тѣмъ, Барри и его жена измѣнили Дрюриленскому театру и перешли на Ковентгарденскій. Гаррикъ лишился въ нихъ двухъ превосходныхъ помощниковъ, и долженъ былъ самъ играть чаще, не смотря на то, что здоровье не позволило ему дѣлать такія усилія. Въ январѣ 1776 года Кольманъ далъ новую небольшую комедію «Сплингъ», выдержавшую до пятнадцати представлений. Гаррикъ написалъ къ ней прологъ, и тутъ въ первый разъ высказалъ публично свое намѣреніе отказаться отъ театра. Описывая лондонскаго купца, оставляющаго торговлю, чтобы попользоваться лондонскимъ воздухомъ, онъ говоритъ: «Добрый со-
« вѣтъ и вашему покорнѣйшему слугѣ; пора наконецъ и ему на
« покой, продавъ весь свой товаръ, и прозу и стихи, котурны,
« скинтры, платья и вѣнцы, и самый громъ, наконецъ,—и все по-
« вѣрте, по самой сходной цѣнѣ.» Это была не минутная при-

хоть, а обдуманное намѣреніе, какъ онъ скоро доказалъ. Директоръ, завѣдывавшій въ продолженіе тридцати лѣтъ забавами публики, рѣшился отказать отъ своей должности; это былъ его послѣдній рейсъ. Однако же онъ не безъ борьбы принялъ это рѣшеніе; онъ былъ отъ природы слабаго, нерѣшительнаго характера; а послѣ тридцати лѣтъ успѣховъ и любви къ нему публики, даже человѣку съ твердою волею, нелегко отъ нихъ отречься.

Десятаго іюня 1776 года великій артистъ, съ сердцемъ исполненнымъ сожалѣніемъ, горестью и благодарностью, окончательно простился съ публикою. Онъ хотѣлъ сначала заключить свое театральное поприще тою-же ролью, которою началъ; но потомъ разсудилъ, что послѣ такой утомительной роли, какъ Ричардъ III, ему невозможно будетъ произнести прощальную рѣчь, онъ рѣшился выбрать роль Феликса въ комедіи. *«Чудо, или женщина, умлющая хранить тайну.»* Мысль о разставаніи сжимала ему сердце; однако же онъ сохранилъ довольно власти надъ собою, чтобы сочинить очень замысловатый прологъ, и прочесть его свободно; игралъ онъ въ этотъ разъ лучше, чѣмъ когда либо. Наступила самая критическая минута, конецъ пьесы. Тутъ предстояло проститься съ публикою, которой онъ былъ любимцемъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Онъ вышелъ на авансцену, съ трудомъ скрывая то, что происходило въ его душѣ, и послѣ минутнаго молчанія, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Милостивыя государыни и государи, обычай требуетъ, чтобы, разставаясь съ вами, я простился въ эпилогѣ. Я хотѣлъ подчиниться обычаю, и думалъ объ эпилогѣ; но я былъ не въ состояніи сочинить его, какъ теперь не былъ бы въ состояніи его прочесть. Рифма и изысканный языкъ вымысла не способны выразить чувствъ, наполняющихъ теперь мою душу. Это ужасная для меня минута; она разлучаетъ меня навсегда съ тѣми, которые столько времени удостоивали меня своихъ благосклонныхъ одобреній, навсегда удаляетъ меня отъ мѣста, гдѣ я столько лѣтъ пользовался вашимъ снисхожденіемъ и вашею милостью».

Тутъ голосъ его прервался, и слезы навернулись на его глазахъ. Онъ продолжалъ:

«Какъ ни рѣзко долженъ отличаться предстоящій мнѣ родъ жизни отъ прежняго, драгоценная память о вашихъ милостяхъ вѣчно останется неизмѣнною и неизгладимою, здѣсь, въ моемъ сердцѣ. Я знаю, что преемники мои могутъ превосходить меня въ талантѣ и искусствѣ; но не могутъ болѣе меня стараться сдѣлаться достойными вашихъ милостей, не могутъ быть про-

никнуты болѣе истинною и глубокою благодарностью, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга!»

Съ этими словами онъ почтительно поклонился публикѣ, и удалился медленнымъ шагомъ, будто не хотя.

Больно было и публикѣ видѣть его удаление; горестъ была написана на всѣхъ лицахъ, на всѣхъ глазахъ были слезы. Слова: «Прощай, прощай!» раздавались со всѣхъ концовъ залы, среди оглушительнаго залпа рукоплесканій. Такъ исчезло навсегда съ театрального горизонта это свѣтло, блиставшее такимъ яркимъ свѣтомъ.

Гаррикъ удалился въ свой Гамптонскій загородный домъ. Онъ совершилъ свое поприще, достигъ цѣли, своей увѣнчанный лаврами; онъ могъ съ удовольствіемъ обращать взоръ на свое прошедшее, и говорить съ Цицерономъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе воспоминанія о хорошо проведенной жизни: «*Vitae bene actae jucundissima est recordatio.*» Къ свидѣтельству собственной совѣсти присоединялось уваженіе самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ королевствѣ*. Дворянство, ученые, люди замѣчательные во всѣхъ отрасляхъ литературы, ставили себя за честь навѣщать его. Онъ жилъ открыто и придавалъ удвоенную прелесть своему гостепріимству умомъ и обращеніемъ человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу. Онъ былъ скромнѣе и чувства своего превосходства не обращалъ въ надменность, какъ многіе другіе; не онъ сказалъ бы своимъ посѣтителямъ, какъ Конгривъ сказалъ Вольтеру: «Я желалъ бы, чтобъ вы пришли ко мнѣ, не какъ къ литератору, а какъ къ дворянину.» Напротивъ, Шекспиръ и драматическая поэзія были всегда любимымъ предметомъ его разговора.

1788 годъ не былъ для него, какъ предшествовавшій, непрерывнымъ рядомъ удовольствій и счастья, страданія его

* Дэвизъ приводитъ любопытный призмѣръ. Весною 1777 года, Гаррикъ былъ однажды на галлерей Палаты Комонеровъ, въ то время, какъ постороннимъ неизволено было оставаться. Одинъ членъ палаты увидѣлъ его и потребовалъ, чтобы его вывели. Тогда Буркъ всталъ и спросилъ, прилично ли будетъ выслать человѣка, которому всѣ такъ много обязаны, который учитель ихъ всѣхъ въ искусствѣ говорить. Онъ присоединилъ, что касается до меня самаго, я многимъ обязанъ его наставленіямъ и призмѣру; и долго еще онъ съ жаромъ распространялся о заслугахъ Гаррика. Послѣ него вошли на кафедру Фоксъ и Тоунсендъ и говорили въ томъ же смыслѣ; они называли Гаррика своимъ учителемъ въ искусствѣ слова и съ негодованіемъ отвергали требованіе своего товарища. Ихъ мнѣнію послѣдовало все собраніе, и Гаррикъ остался на галлерей.

усилились, припадки становились чаще и мучительнѣе. Мужество его однако же не оставило; онъ старался даже скрывать свои страданія подъ видомъ веселости. Болѣзнь истощала его силы, а онъ, казалось, еще наслаждался пріятностями общества. До послѣдняго времени онъ не переставалъ любить театръ, и до послѣдняго времени давалъ совѣты разнымъ драматическимъ писателямъ. Въ числѣ ихъ былъ Джемсъ Футъ; онъ просилъ Гаррика прочесть сочиненную имъ трагедію, которая никогда не была играна, не смотря на то, что нѣкоторые почтенные критики отзывались о ней съ большой похвалою. Гаррикъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ исполнить его желаніе; но просилъ никому не говорить о томъ, потому что ему случалось, что онъ бывалъ принужденъ отказывать въ такихъ просьбахъ даже друзьямъ своимъ. Записка эта писана 22 декабря 1778; это вѣроятно послѣднія строки, писанныя имъ.

Онъ былъ приглашенъ провести праздникъ Рождества въ Альтронъ-паркѣ, Нортamptonскаго графства, у графа Спенсера. Онъ поѣхалъ, не смотря на свою слабость. Но среди удовольствій, которыми старались окружить драгоцѣннаго гостя, его схватилъ сильный припадокъ старой болѣзни, и онъ возвратился въ свой лондонскій домъ, въ кварталѣ Адельфи, 15 января 1779 года. Доктора Геберденъ и Уарренъ употребили все свое искусство; множество другихъ извѣстныхъ врачей приходили безъ приглашенія помогать своимъ званіемъ, въ надеждѣ продлить его жизнь. Все было тщетно; онъ протрадалъ еще нѣсколько дней, съ удивительнымъ терпѣніемъ и покорностью, и умеръ 20 января, въ 8 часовъ утра, не испустивъ ни одного стога.

Въ понедѣльникъ, перваго февраля, бранные останки его были перенесены изъ его дома въ Вестминстерское аббатство, и положены въ такъ называемомъ *углу поэтовъ*, подлѣ памятника Шекспира. Божественную службу совершалъ епископъ Рочестрскій.

Никогда еще не видано было въ Лондонѣ такихъ великолѣпныхъ похоронъ. Десять особъ изъ первыхъ лицъ въ королевствѣ, въ томъ числѣ герцогъ Девонширскій, лордъ Камденъ, графъ Оссори и графъ Спенсеръ, держали углы покрова; всѣ знатнѣйшіе вельможи, артисты, литераторы, всѣ сословія пришли отдать послѣдній долгъ умершему. Рядъ экипажей тянулся отъ Черинг-красса до аббатства. По всѣмъ улицамъ, черезъ которыя должно было проходить шествіе, были наполнены толпою народа; почтительное молчаніе свидѣтельствовало о всеобщей горести.

X.

Теперь, окончивъ записки о великомъ артистѣ, намъ остается бросить бѣглый взглядъ на всю его жизнь и рассмотреть въ немъ актера, директора, писателя и человѣка **.

Никогда никакое перо не будетъ въ состояннн отдать Гаррику всю справедливость, какая слѣдуетъ ему какъ актеру. Его надо было видѣть и слышать. Къ нему можно приложить эти два стиха Овидія :

Non illo jussos solertius alter
Exprimit incessus, vultumque. modum loquendi.

— Но сказавъ, съ римскимъ поэтомъ, что все движенія его были полны изящества, что все чувства изображались на его лицѣ, и что голось его выражалъ все страсти, мы дадимъ только слабое и неполное понятіе о его игрѣ. Коли Сибберъ былъ самъ замѣчательный актеръ и превосходно умѣлъ цѣнить таланты своихъ современниковъ; однако жъ, желая начертить портретъ Беттертона, онъ находитъ эту задачу выше своихъ силъ. «Жаль, говоритъ онъ, что летучія красоты прекрасной дикціи, не могутъ, какъ красоты поэзіи, служить сами себѣ памятникомъ; красоты игры актера продолжаютъ не долге породившаго ихъ вдохновенія, или оставляютъ только слабую искру въ памяти не многихъ только очевидцевъ. Если бы можно было изучить игру Беттертона, какъ можно изучать разыгранныя ими роли, о, тогда увидѣли бы мы поэзію Шекспира, во всемъ ея величїи, во всей ея красотѣ, имѣющую дѣйствительную жизнь. Но какъ раскрыть игру Беттертона, когда нельзя даже описать ее?»

Это разсужденіе Сиббера совершенно справедливо, и мы нахо-

* Въ 1777 году Гаррикъ былъ внесенъ въ списокъ мирныхъ судей; но кажется никогда не исполнялъ этой должности. Въ этомъ же году король пожелалъ, чтобы онъ прочелъ ему комедію; Гаррикъ выбралъ Лету. Король, королева, принцесса дочь ихъ, герцогиня Аргайльская и нѣсколько другихъ придворныхъ дамъ присутствовали при чтенїи. Но холодность, съ которою все это избранное общество слушало чтеніе, составляло дикую противоположность энтузіазму, который онъ обыкновенно возбуждалъ на театрѣ; она его самого обдала холодомъ и онъ не могъ читать съ обыкновеннымъ своимъ талантомъ. — «Меня, говорилъ онъ, рассказывая этотъ случай, точно завернули въ одѣяло, обмоченное въ холодную воду.»

дился въ такомъ же затрудненіи, когда хотимъ говорить объ игрѣ Гаррика. Воображеніе его было такъ живо, такъ пламенно, что онъ совершенно сливался съ представляемымъ лицомъ и усвоивалъ себѣ все его ощущенія и страсти. Прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ говорить, мысли его уже рисовались на его лицѣ, въ глазахъ, въ движеніяхъ, въ позѣ; и выраженіе ихъ смѣнялось такъ же быстро, какъ мысль.

Онъ былъ средняго росту, но хорошо сложенъ, и чрезвычайно соразмѣренъ въ частяхъ. Голосъ его былъ чистъ и звученъ, вся душа его блистала въ глазахъ. Дѣйствія страстей были предметомъ его постоянного изученія; онъ постигъ въ совершенствѣ ихъ ходъ, приливъ и отливъ, ихъ взаимную борьбу. Онъ съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ изображать, какъ онѣ быстро и постепенно развиваются, потомъ остаиваются, опять развиваются, сливаются и наконецъ обуреваютъ сердце. Главныя его трагическія роли были превосходными курсами, объяснявшими теорію страстей несравненно лучше Гутчесонова трактата. Въ большихъ сценахъ, въ критическія минуты, невозможно было смотрѣть на него безъ восторга или ужаса. Къ нему не разъ прилагали *Виргиліевы стихи* :

Aestuat ingens

Imo in corde pudor, mixtoque insania luctu,

Et furis agitatus amor, et conscia virtus.

Стихи эти прекрасны; но они даютъ слишкомъ общее описаніе души, обуреваемой выюгою страстей; въ Шекспирѣ найдемъ мы описаніе, будто нарочно написанное для нашего артиста. «Кто представитъ себѣ, какъ актеръ, желая изобразить вымышленную страсть, можетъ принудить душу свою слиться съ образомъ, заставить блѣднѣть свое лицо, извлекать слезы изъ своихъ глазъ, начертать отчаяніе во всехъ своихъ чертахъ, издавать прерывистые звуки, словомъ усвоить себѣ все формы, которыхъ требуетъ предложенная ему задача? Кто видѣлъ Гаррика, тотъ тотчасъ узнаетъ его въ этомъ описаніи, но оно безсильно для того, кто его не видалъ.

Слѣдующій анекдотъ покажетъ могущество его таланта. Мистръ Шайрефъ, живописецъ очень извѣстный въ Батѣ и въ столицѣ, былъ глухъ и нѣмъ отъ рожденія. Однако-же искусный эдинбургскій профессоръ выучилъ его читать и даже довольно взышно писать по англійски. Въ 1773 году онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ любителямъ искусства, и между прочими къ Уайтфорду. Этотъ съ удив-

влеченіемъ замѣтилъ, что молодой художникъ былъ въ театрѣ каждый разъ, когда давали пьесу Шекспира и игралъ Гаррикъ, и слѣдилъ за игрою послѣдняго со всеми признаками восторга. Онъ изъяснилъ ему свое удивленіе, и Шайрефъ сказалъ, что очень желалъ бы познакомиться съ человѣкомъ, который такъ вѣрно схватывалъ природу. Мистръ Уайтфордъ, желая его удовлетворить, написалъ посланіе въ стихахъ, въ которомъ глухо нѣмой описывалъ всѣ красоты Гарриковой игры, говоря, что достаточно однихъ глазъ, чтобы понимать его. Это посланіе онъ вручилъ Гаррику, будто написанное Шайрефомъ. Гаррикъ часто получалъ такія посланія отъ поэтовъ, но посланіе отъ глухо нѣмого было нѣчто столь необыкновенное, что онъ пожелалъ видѣть автора. Уайтфордъ познакомилъ ихъ и Гаррикъ очень любилъ молодаго живописца, и не разъ оказывалъ ему важныя услуги. Онъ до конца жизни считалъ Шайрефа дѣйствительно авторомъ помянутого посланія.

Мнѣ случилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, встрѣчаться съ самимъ Шайрефомъ на обѣдѣ у Геріота, который женатъ на его сестрѣ. Послѣ обѣда мнѣ сказали, что я могу говорить съ нимъ, чертя буквы на воздухѣ, пальцемъ, и что онъ будетъ отвѣчать мнѣ точно также. Я попробовалъ. Зная рассказанное выше обстоятельство, я спросилъ: зналъ-ли онъ Гаррика? — «Зналъ.» — Видали его на сценѣ? — «Видалъ.» — Нравился-ли онъ вамъ? — «Чрезвычайно.» — Какъ-же онъ могъ вамъ правиться, когда вы не слышали его словъ? — «Я не могъ разобрать отвѣта; но хозяйева, которые уже привыкли объясняться этимъ способомъ, передали мнѣ отвѣтъ, что физиономія Гаррика говорила. Каковъ долженъ быть талантъ актера, когда глухой говорилъ о немъ, что «его физіономія говорила!»

Намъ остается еще взглянуть на Гаррика въ частной жизни. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ чрезвычайно живаго характера, уменъ и пріятелливъ, и что всѣ его знакомые не могли нахвалиться прекрасными свойствами его души. Въ первые годы, когда онъ былъ еще очень не богатъ, онъ жилъ чрезвычайно бережливо, что подало врагамъ его поводъ обвинять его въ скупоści *. По-

* Актеръ и сатирикъ Футъ, привлекавшій весь городъ на Геймаркетскій театръ каррикатурами на столичныя, извѣстныя публичкѣ лица, пустилъ однажды слухъ, что онъ представитъ Гаррика; однако-же онъ этого не сдѣлалъ; но не упускалъ случая, чтобы пустить противъ него какую-нибудь заую выходку, что имъ не мѣшало видѣться довольно часто, и очень дружески. Кажется, ни тотъ, ни другой не хотѣлъ имѣть въ другомъ открытаго врага. Однажды, говоритъ Дэвизъ, Гаррикъ, пріѣхавъ навѣстить Фута, съ удивленіемъ

томъ, когда средства его увеличились, онъ сталъ жить открытѣе и богаче; враги увидѣли свою ошибку, но не хотѣли сознаться въ ней. Онъ былъ гостепріименъ и кошелекъ его былъ всегда открытъ для пріятелей; притомъ, ссужая ихъ деньгами, онъ никогда не разбиралъ, будутъ-ли они въ состояніи возратить ихъ. Почтенный торговецъ, мистръ Кристи, рассказываетъ, что онъ самъ на опытъ знаетъ щедрость и благотворительность Гаррика, и всегда отзывается о немъ съ искреннею благодарностью. Однажды, въ то время, какъ смерть мистра Чэсъ-Прайса чрезвычайно разстроила дѣла Кристи, онъ поѣхалъ въ гости къ Гаррику съ пріятелемъ своимъ Ольбени Уаллисомъ. Послѣдній, гуляя по саду съ Гаррикомъ, сообщилъ ему затруднительное положеніе своего друга. Гаррикъ не отвѣчалъ; но потомъ, отведя въ сторону Кристи, сказалъ ему: — «Что такое рассказывалъ мнѣ Уаллисъ о вашихъ несчастіяхъ? Если пять тысячъ фунтовъ достаточны, чтобы выручить васъ, я съ удовольствіемъ буду служить вамъ.» — Это обстоятельство я слышалъ изъ устъ самаго Кристи.

Бѣдные литераторы и артисты всегда могли обращаться къ Гаррику и рассчитывать на его участіе и помощь. Докторъ Джонсонъ, имѣвшій обыкновеніе собирать дакъ со всѣхъ своихъ знакомыхъ, когда открывалъ несчастное семейство въ нуждѣ, не разъ говорилъ, что онъ ни отъ кого не получалъ столько, какъ отъ Гаррика. Нѣтъ надобности прибавлять, что онъ былъ благодѣтелемъ своего семейства.

Одна только страсть овладѣла его душою, это непомѣрная жажда славы. Каждый злой болтунъ могъ встревожить его, передавая мнимые замыслы и злобныя рѣчи враговъ. Это была единственная его слабость.

Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ, Гаррикъ присоединялъ всѣ качества самаго милого собесѣдника. Бесѣда его была всегда жива, умна и поучительна; любимымъ предметомъ его была литература и драматическое искусство. Съ пріятелями онъ любилъ предаваться веселости, но всегда приличной; въ остроуміи его не было ни малѣйшей желчи или злобы; въ образованности ни тѣни педанства. Онъ съ удивительною тонкостью схватывалъ все смѣшное, но никогда не примѣшивалъ къ нему личностей.

увидѣлъ свой бюстъ на писменномъ столѣ сатирика. — «Неужели вы не боитесь, сказалъ онъ, ставить меня такъ близко къ вашимъ деньгамъ и банковымъ билетамъ?» — Нѣтъ, отвѣчалъ Футъ, здѣсь вы безъ рукъ.

Первый въ каждомъ обществѣ по уму и дарованію, онъ былъ добродушнѣе и скромнѣе ребенка.

Но мы не кончили бы, еслибъ хотѣли исчислить все достоинство, все заслуги этого рѣдкаго существа. Скажемъ только, что онъ былъ первымъ украшеніемъ своего вѣка, воскресителемъ драматическаго искусства, преобразователемъ вкуса. Въ его время и благодаря его гению, театръ занялъ такое высокое мѣсто въ мысляхъ народа, что остряки говорили, что въ Англій имѣется четыре власти: король, Палата Лордовъ, Палата Комюеровъ, и Дриорленскій театръ.

ЮМОРИСТИКА.

САРАФАНЧИКЪ - РАЗСТЕГАЙЧИКЪ.

(Музыкальные нравы).

И зашпигать она, Богъ мой,

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.»

Пушкинъ.

Въ концѣ прошедшаго лѣта встрѣтился я въ конторѣ дилжансовъ первоначальнаго заведенія со старымъ своимъ пріятелемъ и школьнымъ товарищемъ, Протазоновымъ. Во времена счастливой юности, мы съ нимъ вмѣстѣ сживали на школьной скамейкѣ и были друзьями. Окончивъ курсъ, мы разстались и пошли разными путями; я сдѣлался скромнымъ педагогомъ, а онъ принялся, какъ говорятъ французы : *воздѣлывать музыку*, и весьма усердно наводнялъ музыкальные магазины польками и кадрилями своего изобрѣтенія. Въ последнее время онъ серьезно собирался приняться за комическую оперу, въ народномъ духѣ, то есть — какъ водится : за компляцію изъ русскихъ пѣсень.

— Здорово, пріятель, сказалъ я ему.

— А, здравствуй, любезный!

— Куда это ты отправляешься?

— Сперва въ Москву....

— А потомъ?

— Потомъ? Да я и самъ еще не знаю; поѣду, куда глаза глядятъ.

— Это что за извѣстіе? Да въ своемъ-ли ты разумѣ?

— Вотъ за тѣмъ-то я и ѣду, чтобы въ самомъ дѣлѣ не сойти съ ума.

— Да что же съ тобой приключилось?

Отд. V.

41

— Постой, — тутъ онъ посмотрѣлъ на часы, — мы отправимся не раньше, какъ черезъ полчаса, стало быть, я успѣю разсказать тебѣ свое горе. Слушай: Ты, я думаю, помнишь, что, перѣхавъ изъ Колокольной улицы, я поселился на Пескахъ?

— Какъ же, помню; въ седьмой улицѣ....

«Въ седьмой тамъ, что-ли. Квартира моя состояла всего изъ двухъ комнатъ и выходила окнами въ садъ. Проживъ съ недѣлю, я увидѣлъ, что квартира моя соединяетъ всѣ удобства, необходимыя нашему брату, музыканту. И точно; на улицѣ цѣлый день тишина, не слышно ни стука экипажей, ни крика разнощиковъ; словомъ, совершенная пустыня... Фелисьенъ Давидъ могъ бы написать здѣсь свою симфонію, не дѣлая шагу по пескамъ Аравіи. Я прожилъ тамъ слишкомъ три года и намѣренъ былъ даже умереть въ этомъ царствѣ тишины и безмолвія, но, разумѣется, умереть, какъ можно по-позже. Въ прошедшемъ году, я совершенно обдумалъ плавъ моей комической оперы и уже написалъ заглавіе, финалъ втораго акта и хоръ жнецовъ, знаешь — этакой, съ серпами — очень эффектно, такъ и рѣжетъ ухо.

Все шло, какъ нельзя лучше, но представь себѣ мою досаду....» Въ одно прекрасное утро... нѣтъ, вру, это по привычкѣ... Въ одинъ прескверный вечеръ сидѣлъ я у своего окна и придумывалъ какой-нибудь оригинальный аккордъ, знаешь, этакой, à la Верди, чтобы кости затрещали отъ грома... Это очень хорошо для завершевія интродукціи... Да, нѣтъ бишь, я обдумывалъ какой бы мнѣ употребить способъ оркестровки; новѣйшей какой-нибудь, чтобы, какъ можно больше разладу было. Впрочемъ, не въ томъ дѣло.

Я сидѣлъ и думалъ. Вдругъ надъ самой головой моей, раздалась раздрающая душу гармонія; я сталъ прислушиваться.... то было отвратительнѣйшее дребезжаніе разстроеннаго и разбитаго фортепьяно; но это бы еще ничего, только вслѣдъ за тѣмъ послышалось и пѣніе, какъ оказалось, особы женскаго пола, обладавшей такимъ фальшивымъ и визгивымъ голосомъ. Да я просто даже не приберу и сравненія. Однимъ словомъ, подобное пѣніе не раздавалось на нашей планетѣ, со времени царя Псаметиха. Она пѣла извѣстную цыганскую пѣсню: «Сарафанчикъ-разстегайчикъ!»

«Я не выдержалъ: заткнувъ уши, схватилъ шляпу и опрометью бросился бѣжать. Усталый, измученный воротился я домой за полночи едва, едва добрался до своей кровати. Спасительный сонъ не замедлилъ, говоря высокимъ слогомъ, осѣнить меня своими крылами.

«На слѣдующее утро, только что я успѣлъ открыть глаза,

какъ сквозъ щели моего потолка снова полились звуки вчерашней бѣсовской гармоніи; фортепьяно дребезжало и надъ нимъ были по прежнему, но только еще маленько похуже. Вѣроятно, сосѣдка моя схватила насморкъ, или просто охрипла: пѣніе ея было невыносимо раздражительно.... Я самъ завылъ благимъ матомъ. Такимъ образомъ прошло полтора мѣсяца, въ продолженіе которыхъ, надъ моей головой, регулярно два раза въ день, раздавался голосъ моей неугомонной сосѣдки, съ непостижимымъ упрямствомъ и терпѣніемъ, повторявшей одну и ту же пѣсню и я по неволѣ обязанъ былъ каждый разъ выслушивать ее отъ начала до конца. Вся моя нервная система разстроилась также, какъ и ея фортепьяно.

«Мотивъ этотъ до такой степени забился ко мнѣ въ голову, что я никоимъ образомъ не могъ выжить его оттуда. Повѣришь-ли, только что сяду за фортепьяно, какъ «Сарафанчикъ» непременно придетъ мнѣ на память и я, совершенно противъ воли, начну его играть. Мало того, примусь писать свою оперу, пишу, пишу, тружусь, потѣю; сяду разыгрывать,—глядь всѣ мотивы оказываются все тѣмъ-же сарафанчикомъ, транспонированнымъ на всѣ возможные тоны и темпы! Короче, по милости своей фальшивой сосѣдки, я лишился сна, покоя, аппетита и даже возможности когда-либо окончить свою комическую оперу. Проклятый «Сарафанчикъ» преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу и, какъ живое угрызѣніе совѣсти, не даетъ мнѣ покоя. Я страшно похудѣлъ. Всѣ сюртуки стали мнѣ ужасно широки. Вотъ посмотри. Вѣдь иной подумаетъ, на Толкучкѣ купилъ.... а всѣ отъ Альванга. Желая какимъ-нибудь способомъ забыть преслѣдующій меня мотивъ, я рѣшился уѣхать, самъ не зная куда... Но только куда-нибудь подальше, гдѣ нѣтъ меломанокъ изъ Пассажа, и тарабарскихъ пѣсенъ и цыганскаго табора.»

Въ эту минуту вошелъ кондукторъ и объявилъ, что дилижансъ готовъ къ отъѣзду. Мы вышли на подѣздъ и я всячески старался утѣшить несчастнаго страдальца Протазонова, который грустно стоялъ возлѣ меня, склоня голову, какъ больной, котораго доктора объявили неизлечимымъ. Мнѣ дѣйствительно казалось, что у него какъ-нибудь этакъ въ мозгу не совсѣмъ, чтобы ладно.

Вдругъ изъ за угла показалась толпа собаченокъ, одѣтыхъ въ разныя лохмотья, и сопровождаемыхъ мальчикомъ съ ширмами и подставкою для шарманки. Непосредственно за тѣмъ выступалъ и шарманщикъ. Шестивіе приближалось къ намъ. Шарманщикъ взялся за ручку своего инструмента и принялся вертѣть его....

Раздались какіе то сильные звуки, громче, громче и знаменитый «Сарафанчикъ» огласилъ воздухъ.

Петръ Александрычъ будто окаменѣлъ, онъ сталъ внимательно прислушиваться къ звукамъ шарманки и вдругъ задрожавъ, схватилъ себя за голову.

— Боже мой, сказалъ онъ съ отчаяніемъ, опять эта анаемская погудка! Какъ безумный бросился онъ въ дилижансъ, ударилъ кулакомъ въ уголъ своей пуховой подушки, треуголкою надѣлъ ее на голову и оба конца притянулъ подъ самый подбородокъ. Дилижансъ въ ту же минуту тронулся съ мѣста и скоро скрылся изъ виду.

Прошла недѣля, за ней другая; глядь и мѣсяцъ канулъ въ вѣчность. Въ одно праздничное утро сидѣлъ я дома, да перелистывалъ книжку, только что полученнаго, «Пантеона». Вдругъ дверь отворилась и предо мной, какъ листъ передъ травой, явился Петръ Александрычъ Протазоновъ; онъ только что возвратился изъ путешествія.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и цѣлованій, я усадилъ его въ кресла и спросилъ:

— Ну, что, почтенный другъ, надѣюсь, ты теперь вымечился отъ «Сарафанчика?»

— Увы! отвѣчалъ онъ съ выраженіемъ глубочайшаго отчаянія. Сарафанчикъ окончательно отравилъ мое счастье и поселилъ во мнѣ отвращеніе къ жизни вообще, и къ музыкѣ въ особенности. Я думалъ, что путешествіе, тряска экипажа, толчки и ухабы помогутъ мнѣ сбросить съ себя иго.... этого мотива. Куда! все напрасно! Сарафанчикъ раздавался въ ухахъ моихъ каждую минуту. Я слышалъ его безпрестанно, во всемъ и вездѣ: застучить ли дождь въ стекла дилижанса.... прислушиваюсь.... сарафанчикъ! зазвиститъ ли вѣтеръ.... опять сарафанчикъ.... Словомъ, вездѣ сарафанчикъ, сарафанчикъ и сарафанчикъ. Мнѣ показалось, что вся природа ополчилась на меня. Напрасно закутывался я въ шубу, напрасно клалъ къ себѣ въ уши хлопчатую бумагу, ничто не помогало!...

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я полагалъ, что судьба сжалится надо мной и разлучитъ меня съ пѣвуньей-сосѣдкой. Ни чуть не бывало: она была живехонька и здоровехонька, и по прежнему распѣвала по два раза въ день дьявольскій «Сарафанчикъ.» Я ожесточился, и, скажу откровенно, не разъ покушался на страшное злодѣйство, то-есть, я хотѣлъ просто ссориться съ ней; но это было не въ моемъ характерѣ, и я удержался въ границахъ приличія. Потомъ,

мнѣ пришло въ голову умереть съ тоски... но подумалъ и стало ужасно совѣстно.... За что же, думаю, невинное созданіе пострадаетъ за фальшивыя ноты и безвкусіе петербургской любительницы музыки?—Я рѣшился ждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ...

Беседа наша была прервана приходомъ какого-то третьяго лица и Петръ Александрычъ ушелъ домой.

Въ апрѣль мѣсяцѣ нынѣшняго года, имѣя порученіе отъ одной знакомой дамы абонироваться на ложу въ итальянскую оперу, поѣхалъ я въ театральную контору, внесъ слѣдующія деньги, получилъ билетъ и уже готовъ былъ выдти, какъ, обернувшись печально, увидѣлъ позади себя какое-то знакомое лицо. Всмотриваюсь.... ба, ба, ба, да это онъ! Петръ Александрычъ. Да какъ же онъ перемѣнился; лицо его сіяло удовольствіемъ, на устахъ была самая сладкая улыбка, точно леденецъ ананасный. Онъ разговаривалъ съ однимъ изъ чиновниковъ и весьма усердно размахивалъ руками.... Замѣтивъ меня, онъ кинулся ко мнѣ.... Мы крѣпко пожали другъ другу руки.

—Здорово, пріятель, сказалъ мнѣ Петръ Александрычъ. Какими судьбами встрѣчаю тебя здѣсь? Впрочемъ, ты вѣрно для абонента. Однако, сколько припомню, ты въ старинные годы не былъ меломаномъ.

— Ты угадалъ; я абонировался для знакомыхъ. Ну, а что же ты подѣлываешь?

— Поздравь, любезный, я кончилъ свою оперу, она скоро будетъ представлена.

— А! поздравляю, поздравляю! Ну, а скажи, сдѣлай милость, что твоя неугомонная сосѣдка, съ «Сарафанчикомъ-Разстегайчикомъ.»

— Слава Богу! угомонилась, уже не поетъ.

— Что такъ; развѣ умерла?

— Нѣтъ.

— Что-жъ заставило ее бросить пѣніе?

— Я.

— Ты? Но какимъ образомъ?

— Очень просто. Не находя никакихъ средствъ унять ее, я рѣшился....

— Перемѣнить квартиру?

— Вѣтъ, я рѣшился на другую мѣру....

— На что же?... Ты просто пугаешь меня!...

— Женился на ней; съ условіемъ, чтобы она навсегда отказалась отъ пѣнія и отъ «Сарафанчиковъ-Разстегайчиковъ».

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

—
ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ПИСЬМАХЪ.
—

Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей. —
Пушкинъ.

I.

Милой друхъ мой, прїябственной
Антонъ Илизарычъ!

Ставо врѣмени какъ я стретила васъ учючкова мосту и когда тятинька пригласили васъ кнамъ я пачюствова што просто жить бѣзвасъ мой ангилъ ни могу и въ каждой вѣчеръ лажимши впечатель расЦалавала все ваши страсные записачки каторые я абнакнавенна дѣржу усибя патПадушкой ахъ милой друхъ сердца моево што вы ето все мешкаете и нишасъ ватаетѣсь тятинька прѣпнствта ни сделаютъ ни какова они давно Гаварили чтобъ я и скала еѣбе жениха ислужасихъ а вы пришли ѣму по сердцу дапа мыслямъ и онѣ благословлять бессумлѣнія.

па гропъ моей жизни Любящая Васъ.

Клеопатра Подметкина.

P. S. Вѣчеромъ жду васкнамъ питчай.

2.

Милостивая Государыня
Клеопатра Кузминишна.

На почтеннѣйшее письмо Ваше, отъ 15 Марта, сего 1850 года, честь имѣю отвѣтствовать, что притчина, по случаю которой происходитъ замедленіе касательно въ отношеніи желаннаго бракосочетанія нашего, состоитъ въ томъ предметѣ, что я не получилъ еще на сіе обстоятельство разрѣшенія родительницы моей по закону, проживающей: Тульской Губерніи, въ селѣ Задирайловѣ. Да и на счетъ окопировки нашей утрудить нахожусь въ обязанности моего благотворителя и начальника коллежскаго секретаря Ивана Егорыча Еремина, касательно паличности. Вмѣстѣ съ симъ прошу принять увѣреніе въ отличномъ моемъ къ

Вамъ, Милостивая Государыня, почтеніи и совершенной преданности, съ каковыми я имѣю честь именоваться

Вашимъ

Милостивая Государыня
покорнымъ слугою.

Антонъ Уточкинъ.

3.

Ваше Благородіе!

Милостивый Государь и благодѣтель
Иванъ Егоровичъ!

Желая обязать себя въ 21 день сего августа мѣсяца законнымъ супружествомъ съ дѣвицею благоустроенной здѣшняго мѣщанина, Клеопатрою Подметкиной и тѣмъ самымъ успокоить мысль вѣдущую къ добруму и благополучному моему мнѣнію, — по немѣя притомъ средствъ къ приведенію въ совершенное исполненіе сего долга состоянія, — а посему приѣмлю смѣлость утруждать Особу Вашего чина и всевижайше просить, неоставить своимъ покровительствомъ и вспомошествованіемъ въ необходимо нужномъ мѣстѣ положеніи, что самое Ваше вознагражденіе никогда не изъемлется по гробъ жизни изъ памяти моей въ приношеніи благодаренія за Вашу ко мнѣ оказавшую милость Всемогущему Богу за Ваше здравіе и долгоденствіе.

Съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю счастье наименовать себя Вашимъ

Вашего Благородія

Милостиваго Государя

Подчиненный

Писарь *Антонъ Уточкинъ.*

4.

Любезный другъ и благопріятель

Антонъ Елизаровъ!

Извѣстившись изъ письма твоего о страстной любви твоей къ дочери здѣшняго мѣщанина, дѣвицѣ Клеопатрѣ Подметкиной и о намѣреніи вступитъ съ нею въ первый законный бракъ, я счелъ себя обязаннымъ предупредить тебя, что вышеобозначенная дѣвица, какъ оказывается по наведеннымъ справкамъ, весьма неблагонадежной характеристики. Я, даже собственноручно читалъ ея письма къ одному изъ состоящихъ при здѣшнемъ депѣ.

Вслѣдствіе сего я и совѣтую тебѣ, ни мало не медля оставить свои намѣренія относительно сей дѣвицы, покуда еще не поздно, почему и пособія не прилагаю. Притомъ же родитель ихъ извѣстенъ у насъ всякому, какъ шаромыжникъ, аматеръ и естественный механикъ; онъ только обдуваетъ крещеный міръ, а приданаго не дастъ ни гроша, что можно усмотрѣть изъ дѣйствій его относительно старшей своей дочери Глафирушки, которую также обѣщался снабдить деньгами и сшить куній салоупъ, на шерстяной покрывкѣ, когда выдавалъ за канцелярскаго служителя Подзатыльниковъ, да и падулъ. Смотриже, не попадись въ капканъ и ты, подобно Подзатыльникову. Я это пишу тебѣ изъ дружбы, якобы твой отецъ и прошу сіе принявъ къ надлежащему свѣденію и зависящему отъ васъ исполненію, быть увѣреннымъ, что я пребываю въ совершенномъ почтеніи и преданности покорнымъ слугою

Иванъ Еремичъ.

5.

Милостивый Государь, Драгоценнейшій Ангелъ
Антонъ Близаровичъ!

Што это значить? свидни я амининица а Вы не пришли и Праздравить если вы очинно были завѣты что не были кабеду, то приходите хоть врассужденіи шикалату я уже буду варить на цельномъ малакѣ какъ намедни искренно любящая васъ тѣломъ иду шой

Клеопатра П.

P. S. Тятинька очинно абиждаются.

6.

Милостивая Государыня

Клеопатра Степановна.

Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо Ваше отъ вчерашняго числа, честь имѣю отвѣтствовать, что прочитавъ Ваши вѣжныя мадригалы и экскузаціи на счетъ, то есть, любовныхъ обстоятельствъ къ служащему въ депѣ, Ерофею Короваеву, въ качествѣ канцелярскаго служителя писанныя Вами не далѣе, какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года, я считаю за симъ излишнимъ вступать въ какія либо объясненія какъ съ Вашею персоною, такъ и съ почтеннымъ родителемъ Вашимъ, который уже достаточно извѣстенъ всѣмъ какъ художникъ первой руки. Вмѣстѣ съ симъ прошу принять увѣреніе

въ отличномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности

А. Уточкинъ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Черная немочь. Русская драма - былина въ трехъ суткахъ. Соч. А. П. Славина. Сутки 1. Сваха;—сутки 2. Горемычный;—сутки 3. Страшная смерть. Спб., 1849.

У прекрасной четы, первостатейнаго купца Григорія Ивановича Бурмистрова и жены его Марьи Петровны, есть (т. е. былъ) двадцати-пяти-лѣтній сынъ Александръ Григорьевичъ, парень хоть куда, женихъ хоть для кого.... Вдругъ ни съ того, ни съ сего парень - хоть - куда закручинился, запечалился и давай *ходить, какъ темная туча*.... Что за напасть такая? думаетъ Марья Петровна.... Посовѣтываться развѣ съ отцемъ?... да нѣтъ, онъ такой *суровый*.... Марья Петровна не рѣшается объясниться съ мужемъ.... Она отправляется за совѣтомъ къ ворожеѣ; но, ни на кофею, ни на картахъ, ни на бобахъ *полюбовницы* невидно, — Марья Петровна въ *куварситетъ*, къ какому - то солдату, который изволите видѣть, умѣетъ вертѣть двумя большими шарами, да высказывать тайны сокровенныя, — вотъ и солдатъ вертѣлъ, вертѣлъ, а *полюбовницы* не вывернулъ ни съ которой стороны.... Что за акказія такая? И на шарахъ не видно.... Стало быть ужъ это зазноба какая-то мудреная? Нѣжная мать изъ *куварситета* отправляется за совѣтомъ и помощію къ Павлу Петровичу Протопопову, *шестидесяти-лѣтнему старцу, прозванному Батюшкою за благочестивую жизнь, начитанность и обширный умъ*.... Тутъ она встрѣчается прежде съ его женою, Матреною Ивановною....

Марья Петровна. Богъ въ помощь, матушка, Матрена Ивановна! Захлопотались вы! на васъ и прѣзника нѣтъ.

Матрена Ивановна. Ахъ свѣтъ мой, Марья Петровна! ужъ не възмите, что такъ застали меня, извините великодушно.... (*цалуетъ три раза*), что ты, дурища, не прибѣжала сказать мнѣ и пр.

Драматургъ умалчиваетъ: ту-ли ца(ѣ)луесть Матрена Ивановна, которую называетъ дурищей, или ту называетъ дурищей, которую цѣлуесть!... Поцѣловавшись съ кѣмъ-то три раза, хозяйка просить гостью *пригубить*, да *понатужиться*, а между тѣмъ, какъ та пригубливается, является и Батюшка... Марья Петровна тотчасъ къ нему съ поклономъ и давай объяснять *нуждицу*, которая ее привела.... Выслушавъ весь казусъ и *нуждицу*, Павелъ Петровичъ, какъ человѣкъ съ обширнымъ умомъ, а къ тому же и начитанный, начинаетъ говорить какъ книга и заключаетъ дѣло, сказавъ: *спрочемъ завтра, послѣ обѣда, я побываю къ вамъ; постараюсь склонить его* (т. е. сына) *къ откровенности*.... Пастаетъ это завтра, — на канунѣ котораго уже рѣшилась судьба страждущаго черною немочью.... Отецъ положилъ, что тутъ нечего *белендрясить* много; онъ знаетъ, что надо дѣлать съ Сашей.... Женить его, да и концы въ воду, къ тому-же и Куличевъ — богатый купецъ — не разъ заговаривалъ о своей дочери, а *старикъ-то въ миліонъ*.... Приходитъ это завтра, приходитъ и начитанный гость и встрѣчается съ *Горемычнымъ*, отъ котораго узнаетъ, что онъ хочетъ учиться — вотъ его *черная номочь*.

Какъ, какъ! что такое! учиться? чему учиться? — вскрикиваетъ *пораженный* человѣкъ обширнаго ума. Тутъ Горемычный начинаетъ

отхватывать чудесный монологъ.

Ахъ, ты мой Богъ!

Что за талантъ, за сила!

То *постепенно увлекаясь*, то *еще восторженнѣе*, то *сильнѣе*, то *падая на грудь Павла Петровича*, то *утирая слезы*, то *послѣ небольшого молчанія*, то *увлекаясь*, то *весьма сильно*, то *горько плача* и наконецъ *успокоившись*, Горемычный говоритъ три печатныя страницы.... За человѣка страшно!... Самый *человѣчный* монологъ, въ которомъ высказываетъ свою страсть къ наукѣ, въ которомъ говоритъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ *устанавливался* глазами на какомъ нибудь предметѣ и о томъ, какъ онъ иногда улыбался, да такъ, что на него никто не могъ смотрѣть.... безъ удовольствія.... Дѣло кончается тѣмъ, что Александръ Григорьевичъ на колѣнахъ, съ жаромъ цѣлуесть руку Павла Петровича. Другая рука Павла Петровича положена на голову Александра Григорьевича. — Въ эту торжественную минуту, не лишнюю, какъ видите, картиннаго положенія, является Григорій Ивановичъ и, выпроводивъ *гостя*, объявляетъ сыну, что онъ сыскалъ ему *невѣсту*, а чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, то *сговоръ* назначается послѣ завтра.

Александръ Григорьевичъ. И вы хотите, батюшка, чтобъ я женился?

Григорій Ивановичъ. Всенепременно!

Александръ Григорьевичъ. (*Отглаголю*). Рѣшительно вы говорите это мнѣ, батюшка?

Григорій Ивановичъ. Ну, да,

Александръ Григорьевичъ. Рѣшительно-ли вы говорите это, батюшка?

Григорій Ивановичъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Сколько силы, патуры и человѣчности, а сцена только въ пяти словахъ, повторенныхъ два раза.

О, бѣдный умъ человѣческой, какъ мало надо для тебя, чтобы свихнуть и зайти за разумъ.... Вѣдь послѣ этой крошечной сцены Александръ Григорьевичъ, готовый промѣнять свою невѣсту на какую нибудь плохую драму, или азбуку, почти въ помпшательствъ начинаетъ дико смѣяться и кричать: *Я женюсь! женюсь! чудный пиръ задамъ!...* А отецъ отвѣчаетъ: *ничего, пустяки.... билеберда!*

Но, вотъ и день *срашной смерти*, день сговора. На балъ являются первые гости, незваные, гг. Спичкинъ и Сосулькинъ, животныя, въ родѣ какихъ-то моншеровъ, какихъ не сыскать ни въ какомъ болотѣ, а паче того на Козьемъ.... Страшно вѣрить автору, что бы гости, какими являются здѣсь Спичка и Сосулька были одержимы такою черною немочью, въ припадкѣ которой они говорятъ тьму вздору.... Входитъ Иванъ Ивановичъ Плясовъ, лицо лучше всѣхъ обрисованное въ драмѣ, потому что онъ постоянно себѣ вѣренъ и кромѣ *ладно!* *ходитъ!*... ужъ ни... ни!... не промолвится!—За нимъ слѣдуютъ поочередно всѣ званые, все поштенное купечество, разумѣется, въ томъ числѣ съ невѣстою и Куличевъ. Последнему тотчасъ приказываютъ подать *сотлярнику*, а дѣвицамъ начать величаніе.... и вдругъ, въ эту веселую минуту, когда поются пѣсни и величаніе, когда гремятъ музыка и льется сотервякъ, а Плясовъ приговариваетъ: *ладно!* *ходитъ!*... является частный приставъ и объявляетъ Бурмистрову.... что сынъ его утонулъ.... *Долгое и общее молчаніе*. Григорій Ивановичъ начинаетъ рыдать, цѣлуетъ пшеномъ, найденное въ карманѣ сына и говоритъ: — Что-жъ замолчала музыка! что жъ перестали плясуны? (?) Дѣвицы! пойте свадебную пѣсню! пойте громче, громче, неустовѣ! Слышите; онъ женился, женился на Москвѣ рѣкѣ-матушкѣ. *Надаетъ на грудь частного, музыка играетъ, дѣвушки поютъ; (ой казусъ!)* Гости все въ ужасѣ.... Признаться.... и насъ морозъ пробираетъ.... мы тоже въ ужасѣ....

Прочитавъ или прослушавъ такую драму-былину, вами невольно овладѣтъ какая-то черная немочь, черная, въ полномъ смыслѣ этого слова,—отъ которой вы излечиваетесь не иначе, какъ при какомъ нибудь благодатномъ обстоятельствѣ, или при какой нибудь пріятной исторіи—вотъ хоть бы въ родѣ:

Домашней исторіи, оригинальной комедіи въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. П. И. Григорьева 1. Спб., 1850.

Петръ Николаевичъ Крутинскій, человекъ солидный, важный въ чинахъ, при деньгахъ... и въ нерасположеніи ко всему, что поставлено въ уровень съ коллежскимъ регистраторствомъ, т. е., по его мнѣнію, съ ничтожествомъ. Петръ Николаевичъ отыскалъ жениха своей дочери, которая гоститъ въ деревнѣ у дальней родственницы, Натальи Тимофеевны Уткиной,—и пишетъ ей—и

Велитъ безъ разсужденья,

Чтобъ дочь пріѣхала! что есть у ней женихъ.

Такое письмо, разумѣется, обрадовало бы всякую старую дѣву, дышащую на супружескій вѣнецъ, изъ подъ терноваго вѣнца дѣвственныхъ мечтаній; но для Вѣры Петровны, начавшей такъ усердно заниматься сиряженіемъ и склоненіемъ — съ племянникомъ Уткиной, Андреемъ Герасимовичемъ Курбетовымъ, письмо это было страшнымъ пораженіемъ.... Тѣмъ болѣе, что Курбетовъ и Вѣрушка, изучая русскій языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ сердца,

Знакомство такъ свели

По русски, искренно,—что тутъ и дружба вкралась,

А, чувство это какъ-то ужъ въ крови...

Потомъ *у нихъ* страстишка оказалась:

Пройти какъ слѣдуетъ, теорію любви...

И вотъ, въ это-то самое время, когда оказалась такая заманчивая страстишка, касательно теоріи любви, вдругъ получено вышепоименованное письмо.... Съ перепугу, съ отчаянія и въ попыткахъ Вѣра Петровна, бросая *теорію*, рѣшается на *практику*, при содѣйствіи г жи Уткиной, старушки доброй, милой, въ образѣ которой дай Богъ и вамъ и мнѣ встрѣтить родную бабушку, дѣлается женою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянною ученицею Курбетова. А вслѣдъ за тѣмъ всѣ трое отправляются изъ деревни къ Петру Николаевичу—начать *домашнюю исторію*.

Дѣло ясное: интрига начинается тѣмъ, что трое набѣдокурившихъ страдальцевъ находятся въ горькомъ положеніи, принскивая всевозможныя средства объясниться съ отцемъ и умилостивить его. Уткина труситъ, Курбетовъ также не изъ храбрыхъ.... Одна Вѣ-

ра остается Бобелиной въ этомъ трудномъ положеніи; но для увеличенія ихъ общаго зла, и для новаго интереса комедіи—являются еще къ Вѣрѣ Петровнѣ и женихи.... Первый изъ нихъ г. Болтовня, отчаянный фравтъ и человѣкъ пустой, какъ пуговица на кучерскомъ кафтанѣ, — потому-что онъ

Хвастаетъ и только вздоръ городить....

Другой — старыкъ, графъ Брацкій, у котораго и взглядъ какой-то азіатскій,

Да!... виноваты мы:—Киргизъ-Кайсацкій!

Послѣдняго, однако-жъ—не смотря на его степной взглядъ — отецъ предпочитаетъ первому; увѣряя стараго графа, что онъ чудесно сохранился, что онъ милъ, любезенъ и хорошъ, что онъ мужъ хоть куда!... Брацкій облизывается, корячитъ юношу и, тая отъ восторговъ и ожиданій, спѣшитъ къ г. Болтовнѣ, съ тѣмъ, чтобы упросить его отказаться отъ Вѣры. А между тѣмъ Курбетовъ уже побывалъ у Болтовни и расписалъ ему невѣсту, какъ нельзя краше, назвавъ ее

Чудовищемъ изъ всѣхъ земныхъ чудовищъ;

да кстати еще прибавилъ, что она немножко *помѣшана*.

Вслѣдъ затѣмъ, на общемъ домашнемъ совѣтѣ, Вѣра возстаетъ противу того, чтобъ сдѣлаться женою графа, который сухъ и тонокъ, какъ папириска,—а Курбетовъ со страха—возстаетъ на жену, доказывая ей, что слово отца—законъ!

— Помилуй!... Что ты дѣлаешь? говоритъ Вѣра мужу, — когда отецъ на мгновеніе оставилъ ихъ однихъ, — вмѣсто того, чтобы помогать намъ, ты портишь только все дѣло... Надо же когда вибудь этому кончиться... Время дорого!...

Иди теперь, открой ему нашъ бракъ... *

— Какъ бы не такъ!... Нѣтъ, матушка—супся-ка сама!... отвѣчаетъ мужъ. Вѣра начинаетъ усовѣщевать, уговаривать его и разговоръ ихъ печально подслушиваетъ Петръ Николанчъ.... Онъ узнаетъ страшную истину, и падаетъ въ изнеможеніи въ кресла.... Курбетовъ струсилъ.... онъ готовъ бѣжать, но жена его удерживаетъ и оставляетъ объявиться съ пораженнымъ отцемъ.

Крутинскій очнулся, онъ бѣсится, выходитъ изъ себя, когда узнаетъ, что дочь его

За ре-ги-стра-то-ромъ!! Нѣтъ, это невозможно!

Онъ, въ чаду своей досады и отчаянія, не видитъ Курбетова, передъ нимъ — нуль!... Нуль, потому только превращен-

ный въ сомнительный десятокъ, что съ нимъ соединена единица, близкая сердцу старика...

Вотъ глупыя, влюбленныя дѣвченки! (говоритъ онъ)

Кого изволятъ выбирать,

Кого изволятъ обожать,

Въ комъ нѣтъ ни чести, ни душенки!!

При этомъ чувство собственнаго достоинства, гордости и самосознанія просыпается въ робкомъ и перѣшительномъ Курбетовѣ; дрожа отъ волненія и возвысивъ голосъ, онъ говоритъ:

Пусть мы породой не равны...

Однакожь мой отецъ былъ честный русскій воинъ,

Погибшій некогда за честь родной страны!

Я человекъ простой и бѣдный, точно:

За то не негоди, не мотъ и не игрокъ!

По моему: была бѣ лишь совѣсть безпорочна.

А бѣдность — не порокъ!

Лишайте дочь приюта и имѣнья,

Мнѣ все равно: я такъ ее люблю,

Что съ помощью усердья и терпѣнья,

Трудами рукъ своихъ жену я прокормлю!

Брильянты, деньги, все передо мной кладите...

Не нужно! дѣло рѣшено!

Хоть сотни тысячъ вы теперь мнѣ предложите,

Все выброшу въ окно! (Охъ, сомнительно!)

Пусть я ничтоженъ, неизвѣстенъ,

Но я не меньше васъ самолюбивъ и честенъ!

Я чувствую во мнѣ таланты есть,

Такъ я всегда найду и деньги и дорогу!

Въ Россіи нынче, слава Богу,

Честнымъ трудомъ все можно приобрести!

Это озадачило Крутинскаго, этого ему и во снѣ не грезилось! Онъ начинаетъ думать, что зять его въ самомъ дѣлѣ, противу всякаго чаянія

Съ амбіціей... съ характеромъ... съ душенкой...

И тронутый мольбами прибѣжавшей дочери, начинаетъ уже смягчаться, приказываетъ воротить зятя, который готовъ сію минуту уѣхать съ теткой въ деревню, какъ является хорошо сохранившаяся мумія — киргизъ кайсакъ графъ Брацкій... Онъ застаётъ семейную сцену... и даже, по нѣкоторымъ двусмысленнымъ словамъ Крутинскаго, убѣждается въ справедливости словъ Болтовни, что Вѣра Петровна помѣшана. — Въ полномъ убѣжденіи, что у нея черная немочь, Брацкій отклапывается, въ ту минуту, какъ все начинаетъ дышать миромъ, согласіемъ и счастьемъ.

Интрига новаго труда г. Григорьева задумана не дурно и исполнена удачно: есть сцены, на которыхъ останавливаешься съ удовольствіемъ; такъ напр. сцена граматикальнаго разговора Киргизъ-Кайсака съ Курбетовымъ и сцена Кубертова съ женою и теткою... Правда, не вездѣ и не всегда модѣйскій стихъ слушается бойкаго пера автора; но надо сказать и то, что г. Григорьевъ не Н. В. Сушковъ!... У. г. Григорьева очень хороша пьеса, да все же въ ней, какъ неизбежно у смертнаго драматурга, дѣло, если не кончилось свадьбою, такъ началось ею, — а вотъ просимъ покорно взглянуть на

Комедию безъ свадьбы; соч. Н. В. Сушкова. Москва, 1849.

Какой любитель *родной* словесности, *родной* поэзіи, *роднаго* языка и *родной* комедіи, не помолодѣетъ при справедливой мысли о томъ, какъ снова заражается давно забытый русскій стихъ, давно забытая русская комедія, закованная въ плавный метръ?! Н. В. Сушковъ, подаривъ насъ комедию безъ свадьбы, положилъ на наше сердце такую жизненную, отрадную заплату — все-воскрешающаго, силовторнаго пластыря, какъ будто-бы переживилъ насъ вѣхъ на прельстительницахъ Пери, у которыхъ на груди ласки и восторги, въ глазахъ цѣлый эдемъ любви, а въ обѣихъ рукахъ по рогу изобилія.... Вы вѣрно читали «Метроманію» въ переводѣ Н. В. Сушкова?... Вы, стало быть, восхищались — Нѣтъ? — такъ напрасно.

Станемъ же наслаждаться комедию безъ свадьбы, будемъ любоваться естественностію дѣйствія, тонкостію средствъ, образованностію и легкостію обработки сюжета.... Выпишемъ хотя первую сцену.... Но, нѣтъ! выписывать, такъ выписывать все, а этого не позволять намъ: ни литературное прво, ни мѣсто, ни приличіе, ни то уваженіе, которое мы питаемъ къ выгодамъ г. Сушкова, ни даже, — самъ онъ! Расскажемъ только плацъ, только кавву, по которой жемчугомъ рюмъ.... Но, прочитайте только два, три стиха изъ комедіи безъ свадьбы и вы сами заговорите языкомъ Гафиза....

Мг Клязминъ, лпхой рубака, красавецъ, Марсъ въ гусарскомъ мундирѣ, первый волокита и любезникъ, обстрѣленный пглами огня всевозможныхъ очесъ, влюбляется въ прекрасные глазки графини Бабе, и клянется, что въ ней все очарованіе: отъ ласковой улыбки, до грозной морщинки. Мало этого: повѣса Клязминъ пишетъ даже ей въ альбомъ:

«Что напишу я въ книжкѣ вашей?

Вы молоды, любезны, хороши...

Да къ счастью вашему—и на несчастье наше,

Мы всё бы къ вамъ душой,—да вы къ намъ безъ души!»

Злодѣй все это говорилъ и дѣлалъ въ Твери; но едва только урвался въ Петербургъ и встрѣтился съ княгиней Адель, — вмѣсто новыхъ похвалъ, новыхъ клятвъ, новыхъ стиховъ въ альбомъ, повторилъ все тоже самое и ей... Но коварство Марса открылось... Подруги какъ-то встрѣтились, слычали стихи альбома, объяснились и рѣшили наказать жестокаго вѣтренника, играющаго сердцемъ женщины, какъ разбитою лорнеткою... Клязминъ не смущается встрѣкою женщиной и продолжаетъ на тотъ же мотивъ, на ту же самую тему варьировать свои любезности... Постой, коварный! Часъ твой близокъ!... Графиня и княгиня ставятъ красавца подъ перекрестный огонь кокетства, страстныхъ взглядовъ, очаровательныхъ улыбокъ — и наконецъ—открыто бросаются на него въ атаку, требуя, чтобъ онъ сказалъ: которую изъ нихъ онъ предпочитаетъ?... Ну, хотя по крайнѣй мѣрѣ, которая ужаснѣе изъ нихъ? Марсъ задумался.

Онъ сталъ крутить свои длинный усы...

княгиня.

Что же вы молчите?

клязминъ.

Я не Парисъ!

княгиня.

Однако-жь, если бъ вы теперь Парисомъ были?

клязминъ (*въ сторону*).

Поди тутъ — увернись!

графиня.

Которой бы изъ насъ вы яблочко вручили?

клязминъ (*полунавѣ*).

Я... просто... яблочко разрѣжу пополамъ... (*Молчаніе*).

княгиня (*приспѣвая*).

Карета у крыльца...

графиня (*приспѣвая*).

Пора на Невскій намъ! (*Уходятъ*).

клязминъ (*одинъ*).

Нѣтъ,—никогда такимъ мученьемъ

Гусарская не волновалась кровь!

(*За сценою графиня съ княгиней поютъ*).

«Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ!

Ужъ я не вѣрую въ любовь!»

клязминъ.

Вотъ жевщины! имъ все поется!..

(*Слышенъ стукъ отъѣзжающей кареты*.)

Не дурно кажется игралъ я роль свою?
 Вотъ все-жъ... комедія безъ свадьбы остается,
 И я сыгралъ... въ ни збу!

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ДАЧИ. Комедія въ 1 дѣйствіи, съ куплетами.
 Спб., 1849.

Извольте послѣ этого жаловаться на неурожай пьесъ, и въ особенности на неурожай комедій! Вотъ вамъ третія... Она не въ стихахъ... Такъ!... Но, вѣдь послѣ этого Цейланъ нашего Парнаса не напасется для насъ жемчугу рюмъ, если мы въ каждой комедіи пожелаемъ встрѣчать стихи... Да, и смѣемъ спросить васъ: чѣмъ ловкая, острая и рѣзвая проза уступаетъ бусамъ стиховъ Н. В. Сушкова?... По совѣти,—не знаемъ!... Вотъ хоть бы «Петербургскія дачи...» Правда, что заглавіе васъ немного обманываетъ: дачи вы видите только на декараціи; но тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ вамъ смѣяться отъ чистаго сердца, какъ глупая Ульяна, обронивъ полюбленную записку, переполошила всѣхъ постояльцевъ почтеннаго Брызгалова, заставивъ его повторить нѣсколько разъ своимъ жильцамъ: «Да не ходите, пожалуйста, по травѣ, завтра собираюсь косить!...» Случай очень простой и обыкновенный, случай, даже болѣе, чѣмъ обыкновенный... Федоръ Ивановичъ Рохинъ, должно быть, обожатель хорошенькихъ женщинъ, а быть можетъ, и честный человѣкъ, мечтающій о семейномъ счастьи, влюбляется въ свою сосѣдку, премиленькую дѣвушку Анету—и нацарапавъ ей посланіе, шлетъ его по назначенію со старою Ульяною... Но старуху попуталъ грѣхъ и она потеряла въ саду записку. Между тѣмъ, Рохинъ, напѣвая подъ аккомпаниманъ гитары какіе-то романсы, принимаемые сосѣдами за вой собаки, остается въ полномъ убѣжденіи, что грѣхъ дошелъ до принадлежности... и что судьба его должна рѣшиться скоро... Бѣднякъ! отъ не знаетъ еще того, что Анета уже просватана двумъ: дядею Владиміромъ Васильевичемъ Неволнымъ, испытывающимъ все наслажденіе — быть мужемъ ревливой жены, — за того, кого любить ея сердце; а теткою Марією Андреевною Неволной, испытывающею все наслажденіе быть женою молодого, красиваго и вѣтреннаго мужа,—за почтеннаго домохозяина, брандмейстера Брызгалова, который рекомендуется такъ:

Я незамѣченъ былъ ни въ чемъ,
 И человѣкъ-то не таковскій,
 Во всѣхъ мѣстахъ былъ мол. дцомъ.
 Себя всегда примѣрно велъ,

Хмельнымъ непопадался съ роду.
 Служа брандмейстеромъ прошелъ,
 Могу сказать, огонь и воду!
 Есть свой домишко, огородъ,
 Есть три коровки, двѣ лошадки,
 Одной жены недостаетъ...
 Тогда бы было все въ порядкѣ!...

Чего же больше?... Человѣкъ во всѣхъ статьяхъ.... И Марья Андреевна вѣрно бы покончила дѣло; но ей ужъ не до счастья другихъ, въ то время, какъ свое-то собственное въ образѣ Неволлина того и гляди, что уплыветъ по Карповкѣ—въ страну обѣтованную, вмѣстѣ съ молоденькою женою сосѣда Бирюкова, старого брюзги и ревнивца, готоваго повиснуть вмѣсто шведскаго замка на дверяхъ своей супруги.... Дѣйствительно осплый отъ простуды, и проклинающей петербургское лѣто, которое то и дѣло, что гвоздитъ дождемъ, старый Бирюковъ едва только выглянулъ вмѣстѣ съ солнцемъ и женою на свѣтъ Божій, какъ уже Неволлинъ утащилъ у него послѣднюю изъ подъ носу, а тутъ подвернулся на грѣхъ прямодушный Брызгаловъ, съ какою-то запискою, будто-бы найденною подъ окнами покинутаго мужа.... Въ то время, какъ страждущій Бирюковъ приходитъ въ ярость и бѣшенство, сживая въ рукахъ своихъ записку, писанную, по всѣмъ его расчетамъ—къ его женѣ Неволлинымъ, супруга послѣдняго, по старой и постоянной страстишкѣ обшариваетъ всѣ уголки въ бюро мужа, въ одномъ изъ нихъ находитъ записку слѣдующаго содержанія: *«Ваши упреки неспраседливы, — вы не на минуту не выходили изъ моей памяти. Анета.»* Ну, кому жъ больше написать такую гадость, какъ не женѣ Бирюкова, думаетъ Марья Андреевна—и бросается искать мужа, вмѣсто котораго находитъ въ саду почтеннаго страдальца. Встрѣча обоихъ ревнивцевъ—интересна, жива, натуральна и уморительна.... Бирюковъ упрекаетъ Неволлина дурными поступками мужа, а Неволлина упрекаетъ его вѣтренностію жены.... Дѣло доходитъ до ссоры и обморока.... Марья Андреевна падаетъ, прося помощи и воды.... На этотъ отчаянный вопль сбѣгаются всѣ, а брандмейстеръ съ возросомъ: гдѣ горитъ, и не выкинуло-ли изъ трубы? Но является Рохлинъ и по первой запискѣ невинность Неволлина торжествуетъ, а по второй Анета объясняетъ, что записка принадлежитъ ей, а написана къ тому, котораго любить ея сердце и ея дядюшка.... Пьеска задумана, какъ видите легко, но читается не безъ удовольствія. А вотъ вамъ и обращекъ куплетовъ, на счетъ петербургскихъ дачъ:

Надоѣла дача эта!
 Просто хотъ сойти съ ума!
 Въмѣсто *краснаго-то лѣта*,
 Здѣсь *зеленая зима*,
 Холодъ, сырость, непогода;
 Съ потолокъ течетъ струей;
 Плачутъ деньги и природа,
 А жильцы хотъ волкомъ вой.

Отъ дождя здѣсь все размыто;
 Каждый Божій день, съ утра,
 То гвоздитъ, какъ черезъ сито,
 То польетъ, какъ изъ ведра!
 Поневолъ, какъ въ берлогѣ,
 Здѣсь засядетъ всякъ изъ насъ:
 Сдѣлай шагъ — промочишь ноги,
 Высунь носъ — насморкъ тотчасъ.

Въ двери, щели и въ окошки
 Вѣтеръ ходитъ здѣсь и тамъ...
 Мухи, комары и кошки
 Спать мѣшаютъ по почамъ!
 Дневъ, какъ на смѣхъ, спозаранки (а)
 Всѣ бродяги набѣгутъ;
 Скрипки, трубы и шарманки
 Такъ вотъ уши и дерутъ!..

Гонимъ ихъ, они сильнѣе
 Дуютъ, что ни говори;
 Бросишь гривенникъ скорѣе,
 Только чортъ васъ побери!
 Чуть немножко потеплѣе —
 Выйдъ — и встрѣтятся съ тобой:
 Этотъ съ пластыремъ на шеѣ,
 Тотъ съ повязанной щекой.

У того надумо въ уши,
 У другаго зубъ болитъ,
 Этотъ съ флюсомъ, тотъ въ коклюшѣ,
 Тотъ синитъ, другой хрипитъ....
 Точно всѣ изъ лазарета
 Вырвались отъ лекарей...
 Это — сѣверное лѣто!
 Это — дачи у людей!

Новый Саміель, или Право пожизненнаго владѣнія. Комедія съ куплетами, въ 1 дѣйствіи. Соч. (?) П. Каратыгина. Спб., 1849.

Еслибы молодой Бирбанскій жилъ въ наше блаженное время, когда *нѣтъ больше несчастія въ любви*, то онъ былъ бы счастливѣйшій смертный: не пилъ бы ромъ стаканами, а горе полною чашей, и по его милости почтенному папу Чертовичу недосталось бы жить двумя жизнями, самыми тяжкими, какъ вы сейчасъ узнаете. — Роза Олесницкая была въ полномъ смыслѣ роза, свѣжая, благоухающая — словомъ такая, что горячее сердце Бирбанскаго не устояло — оно полюбило этотъ цвѣтокъ, — цвѣточекъ полюбилъ его. Но вдругъ — всегда такъ бываетъ, гдѣ бѣсъ самъ не сможетъ, тамъ бабу пошлетъ — и послалъ онъ какую-то вдовушку разрушить счастье двухъ сердець и состряпать комедію. Вдовушка, по общей слабости вдовъ, желая завербовать богатаго мужа въ лицѣ Бирбанскаго, насплетничала на бѣднаго улана и двери эдема для него затворились. Съ отчаянія, съ горя, угнетенный любовникъ сѣлъ въ кибитку и поскакалъ въ Вильну, для того, чтобы оттуда выѣхать обратно, какъ говорится верхомъ на палочкѣ. Такъ и случилось. Проклиная вдову и воспѣвая розу, онъ началъ запивать горе виномъ, развлекать грусть-тоску мѣлкомъ да картами — и въ одинъ прекрасный зимній вечеръ развлекся до того, что спустилъ все свое наличное. Вотъ, какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ гадкомъ обстоятельстве: «Судьба точно смѣялась надо мною: что ни карта, то «убита... проиграно было много, выпито еще больше, игроки забастовали, дошло до расплаты, въ эту адекую минуту — подвернулся какой-то нечистый духъ — выложилъ пукъ ассигнацій, «разсыпалъ груды золота... у меня голова пошла кругомъ... этотъ «дьявольскій спекуляторъ предложилъ мнѣ любовную сдѣлку, и «въ четверть часа все было кончено! Я ему передалъ пожизненное право, онъ мнѣ отсчиталъ наличныя деньги, я расплатился «съ долгами... въ два года прожилъ остальное и теперь»... Словомъ любовь, вдовушка, вино и карты — такъ любовно размѣживали все достояніе Бирбанскаго, что онъ остался ровно не причемъ, потерявъ даже кредитъ у всемірныхъ казначеевъ. Но судьба и новый Саміель, купившій право пожизненнаго владѣнія у Бирбанскаго, еще бодрствовали надъ несчастнымъ, особенно послѣдній, для котораго смерть должника была страшнѣе собственной. Онъ не уставалъ съ отеческою заботливостію хлопотать о здоровьи того, съ чьею жизнею лопалось его благополучіе. Этотъ

Саміель — никто иной, какъ панъ Чертовичъ, человекъ събѣ на умѣ, который ставилъ свою копѣйку ребромъ въ такомъ только случаѣ, если надѣялся, что она, упавши, превратится въ рубль, и который теперь не спитъ ночей, озабоченный развратною жизнію Бирбанскаго. — Господи, думаетъ онъ, ну ужъ пусть бы этотъ безпардонный кутило пилъ, какъ человекъ, а то вѣдь пьетъ, какъ лошадь... Ну долго-ли до грѣха... обошется, утонетъ въ винѣ... и купайся я тогда съ нимъ! — Ему бы очень хотѣлось, чтобы Бирбанскій пилъ лимонадъ, аршадъ, кремортартаръ, словомъ, чтонибудь въ этомъ невинномъ родѣ, а тотъ пьетъ ромъ, лафитъ, пушшъ и цѣлыя ночи рѣжется въ карты съ друзьями, проживая въ какомъ то дрянномъ трактирѣ. Чертовичъ подсылаетъ къ нему даже доктора Каплицкаго, который наубѣду старый другъ и пріятель оставнаго улана, и курсъ леченія начинается съ того, что старые друзья отправляются — объѣдаться устрицами и запивать ихъ шампанскимъ. Бѣдный панъ Чертовичъ въ совершенномъ отчаяніи; одно средство успокоиться, одно средство сбросить съ себя эту тяжкую заботу, это перепродать право. У Чертовича есть другъ и пріятель, панъ Грошевичъ. — Какъ бы его надуть? думаетъ онъ, а панъ Грошевичъ какъ тутъ, легокъ на поминѣ. — Торгъ начинается, но пріятеля не надуешь, онъ самъ чрезвычайно тонкій плутъ, понимаетъ, въ чемъ дѣло. Однако, послѣ просьбъ, слезъ, и сильныхъ убѣжденій, Чертовичу удается привести дѣло къ концу и сбыть право за 30 тысячъ злотыхъ; но въ ту минуту, какъ старый жидъ дрожащею рукою готовъ подписать условіе, является Филиппъ, слуга Бирбанскаго, съ лекарствомъ для барина — и перо падаетъ изъ рукъ Грошевича. — Нѣтъ, говоритъ онъ, пусть полечится. — Да, что ты, Богъ съ тобой, восклицаетъ озадаченный Чертовичъ, вѣдь это лекарство отъ избытка здоровья... на... на, смотри, я самъ его буду пить... И онъ пьетъ отвратительную микстуру, приговаривая: прелесть... амбра!.. Амброзія... на... попробуй самъ... Но ужъ пана Грошевича и слѣдъ простылъ. Голова пошла кругомъ у Чертовича, въ желудкѣ началось урчаніе, въ глазахъ потемнѣло, онъ чувствуетъ, что ноги его не держутъ — и опускается на стулъ. Но приходъ полулявшаго Бирбанскаго возвращаетъ его къ жизни или, лучше сказать, къ новому отчаянію. Бирбанскій прочелъ въ газетѣ, что Жермани, подымаясь въ двѣнадцать часовъ въ воздушномъ шарѣ, приглашаетъ съ собою попутчика — и улану непременно хочется испытать наслажденіе воздушнаго путешествія, тѣмъ болѣе, что ему жизнь — копѣйка, онъ говорить:

Къ чему мнѣ жизнью дорожить?
 Судьба все къ лучшему устроитъ.
 Ну, что за жизнь, какъ нечѣмъ жить?
 Безъ денегъ жизнь — гроша нестоитъ!
 Могу сказать я — какъ Ахиллъ:
«Я мало жилъ — да много прожилъ!»
 Кому по мнѣ здѣсь горевать?
 Я весело прощусь съ друзьями;
 Лишь стануть слезы утерать
 Жиды мопни векселями!

А бѣдному владѣльцу пожизненнаго права даже и утереться нечемъ, хоть слезы брызнули у него обильнымъ источникомъ. «Нѣтъ, говорить онъ, я васъ не пушу! — Сломите себѣ шею, голову, что тогда съ моею-то будетъ?.. Живите, ради Бога, живите... жизнь хороша, очень хороша: посмотрите... вонъ пидѣйка, будочникъ, вонъ извозчикъ, вонъ осель... всё это наслаждается жизнью, а вы?.. Нѣтъ, не пушу.» — Но уговорить Бирбанскаго не такъ-то легко, онъ непремѣнно хочетъ подняться за облака, чтобы оттуда плюнуть на своихъ кредиторовъ... Чертовичъ, желая удержать его какъ нибудь до двѣнадцати часовъ въ трактирѣ, обманомъ вталкиваетъ своего мучителя въ соседній номеръ, занятый паномъ Олесницкимъ и его дочерью, къ которой онъ уже присватался, и запираетъ дверь на ключъ.

Въ эту минуту лекарство начинаетъ дѣйствовать въ желудкѣ несчастнаго, а къ довершенію зла, является и панъ Олесницкій, готовый пройти въ свой номеръ; но Чертовичъ загораживаетъ ему дорогу, умоляя подождать до двѣнадцати часовъ и не отворять дверей. Мнѣ, говоритъ онъ, только и нужно, чтобы онъ высидѣлъ тамъ эти немногія минуты.» — Кто такой?... Кто онъ? спрашиваетъ испуганный отецъ. Отоприте... сейчасъ отоприте! Начинается шумъ, борьба, сбѣгаются слуги — и въ это мгновеніе бьетъ двѣнадцать часовъ. Теперь Чертовичъ спокоенъ и отпираетъ дверь; но за нею, кромѣ Розы и Маргариты, никого нѣтъ. Бирбанскій, заслышавъ шумъ и сберегая честь той, которую онъ такъ любилъ и съ которою такъ неожиданно встрѣтился — выпрыгнулъ въ окно. Новый ударъ для ростовщика; съ крикомъ: улетѣлъ! онъ кидается преслѣдовать свою жертву, а между тѣмъ, въ его отсутствіе Бирбанскій успѣваетъ примириться съ отцомъ Розы и придумываетъ прекрасный планъ покончить дѣло для общей пользы. Для этого онъ пишетъ записку такого содержанія. «Потерявши тебя, прелестная Роза, ничего мнѣ больше не осталось, какъ всадить себѣ пулю въ лобъ. Прощай, будь счастлива и помни обо мнѣ!... Когда ты получишь это письмо

меня уже не будетъ на свѣтѣ.» Записка отдана Филиппу, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее, какъ перехваченную, Чертовичу. Слуга ловко исполнилъ порученіе — и совершенно добитый своимъ горемъ ростовщикъ съ воплемъ «караулъ!» кидается къ Бирбанскому, хватая его за обѣ руки, въ которыхъ по разряженному пистолету. «Леонушка, голубчикъ! Поживи хоть немножко!», говоритъ онъ; но Леонъ соглашается жить только въ такомъ случаѣ, когда, во-первыхъ, Чертовичъ уступитъ ему Розу.... — Ну... ну, пожалуй — бери! отвѣчаетъ ростовщикъ; во-вторыхъ, когда онъ согласится ждать долгъ съ пана Олесницкаго. Ну... и то ладно; — а въ третьихъ, когда онъ возвратитъ ему пожизненное право и согласится получать уплату посрочно.... Дѣлать было нечего — Леонушко говорилъ все это такъ серьезно и такъ мастерски нацѣливалъ дуло пистолета въ свой лобъ, что Чертовичъ, вздохнувъ изъ глубины души, махнулъ руками и на все согласился.

Вотъ содержаніе комедіи, чрезвычайно оригинальной и остроумной, принадлежащей перу талантливаго польскаго писателя графа Фредро. Характеръ Чертовича необыкновенно хорошъ; сцена его съ Грошевичемъ и Бирбанскимъ въ минуту, когда онъ умоляетъ послѣдняго пожить хоть крошечку, хоть полгодика — вѣрны природѣ и полны юмора и комизма. Г. Каратыгинъ довольно ловко сократилъ и переделалъ ее на русскій языкъ и если его можно упрекнуть, такъ развѣ только за то, что изъ разговоровъ, часто въ русскомъ духѣ, не довольно ясно видно, что дѣйствіе происходитъ въ старой Польшѣ, а не въ Россіи. Но пьеса читается съ большимъ удовольствіемъ, и оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе.

Но, вотъ, что вы прикажите говорить о такой пьесѣ, которая не читается, ни на тошахъ, ни на соизъ грядущій, ни даже въ минуту самой отчаянной скуки; въ которой не добьешься никакого толку, хоть будь это самъ

Женихъ безъ фрака, или вотъ каковы друзья! Комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго *А. Акимовымъ*.

Фредерикъ, молодой докторъ, могущій, по выраженію его друга, пользоваться только собаками — да и то съ грѣхомъ пополамъ, является къ своему дядѣ г. Жигоне и привозитъ съ собою своего пріятеля, большаго повѣсу Артура Моннино, который, Богъ знаетъ для чего, называется лакеемъ своего пріятеля, говорить премного глупостей, бьетъ три тарелки, обѣщается побить почтеннаго и настоящаго лакея Медара, а къ довершенію всѣхъ ка-

зусовъ — узнаеть въ невѣстѣ Фредерика свою возлюбленную, а въ г-жѣ Февисонъ свою старую знакомую — за нею онъ только волочится, а на мамзель Камиллѣ — изъ дружбы къ Фредерику, который носитъ его пантолоны и фракъ, — женится. Вотъ въ чемъ вся исторія, пренеплохо и неискусно очерченная. Въ добавокъ, она еще украшена куплетцами, въ родѣ слѣдующаго:

Я по уши въ нее влюбился,
И даже сна совѣмъ лишился,
Къ окну *ужъ* жить переселился,
Ну, просто обезумѣлъ я.
Вотъ мы *ужъ* стали объясняться,
Чортъ дернулъ тетку догадаться;
Ну, и она давай являться —
Ужъ разговаривать нельзя.
Но тутъ *ужъ* съ ней мы объяснились
По телеграфу —
Иль плакали (,) или смѣялись — (для рѣшмы)
Ужъ это тѣшило меня.
По вечерамъ она бывало,
Обера арію пѣвала...
Когда-жъ она переставала,
Тутъ на трубу пльнялъ ужъ я.
Ну, по всему замѣтно было,
Меня *милашка* полюбила,
А тетку за носъ лишь водила...
Вотъ тутъ *уже* рѣшился я...

Не правда-ли, какъ милы стишки, въ которыхъ *ужи* ползаютъ въ каждой строчкѣ! А эта острота касательно трубы — прелесть! — Въ другомъ *кушлетѣ* говорится, что Юпитеръ —

Орлиными крыльями Леду ласкалъ.

Это ново! А мы въ простотѣ души, до водевиля г. Акимова, вѣрили старинной сказкѣ, что Юпитеръ являлся къ Ледѣ подъ видомъ лебедя, у котораго крылья были вовсе не *орлиныя*. Книжка напечатана очень красиво и опрятно, но пренеполнена самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ.

Минеральныя воды, водевилъ въ 1 дѣйствиіи. Переводъ съ французскаго Д. Ленскаго. Москва, 1850.

Г-нъ Валькуръ, богатый негоціантъ, человекъ прекраснаго и здороваго сложенія, но къ несчастію, очень слабъ душою. Жена Валькура, при взрослыхъ дочеряхъ, любитъ покетничать и попрыгать въ

сѣдлѣ и на паркетѣ. Онъ уѣхалъ по дѣламъ изъ Парижа раздраживъ за нѣсколько дней до своего отъѣзда свою супругу отказомъ въ покупкѣ дачи и абониментѣ на ложу въ оперу. Жена, съ отчаянія, съ дѣтми уѣхала на минеральныя воды и пользуется тамъ дружбою и умными совѣтами молодого доктора Адольфа, который, сказать между нами, еще только думаетъ быть когда-нибудь Эскулапомъ. Но его рецепты такъ милы, такъ удачны: онъ прописываетъ балы, катанье верхомъ, прогулки, новыя платья, словомъ все то, что такъ прекрасно исцѣляетъ всѣ дамскіе недуги. Самъ же онъ, ухаживая за ма амъ Валькуръ, по уши влюбленъ въ старшую дочь ея, Евгенію.... къ которой даже пересылаетъ записочку, полную клятвъ и мольбы, приказывая, впрочемъ, слугѣ при отдачѣ ея назвать посланіе *рецептомъ*. Но вотъ, въ то время, какъ мадамъ Валькуръ, скачетъ на бѣшеномъ конѣ и говоритъ любезности молодому доктору, мужъ ея останавливается проѣздомъ на водахъ и привозитъ съ собою какого то Бильбоке, уморительнаго чудака, — назначеннаго Валькуромъ въ мужа Евгеніи. Адольфъ узнаетъ въ новомъ гостѣ своего соперника и, увѣривъ его, что онъ опасно болѣнъ, отправляетъ въ самую горячую ванну.... Бильбоке повинуется съ наслажденіемъ, но въ то время, какъ онъ, требуя 30 градуснаго тепла, колпака и халата, купается въ мечтахъ и въ ваннѣ, бѣдный докторъ попадаетъ самъ въ просакъ.... Пріѣзжаетъ его отецъ, уже настоящій Эскулапъ, старый другъ Валькура. — Старикъ радъ до слезъ, что сынъ его докторъ и началъ практиковать. Собратъ мой по Иппократу! восклицаетъ онъ —

Приди, мой другъ, въ мои объятія!
 Приди, прижмись къ моей груди:
 Ты мой наслѣдникъ, безъ изытѣя,
 Тебя ждетъ слава впереди.
 Да, онъ прославится, повѣрьте,
 За это я ручаюсь вамъ.
 Лечи, мой другъ, лечи до смерти,
 И слѣдуй по моимъ стопамъ.

Тутъ же представляется случай къ экзамену, во время обморока Евгеніи. — Но мы выищемъ эту маленькую сцену, полную водевильной жизни.

Мюрваль. Ну, г. докторъ! во имя Корвизара и Галена, начнемъ...
 Quia dicis?

Отд. VI.

Адольфъ (*смѣшавшись*). Я думаю, батюшка, что... такъ, какъ болѣзнь была еще довольно слаба... то... неожиданность... и волненіе... при встрѣчѣ съ своимъ родителемъ... радость при видѣ его...

Мюрвилъ. Иа, иа... смѣлѣе, сынъ мой! побольше увѣренности!... въ нашемъ дѣлѣ это главное: а то ужъ и такъ намъ плохо вѣрятъ... Ну, а скажи мнѣ: прежде этого событія, какимъ образомъ развивалась болѣзнь, и какія средства были тобой употребляемы? — (*Валькуру*) Извини, мой другъ: мнѣ хочется видѣть, какъ понимаетъ онъ науку!

Адольфъ. Но, позвольте, батюшка въ другое время....

Евгенія. А почему-жъ не теперь?... Мнѣ очень пріятно будетъ слышать вамъ похвалы, которыя вы вполне заслуживаете.

Адольфъ (*въ сторону*). И она туда же! пѣтъ средства выпутаться!

Мюрвилъ. Я съ ними согласенъ: къ чемуэта неумѣстная скромность? — Я буду очень радъ видѣть хоть одинъ изъ твоихъ рецептовъ.

Евгенія. О, если такъ, извольте, я вамъ покажу. Сама я не понимаю, и потому не читала... Но вотъ, что давеча они мнѣ прописали... (*Отдаетъ записку*).

Адольфъ (*тихо*). Что вы дѣлаете?...

Мюрвилъ. Ба!... за печатью!... (*Читаетъ про себя, вполголоса*). «Если нѣжнѣйшая [моя любовь....» Признаюсь! удивительный, небывалый рецептъ!...

Адольфъ. Батюшка!...

Валькуръ (*Мюрвилю*). Вѣроятно по новой методѣ пользуется?

Мюрвилъ. Совершенно по новой... хотя простыми средствами...

Евгенія. Однако жъ хорошо, неправда ли?

Мюрвилъ. Очень хорошо; приемъ сильный, и съ-разу можетъ подѣйствовать.... Такъ онъ этакъ-то васъ лечитъ?

Евгенія. Да-съ!... и меня, и сестрицу, и маменьку!

Мюрвилъ. Прошу покорно! все семейство!

Валькуръ. Что съ тобою?... Развѣ что не такъ, и есть ошибка?

Мюрвилъ. Да не безъ того!... Кто молодъ не бывалъ!... Но, Богъ дастъ, я все поправлю.

Мюрвилъ добрый другъ, хорошій отецъ и старый докторъ, коротко знакомый съ человѣческой натурою, — улаживаетъ все дѣло, сына женить на Евгеніи, а Валькуру совѣтуетъ уступить женѣ и востращавъ послѣднюю катаплазмами — выманиваетъ ее въ Парижъ оперою, на которую абовировался мужъ, и дачею, которую купилъ тотъ же мужъ.... Всѣ совершенно счастливы, даже и Бильбоке, заплатившій доктору впередъ за двадцать визитовъ. О достоинствѣ языка пьесы мы умалчиваемъ, потому-что имя автора давно знакомо нашимъ читателямъ. Но въ

заключеніе, не можемъ не привести нѣсколько образчиковъ куплетовъ, по которымъ видно, что въ г. Ленскомъ прежнее остроуміе еще не остыло.

Вотъ новая теорія медицины для дамъ:

Въ нашъ вѣкъ медицина
 Постигла свое;
 Не фактъ, а причина
 Важна для нее.
 Мы нынче не любимъ
 Латинскихъ мытарствъ,
 Здоровья не губимъ
 Наборомъ лекарствъ.
 А главное дѣло
 Извѣдать въ тиши —
 Болѣзни — не тѣла —
 Болѣзни души.
 У насъ въ гигиенѣ
 Всѣ средства легки:
 Концъ ртъ — отъ мигрени,
 Кадриль — отъ тоски;
 Спектакль интересный
 Полезенъ подчасъ.
 г-жа валькуръ. (въ восторгѣ).

Вы докторъ чудесный —
 Я слушаю васъ.

А вотъ описаніе Минеральныхъ водъ, ихъ дѣйствія и пользы:

Ты здѣсь людей увидишь всѣхъ сортовъ:
 Вельможъ, купцовъ, артистовъ, игроковъ.
 Спѣшатъ сюда купаться на водахъ —
 А между тѣмъ купаются въ долгахъ.
 У дамъ въ умѣ одно лишь щегольство,
 А у мужчинъ игра и мотовство;
 И чистятъ здѣсь не кровь, а кошельки —
 Пирры, балы, швен и игроки.
 Серьозно-больные
 Не ѣздить сюда:
 Вояжи такіе
 Лишь кассѣ бѣда.
 Повѣрь, будь покоенъ,
 Увидишь, дай срокъ:
 Въ здоровьи разстроены
 Лишь твой кошелекъ.

А вотъ куплетцы на счетъ итоговъ житейскихъ:

Иной по счету забираетъ
И противъ цѣнь не возражаетъ,
А подведутъ ему *итогъ*....
Помилуй Богъ!

Иной по клубамъ развѣзжаетъ
И тамъ по *маленькой* играетъ,
А сложитъ годовой *итогъ* —
Помилуй Богъ!

Жена безъ памяти мотаетъ,
Беретъ въ кредитъ, а мужъ не знаетъ,
А какъ прочтутъ ему *итогъ* —
Помилуй Богъ!

Библиотека избранныхъ театральныхъ пьесъ. Томъ I.
Книга первая. Изданіе А. С. — Спб., 1850.

Вотъ маленькая книжечка, которая силится надѣлать много шуму, но едва ли достигнетъ своей цѣли. Эта «Библиотека избранныхъ театральныхъ пьесъ» — есть ничто иное, какъ миниатюрная брошюрка, въ пять листовъ печатныхъ, въ которой помѣщены три пьески: «*Богатая старушка*» г-на Анца, — «*Довольно*» и «*А. и Ф.*» П. С. Оедорова. Въ свое время мы высказали уже свое мнѣніе въ *Театральной Лѣтописи* о достоинствѣ этихъ пьесокъ, теперь намъ остается только прибавить, что «*Богатая старушка*» безъ театральной иллюзии и такихъ талантовъ, какъ г-жа Сосницкая, Вѣра Самойлова, Мартыновъ, Самойловъ и Марковецкій, потеряла 99 процентовъ. Вся блѣдность и неоконченность характеровъ выступила наружу и недостатокъ драматическаго движенія сдѣлался очень ощутителенъ. Всѣ лица говорятъ однообразнымъ языкомъ и притомъ языкомъ книжнымъ. Вообще, она дочитывается до конца съ большимъ трудомъ. Притомъ еще, очень странная манера раздѣлять всѣ слова точками мѣшаетъ часто добратся до смысла рѣчи. «*А. и Ф.*» забавный водевилъ и въ четвѣтнѣ, а «*Довольно*» мѣстная и временная шутка, написанная кстати и на-скоро. Теперь ея дѣйствіе стало уже анахронизмомъ и не срываетъ болѣе улыбки. Изданіе, за исключеніемъ обертки, довольно чистенькое, но къ сожалѣнію, оно преисполнено самыхъ грубыхъ граматическихъ ошибокъ и безчисленнымъ количествомъ опечатокъ. Опечатки можно еще извинить въ журналѣ, изданіи срочномъ, но въ книжкѣ, которая издается на досугъ и не къ спѣху — онѣ непростительны. Грамматическія же ошибки свидѣтельствуютъ о плохой редакціи. Брошюрка эта стоитъ 60 коп. сер. Дороговато! Г-нъ Плюшаръ очень полненькіе то-

мики своей «Библиотеки Романовъ» продаетъ только по 25 к. сер. Больше и эта книжечка не стоитъ.

Мысль издать «Библиотеку избранныхъ театральныхъ пьесъ» была бы вовсе не дурна, но только не при такомъ исполненіи, какъ эта брошюрка. Библиотека должна бы заключать лучшія пьесы каждаго драматическаго писателя, разбросанныя по журналамъ или давно уже изданныя отдѣльно и вполнѣ оцѣненные публикой и критикою. Она должна бы быть сборникомъ, въ родѣ *La France dramatique*, или *Le Magazin Théâtral*, и при необыкновенной дешевизнѣ доставлять любителямъ драматической литературы все лучшее по этой части. Въ настоящемъ видѣ она никогда не достигнетъ цѣли и мы даже имѣемъ всѣ причины сомнѣваться въ ея долговѣчности. Во время прошлагодней, временной остановки изданія *Пантеона*, всѣ журналы вакнулись на его специальную собственность и раздѣлили ее между собою, какъ законное наслѣдіе. Всѣ начали печатать театральныя пьесы, которыхъ авторы не хотѣли издать отдѣльно. Даже учено-литературные журналы, довольно забавно открывали свои объятія пріюту *водевиллямъ*, противъ которыхъ прежде вели такую ожесточенную войну, и которые въ самомъ «Пантеонѣ» прилагались, какъ отдѣльныя статьи, для домашнихъ сценъ и провинціальныхъ театровъ, безъ отвѣтственности редакціи за ихъ литературное достоинство. Нынѣ «Пантеонъ» опять вступилъ въ свои права: все лучшее, явившееся на нашей сценѣ въ нынѣшнемъ году, уже отчасти въ немъ помѣщено, отчасти пріобрѣтено для слѣдующихъ книжекъ. Другіе журналы также взяли часть изъ насущнаго репертуара. Что же осталось на долю этой «Библиотеки избранныхъ театральныхъ пьесъ»? Изъ чего она будетъ избирать? Изъ оборыщей, забракованныхъ публикою и изыщнымъ вкусомъ. Это не поведетъ ее далеко. Напримѣръ, у насъ имѣли успѣхъ двѣ пьесы: «Цыганка» и «Бѣдовая дѣвушка», обѣ болѣе чѣмъ ничтожны, но ихъ на сценѣ оживляли цыганскія пѣсни и передразниванье г-жею Самойловою итальянскихъ артистовъ. Этого напечатать нельзя — значитъ останется одна только рамка, совершенно пустая. Если «Библиотека избранныхъ пьесъ» будетъ печатать такія издѣлія и дальнѣйшія творенія г-на Анца, она зачахнетъ прежде, чѣмъ успѣетъ опериться. Публика нынче разборчива, она умѣетъ сразу понять въ чемъ дѣло и громкое названіе, и громкія *похвальныя статейки* не введутъ ее въ соблазнъ, особливо, когда этотъ соблазнъ стоитъ довольно порядочныхъ денегъ.

Голенъкій—охъ! А за голенъкимъ Богъ. Русская народная былина въ лицахъ, Соч. г. Владимірова.

Какъ-то разъ въ праздникъ, подь Ярославлемъ, разгулялись мужики въ деревнѣ... Ну, вѣстимо, веселье русскаго челоуѣка начинается съ пѣсви, да только, Богъ ихъ любви, начали-то они не старинною, задушевною пѣснею, которую сложили время и прадѣды, а какою-то своего собственнаго издѣлія, съ такими вычурами, что и Боже упаси!... дѣло-то и вышло дрянъ... Молодо зелено, отъ старины поотстало, словъ много, а въ иныхъ смыслу нѣтъ.... Вотъ староста думалъ, думалъ — кой прахъ, не клеится — не цѣдится, да и говорить.:

Ваня! Нацѣди-ка
Кавалеру кружку
Браги изъ боченка!
Да и самъ поди-ка
Послушать—что будетъ
Разказывать дядя!

А дядя то этотъ старый солдатъ Рубцовъ — краснобай артельный, хлебнулъ браги, покрутилъ усь, еще хлебнулъ и сталь разказывать о томъ, какъ царь Петръ Алексѣевичъ завоевалъ Петербургъ да билъ Шведовъ—перубленннхъ.... Славное дѣло задумалъ разказать Рубцовъ, да гдѣ-жъ ему! — онъ только добрый малый, а разказикъ преплохой, душа-то въ немъ солдатская, богатырская, а ужъ прыти-то на слово и нѣтъ.... Вотъ, кабы Кремневъ, или Теселкинъ поразказали кое-что ярославцамъ такъ Рубцовъ послѣ и посовѣстился-бы крещенный міръ морочить, да называть *нѣмецкимъ сортомъ* разлихихъ такихъ командировъ, какъ Минихъ и Лефортъ. Но, однако — ничего... онъ таки кое-какъ досказалъ начатое, гдѣ стихами, гдѣ рубленой прозой, а гдѣ и такъ себѣ, какой-то середкой на половинѣ. Мужики были не взыскательны, отвѣсили ему по поклону, да и давай въ запуски пѣть да выплясывать, а тутъ и подвернись на глаза доброму солдату бездомный бобыль Василій, да еще влюбленный кетати. Эхъ! расчувствовался служба: на, говорить — молодець — тебѣ семь сотъ кровныхъ рублей — женись... не поминай меня лихомъ, — не кори за дурные стихи, которыми разказываю дѣянъя того, который переродилъ Русь-православную....

За русскіе простонародные нравы надо браться съ большимъ талантомъ.

Мы когда-то говорили объ этой былинѣ, по случаю паденія ея на Александринской сценѣ, но ничего не сказали о стихахъ ея — чрезвычайно *водянистыхъ*....

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОВЪ АБАЗИИ.

(Воспоминанія офицера, бывшаго въ плъну у Абазеховъ).

АБРЕКЪ ШИРАРЪ НУРЫСЕДЪ.

Что такое абрекъ? *Рассказъ изъ жизни Ширара-Нуриседа*: Рассказаніе. — Абазинская пѣсня. — Юзейла. — Дорогой конь. — Ссора. — Жены гяуровъ. Прерванный рассказъ. — Сомнительный наѣздникъ. — Въ дорогу! — Зюма. — Поясъ Зюмы. — Праздникъ. — Гость Джиридь. — Заарканенный тигръ. — Тайна. — У цѣли. — Трупъ.

Намъ остается еще сказать объ обрядахъ воинскихъ, или предбитвенныхъ (гярги асырь) и религиозныхъ; но о первыхъ мы скажемъ въ статьѣ о тактикѣ горскихъ хищниковъ и ихъ наѣздахъ, а о послѣднихъ въ статьѣ о *тройственной* религіи абазеховъ. Теперь же переходимъ къ абрекамъ горной Абазии. Абрекъ — слово изобрѣтенное кабардвцами и взятое у нихъ абазехами, только на поддержаніе, значитъ — *заклятый*. Въ самомъ дѣлѣ, никакое слово такъ рѣзко не высказываетъ назначенія челоука, разорвавшаго узы дружбы, кровнаго родства, даже молочнаго братства; челоука, отказавшагося отъ любви, чести, совѣсти, состраданія — словомъ отъ всѣхъ чувствъ, которыя могутъ отличить челоука отъ звѣря.... И абрекъ по истинѣ есть самый страшный звѣрь Абазии — опасный для своихъ и чужихъ.... Кровь — его стихія, кинжалъ — неразлучный другъ, самъ онъ — вѣрный и неизмѣнный слуга шайтана! Если вы завидѣли въ горахъ кабар-

динку, опушенную бѣлымъ шелкомъ шерсти горнаго козла, а изъ подъ этихъ прядей шелка, раскинутыхъ вѣтромъ едва-ли не по плечамъ наѣзdnика, мутный, окровавленный и безумно блуждающій взоръ—бѣгите отъ владѣтеля бѣлой кабардинки.... это абрекъ! Дитя-ли, женщина, дряхлый-ли, безильный старикъ — ему все равно, была-бы жертва, была-бы жизнь, которую онъ можетъ отнять, хотя бы съ опасностію потерять свою собственную.... Жизнь, которую наслаждаются, для него смертная обида....

Въ жизни горца, какъ въ жизни всякаго смертнаго — есть свои неудачи, несчастія и горе.... Но человѣкъ образованный, человѣкъ окрѣпленный въ религіи, въ понятіяхъ о жизни — умѣетъ выносить эти неудачи, прибѣгая или къ упованію и вѣрѣ, или къ разсудку.... У горца же нѣтъ истинной вѣры, слѣдовательно нѣтъ и опоры, которая-бы въ минуту скорби могла уврачевать боль его души и успокоить бурю страстей.... Мелкія несчастія, мелкія неудовольствія своей дикой жизни онъ презираетъ, онъ не понимаетъ ихъ; но горе ему и близкимъ его — если зло, или несчастіе перельется черезъ край его терпѣнія, тогда эта переполнившая капля канетъ кровью.... Сначала онъ осудитъ и проклянетъ себя, потомъ осудитъ и проклянетъ людей.... Тогда жизнь дѣлается для него эшафотомъ, на который онъ всходитъ для того, чтобы умереть, но умереть, свершивъ тѣмъ отвратительныхъ злодѣйствъ и неистовствъ. Абреки бываютъ, такъ сказать, временные, и заклившія себя на всю жизнь.... послѣднихъ больше, потому, что чрезъ пять или шесть лѣтъ злодѣйствъ, горецъ привыкаетъ къ нимъ совершенно и не можетъ уже вернуться въ родную саклю тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ первые дни своей буйной юности. Произнеся клятву, быть врагомъ своего собственного спокойствія и жизни людей, горецъ оставляетъ родной аулъ и бѣжитъ въ непроходимыя и страшныя тущобы горъ.... тамъ онъ коротаетъ дни, или въ борьбѣ съ лишениями, въ сообществѣ трехъ, четырехъ товарищей, несущихъ то же отвратительное бремя абрека или рыскаетъ изъ аула въ аулъ, съ непремѣнною цѣлю жечь, рѣзать и душиить, — или пристаетъ къ партіи какихъ-нибудь голодныхъ наѣзdnиковъ и идетъ рѣзаться ни за что, ни про что, съ своими-же кровными одноаульцами. Временные абреки часто живутъ въ родномъ аулѣ и при вызовѣ молодецвъ въ наѣздъ—являются всегда первые. Въ дѣлѣ и схваткѣ они страшны. Для нихъ рубиться одинъ на одинъ, или дѣйствовать совокупно въ толпѣ товарищей — не схватка. Любимое дѣло и удалъ абрека, надвинувъ на глаза кабардинку, проскакать вихремъ подъ

сотнею ружейныхъ или винтовочныхъ стволовъ — и врѣзаться въ самую средину врага....

Имя абрека Шираръ Нурьседа, знакомаго уже нашимъ читателямъ*, — приобрѣло въ Абазіи такую извѣстность, что мы даже собрали о его жизни свѣдѣнія, которыя могли-бы послужить сюжетомъ для двухъ или трехъ романовъ изъ горскихъ правовъ. Разекажемъ одинъ изъ нихъ. Завязка этого романа была нами высказана, передаемъ остальное:

I.

Дикая кровь бушевала въ жилахъ горца, приливая огнемъ то къ головѣ, то къ сердцу, въ ту минуту, какъ степной векормленецъ Карабахъ — купленный такою дорогою цѣною, несъ его вихремъ чрезъ крутые и глубокіе овраги необозримой стени... Нѣсколько разъ силился Шираръ остановить коня и оглянуться на давно исчезнувшій изъ виду аулъ, — но казалось, рука его замерла на звонкой уздечкѣ, дыханіе сперлось въ груди, и только небывалыя капли крупныхъ, жгучихъ слезъ падали огнемъ его рѣсницы.... Онъ изнемогъ отъ муки сердца и волненія.... Взоръ его помутился, ослабѣвшая рука опустила поводъ — и зашатавшись, блѣдный, съ кровью, хлынувшею горломъ — Шираръ грянулся съ сѣдла на землю. Вѣрный конь, какъ вкопанный остановился на мѣстѣ, поинкъ головою и съ протяжнымъ ржаніемъ сталъ обнюхивать упавшаго всадника.... Знойный, раскаленный день Абазіи смѣнился холодною и сырою ночью. И вотъ крупныя капли росы пали на помертвѣлое лицо Ширара, вѣтеръ заигралъ его кудрями и повѣялъ на страдальца живительною прохладою. Добровольный изгнанникъ, мученикъ зависти, промѣнявшій первую любовь и невѣсту на коня — вздрогнулъ, прошепталъ что-то и мутнымъ, болѣзненнымъ взоромъ впился въ красиваго карабахца.... Конь!... тварь! и какъ вѣрнень.... а я, человекъ и измѣнилъ своему слову и первому шопоту сердца.... продалъ, промѣнялъ рай души моей на вѣчный адъ мукъ и терзаній! прошепталъ Шираръ. Съ большимъ усиліемъ онъ приподнялся и сѣлъ. Кругомъ его царствовало пѣмое, безмолвное молчаніе. Онъ былъ на кладбищѣ. Справа тянулася гряда мрачныхъ холмовъ, прорѣзанная узкими тѣсниннами и ущельями, налѣво шумѣлъ самшитъ — и вѣтеръ насвистывалъ въ его рошѣ какою-

* Пантеонъ 1850 года мѣсяць февраль. Смѣсь.

то похоронную пѣсню. Мѣсяць, рѣдкій гость кавказкой ночи, обливая печальнымъ свѣтомъ верхи самшита и горныхъ сосенъ, бросалъ далекия и угловатыя тѣни холмовъ и мраморныхъ памятниковъ, повитыхъ чалмами, да въ долинѣ слышалась заунывная, тоскливая, какъ самая грусть Ширара, пѣсня абазивки... Шараръ вздрогнулъ при этихъ звукахъ и обратилъ голову въ ту сторону, откуда неслись они. Казалось случай посылалъ страшныя пытки для истерзаннаго сердца Ширара... Чѣмъ явственнѣе становились эти звуки, тѣмъ больше волновалась въ немъ кровь и пынывала душа. Шараръ, задыхаясь отъ избытка тоски, съ трудомъ приподнялся на ноги. Въ эту минуточку пѣсня смолкла и ее замѣнилъ скрипъ арбы, — велѣдъ за тѣмъ хлопнулъ бичъ — и снова невидимый очаровательный голосъ запѣлъ любимую пѣсню абазинскихъ дѣвушекъ.

Вель-ихъ джигитъ руссыны...

Воинъ русскій на арканѣ и проч. *

Вель-ихъ джигитъ руссыны!... грустно повторилъ наѣздникъ.... Такъ пѣла и она, въ кругу подругъ своихъ, развлекающая тяжелыя думы стараго отца, сказалъ онъ.... Но странно, продолжалъ Шараръ, заноса ногу въ стремя... какъ будто-бы это голосъ Юзейлы, первой подруги проданной мною Зюмы?.... И съ этими словами горецъ поскакалъ на встрѣчу скрипучей арбѣ, медленно тянувшейся опушкою самшитной рощи. Дѣвушка, управлявшая волами, замѣтивъ незнакомца, со страхомъ оглянулась назадъ, какъ-бы поджидая кого-то и быстро окутала свою головку покрываломъ.

— Юзейла!... Ты? спросилъ Шараръ, сдерживая карабахца въ пяти шагахъ отъ арбы.

— Ахъ.... Шараръ Нурысетъ!... отвѣчалъ звонкій голосокъ дѣвушки.... Я приняла тебя за кровометителя.... Миѣ показалось, что голова твоя накрыта башлыкомъ....

— Гаймачыны! (*трусиха!*) сказалъ наѣздникъ.... Но для чего ты здѣсь — ночью и одна?

— Я?... Изъ Арсааны съ праздника.... Да и не одна.... За мною слѣдомъ ѣдетъ братъ.... онъ только не много отсталъ, заговорившись въ Барьянскомъ ущельи — со старымъ Юзбейры.... А вотъ, за чѣмъ ты, вашъ горный орелъ, покинулъ свою орлицу въ то время, какъ вамъ обонимъ надо вить гнѣздо? спросила она.

* Говоря о пѣсняхъ горецевъ, мы передадимъ подстрочный переводъ этой пѣсни.

— Гвѣздо? повторилъ, задрожавъ горець... Я его совью, Юзейла, въ трещинѣ Офри-Итубъ*, рядомъ съ колыбелью шайтана...

Слова эти до того поразили дѣвушку, что она даже откинула покрывало и устала пылающій и вопросительный взоръ свой на лицо Ширара, искаженное судорогою отчаянія.

— Ты ли это говоришь? прошептала удивленная Юзейла...

— Я, я, моя добрая Юзейла! почти зарыдавъ отвѣчалъ горець... Зюма уже не моя; продолжалъ онъ, я продалъ ее... Промѣнялъ ея дивную красу на статнаго вихря, шелкъ кудрей ея на шелкъ этой гривы, огонь черныхъ глазъ ея на огонь карабахца... Промѣнялъ жизнь и славу наѣздника на кровавую пищу хищника...

— Аллахъ-ихгени нур-ассыны Шираръ! и Богъ не убилъ тебя, Шираръ? вскричала Юзейла... Ты измѣнилъ Зюмъ?... Зюмъ, которая подарила тебѣ амбру и жаръ своихъ поцѣлуевъ, которая въ горячкѣ любви расплавила для тебя свое юное сердце!... Извергъ, Шираръ!... Джумлетъ опозоренный!

— Кляни меня, женщина!... кляни!... Мужчинѣ бы я вырвалъ языкъ, какъ дрянную траву изъ поля, за позорное и обидное слово, но тебѣ прощаю; ты справедлива. Ты говоришь устами Зюмы, а въ васъ одна душа...

— Шираръ! Ханьсиханы! сердце мое! Краса горъ нашихъ! вскричала абазинка, выпрыгнувъ изъ арбы и падая къ ногамъ коня наѣздника... Ради праха отцовъ твоихъ... Заклинаю тебя; воротись къ Зюмъ.. О, за что осиротѣютъ мои отцы и братья! За что жемчугъ слезъ польется изъ очей красавицъ нашего аула... Для чего на славномъ пиру жизни ты бросишь отравленный плодъ той, которая не вынесетъ и минуты разлуки съ тобою?... Шираръ! Звѣзда горной Абазии... Не покидай насъ... Иди!... иди къ намъ!... Обмѣни снова вихря на перен и роскошный станъ Зюмы... И Юзейла зарыдала такъ страшно, какъ будто бы, расставаясь съ Шираромъ, она опускала въ могилу всѣхъ своихъ кровныхъ.

Шираръ молчалъ. Горе и отчаяніе клокотали въ душѣ его страшною бурею и новыя слезы повисли на нѣгахъ черныхъ рѣсницъ.

— Шираръ!... ипташи Шираръ! молила рыдавшая Юзейла. Вернемся! вернемся со мною!...

— Нѣтъ!... Невозможно! Раненный маганби другой разъ не летитъ на тотъ аулъ, откуда унесъ стрѣлу въ своихъ перьяхъ... Не вернуться и мнѣ въ Нуррысы! При этомъ глаза горца свер-

* Такъ на языкѣ абазеховъ называется Эльбрусъ.

кнули огнемъ глазъ тигра — онъ гикнулъ на коня, и промчавшись по опушкѣ лѣса, повидимому совершенно спокойный, подѣхалъ къ печальной Юзейлѣ.

— На! сказалъ онъ подавая ей вѣтвь самшита. Отдай Зюмѣ *, скажи ей, что до сихъ-поръ Шираръ любилъ ее больше своихъ удачъ и славы наѣздника, а теперь любить ее такъ, какъ ангелы любятъ Аллаха... Скажи, что онъ проклялъ свою мѣну, проклялъ себя... и Астанъ-Оглы!

Последнія слова Нурыседа еще звучали въ ухахъ пораженной Юзейлы, какъ наѣздникъ былъ уже далеко отъ нея.

— Бѣдная Юзейла! прошептала дѣвушка... Аллахъ отнял у тебя даже то счастье, * даже то наслажденіе, съ которымъ думала ты любоваться имъ хотя въ объятіяхъ другой...

Закутавъ голову чадрою и дрожа всѣмъ тѣломъ, дѣвушка, съ невыдержаннымъ рыданіемъ, бросилась въ арбу, и погнала воловъ по направленію къ ролному аулу.

II.

Прошло три года послѣ описанной нами сцены и имя абрека Шираръ-Нурыседа сдѣлалось страшнымъ въ горахъ Абазин. Не будемъ рассказывать всѣхъ ужасныхъ дѣлъ его, довольно сказать одно только то, что самые безстрашные и отчаянные джигиты Абазин и Кабарды избѣгали съ нимъ встрѣчи.

Однажды, въ знойный и душный день іюля, пять человекъ горцевъ подозрительной наружности, сошли съ коней на скатѣ холма, у крутаго берега Еигури, и расположились подъ тѣнью сосенъ и явора. Коней ихъ сбатовали два нукера — и, закуривъ коротенькія трубочки, такъ-же, какъ и господа, растянулись на буркахъ, разложивъ прежде огонь подъ котелкомъ, наполненнымъ бараниною.

— Славный конь у тебя, Шираръ-Нурыседъ... Чудо конь! сказалъ одинъ изъ горцевъ, закидывая за ухо сѣдыя зюльфары... Продай его мнѣ, пріятель.

Сухой и блѣдный горецъ, нашъ старый знакомый Шираръ, къ которому относились слова эти, вздрогнулъ и вымѣрилъ презрительнымъ взглядомъ дерзкаго.

— Коня!... Продать моего коня, говоришь ты, Урузумъ? сказалъ онъ и глаза его сверкнули молніею... Нѣтъ, душа моя, продолжалъ онъ, хотя бы ты сулилъ мнѣ за него въ друзья

* Въ горахъ вѣтвь самшита имѣетъ то же значеніе, что у насъ незабудка.

всѣхъ твоихъ и мамовъ и самага Алія, не продамъ... Конь мой дороже сотни дербентскихъ бородъ, раскрашенныхъ во всѣ возможные цвѣта... Онъ купленъ за такую монету, которая плавится изъ сердца, и не добывается ни кинжаломъ, ни винтовкой :— онъ купленъ за любовь...

— Дрявная, дырявая и фальшивая монета! подхватилъ веселый койсубулинецъ Кули-Агаръ. Пѣнный гяуръ сказывалъ намъ, продолжалъ онъ, что она у нихъ ни почему, а у насъ въ горахъ пожалуй, и того дешевле.

— Въ вашихъ горахъ все ни почему, даже и трусые! возразилъ запальчиво Шираръ.

— Ну, братъ, ошибся, продолжалъ тѣмъ же веселымъ тономъ противникъ Ширара; у насъ такихъ молодцовъ, какъ твои собраты, заставляютъ выплясывать лезгинку подъ музыку ремешныхъ плетей, такъ, стало быть, ихъ не много...

— А если ты издохнешь подъ моимъ кинжаломъ, такъ однимъ еще будетъ менше! вскричалъ, задрожавъ и вспыхнувъ отъ злобы, обиженный Нурьсель, бросаясь на противника съ обаженнымъ кинжаломъ. Но ловкій койсубулинецъ, предвидя вспышку абрека, увернулся изъ подъ его удара и схватилъ Ширара за руки.

— Эхъ! душечка, ипташи Шираръ! какой-ты, право, горячій тигренокъ, сказалъ онъ... Ужъ и словомъ не поиграй на счетъ его чести... Полно тѣшить шайтана!... Спрячь кинжалъ!... Ну, спрячь же... говорилъ койсубулинецъ, не выпуская рукъ Ширара. Последній дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Глаза его налились кровью, ноздри раздулись, и судорога мускуловъ высказывала все бѣшенство абрека.

— Стыдись, Шираръ! подхватилъ старый Урузумъ. Намъ-ли ссориться, кровнымъ друзьямъ, и тебѣ-ли молодцу-джигиту бросаться съ кинжаломъ на безоружнаго!...

Абрекъ уважалъ старика и, послушный его увѣщаніямъ, онъ судорожно улыбнулся и выпустилъ изъ рукъ кинжалъ.

— Вотъ такъ! сказалъ койсубулинецъ. Не рѣжемся; вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Шираръ, поклявшись въ душѣ, что при первой встрѣчѣ наединѣ, разрядитъ винтовку надъ черепомъ сердечнаго друга.

— О охъ-вы, молодость рьяная! сказалъ старикъ... Ну, что вы за абреки... гарцуете между собою.. Пхе! Это-ли удалъ: зарубить дерзкое слово на шкурѣ пріятеля?.. Пый! Удаля одна на десятерыхъ; удалъ—подъ штыками русскихъ, да въ кипяткѣ ихъ картези... Ну-у... полно-же пыхтѣть, Шираръ, продолжалъ

онъ. Успокойся, да расскажи намъ, какъ это ты купилъ коня, отсыпавъ за него хозяйну вздохами, вмѣсто абазовъ?... Рассказывай—вотъ и баранина кетатъ готова... Закусимъ!... Соли только жаль нѣтъ; ну, да если твой разказъ слезный, такъ и соли не надо.

Сказавъ это, старый горецъ ловко выбросилъ изъ котла въ небольшое корытцо кусокъ баранины и раздѣливъ ее кинжаломъ на нѣсколько долей, движеніемъ руки пригласилъ собесѣдниковъ приступить къ незатѣйливой трапезѣ. Последніе не требовали другаго приглашенія и съ такимъ аппетитомъ принялись за баранину, что у бѣдныхъ нукеровъ навернулись на глазахъ слезы, при мысли о голыхъ мосолахъ, которые останутся имъ на долю. Въ то же время огромный бурдюкъ съ кахетинскимъ пошелъ по рукамъ собесѣдниковъ и менѣе, чѣмъ въ полчаса, запрещенное расплавило сердца поссорившихся абрековъ. Начались обниманья, поцѣлуи, клятвы и дѣло дошло до откровенности. Шираръ началъ свой разказъ:

— Если вся вселенная въ пять разъ болѣе нашей Абазин, началъ онъ, и если въ ней въ пять разъ болѣе женщинъ, то всё онѣ не стоятъ и одного поготка, крашеннаго хивой, да, поготка горской красавицы.

— Справедливо, какъ нельзя больше! подхватилъ Кули-Агаръ... Вотъ, хоть-бы жены и дочери гяуровъ. Ну, что это такое! Средины нѣтъ... Какъ послушаемъ бывало плѣннаго ясыря, или ужъ такая тощая, что въ одну бурку можно увертѣть десять штукъ, или такая, что въ десять бурокъ не спрячешь одну... Право... Пхе!... А одѣваются... Стыдно сказать.

— Что-же? спросилъ Урызумъ.

— Да, раскуси шайтанъ мою голову, какъ пустой орѣхъ, если я лгу.... онѣ даже не носятъ и.... шальваровъ!

— Какъ! вскричалъ до крайности изумленный старикъ — безъ шальваровъ? Ну.... продолжалъ онъ съ громкимъ хохотомъ, накормилъ же ты насъ грязью — Кули-Агаръ!

— Кто?... Я!...

— Да, да, душечка Кули-Агаръ.... Ну, какъ-же это можно безъ шальваровъ.... Ну, подумай.... Ну, какъ!... Вѣдь одни только горные бараны не нуждаются въ нихъ....

— Экой ты чудакъ, Урызумъ....

— Нѣтъ! нѣтъ, и слушать не хочу....

— Продолжай ипташи Шираръ, мы не дадимъ ему пылью небыллицъ слѣпить наши очи.... Рассказывай.

Кули-Агаръ не почелъ за нужное возражать недовѣрчивому

старикъ и, завернувшись въ бурку, опустил голову на колѣна Ширара, съ твердымъ намѣреніемъ захрапѣть при первыхъ словахъ пріятеля. Но, въ это мгновеніе чей то протяжный и болѣзненный стонъ раздался на скатѣ холма, у закраины пропасти.

Собесѣдники переглянулись. Слышали? сказала Шираръ. Товарищи отвѣчали утвердительномъ наклоненіемъ головы.

Стонъ повторился, но теперь гораздо слабѣе. Кому-бы это шайтанъ подставилъ ногу и спихнулъ въ пропасть? замѣтилъ Кули-Агаръ.

— А, вотъ, увидимъ! И съ этими словами Шираръ сбѣжалъ нѣсколько шаговъ внизъ по кособору. Заглянувъ въ пропасть, онъ увидалъ всадника, придавленного конемъ. Оба, и конь и всадникъ, были такъ счастливы, что попали въ трещину между выдавшеюся площадкою надъ пропастію.

Эге! счастливый скачекъ!... Вѣрно Азраилъ пролетѣлъ мимо этого наѣзника! подумалъ абрекъ. На зовъ его собрались товарищи и съ опасностію своей жизни высвободили измученнаго всадника, въ то время, какъ конь его, быстро вспрыгнувшій, остушился и увалъ на дно бездны....

Едва только спасенный выползъ на закраину бездны, едва только глаза его встрѣтились съ глазами Ширара, которому показалось что то чрезвычайно знакомое въ чертахъ незнакомца, послѣдній въ ту же минуту накрылъ лицо башлыкомъ, въ которомъ были прорѣзаны отверстія для глазъ и завязалъ его тесьмою около шеи.

— Здравствуй, Шираръ! сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ проглядывало худо-скрываемое душевное волненіе.... Цѣлый годъ я скитался въ горахъ и рошахъ Абазин, желая напасть на твой слѣдъ — и наконецъ нашелъ его на шагъ отъ своей смерти... Съ этими словами незнакомецъ протянулъ бѣлую, нѣжную, почти женскую руку абреку....

Молча, вперивъ неподвижный и испытующій взоръ въ стройнаго и статнаго юношу — Шираръ пожалъ протянутую къ нему руку и задрожалъ отъ какого-то непонятнаго для него электричества, сообщеннаго нѣжными пальчиками незнакомца.

— Кто ты? спросилъ почти шопотомъ абрекъ, не выпуская руки юноши.

Въ эту минуту на противоположныхъ скалахъ показалась лкая коза... Завидѣвъ ее, старый горецъ и Кули-Агаръ схватили свои винтовки и бросились преслѣдовать прыгунью. У пропасти остались только незнакомецъ и Шираръ.

— Кто ты? повторилъ послѣдній.

— Это.... моя тайна! отвѣчалъ юноша, и зачѣмъ знать тебѣ, кто я? продолжалъ онъ; довольно того, что цѣлый годъ мукъ, пытки, лишений и страданій вынесъ я для того, чтобы только встрѣтиться съ тобою.... и у ногъ твоихъ вымолить для себя хоть цеску дружбы въ твоемъ сердцѣ....

Шираръ молчалъ.... Тяжелыя мысли и догадки волновали его душу.... голосъ незнакомца, этотъ вопль и плачь души были ему какъ то близки, какъ то напоминали бывшее.

— Но почему же это для меня тайна? сказалъ онъ.

— Тайна.... но не вѣчная.... придетъ время, и я скажу тебѣ, кто я, а до тѣхъ поръ.... заклинаю, не старайся узнавать меня.... Даже дай мнѣ честное слово, что ты откажешься отъ всѣхъ распросовъ и догадокъ.... О, Шираръ! ты когда-то былъ добръ!... Пробудись хотя для одного существа въ мірѣ.... не откажи ему въ этой ничтожной просьбѣ....

— Ты.... Зюма! прошепталъ Шираръ.... и лицо его покрывало страшную блѣдностію, глаза вспыхнули и онъ уже готовъ былъ броситься на шею возлюбленной, по которой, среди бурь и разгара жизни абрека, не перестало болѣть его сердце....

— Те!... еказалъ юноша, останавливая порывъ наѣздника. Ты ошибся, Шираръ.... Зюма, твоя бѣдная Зюма, псчахла въ тоскѣ по тебѣ; этотъ цвѣтокъ спалили объятія Астанъ-Оглы и твоя пзмѣна.... Зюма близка къ могилѣ. Правда, она пошла бы за тобой за Казбекъ, за Эльбрусъ, но она въ когтяхъ у коршуна — сердце ея только вездѣ съ тобою....

— Зюма.... Зюма! Халя-иль мой перватый! Когда бъ ты знала, сколько крови запеклось на этомъ сердцѣ, сколько джехеннемовъ прошла душа моя въ разлукѣ съ тобою!... сказалъ Шираръ. И онъ, закрывъ лицо обѣими руками, съ воплемъ пытки упалъ на грудь незнакомца....

— Аллахъ Всесильный! прошепталъ незнакомецъ, онъ еще ее любить.... Все для меня кончено!... Но я буду жить для счастья Ширара....

— Шираръ!... Ты любишь Зюму? спросилъ незнакомецъ такимъ голосомъ, какъ бы въ эту минуту рѣшалась его собственная судьба....

— О, страшно, неистово люблю ее!

— Такъ зачѣмъ врагу своему ты даришь счастье срывать съ пылающихъ устъ ея горячія лобзанья?... Зачѣмъ ты не украдешь ее?

— Украсть!... Какъ? вскричалъ абрекъ, и въ глазахъ его загорѣлся восторгъ при одной мысли обладать Зюмою.

— Какъ — очень просто.... Бѣжать съ тобою она не задумается, а случай есть, и самый удобный: чрезъ недѣлю въ Нуррысѣ праздникъ, джигитовка; предупредивъ ее, во время игръ, ты можешь смѣло рискнуть увести свое сокровище....

— О, если-бы это сбылось!... Я бы бросилъ тогда отравленную жизнь абрека и увезъ бы ее на берегъ роднаго Терека.... Ъдемъ!.. Скачемъ!... Летимъ въ Нуррысы!...

— Я готовъ.... Но, вотъ бѣда: конь мой въ пропасти....

— Конь? конь будетъ! отвѣчалъ Шираръ. Кули-Агаръ у меня въ долгу и отдастъ своего коня; завтра онъ украдетъ ихъ десять; и конь ему обходится дешевле фазана.... Кули-Агаръ! Кули-Агаръ! крикнулъ абрекъ на встрѣчу койсебулинцу, съ торжествомъ тащившему подстрѣленного козла. Брось рогатаго! продолжалъ онъ — иди сюда скорѣе....

Кули-Агаръ не замедлилъ прибѣжать на зовъ Ширара.

— Что душка, питаши Шираръ.... Что ты горланишь?... Ужъ не душу-ли изъ тебя тянуть? спросилъ койсебулинецъ.

— Нѣтъ.... душа моя при мнѣ; но я до твоей добираюсь....

— Опять?... что она тебѣ такъ понадобилась?...

— Сознайся, Кули-Агаръ: ты у меня въ долгу и, по истинѣ, мнѣ слѣдуетъ разрядить винтовку о твою голову. Правда-ли?...

— По истиннѣ, питаши Шираръ.... Ты вратъ любишь; но на этотъ разъ я таки вымучилъ изъ тебя правду.... Ну, такъ что же?

— Я тебѣ прощаю обиду, и только требую услуги....

— А!... Что жъ, приказывай.... прыгнуть въ Енгури?... пожалуйста....

— Нѣтъ, не то....

— Такъ отогнать у имеретиновъ штукъ сорокъ барановъ?

— Нѣтъ.... отдай мнѣ своего коня.... Видишь-ли, получилъ важные вѣсти — и сію минуту долженъ ѣхать съ этимъ молодецомъ....

— А.... важные вѣсти!... Дѣло!... Коня-то? Что-жъ — бери.... я за него заплатилъ только двумя пулями.... онъ дешевле твоего — бери!...

И Кули-Агаръ снова побѣжалъ къ подстрѣленному козлу.

Съ наступленіемъ ночи Шираръ и его спутникъ оставили Енгури.

III.

Рапо, за день до праздника *маньчъ-чеканъ* * легкія, стройныя

* Первый весенній праздникъ въ горной Абазіи, въ который начинаются первыя игры и джигитовка.

абазинки съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ веселою и безопасною толпою обступили колодезь въ аулѣ *Нуррысь*. День былъ довольно знойный и потому усталыя горянки, наполнивъ свои деревянныя кувшины водою, расположились на отдыхъ въ балкѣ, покрытой зеленымъ ковромъ свѣжей, бархатной зелени... Занятыя неизбѣжными пересудами, сплетнями, повѣряя другъ другу тайны и секретки, красавицы, то браня сосѣдку Шилю и пересказывая ея грѣшки, то разсуждая о наслажденіяхъ и удовольствіяхъ предстоящаго праздника, не замѣтили, какъ грустная и блѣдная, но все еще прекрасная, блѣдняжка Зюма, отдѣляясь отъ толпы, медленно пошла къ своей саклѣ, напѣвая въ полголоса какую-то заунывную пѣсенку.

— Зюма! окликнула ее женщина, закрытая съ головы до ногъ чадрою, въ ту минуту, какъ пѣвунья поднялась нѣсколько шаговъ на косогорѣ.

— А! Шили.... это ты? спросила Зюма.

— Нѣтъ, душа моя, Зюмочка.... Ты ошиблась: я не Шили, отвѣчала незнакомка; да и къ тому же, продолжала она, старая брюзга Шили не рискнетъ на такую штуку, на которую рѣшилась я: я къ тебѣ съ вѣстями отъ Ширара....

При этомъ имени блѣдное лицо абазинки вспыхнуло огнемъ румянца и кувшинъ выхалъ изъ рукъ ея...

— Отъ Ширара?... повторила она, задыхаясь.

— Да.... онъ шлетъ тебѣ поклонъ.... Зюма! онъ много страдалъ по тебѣ въ добровольномъ изгнаніи; исхудалъ, изнылъ сердцемъ, которое любитъ тебя много, очень много.... Зюма!... Онъ вѣдь недалеко отсюда.

Абазинка задрожала и съ воплемъ: гдѣ, гдѣ онъ? протянула руки къ незнакомкѣ.

— Тс!... осторожнѣе; насъ могутъ подслушать и тогда мы погибли, отвѣчала послѣдняя, придвинувшись къ Зюмѣ. Послушай, сказала она; я вижу, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты все еще такъ же, какъ и прежде, любишь Ширара; и потому заклинаю тебя, ради его и твоего счастья, довѣрься мнѣ....

— Требууй, требууй! шептала Зюма.

— Рѣшишься ли ты бѣжать съ нимъ?

Зюма колебалась; страхъ, опасеніе и перѣшительность были написаны на лицѣ ея.

— Ты колеблешься?... Ты боишься, чтобы я не измѣнила твоей тайнѣ?... Но, знай, что счастье Ширара для меня дороже, чѣмъ для тебя.... Не мѣшкай.... мнѣ некогда. Согласна, Зюма?...

Зюма не могла говорить отъ волненія; она только кивнула головою въ знакъ согласія.

— Такъ завтра.... къ концу игръ, ты отдѣлишь отъ толпы женщинъ, но, чтобы не подать подозрѣнія, то съ двумя или тремя подругами, а не одна, и сядь на камняхъ, вонъ у этихъ кустовъ можжевельника, что раскинулись на выѣздѣ изъ аула.... Замѣтно было, что голосъ говорившей дрожалъ, какъ ослабѣвшая струна, и что незнакомка задыхалась, глотала слезы.... Тамъ Шираръ, продолжала она, найдетъ тебя и умчитъ въ родныя горы... Согласна, Зюма?

— На все!... На все!... отвѣчала горляпка.

— Такъ дай же мнѣ залогъ.

Зюма быстро развязала свой шелковый поясъ и, подавая его незнакомкѣ, примолвила: кто бы ты ни была, посланница Ширара; но я вѣрю въ тебя, какъ и въ него.

— И не ошибешься!... Прощай до завтра.

— До завтра, отвѣчала Зюма, и съ веселымъ лицомъ, подпрыгивая, она бросилась къ колодцу, въ то время, какъ незнакомка, быстрѣе серны, сбѣжала съ косогора. Спрятавшись за камни, она сняла съ себя чадру, и преобразилась въ ту же минуту въ статнаго горца, товарища Ширара.

—

Измученный семидневною бессонницею въ пути, и снова съ прежнею силою запыхавшею любовью къ Зюмѣ, Шираръ лежалъ въ тревожномъ забытїи на мягкой буркѣ въ одной изъ пещеръ Барьякескаго ущелья. При малѣйшемъ шорохѣ или топотѣ его коня, щипавшаго траву при входѣ въ пещеру, абрекъ вздрагивалъ и съ напряженнымъ вниманїемъ прислушивался къ этому шуму.

— О, какая мучительная пытка!... Какъ долго лѣтъ его! наконецъ прошепталъ Шираръ. И онъ задумался. Но кто этотъ онъ? продолжалъ въ раздумїи абрекъ.... Чудная загадка.... Мнѣ все кажется, что спунникъ и товарищъ мой женщина.... Странно! Женщина.... Кромѣ Зюмы я не звалъ другихъ женщинъ.... Въ эту минуту у пещеры раздался конскій топотъ. Какъ безумный бросился Шираръ изъ пещеры и почти стацилъ съ коня своего юнаго товарища.

— Ну что? спрашивалъ нетерпѣливый абрекъ.

— Слава Аллаху.... все идетъ прекрасно! Я не ошиба, сказавъ тебѣ, что Зюма все еще для тебя та же Зюма. Она на все согласна.

— На все?... Возможно-ли?

— А вотъ и залогъ, продолжалъ юноша, подавая Ширару поясъ Зюмы. Завтра, во время джигитовки, на камняхъ у можжевельника, добавилъ онъ.

Осыпая горячими поцѣлуями поясъ своей возлюбленной, Шираръ плакалъ, какъ дитя, то обнималъ товарища, то засыпалъ его сотнею вопросовъ о той, которую промѣнялъ такъ жестоко на степнаго вихря.

IV.

Аулъ Нуррысы кипѣлъ своимъ маленькимъ и пестрымъ народонаселеніемъ, весельемъ и жизнію. Вездѣ, на холмахъ, у пороговъ саклей, по спуску косогора и на камняхъ были раскинуты ковры пиршества, уставленные кахетинскимъ, *сискилемъ*, *ажигомъ*, *широмъ*, *калдомъ*, *бѣпикомъ* и *джижикомъ* *. Женщины плясали огненную лезгинку, или *балгачъ* **, находя удобный случай въ послѣднемъ перемолвить лишнее слово съ наѣздниками... Джигиты уже были навеселѣ. День вечерѣлъ. Четвертый и послѣдній разъ началась джигитовка... И сердце бѣдной Зюмы обливалося холодной кровью... Его не было...

Но вдругъ въ толпѣ нукеровъ послышалось: Раздайтесь! раздайтесь! Дайте дорогу гостямъ... И на средину плащадки выѣхалъ статный горецъ въ кабардинской чухѣ, закрытой частой сѣткою такъ, что лицо его было бы очень трудно разглядѣть любопытнымъ. За нимъ слѣдовалъ молодой нукеръ, укутавшій голову въ башлыкъ.

— Шираръ! сказалъ шопотомъ послѣдній первому — это были наши запоздавшіе знакомцы — гляди... Зюма узнала тебя... она уже отправилась къ можжевельнику, подъ надзоромъ какой-то старой шакалки...

Между-тѣмъ горцы съ крикомъ: Гай-да! Улыхъ-кель! — бросали вверхъ свои лоскуты, замѣняющіе имъ шапки, изъявляя тѣмъ удовольствіе, которое доставили имъ гости своимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

Шираръ, знакомый съ обычаями абазеховъ, отвѣчалъ на ихъ привѣтствіе тѣмъ-же возгласомъ — Улыхъ-кель! — и, не мѣшкая, онъ

* Сискиль — кукарузный хлѣбъ; ажигъ — вареная кукуруза, шпръ — молоко; калдъ — творогъ; бѣпикъ — пшеничный хлѣбъ; джижикъ — самое лучшее мясо.

** Танецъ въ родѣ шотландской пляски.

выхватилъ изъ чухла винтовку, гиннулъ на своего рьянаго скакуна — и понесся къ шестамъ. Съ шести его выстрѣловъ, въ два конца, шесть шапокъ, прострѣленные, упали на землю.

Гикаше, одобрительный крикъ и шумный восторгъ разлился въ толпѣ горцевъ. Не давая имъ опомниться, Шираръ повторилъ маневръ и сбросилъ остальные шесть кабардинокъ на землю.

Удалъ и молодечество гостя распалили горячую кровь горцевъ. Зависть заговорила въ сердцахъ джигитовъ и въ одно мгновение площадка наполнилась конными. Пользуясь этою счастливою минутою, Шираръ подалъ знакъ своему товарищу и мелкой рысью пустился на исходъ аула. Занятый только одною мыслію о своей Зюмѣ, неосторожный, онъ не замѣчалъ, что нукеры, заинтересованные его молодечествомъ, не спускаютъ съ него любопытныхъ глазъ. Поровнявшись съ Зюмою, Шираръ закрутилъ своего скакуна, и сдѣлавъ два крутыхъ круга, ловко пригнулся съ сѣдла, схватилъ Зюму и сжавъ ее въ своихъ объятіяхъ, онъ уже готовъ былъ умчать свое сокровище въ дальнюю степь.... Но счастье отказало абреку на этотъ разъ въ услугѣ. Замѣтивъ дерзость незнакомца — нукеры въ то же мгновение отрѣзали ему дорогу, а подоспѣвшій Астанъ-Оглы, съ проклятіемъ и угрозами, свистнулъ ловкимъ арканомъ и, спутавъ наѣздника, сбросилъ его на землю.... Въ эту же минуту юный товарищъ Ширара, рапечный пулею въ плечо на вылетъ, упалъ почти замертво на землю..

Шапка и сѣтка упали съ головы абрека, и задыхаясь отъ злобы и горя, онъ только мутными и пылающими глазами впился въ Астанъ-Оглы, обнимавшаго въ восторгѣ свою ненаглядную Зюму....

Нурысетъ Шираръ!... Шираръ-абрекъ! Раздались страшныя слова въ толпѣ.... И толпа, такъ привыкшая къ ужасу при этомъ имени, со страхомъ отхлынула отъ своего плѣнника....

— Наконецъ-то попался звѣрь!... сказалъ насмѣшливо Астанъ-Оглы... Ну, ужъ извини пріятель, хоть мы и молочные братья, а завтра я тебя заставлю проплясать лезгинку.... надъ пропастію или повѣшу у колодца.... Байра!... Луч-Гаръ! Астанъ-Ияхъ.... Вы, нукеры! подберите этихъ тигровъ и заприте ихъ въ мою пустую саклю.... Завтра мы раздѣлаемся съ ними.... Сегодня, поганая кровь этихъ разбойниковъ не должна красить наше вино....

Шираръ молчалъ, кровь хлынула ему въ голову, душила горло и обливала мозгъ растопленнымъ оловомъ.... Онъ былъ нѣмъ, вздрагивая только при болѣзненныхъ столахъ рапечнаго товарища....

Нукеры исполнили приказъ князя: бросили плѣнниковъ въ пустую саклю и тяжелымъ засовомъ заперли двери....

— А какъ ты думаешь, Луч-Гаръ, караулить-ли намъ тигра?

— Вотъ вздумалъ!... Развѣ приказано, что-ли? отвѣчалъ Байра.... Не бойсь, не уйдетъ, вотъ эта штука,—онъ указалъ на засовъ,—по-надежнѣ насъ, у которыхъ голова тяжелѣ Шараровой руки....

— Ну, а какъ да къ нему явятся на выручку пріятели?...

— Что-жь? тѣмъ для насъ лучше, если мы сбережемъ свои головы, не оставаясь у сакли....

— И то дѣло.... Пойдемте, братцы.... Вонъ ужъ весь аулъ спитъ....

— И горцы, еще разъ осмотрѣвъ надежный засовъ, отправились къ своему войлоку....

Между-тѣмъ, вотъ-что происходило въ самой саклѣ.

— Другъ мой, братъ мой, несчастый! говорилъ абрекъ, распутавъ арканъ и бросивъ его въ уголъ сакли....

— О, не страдай за меня! отвѣчалъ умирающій юноша.... Страшно растоваться мнѣ съ жизнью, бросивъ все надежды на твое спасеніе, Шираръ....

И руки ихъ соединились....

— Шираръ! началъ товарищъ абрека, — въ то время, какъ судорожная и предсмертная дрожь бѣжала по жиламъ его.... Вижу, Азраилъ заглянулъ мнѣ въ очи.... Слышу, уже на меня пахнуло холодомъ могилы.... Минута нашей разлуки, тяжелой, горькой, отравленной бѣдою, близка.... И.... я долженъ открыть тебѣ тайну....

Я — женщина....

— Женщина!... Твое имя?

— Нѣтъ, лучше тебѣ не знать его.... Скажу только, что я любила тебя.... такъ, какъ можетъ полюбить только сердце горянки, съ жаромъ, неистово, въ непереходныхъ мукахъ тоски и желаній.... Для тебя я бросила отца, мать, родныя горы и саклю, подругъ и братьевъ.... Промѣняла легкій нарядъ на бурку и башлыкъ, беззаботную долю — на бессонныя ночи, скитальчество, голодъ и нужду.... все.... для тебя!... Наконецъ, для твоего же счастья, я отказалась отъ пыла моего бѣднаго сердца, отъ моей горячей любви.... и затаивъ на днѣ души слезы и горе.... хотѣла любоваться ласками и лобзаніями Зюмы въ твоихъ объятіяхъ.... Наконецъ....

Здѣсь тяжелое дыханіе прервало слова страдальцы.... Лихорадочная дрожь пробѣжала по всемъ ея членамъ, и громкая рѣчь ея смѣнилась тяжелымъ шопотомъ....

Прости.... Шираръ!... сказала она.... да спасетъ тебя.... Аллахъ!.. И рука ея, затрепетавъ въ рукѣ Ширара, осталась недвижна и холодна.

Съ воплемъ безумія, съ сердцемъ, истерзанымъ тоскою, сожа-

леніемъ и отчаяніемъ, Шираръ упалъ на охладѣвшую грудь своей подруги....

Въ эту минуту у сакли послышался легкій шорохъ.... И вотъ зазвенѣлъ запоръ и скрипнули двери.... На порогѣ ихъ стояла Зюма.

— Шираръ!

— Зюма!

И любовники бросились другъ другу въ объятія....

— Шираръ!.. Шираръ! ипташи мой.... шептала Зюма: бѣжимъ скорѣй, не мѣшкай, пока не проснулся мой мужъ. Скорѣй,.... конь твой ждетъ насъ за саклей....

Молча, ступая отъ волненія пероввымъ шагомъ, упоенный Шираръ увлекъ Зюму за саклю. Вспрыгнувъ на сѣдло, приголубивъ у сердца свою драгоценную вошу — и черезъ часъ бѣглецы были уже далеко отъ аула и опасности....

На другой день, пораженный отчаяніемъ Астанъ-Оглы нашелъ въ саклѣ только прострѣленный трупъ красавицы Юзейлы.

В. САВИНОВЪ.

ТОРВАЛЬДСЕНЪ.

(Очеркъ его жизни и произведеній.)

Канова, сынъ бѣднаго каменотеса, родился у подножія Альпъ, надъ которыми воспарилъ его гений; Торвальдсенъ, сынъ бѣднаго исландскаго ремесленника, родился среди открытаго моря. Провидѣніе окружило колыбель его великими зрѣлищами природы, чтобы онъ сталъ ихъ великимъ толкователемъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Альбертъ оказывалъ большія способности къ рисованію и склонность къ отцовскому ремеслу; аллегорическія фигуры, которыя отецъ его рѣзалъ изъ дерева, поражали и очаровывали его дѣтское воображеніе, и онъ пристрастился къ искусствамъ.

Не смотря на свою бѣдность, родители Альберта ничего не щадили для воспитанія сына, согласно съ его способностями и склонностями. Они всеми средствами поддерживали и поощряли его любовь къ искусствамъ, и были награждены за свои усилія рѣдкими успѣхами, которые онъ постоянно оказывалъ въ Копенгагенской Академіи Художествъ. Благородное сердце Альберта постигало всю цѣну ихъ родительскихъ попеченій, и онъ съ

радостью употреблялъ свой талантъ на вспомошествованіе имъ. Онъ въ это время совершилъ много скульптурныхъ работъ, въ которыхъ уже видѣнъ зародышъ его дивнаго таланта. Запимаясь заказами, онъ не пренебрегалъ ученіемъ, и бралъ награду за наградою. Все его честолюбіе, кажется, ограничивалось еще скромнымъ поприщемъ его отца; но Провидѣніе назначало ему другую сферу; оно опредѣлило ему произвести переворотъ въ отдѣлкѣ храмовъ его отечества, покрыть голыя стѣны протестанскихъ церквей произведеніями рѣзца, и освятить ихъ изображеніями Искушителя и Его Учениковъ, которыми онъ долженъ былъ украсить Копенгагенскій соборъ.

Дружба и наставленія историческаго живописца Абильтгарда поддерживали его въ стремленіи къ прекрасному, и внушали ему больше увѣренности въ своихъ силахъ и въ своемъ призваніи. Въ 1787 году онъ получилъ серебряную медаль, въ 1789 вторую, золотую; въ 1791 его группа *Геліодора, изгоняемаго изъ храма*, заслужила ему первую золотую медаль и покровительство министра, графа Реветтлова. Наконецъ, въ 1794 году онъ удостоился *Римскаго приза*, то-есть ежегодной пенсін въ пять сотъ талеровъ (около семи-сотъ руб. сер.) на четыре года, для окончанія своего артистическаго образованія въ Италіи. Важныя, непредвидимыя обстоятельства, не позволили молодому художнику тотчасъ воспользоваться этимъ счастьемъ, онъ пробылъ еще два года въ Копенгагенѣ, въ постоянныхъ занятіяхъ. Наконецъ, 20 мая 1797 года, онъ сѣлъ на датскій фрегатъ, и поплылъ къ отечеству искусства; но по стеченію разныхъ обстоятельствъ, фрегатъ долженъ былъ безпрестанно заходить въ разные порты, и путешествіе продолжалось цѣлые десять мѣсяцевъ; только въ мартъ 1797 года, прибылъ Торвальдсенъ въ Римъ. Здѣсь онъ познакомился съ знаменитымъ датскимъ ученымъ Цоэгою, посвятившимъ всю свою жизнь на изученіе древнихъ и новыхъ произведеній искусствъ. Дружба и совѣты этого ученаго были весьма полезны молодому художнику.

Два года сидѣлъ онъ дни и ночи надъ книгами, и изучилъ все, что было писано по части искусствъ. Въ это время онъ еще колебался между живописью и скульптурою, пока посѣщеніе ватиканскаго музея не открыло ему призванія его къ послѣдней.

Тогда онъ принялся за болѣе серьезное ученіе; всѣ дни проводилъ передъ древними образцами. Нерѣдко отчаявался въ возможности достигнуть до такой высокой степени совершенства, и возвращаясь въ свою мастерскую, разбивалъ свои статуи, не-

смотря на убѣжденія друзей, обѣщавшихъ ему славную будущность.

Другая прискорбная мысль еще усиливала его уныніе; наступалъ срокъ его четырехлѣтнему пребыванію въ Римѣ; скромный, неискательный, малоизвѣстный художникъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, чтобы оставаться въ Италіи на свой счетъ, уже помышлялъ о возвращеніи на родину, и взялъ даже свидѣтельство на проѣздъ, когда, наканунѣ его отъѣзда, богатый голландскій банкиръ Томасъ Годе, пораженный красотами изготовленной имъ модели статуи Язона, заказалъ ему мраморное изваяніе этой статуи, за пять сотъ цехиновъ.

Тутъ только Торвальдсенъ узналъ счастье; передъ нимъ засіяло зарево славной будущности; благодарность придала ему новыя силы и бодрость, и онъ съ усердіемъ, съ любовью принялся за работу. Съ этого дня началась его слава, его счастье, и богатѣйшіе любители Европы стали съ жадностью покупать его произведенія и поощрять его къ новому творчеству.

Плодовитость его казалась неисощимою; безпрестанно создавалъ онъ новыя, большія изваянія.

Не смотря на неоспоримыя достоинства его произведеній, очень не многіе знаютъ ихъ. Мы постараемся по мѣрѣ своихъ силъ передать глубокое впечатлѣніе, которое они произвели на насъ.

Въ числѣ работъ, заказанныхъ ему Фридрихомъ VI, королемъ Датскимъ, отличались въ его мастерской въ Римѣ, въ 1845 году, статуи и барельефы, назначенныя для Копенгагенскаго собора. Этотъ соборъ, построенный въ греческомъ стилѣ, расположенъ чрезвычайно выгодно для скульптурныхъ произведеній.

Наружный фронтоу храма изображаетъ святаго Іоанна Крестителя, возвѣщающаго народу пришествіе Искушителя. Фигура Іоанна занимаетъ средину фронтона; онъ стоитъ на пригоркѣ, съ котораго взоръ его обнимаетъ всю толпу слушателей; правою рукою указываетъ на небо, а въ лѣвой держитъ тростниковый крестъ; положеніе его исполнено благородства; съ устъ его текутъ рѣчи, полныя святаго благоговѣнія, привлекающія къ нему благочестивую толпу; вокругъ него нѣсколько группъ слушателей, поражающихъ зрителя разнообразіемъ лицъ, выраженій, положеній и драпировки. Стилъ этого барельефа отличается простотою и величіемъ; во всѣхъ лицахъ написано такое благочестивое вниманіе, что когда смотришь на нихъ, кажется будто слышишь слова Крестителя.

Фигуры двѣнадцати апостоловъ, сдѣланныя для внутренности того же собора, больше натуральнаго росту; изображеніе Спасителя

даже колоссально. Спаситель окруженъ своими двѣнадцатью учениками; выраженіе лица, положеніе, движеніе каждаго изъ нихъ, запечатлѣны ихъ свойственною каждому особенностію; драпировка естественна и дышетъ величественною простотою Новаго Завѣта. Создавая эти лица, гений художника вознесся до высоты своего предмета; невозможно, кажется, прекраснѣе характеризовать божество.

Отъ произведеній, въ которыхъ рѣзецъ Торвальдсена славить Бога, перейдемъ къ произведеніямъ, посвященнымъ героямъ.

Первая группа, поражающая взоры посѣтителя при входѣ въ мастерскую Торвальдсена, это фризъ, изображающій торжество Александра Великаго, которую другой знаменитый скульпторъ, Давидъ, называлъ чудомъ скульптуры. И дѣйствительно, это чудо искусства. Какая колоссальная, какая поэтическая картина тянется передъ зрителемъ, съ одного конца мастерской до другаго! На сторонѣ побѣдителей движеніе, шумъ, радость, слышишь кажется, побѣдные клики; на сторонѣ побѣжденных неподвижность, горестъ, уныніе, раблѣнство. Сколько многозначительныхъ контрастовъ художникъ умѣлъ разсѣять по всемъ частямъ этой поэмы! Какое богатство вымысла, какое разнообразіе выраженій и костюмовъ, какое различіе типовъ двухъ племенъ! Какая постепенность, какое искусство въ расположеніи группъ, какая постепенность въ ихъ одушевленіи и движеніи, по мѣрѣ приближенія ихъ къ побѣдителямъ; какая счастливая мысль поставить его на серединѣ, чтобы съ одной стороны принимать привѣтствія покоренныхъ народовъ, а съ другой являть примѣръ слѣдующему за нимъ воинству!

Это колоссальное изваяніе было заказано Александромъ новѣйшихъ временъ; Наполеонъ хотѣлъ украсить этимъ фризомъ большую палату Квиринальскаго дворца, въ Римѣ. Онъ же украшаетъ пріемную залу Христианбургскаго замка. Графъ Соммарива былъ такъ пораженъ его красотами, что заказалъ художнику мраморное изваяніе его и поставилъ въ своемъ богатомъ собраніи произведеній искусствъ въ виллѣ на Комскомъ озерѣ.

Художникъ почерпалъ изъ Квинта Курція подробности этого азіятекаго торжества, передавшаго имъ съ такою удивительною точностію; а чтеніе Плутарха внушило ему это глубокое благоговѣніе къ Вавилонскому завоевателю, и сообщило его рѣзцу вѣтъ изъ стила, которымъ греческій историкъ рисуетъ своихъ великихъ мужей.

Скульпторъ въ этомъ произведеніи поступаетъ, какъ опытный ораторъ, который только постепенно даетъ волю своему красно-

рѣчию, по мѣрѣ того, какъ онъ вступаетъ въ свой предметъ. Посмотрите, какое спокойствіе, сколько грусти въ первой группѣ; она неподвижна, жизнь, кажется, угасла въ ней. Семейство Персовъ оставляетъ городъ, чтобы не покориться игу побѣдителя. Вокругъ разбросаны узлы и тюки; проводникъ, поставивъ ногу на тюкъ, спокойно ждетъ, пока навьючиваютъ верблюда, не принимая, по видимому, никакого участія въ торжествѣ. Человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, на лицѣ котораго написана глубокая скорбь, уныніе и пламенная любовь къ отечеству, несетъ узелъ, чтобы взвалить его на верблюда; собираясь бѣжать отъ македонца, къ которому онъ обращенъ спиною, онъ остановился на одно мгновеніе, и, протянувъ руку къ лавровому дереву, устремивъ взоры на родные поля, увѣщаетъ стоящаго передъ нимъ юношу вѣчно любить отечество и удостоиться вѣнка, который дерево сплетаетъ надъ его головою. И юноша достоинъ слушать эти увѣщанія; его гордое положеніе, энергическое движеніе головы, сложенные на груди руки, сіяющее лицо, въ которомъ отражается пылкая любовь къ родной землѣ, все показываетъ, что въ немъ не угаснетъ этотъ благородный огонь, хотя бы онъ и былъ принужденъ таить его въ душѣ.

Ребенокъ, полный дѣтскою прелести и наивности, взобравшись на спину верблюда, не обращаетъ вниманія на торжество, а слушаетъ слова отца. По неподвижности его, по задумчивости этой выразительной головки, видно, что и въ его дѣтскомъ сердцѣ уже теплится искра той же любви къ отечеству.

За этими спокойными фигурами слѣдуютъ фигуры болѣе оживленныя: пастухъ, котораго все тѣло въ движеніи, погоняетъ стада, принадлежащія уже чужеземцу и останавливающимся щипать траву, между тѣмъ, какъ народъ суетится, толкается, бѣжитъ на городскія стѣны привѣтствовать побѣдителя; жены, дѣти, старцы, ратники, мудрецы собираются въ кружки и толкуютъ о героѣ.

Съ удивительною постепенностью оживляется картина еще болѣе въ слѣдующей группѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ она становится благороднѣе и возвышеннѣе. Взгляните на этихъ сирійскихъ и халдейскихъ мудрецовъ, гадателей, астрономовъ, волхвовъ, вопрошающихъ глобусъ; сѣдыя головы показываютъ, что уже много перевѣдали они на своемъ вѣку переворотовъ; въ ихъ оживленныхъ, выразительныхъ чертахъ видно, что предсказанія ихъ сбылись; они съ восторгомъ бесѣдуютъ о юномъ завоевателѣ, съ благоговѣніемъ исчисляють все покоренныя имъ царства, все сокровища науки, которыми онъ одарилъ просвѣщеніе.

Между рывными конями, хищными животными, и всякаго рода дарами, которыми встрѣчаютъ побѣдителя, левъ, кажется, сочувствуетъ торжеству; какъ гордь его шагъ, какъ величава осанка! съ какимъ могуществомъ обвиваетъ онъ тѣло хвостомъ! есть-ли хоть тѣнь этого благородства въ идущемъ съ нимъ рядомъ леопардъ?... Но мы приближаемся къ герою; во всемъ окружающемъ его проявляется вліяніе той силы, около которой все вращается, которая все оживляетъ своею жизнью... Тутъ уже все тѣснится, все клокочетъ; вы слышите говоръ толпы, побѣдные клики, звукъ трубъ; кони ржутъ, пышатъ, ломаются, взвиваются на дыбы; возницы едва ли могутъ держать ихъ.

Александръ задумчивъ; на лицѣ его видно нетерпѣніе. Но столько честолюбія, сколько дѣятельности въ его повелительной позѣ! Онъ замышляетъ новыя побѣды. Ему мало Фракія, Иллирія, Фивы, всѣхъ республикъ Греціи; его пламенная душа не успокоится, пока онъ не простретъ своихъ завоеваній до крайнихъ предѣловъ земли. Онъ не стоитъ самодовольнымъ побѣдителемъ на колесницѣ; онъ не думаетъ, что уже довольно совершилъ подвиговъ, чтобы жить въ памяти потомства: основанные города, кровь милліона людей, обширное царство Дарія не утомили его жажды завоеваній: ему нужно поработеніе всего Востока. Вижу, что онъ съ тайнымъ удовольствіемъ предается мечтамъ своего честолюбія; тѣло его наклонено невольнымъ движеніемъ впередъ; принимая маслину мира, онъ помышляетъ о новыхъ побѣдахъ. Побѣда, распутивъ крылья, везетъ своего любимца; съ какою быстротою пересѣкаетъ она пространство и влечетъ его; она наклонилась совершенно вопъ изъ колесницы, и опустила вожди надъ конями, которые ржутъ и взвиваются на дыбы, горя нетерпѣніемъ проскакать весь міръ.

Съ прискорбіемъ должны мы сознаться, что не можемъ дать полнаго понятія о красотахъ этого колоссальнаго произведенія, о его благородномъ стилѣ, объ удивительномъ искусствѣ, съ которымъ художникъ сочеталъ всѣ его части, о богатствѣ вымысла, объ оригинальныхъ контрастахъ, разбѣянныхъ даже въ самыхъ мелкихъ его подробностяхъ.

Въ барельефахъ *Дня и Ночи*, украшающихъ одну изъ залъ того же Квиринальскаго дворца, художникъ изобразилъ *День* въ видѣ прелестной женщины, можетъ быть Зари, которая, порхая надъ землею, усыпаетъ свѣтами путь жизни; крылатый ребенокъ, похожій на Эрота, присловяется къ ней и слѣдуетъ за нею. Въ рукѣ у него свѣточъ, который онъ высоко поднимаетъ, чтобы разогнать послѣдній мракъ ночи. Спокойная, поэтическая ком-

позиція этого барельефа, безмятежное впечатлѣніе, которое оно производитъ на зрителя, даютъ ему невыразимую прелесть.

Гробница Піа VII, въ церкви Святаго Петра, въ Римѣ, очень замѣчательна, какъ произведеніе скульптуры, но не производитъ сильнаго впечатлѣнія на зрителя. Вы смотрите на украшающія ее изваянія и въ то же время на архитектуру; взоръ дѣлится между тѣмъ и другимъ, и не знаешь, на чемъ остановиться. Ваятель не далъ довольно рѣзкости своей мысли; она теряется во множествѣ линий, которыя совершенно подавляютъ ее; невольно впадаетъ на умъ, что мысль, несродная его мысли, создала архитектурную часть, и сковала порывъ его энтузіазма, его поэтическое вдохновеніе. Этотъ памятникъ, четвероугольный, съ дверью посерединѣ, украшенъ съ обѣихъ сторонъ статуями. На немъ стоитъ изображеніе папы, благословляющаго народъ.

Подъ изображеніемъ Піа, — статуи *Силы и Мудрости*. Сила, не смотря на выраженіе умлевія, поражаетъ своимъ могуществомъ: руки сложены на груди, средоточіи всякой силы; взоры обращены къ небу, источнику истинной силы; она по видимому вовсе не помышляетъ о своемъ могуществѣ, котораго матеріальный символъ, палицу, она попираетъ ногами. Драпировка проста; она прикрыта львиною шкурою. Положеніе полно энергіи и благородства.

Мудрость отличается спокойствіемъ; на головѣ ея масляный вѣнокъ; она читаетъ Евангеліе, и кажется съ восторгомъ упивается этою божественною влагою. Она одѣта въ папцырь, означающій безъ сомнѣнія, что она недоступна заблужденіямъ и злобѣ людей.

Въ Пизѣ, на кладбищѣ Campo Santo есть также произведеніе датскаго художника. По смерти знаменитаго врача Вакка, соотечественники его открыли подику на сооруженіе ему надгробнаго памятника, и обратились къ Торвальдсену, который избралъ для барельефа этой гробницы изцѣленіе Тобіа. Исполненіе отличается гибкостью, тонкостью, выраженіемъ и вкусомъ; вся группа дышетъ вѣчнымъ, безмятежнымъ спокойствіемъ. Въ головѣ вожатаго Тобіа есть нѣчто небесное, ангельское; руки и ноги небеснаго посланца тонки, вѣжны, совершенно не земныя. Тобій ждетъ съ непоколебимою вѣрою; сынъ его приступаетъ къ врачеванію съ нѣжною заботливостью, онъ едва прикасается къ вѣкамъ старца; мать устремляетъ на нихъ безпокойный взоръ.

Первому скульптору нашего вѣка выпалъ жребій передать потомству и увѣковѣчить образъ Байрона, одушевивъ мраморъ всеми характеристическими чертами великаго поэта. Въ позѣ его Байрона есть нѣчто англійское: простое и вмѣстѣ благородное; окру-

жающія его подробности придаютъ еще болѣе величія его прекрасной, выразительной головѣ. Какое вдохновеніе въ лицѣ знаменитаго поэта сердца! Въ рукахъ у него рукопись *Чайльдъ Гарольда*, онъ хочетъ писать; у ногъ, между обломками греческихъ памятниковъ, черепъ и сова, эмблема Минервы, напоминаютъ разрушеніе города богини. Самъ поэтъ сидитъ на изувѣченныхъ обломкахъ аонискаго храма, которыя производятъ на него то же вліяніе, какое производилъ священный треножникъ на сивиллу; въ глазахъ его, устремленныхъ на величественныя развалины, горитъ огонь генія; сердце его кипитъ презрѣніемъ и гнѣвомъ; онъ изливаетъ свое негодованіе въ страстныхъ, пламенныхъ стакахъ. Сколько движенія въ этой неподвижности! сколько бурной страсти въ этой спокойной, по видимому, душѣ! Страшитесь, угнетатели Эллады; страшитесь минуты, когда сердце его хлынетъ огненнымъ, всепожирющимъ потокомъ! Трепещите его, враги искусствъ и просвѣщенія, опустошители Гомеровой родины, трепещите его; потому что во вѣки не смаете печати, которою онъ заклеивитъ васъ!

Рядомъ съ бурнымъ поэтомъ, вотъ безмятежная, созерцающая голова ученаго: это Коперникъ. Какая глубина мысли въ этой могучей головѣ! съ какою скромностью созерцаетъ онъ въ безконечности дивную систему, которую разоблачаетъ передъ народами, и которой открытіе онъ смиренно приписываетъ Тому, Кто есть источникъ всякой истины.

Рука его чертитъ на глобусѣ движенія небесныхъ тѣлъ, измѣряетъ циркулемъ ихъ разстоянія, удостовѣряется въ точности открытій, совершенныхъ вдохновеніемъ. Вы видите въ лицѣ его, что онъ заранѣе убѣжденъ въ справедливости своихъ заключеній, что онъ угадалъ тайну міроздавія.

Множество другихъ произведеній великаго художника разсѣяно по всѣмъ столицамъ Европы. Конная статуя *принца Максимилиана Баварскаго* украшаетъ одну изъ площадей Мюнхена; это одно изъ лучшихъ произведеній Торвальдсена. Въ Варшавѣ фонтанъ украшенъ статуею *князя Понятовскаго*; лошадь пьитъ передъ водою, напоминающею волны Эльстера; но всадникъ, рѣшившійся умереть, воззаетъ ей шпоры въ бока, и принуждаетъ ее броситься въ пучину.

На одной изъ площадей Штутгарда находится статуя *Шиллера*; въ Майнцѣ памятникъ *Гутенбергу*; въ Люцернѣ колоссальный *Левъ*, воздвигнутый въ память Швейцарцевъ, погибшихъ въ Тюльрийскомъ дворцѣ, 10 августа 1792 года. Этотъ огромный левъ, (около 27 футовъ въ длину, и 18 въ вышину) умираетъ, поражен-

ный стрѣлою и покрываетъ своимъ тѣломъ вѣранный его защитѣ гербъ Франціи.

Торвальдсенъ снялъ копію съ барельефовъ, изображающихъ *День и Ночь*, по заказу лорда Люкана, которому принадлежитъ также его *Венера*. Группа *Трехъ Грацій* принадлежитъ герцогу Аугустенбергскому; *Геба* украшаетъ галерею лорда Ашбѣртона, *Ганимедъ* галерею лорда Эджвартова. У герцога Бедфордскаго находятся три барельефа, изображающіе *Психею*, *Пожизненіе Бризеиды* и *Пріама у ногъ Ахиллеса*. У банкира Гоге, кромѣ *Язона*, первой статуи Торвальдсена, находятся *Психея* и *Геній искусства*. *Адонисъ*, котораго Канова считалъ лучшимъ произведеніемъ новѣйшей скульптуры, былъ изваянъ для принца Максимилиана Баварскаго, а *Музы, пляшущія вокругъ Грацій*, для баронессы Шуберъ.

Кромѣ исчисленныхъ произведеній, неутомимый Торвальдсенъ создалъ еще множество статуй, барельефовъ и памятниковъ, разсѣянныхъ повсюду; исчислить ихъ здѣсь было бы невозможно, потому что ихъ наберется до полуторасти.

Банкиръ Гоге, заказавъ молодому художнику статую *Язона*, въ то самое время, какъ онъ собирался въ Копенгагенъ, подарилъ Европѣ много прекрасныхъ произведеній, много свѣжихъ отблесковъ древности, подходящихъ къ стилю всего, что было создано до него. Но невольно рождается вопросъ: не большую ли услугу оказалъ бы онъ искусству, если бы отпустилъ Торвальдсена на родину, гдѣ талантъ его получилъ бы другое, совершенное самостоятельное направленіе.

К чему всегда искать вдохновенія у грековъ, и у римлянъ копировать произведенія предшествовавшихъ намъ народовъ, воспроизводить ихъ героевъ и боговъ? Ихъ музей искусства полонъ: зачѣмъ гоняться за невозможнымъ, за выраженіемъ того, что они мыслили и чувствовали, и слѣдовательно выразили гораздо лучше насъ? Зачѣмъ не пытаться осуществлять родныя и современныя впечатлѣнія, истинныя для насъ чувства, вмѣсто подѣльныхъ понятій отжившаго вѣка и чужаго племени?

На сѣверѣ, точно также, какъ въ Италіи, найдутся всѣ типы прекраснаго, существующіе въ природѣ; но въ холодныхъ странахъ эти типы примутъ особенный отбѣнокъ, особенный характеръ, отличающій ихъ отъ тѣхъ же типовъ на югѣ. И эти сѣверные типы, вылившіеся въ произведеніяхъ великихъ художниковъ сѣвера, не только обогатятъ искусство сѣверныхъ народовъ, но прибавятъ еще новый разрядъ къ сокровищницѣ искусства всего человѣчества.

Если-бъ молодой художникъ, научившись въ Италіи искусству выражать свои мысли, возвратился въ Копенгагенъ, онъ не имѣлъ бы болѣе передъ глазами образцовъ, но имѣлъ бы свой гений и природу, и тамъ бы творилъ самостоятельно. Поощряемый участіемъ соотечественниковъ, пораженный зрѣлищемъ снѣжныхъ горъ родины, ея потоковъ и ея сѣраго неба, вдохновенный еогоническими мѣрами Эдды и исландскими сагами, онъ создалъ бы новые образы для своихъ мыслей; его фантазія извлекла бы изъ этого новаго міра новыя божества, и обогатила бы искусство произведеніями, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія. Гений его, вскормленный родною исторіею, вмѣсто того, чтобы съ благоговѣніемъ поклоняться образцамъ, завѣщаннымъ древностію, вознесся бы выше и смѣлѣе на крыльяхъ скандинавской поэзіи.

Несмотря на это стремленіе подражать древнимъ, произведенія Торвальдсена образцовы, потому что стиль ихъ всегда соответствуетъ изображаемому предмету. Они займутъ почетное мѣсто въ ряду произведеній великихъ ваятелей XIX вѣка, и будутъ жить въ потомствѣ, равно какъ прекрасныя свойства души художника: его кротость, смиреніе, безкорыетіе, великодушіе. Величайшимъ счастіемъ было для него, когда онъ могъ помочь нуждающемуся молодому художнику; потому что онъ помнилъ, какъ облагодѣтельствовалъ его банкиръ Гоге, когда онъ еще былъ скромнымъ художникомъ, безъ состоянія и безъ имени.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ одинъ изъ множества случаевъ его жизни. Покойный Прусскій король желалъ заказать ему статую. Торвальдсенъ, зная, что одинъ талантливый прусскій художникъ жилъ въ бѣдности и въ несчастіи, отвѣчалъ королю: «Въ Римѣ есть одинъ подданный вашего величества, который лучше меня можетъ исполнить, къ удовольствію вашему, порученіе, которое вамъ угодно возложить на меня. Позвольте мнѣ обратить вниманіе вашего величества на этого даровитаго художника». — Этотъ соперникъ былъ Робертъ Шадо, который въ восторгѣ благодарности создалъ свою очаровательную прядильницу.

Авторъ этихъ строкъ не имѣлъ счастья видѣть самого Торвальдсена; онъ былъ въ Копенгагенѣ, когда я посѣтилъ его мастерскую въ Римѣ. Ученики его съ любовью показывали мнѣ его произведенія. Вокругъ нихъ, казалось, стало пусто съ тѣхъ поръ, какъ живительная мысль учителя не одушевляла ихъ; фантазія ихъ, лишенная благотворнаго свѣту его генія, казалась безцвѣтна и холодна. Это были спутники, утратившіе освѣщающее ихъ свѣтило.

Я спросилъ, когда возвратится ихъ учитель? — Весною, отвѣ-

чали они. — Но увы! весна наступила, но не оживила бранныхъ остатковъ великаго художника.

Созерцаніе произведеній Торвальдсена дало мнѣ понятіе о его личности. Впослѣдствіи я видѣлъ два прекрасные его портрета. Одинъ гравированъ художникомъ Гаццали, въ Римѣ, въ 1831 году, Физіономія художника строга, даже сурова; орлиный взоръ его, кажется, проникаетъ все тайны искусства, чтобы воспроизвести ихъ въ живыхъ образахъ. Лицо его спокойно; но въ сердцѣ, которое его одушевляетъ, пышетъ пламя. Кажется, портретистъ схватилъ его въ минуту творчества, въ одно изъ тѣхъ мгновеній вдохновенія, когда художникъ забываетъ весь окружающій міръ, чтобы предаться созерцацію картинъ, которыя чертитъ собственная его фантазія.

Другой портретъ, рисованный Кицлеромъ, и изображающій Торвальдсена шести-десяти-шести-лѣтнимъ старикомъ, въ сравненіи съ первымъ то-же, что горы, видныя въ туманной дали въ сравненіи съ горами, которыя представляются передъ самими глазами, ярко разрисованныя свѣтомъ и тѣнью. Лѣта подернули черты художника спокойнымъ величіемъ и укротили священный огонь, оживлявшій ихъ. Страсть прекраснаго, энтузіазмъ, смѣнились чувствомъ менѣ бурнымъ, но болѣе идеальнымъ, болѣе небеснымъ; величественное, безмятежное лицо получило болѣе привѣтливое, болѣе добродушное выраженіе. Къ проникаемости его присоединилась какая-то наивность; однако же и тутъ еще онъ, кажется, пытается все тайны искусства, чтобы передать ихъ въ живыхъ образахъ; уста его полуоткрыты, будто для того чтобы пропустить священный духъ, который долженъ влить жизнь въ его созданія.

Возвращеніе Торвальдсена, послѣ многолѣтняго пребыванія въ Римѣ, въ Копенгагенъ, было настоящимъ торжествомъ для жителей и для него самого; онъ вѣзжалъ въ столицу какъ завоеватель, приносившій съ собою не произведенія искусства, похищенные у народовъ древности, а созданія собственнаго своего генія.

Король, вельможи, весь народъ встрѣтили его радостными восклицаніями; пушечная пальба привѣтствовала его прибытіе на родину; поэты писали въ честь его оды: а Христіанъ VIII, еще въ Римѣ почтившій его своею дружбою, возложилъ на него санъ директора Копенгагенской Академіи Художествъ.... И все эти почести, вся эта радость были предтечами погребальнаго торжества....

Смерть похитила его у искусствъ, 25-го марта 1844 года, въ

то время какъ онъ доканчивалъ бюстъ *Лутера* и статую *Геркулеса* для Христіанбургскаго дворца.

Торвальдсенъ пошелъ въ театръ, котораго онъ былъ страстнымъ любителемъ, и который постоянно посѣщалъ; еще не поднялся занавѣсъ, какъ онъ упалъ съ креселъ отъ сильнаго удара паралича. Его тотчасъ отнесли домой; гдѣ онъ чрезъ нѣсколько минутъ умеръ, не выговоривъ ни одного слова.

Король, вся знать, все жители Копенгагена, присутствовали при погребеніи перваго художника Даниі; оно совершилось 30 го марта, въ Горьской церкви, гдѣ и погребены бранные останки.

Кромѣ славы и всеобщаго уваженія, талантъ Торвальдсена доставилъ ему также огромное богатство, около полутора милліона рублей серебромъ, которые онъ отдалъ въ пользу тѣхъ-же искусствъ, отъ которыхъ ихъ получилъ. Онъ завѣщалъ все свое состояніе Копенгагенскому музею.

ИСПОВѢДЬ ЗОЛОТОИСКАТЕЛЯ ИЗЪ КАЛИФОРНІИ.

Разсказъ золотоискателя, у котораго нѣтъ золота ни пылинки. — Отвѣздъ. — Мечты. — Санъ-Франциско. — Населеніе. — Игровые дома — Картофель въ три франка. — «На висѣлицу его!» — Жизнь на принсахъ. — Бандиты, Янки, гремучія змѣи. — Поучительное заключеніе.

Дней восемь назадъ мы обѣдали у знакомаго банкира въ Антэнскомъ Предмѣстіи. Одинъ изъ гостей былъ капитанъ корабля, только что возвратившійся изъ Калифорніи. Мы не могли скрыть удивленія, встрѣтивъ такого челоука печальнымъ, преждевременно одряхлѣвшимъ, нуждающимся даже въ необходимомъ и, въ добавокъ, съ глубокими рубцами на лицѣ. Любопытство не давало намъ покою. Наконецъ, убѣжденный нашими просьбами, бѣднякъ капитанъ принялся разсказывать свои похождения, а мы ихъ слушать. Этотъ неизвѣстный, откровенный разсказъ посылаю я къ вамъ; онъ всего вѣрнѣе познакомитъ васъ съ Калифорніею.

«Въ прошедшемъ году, началъ капитанъ, состояніе мое простиралось тысячъ до ста франковъ, и женитьба уже манила меня отдохнуть отъ трудовъ служебной жизни. Десятки премиленькихъ невѣстъ нѣжно вздыхали вокругъ меня и простирали ко мнѣ нѣжныя ручки съ равнымъ завиднымъ приданымъ. Выби-

рай любую! Такъ-нѣтъ, навязался пріятель, убѣдилъ рискнуть — съѣздить въ Калифорнію. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, говорилъ онъ, ты будешь богаче Ротшильда. Лукавый дернулъ, я, снарядилъ бригъ и поѣхалъ.

«Приближалась цѣль моей поѣздки; но вотъ, въ Вальпарейзо, въ Танти и на Сандвичевыхъ островахъ узнаю такія истины, отъ которыхъ попростымъ мой энтузіазмъ. Я сталъ порядочно грустить и сомнѣваться.

«Снова оживились мои надежды, когда я увидѣлъ Санъ-Франциско.

«Представьте себѣ входъ узкій, какъ въ Брестъ, потомъ огромную гавань, гдѣ устываются корабли всего свѣта; а островокъ, близъ устья, такъ и ждетъ, кажется, цитадели и батарей! Этотъ портъ со временемъ будетъ славною морскою позиціею.

«Санъ-Франциско (или Хэрба Буэна) лежитъ вправо, за стариннымъ испанскимъ укрѣпленіемъ. Давно ли считался онъ бѣднымъ селеніемъ, а нынче сдѣлался уже городомъ въ пятьдесятъ тысячъ жителей; нынче у него больше мачтъ и шума, чѣмъ у Гавра или Бордо. Я видѣлъ четыреста коммерческихъ судовъ, покинутыхъ экипажами, подъ надзоромъ одной американской корветты. Здѣсь флота не украдутъ, возьмутъ лишь золото. И къ чему эти суда — привозить людей да увозить слитки, которые увезти трудно.

«Санъ-Франциско — вселенная въ миниатюрѣ. Французы, англичане, испанцы, нѣмцы, американцы, китайцы, островитяне, со всѣхъ широтъ, представляютъ тамъ сущее вавилонское столпотвореніе. Малайцы, бродяги изъ Ботани-Бей и океанійскихъ архипелаговъ, плуты, воры, разбойники большихъ дорогъ, пираты, флибустьеры, бѣглые убійцы, ссыльные и банкроты визшаго и высшаго разбора, однимъ словомъ, бездѣльники всѣхъ частей свѣта принадлежатъ къ главному населенію Санъ Франциско. Не знаю, какая участь ждетъ Калифорнію въ будущемъ, но она начинается точь-въ-точь, какъ Римская Имперія. Случайно видѣлъ я тамъ прежняго министра короля Камеамеа, котораго библейскія протестантскія общества провозгласили великимъ современнымъ законодателемъ; теперь онъ жестоко разбойничаетъ по берегамъ Сакраменто. Приключенія его и его товарищей доставили-бы обильные матеріалы нашимъ романистамъ и драматургамъ. Мушкетеры и Монте Кристо, не во гнѣвъ г-ну Дюма, чистѣйшія идилліи въ сравненіи съ ихъ продѣлками.

«Странный людъ этотъ шевелится, какъ муравейникъ въ импровизованномъ городѣ. Всюду постоянная толкотня всѣхъ ти-

повъ, костюмовъ, всѣхъ возможныхъ предметовъ общежитія, отъ вагона до тачки. Самый городъ представляетъ живописную смѣсь каменныхъ и деревянныхъ домовъ, бѣлыхъ и небѣлыхъ, впрочемъ расположенныхъ очень правильно; надъ ними господствуютъ церкви различныхъ исповѣданій, театръ, биржа и игорные дома. Здѣсь-то настоящая жила зотота.

«Игорныхъ домовъ бездна! потому что у обитателей Санъ-Франциско жизнь проявляется въ игрѣ. Всюду рулетки; дома для нихъ тѣсны. Успѣютъ выстроить сарай и является ужъ банкиръ, занимаетъ его, не торгуясь, — и раскидываетъ зеленое поле; оттого то помещенія тамъ невыносимо дороги. Бываютъ дома, которые ходятъ по сто пятидесяти тысячъ и по триста тысячъ франковъ въ годъ. Я знаю, что за наемъ нѣкоторыхъ платили даже около милліона. Во многихъ отношеніяхъ жизнь въ Санъ-Франциско страшна своею дороговизною. Самъ я платилъ по три франка за картофелю, а за двѣнадцать яицъ шестьдесятъ франковъ! Ловкость индѣйцевъ Янки поддерживаетъ эту жестокую дороговизну. Янки славятся шарлатанствомъ; они надуваютъ самыхъ смысленныхъ американцевъ, — которые метятъ за себя поговоркою: «Play a Yankee trick» (ты плутуешь, какъ Янки).

«Сумасшествіе калифорнскихъ игръ стоитъ посмотреть. На нихъ сбѣгаются изъ рудниковъ, съ кушаками полными золота. Шумно начинается игра. Слитки идутъ въ обмѣнъ восьмидесяти-пяти франковыхъ злотниковъ, и горе банкирамъ или партнерамъ, если завяжется ссора; ее обыкновенно оканчиваютъ пинками и кулачнымъ боемъ. Неугомонныхъ часто судить и пистолетъ. Тогда, вмѣсто всѣхъ разбирательствъ, «manager» (президентъ игры) кричитъ громовымъ голосомъ: «Смирно, вы-тамъ! Молчите!» Если шумъ продолжается, президентъ, въ свою очередь, заряжаетъ пистолетъ. «Убирайтесь вонъ-драться, провозглашаетъ онъ, или я проберу васъ. (I'll take a holle in you). Само собою разумѣется, что по выходѣ изъ игорнаго дома, пистолетная перепалка возобновляется тѣмъ ожесточеніемъ, что во многихъ кушакахъ остается одинъ цвѣтъ золота, поглощенного банкомъ. Я то-же, однажды, пустился было въ эти рулетки, но президентъ презрительно возвратилъ мнѣ мои деньги. «Вы, вѣроятно, не такъ давно еще здѣсь, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, мы играемъ на золотники золота, и не на серебряную мелочь.» Когда банкиры зарабатываютъ тысячъ сто франковъ въ вечеръ — они считаютъ, подобно Титу, свой день потеряннымъ. Вы поймете, что и другія удовольствія обходятся не дешевле игры.

«Воровство, единственный порокъ, который изгнанъ изъ Санъ-

Франциско. Каждый старается сохранить свое благопріобрѣтенное и, по неволѣ, долженъ заботиться о другихъ. Если плутъ пальцемъ коснется до товаровъ, лежащихъ, безъ присмотра, на улицахъ, сотня пуль изъ оконъ и палатокъ мигомъ отправятъ его къ праотцамъ.

«Чтобъ дать понятіе о калифорнской администраціи, я приведу вамъ слова алькада, въ которомъ она изобразилась, какъ нельзя лучше.

«Преступленія со дня на день увеличивались въ его округѣ, гдѣ бандиты учредили свою главную квартиру. На каждую жалобу алькада хладнокровно отвѣчалъ: «На висѣлицу его!» Въ этомъ заключались всѣ судебныя слѣдствія. Обиженные выполняли приговоръ тутъ-же и преспокойно возвращались къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Есть, правда, тамъ и сямъ присяжные, но они только безчестятъ законъ.

«Нишіе Санъ-Франциско просятъ милостыни, какъ въ Жиль-Блазѣ, съ пистолетомъ въ рукѣ. Я встрѣтилъ пріѣзжаго парижанина, котораго разбойникъ едва не застрѣлилъ, прося денегъ на водку. Парижанинъ привезъ жалобу судѣ, а тотъ, вмѣсто всякаго отвѣта далъ ему свой пистолетъ. «Если вы допустили оскорбить себя — вѣрно у васъ нѣтъ оружія»... сказалъ онъ ему въ утѣшеніе. На другой день, знакомецъ мой отправился обратно во Францію.

«Ежедневно въ Камфорнію пріѣзжаютъ около двухъ тысячъ эмигрантовъ. Явленіе американскаго судна возбѣщается всегда восклицаніями радости: на немъ обыкновенно женщины. Впрочемъ, не смотря на непрерывно возрастающее населеніе, необходимые жизненные припасы вовсе не такъ дороги, какъ о томъ кричали до сихъ-поръ. Фунтъ свѣжей говядины стоитъ одинъ франкъ двадцать-пять сантимовъ. Сухари и солонина въ изобиліи и продаются, почти за ту же цѣну, какъ въ Европѣ. Въ мою бытность навезли столько настоящаго или поддѣльнаго бордоскаго вина, что едва не были принуждены сбывать его за половинную цѣну. Купцы догадались и убытку не понесли, распустивъ слухъ, что всякое другое вино возбуждаетъ лихорадку.

«Ручная работа въ Санъ-Франциско дорога до невѣроятія. Простой носильщикъ выручаетъ восемь-сотъ франковъ въ мѣсяцъ; поваръ двѣ тысячи, а ремесленникъ еще больше. Оттого-то вы видите тамъ, что милліонеры стряпаютъ сами, а знатные сеньоры чистятъ себѣ сапоги.

«А золото, спросите вы, гдѣ оно, какъ добывается, въ какомъ количествѣ? — Отсюда исповѣдь моя становится поучительною.

Калифорнія, правду сказать, земля золотая. Чтобы найти зернышки благороднаго металла, иногда достаточно взять горсть земли и промыть ее въ ближайшемъ ручьѣ. На этотъ счетъ, что ни писали, нисколько не преувеличено; но рассказывая о богатствахъ, забыли выставить, какихъ издержекъ, опасностей и трудовъ они стоятъ. Если бы эмигрантовъ было не такъ много, всѣ они могли бы обогатиться легко и скоро; безумное-же состязаніе влечетъ за собою одни гибельныя послѣдствія.

«При отъѣздѣ, со мною было тридцать матросовъ, людей сильныхъ и рѣшительныхъ; съ ними надѣялся я сдѣлать многое. Въ Санъ-Франциско мы принуждены были дать огромныя деньги за наше помѣщеніе, покупать инструменты на вѣсь золота, потомъ работать вмѣстѣ съ разбойниками и каторжниками, среди дикарей и хищныхъ звѣрей, бороться противъ препятствій природы и пороковъ цивилизаціи, рыть землю подъ знойными лучами солнца, страшась, на каждомъ шагу, бандитовъ, тигровъ и индійскихъ пуль, таскать тяжелыя корзины на промывку за нѣсколько верстъ отъ рудника, изнемогая отъ жара; возвращаться безъ силъ, въ лихорадкѣ, безъ внутренней жизни, безъ сердечныхъ или умственныхъ утѣшеній, искать развлечения въ грубой чувственности и наконецъ видѣть лучшую добычу въ рукахъ безстыднаго, смѣлаго силача, тогда какъ честный, но слабый, едва трудомъ собираетъ плодъ своихъ жертвовацій и усилій. Милліоны, въ Калифорніи, добываются насиліемъ, ударомъ ножа, или мѣткою пулею.

«Люди мои скоро смѣкнули дѣло и покинувъ меня, принялись работать на свой счетъ. Я остался одинъ-одинехонекъ съ машинами, инструментами и расходными книгами. Нечего дѣлать: надо было самому взяться за заступъ, изъ хозлява сдѣлаться работникомъ, надѣть парусиные штаны да красный байковый камзолъ и пуститься раскапывать землю наравнѣ съ другими двумя стами тысячъ рукъ.

«Между работающими, послѣ американцевъ, главное мѣсто занимаютъ французы; но они слишкомъ неопытны и дѣлаютъ пропасть промаховъ въ своихъ сношеніяхъ съ англійскими и новосвѣтными пройдохами! Джонъ-Булль и граждане Союза жестоко падувають Францію въ Санъ-Франциско! Французы, при недостаткѣ смысленности и единства, ведутъ плохо дѣла, перебиваются со дня на день и достаютъ чрезвычайно мало. Не приискомъ золота обогатятся они, но привозомъ своеземныхъ произведеній, въ особенности вощъ и водокъ, которымъ Калифорнія открываетъ огромный сбытъ.

«Къ несчастію, поздно схватился я за умъ. Привези я въ Санъ-

Франциско грузъ водокъ или инструментовъ и не одна сотня тысячъ перепала бы мнѣ въ карманъ. Въмѣсто того, съезъ я туда сто тысячъ франковъ, въ надеждѣ выручить золота по-крайней-мѣрѣ на миллионъ и возвратился бѣднѣе прежняго, съ разстроеннымъ здоровьемъ и шестью рубцами.

«Теперь наследницы, на которыхъ не глядѣлъ я до моей поѣздки, отказываются отъ меня сами. Для одной я сдѣлался слишкомъ старъ, для другой дурень; для этой бѣденъ, и для той потерялъ здоровье. Вотъ вамъ и поѣздка въ Калифорнію.»

Участіе вынудило меня спросить у капитана, гдѣ его такъ жестоко изувѣчили.

«Придется рассказывать новую Одиссею, сказалъ онъ мнѣ; этимъ меня украсили зубы тигра, пуля янки, малайскій кинжалъ и змѣнное жало.

— Какъ, да развѣ есть тамъ змѣи?

«Да; это маленькое неудобство иногда встрѣчается на приискахъ золота.... И мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ.... Одинъ индѣецъ указалъ мнѣ огромную скалу, изъ которой билъ небольшой ключъ, увѣряя, что въ ней скрывается необъятное сокровище. Захотѣлось попытать счастья и я съ тремя товарищами принялся за работу. Ровно шесть часовъ ламаемъ камень заступомъ,—нѣтъ ничего, только вода хлещетъ сильнѣе. Наконецъ она брызнула потокомъ, а мы упали отъ изнеможенія. Часа три лилась вода, но вдругъ перестала.

«— Теперь время, сказалъ индѣецъ; подождите меня здѣсь, а я взберусь на верхъ, посмотрю нѣтъ-ли тамъ чего. Онъ собралъ нѣсколько ароматныхъ растений, свернулъ пучкомъ, привязалъ къ спинѣ и, какъ кошка, векарабкался на неприступную скалу. Мы себѣ ждемъ. Вдругъ видимъ съ вершины стелется густой, ѣдкій дымъ, который захватилъ намъ дыханіе. Только мы успѣли поднять голову, откуда ни возмись—летятъ, падаютъ и совершенно покрываютъ насъ какіе-то сѣроватые клубы. Я вскопчилъ болѣе отъ удивленія, чѣмъ отъ ужаса, и тогда только, по пронзительному шипѣнію и тоненькому звону колокольчиковъ, узналъ десятка два гремучихъ змѣй.

«Эта была продѣлка индѣйца (Un Yankee trik); онъ просто хотѣлъ избавиться отъ насъ, безъ хлопотъ. Слава Богу! что я еще могъ отдѣлаться двумя ранами, отъ которыхъ слѣды остались у меня на-всегда. Что касается до индѣйца—онъ скрылся, убивъ однако-же камнемъ одного изъ моихъ товарищей, который хотѣлъ наказать его безстыдство пулею.

«Забылъ сказать я вамъ, что кромѣ того въ Санъ-Франциско

у меня открылась неизлечимая боль внутренностей отъ колодезной воды, нарочно отравленной другими индѣйцами *ejusdem farinae*.

«Вотъ моя пріятная и послѣдняя награда.

«Изо всего этого я заключилъ, подобно майору Пуссеню : «Золота въ Калифорніи много, да чтобъ добыть его — надо имѣть побольше серебра.»

А. БОНАВЕНТУРА.

ЖИВОПИСЬ ВЪ ИСПАНІИ.

(письмо изъ Мадрита).

.... Отчего я поѣхалъ въ Испанію, а не въ Германію или въ Китай, этого я вамъ никакъ не скажу. Знаете-ли вы, отчего Колумбъ, находясь близъ водъ Америки, не поплылъ на западъ, что, по замѣчанію Вашингтона Ирвинга и Гумбольта, прямо привело-бы его къ Гатерасскому мысу и къ Виргиніи? — Все оттого, что товарищъ его Алонзо Пивсонъ увидѣлъ нѣсколько попугаевъ, которые летали на юго западъ, и что ему непремѣнно хотѣлось переночевать въ кустарникахъ твердой земли. Вотъ что бываетъ иногда отъ какой нибудь глупой птицы. Не случись этого и полуденные жители насѣляли-бы теперь Сѣверную Америку, а Испанія съ остальной Европой, въ XVI вѣкѣ, не обогатились бы сокровищами Мексика и Перу.

Итальянцы говорятъ правду: *Il mondo va da se*. Туристы, какъ и весь свѣтъ, предаются волѣ случая. Мѣсяць спустя по отъѣздѣ моемъ изъ Парижа, я уже былъ въ Мадритѣ и тамъ первымъ дѣломъ моимъ было посѣщеніе Музея. Не думайте, этимъ я не заслужилъ ни похвалы, ни упрека; путеводителя я не беру, а планы городовъ покупаю, когда ужъ самъ знаю ихъ назусть. Все случай, все случай!

Знакомый намъ критикъ, бросивъ взглядъ на испанскій музей, непремѣнно осудилъ бы его на сожженіе, какъ, помните, когда-то пѣкій соборъ въ Парижѣ. Въ самомъ дѣлѣ, архитектура Музея не завидна, но я не люблю разрушенія — я оригиналенъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо — не хочу вовсе, чтобъ его трогали. Онъ богатъ чудными собраніями картинъ и онѣ въ немъ расположены и освѣщены превосходно.

Этихъ картинъ я не стану описывать здѣсь, какъ знатокъ и

ученый — нѣтъ, представлю вамъ только простой очеркъ всего, что я видѣлъ. Судите сами!

Едва-едва знакомы мы съ испанскою школою и рѣдкаго изъ нея дѣятелей знаемъ совершенно. До-сихъ поръ полною извѣстностію пользовались у насъ только Мурильо и Рибера. Кто подумаетъ, что и Мурильо отличался миленькими пейзажами, что и онъ пустилъ въ свѣтъ нѣсколько небольшихъ произведеній, занимающихъ средину между Теньеромъ и Ватто? Изъ этихъ послѣднихъ я въ особенности укажу на его *Блуднаго сына*, который весело пьетъ въ кругу очаровательныхъ дѣвъ, подъ романтическіе напѣвы гитарреро. Это мило и носить на себѣ отпечатокъ оригинальности. Пейзажи Мурильо рѣдки; между ними особенно замѣчательнъ одинъ... Въ глубинѣ — скалы; роскошная растительность — вещь болѣе удивительная, нежели вы думаете, въ Испаніи, — раскинулась по берегамъ потока, текущаго на переднемъ планѣ. Это не верхъ искусства, но свѣжо и игриво. Что касается до его мастерскихъ произведеній, то почти нѣтъ возможности перечислить ихъ. Мурильо одинъ изъ удивительныхъ дѣятелей искусства. Его *Хитана* въ Мадритскомъ Музеѣ лучше его луврскаго *Проказеннаго*; здѣсь же вы увидите его: *Дѣву, окруженную херувимами*, *Зачатіе Предтечи*, *Младенца Иисуса съ Св. Іоанномъ*, *Благовѣщеніе*, *Скорбящую Богоматерь* и *Мученіе Св. Андрея*, которое описать я не въ силахъ. Хотите вы составить объ немъ идею — ступайте въ Парижѣ, посмотрѣть на галерею маршала Сульта. Для чужеземца, недавно пріѣхавшаго въ Мадридъ, Мурильо сначала непонятенъ, потому что въ Музеѣ и въ Академіи Художествъ есть его произведенія очень посредственныя, даже плохія, наиримѣръ: *Младенецъ Иисусъ*, извѣстный подъ именемъ *Божественнаго Пастыря*.

Рибера провелъ нѣсколько времени въ Италіи и мы знаемъ его лучше, чѣмъ всѣхъ другихъ испанскихъ живописцевъ, но знаемъ въ маломъ. Въ Мадридѣ онъ является создателемъ позъ самыхъ бурныхъ, сценаъ глубоко проникнутыхъ отчаяніемъ — тутъ чудесное дѣлается его достоинствомъ, невозможное — недостаткомъ. Взгляните на этого страшнаго великана, котораго онъ называлъ *Прометеемъ* — чистый галлавизмъ, но не природа. Человѣкъ никогда не могъ быть такимъ, какимъ онъ изобразилъ его! Но здѣсь же подивитесь его *Св. Себастьяну*, головѣ *Сивиллы*, выраженію его *Магдалины*. Одинъ изъ этихъ произведеній, чистотою и нѣжностію, равняются школѣ римской, другія подходятъ къ великолѣпнымъ созданіямъ венеціанскимъ, — но съ чѣмъ сравнить его *Св. Себастьяна*?

Въ главѣ испанскихъ художниковъ, которыхъ меньше знаемъ мы, я помѣщу Веласкеса. Севилья считаетъ его своимъ вскормленцемъ и, въ материнской любви, ставитъ на ряду съ другимъ своимъ сыномъ—Мурильо. Въ сущности Веласкесъ не обладаетъ ни композиціею, ни чувствомъ, ни колоритомъ Мурильо, но при всемъ томъ, онъ художникъ великій! Многія произведенія, оставленные имъ, даютъ ему мѣсто между первыми мастерами и служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ его разнообразія и оригинальности. Религіозные предметы, свѣтскія сцены, портреты, пейзажи — за все принимался онъ и раза три, по крайней мѣрѣ, мѣнялъ свою манеру. Вотъ чистый питомецъ юга, — для него трудностей нѣтъ; изъ борьбы всегда выйдетъ онъ побѣдителемъ; у него характеръ Роланда или д'Артаньяна, если послѣдній вамъ нравится лучше. Въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ думать, изучать, пытаться — примитесь и когда окончите — увидите, что были трудности и весело будетъ вамъ, что вы ихъ преодолѣли. Радость и счастье, испанцы, вѣчно сулитъ вамъ гармоническій ропотъ Гвадалквирра! Да и какъ при блескѣ такого солнца, подъ такимъ яснымъ небомъ, въ такомъ ароматномъ воздухѣ, живя съ такими чарующими женщинами, — заператься по цѣлымъ днямъ въ мастерской или въ библиотекѣ, изнемогать отъ размышленій и усталости? На нашемъ сѣверѣ, въ добрый часъ, ищите себѣ, думайте, гнитесь надъ фолиантами, — но тамъ — тамъ радость, тамъ волшебство, тамъ мысль — уже исполненіе! *La vida es sueño* въ Севильи, жизнь — сповидѣніе, какъ выразился Кальдеронъ. Взгляните у Веласкеса, на эти *Два садика*. Какая нѣга, свѣжесть, какая легкость кисти! Нравится мнѣ его *Бесѣда гулякъ*, картина, которую посѣтители называли именемъ *los borrachos* (пьяницы); она изумляетъ васъ своимъ великолѣпнымъ юморомъ. Это живопись высокая. *Видъ фонтана въ Аранжуэсъ* ансамблемъ подходит къ школѣ англійской; деревья его невольно напоминаютъ Карота. *Портретъ Филиппа IV*, снятый съ него, какъ гласитъ каталогъ, еще въ возрастѣ зрѣломъ *; жизнь чудная, въ ней много Фанъ-Дейка, особенно лобъ, глаза и волосы. Здѣсь я упоминаю вамъ только о самыхъ важныхъ произведеніяхъ Веласкеса, въ каждомъ изъ его родовъ; можете судить теперь сами о богатствѣ и могуществѣ его кисти!

Разъ я слышалъ, какъ одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ ученыхъ сравнивалъ Шекспира съ живописною дачею. Онъ показалъ намъ,

* Существуетъ другой портретъ Филиппа IV, старика, но онъ далеко не такъ хорошъ, какъ тотъ, о которомъ говорю я.

въ блестящей диссертациі, всё скалы, пригорки, чащи, луга и воды «Гамлета» и «Ромео»; «Короля Лира» и «Венеціанскаго купца.» Не буду противорѣчить такому сравненію; если оно вѣрно, то и Веласкеса можно уподобить Шекспіру.

Довольно о мастерахъ испанской школы!—Вѣдь я пишу не академическій отчетъ, а дружеское письмо туриста, не то, пожалуй, наскучишь и вамъ и себѣ.

Вы знаете лучше меня, чѣмъ отличаются между собою главныя школы живописи; вы знаете ихъ характеръ, достоинства и недостатки, — значитъ, мнѣ нечего распространяться здѣсь объ особенностяхъ школы испанской. Но вотъ, что всего болѣе поразило меня въ ней. Стремясь къ высокому и достигнувъ уже его, она не перестаетъ существовать въ природѣ, въ вещественности. Форма ея лицъ и фигуръ все та же — человѣческая, хотя мысль, одушевляющая ихъ, во многихъ изъ нихъ уже не земная, но божественная.

Не знаю, какъ думаете вы, но по моему, въ пластическихъ искусствахъ заслуга великая — одушевить естественныя формы дивною, небесною мыслью! Не говорю этого въ обвиненіе Рафаэля, но за созданіями ватиканскаго художника скрывается вся манерная, жеманно-мелодрамная школа, и къ ней то относится замѣчаніе мое.

Впрочемъ, испанская и итальянская школы, въ нѣкоторомъ отношеніи между собою схожи, именно, по колориту. Разумѣется, кисть не одна, и самъ я знаю, что колоритъ не владычествуетъ безусловно во всей итальянской школѣ, но между итальянскими и испанскими колористами много подобія. У тѣхъ и другихъ въ тонахъ вы встрѣчаете жаръ, блескъ, пышность, которыми можетъ надѣлать одно южное солнце. Колоритъ ихъ блещетъ, какъ расплавленное золото. Взгляните же теперь на школы сѣвера и вы увидите, для контраста, серебро. За то, какое драгоценное серебро, если его плавил Рубенсы и Фапъ-Дейки!

Между произведеніями школъ чужеземныхъ есть, въ испанскомъ Музеѣ, прекрасныя картины итальянскихъ и фламандскихъ мастеровъ. *Портретъ мужчины*, Тинторета и его *Алегорія славы*, писанная, какъ кажется, въ дружку къ *Изображенію рая*, поражаютъ васъ смѣлымъ исполненіемъ; *Св. Петръ въ темницѣ* и *Купающаяся Сусанна* Гверчино замѣчательны своею оригинальнію. Послѣ Тинторета и Гверчино лучшія произведенія принадлежатъ художникамъ итальянскимъ — Тиціану, Веронезе и Джорджіоне. Рафаэлю и здѣсь — первое мѣсто. Его *Святое Семейство*, извѣстное подъ именемъ *Жемчужины* — чудное созданіе!

Прекрасна, въ этомъ Музеѣ, галлерей фламандскихъ и голландскихъ картинъ. Между ними, по своему забавному юмору, заслуживаетъ вниманіе *Сошествіе Орфея въ преисподнюю*, Питера Фриза. Есть много замѣчательныхъ произведеній Теньера: *Сельская пляска*, *Картинная галлерей Эрцъ-Герцога Альбрехта*—любопытная рѣдкость въ Теньерѣ; *Курильщики и гуляки*, прелестный ландшафтъ, выполненія образцоваго. Далѣе вы любуетесь *Морскимъ берегомъ* и *Сценою*, набросанными смѣлою голландскою кистью Монпера... У стола сидятъ морякъ, направо отъ него женщина въ живописномъ костюмѣ... Вотъ *Пейзажъ* работы Фанъ-Артуа и другой Снейдеса—произведенія мастерскія. Но первенство между фламандцами, въ Мадритѣ, какъ всюду, надо отдать Рубенсу и Фанъ-Дейку. Гениемъ всегда воздается должное. Рубенса напоминаютъ здѣсь *Портретъ Эрцъ-Герцога Альбрехта*, *Деревенскій танецъ*—уступающій, впрочемъ, во многомъ его-же *Деревенскому празднику*, въ Луврѣ, хотя и въ немъ манера, небрежность и группировка тѣ же. Далѣе его-же *Св. Иуда-Обадеи*; *Персей, освобождающій Андромеду*; *Нимфы, испуганныя сатирами* и *Счастіе* въ видѣ очаровательной дѣвы, посимой волнами, по волѣ вѣтровъ. Конечно послѣднее произведеніе одно изъ прекраснѣйшихъ въ мадритскомъ Музеѣ и неподражаемо выражено Рубенсомъ. Выполненіе рѣдкое по богатству, гармоніи и смѣлости. Если это вѣрный снимокъ счастія, такъ и удивляться нечему, что всё за нимъ гонятся.

Фанъ Дейкъ предстаетъ вамъ съ грознымъ, величественнымъ *Францискомъ д'Ассисомъ*; съ высокимъ драматическимъ *Истязаніемъ Спасителя*, съ *Скорбницею Богоматерию*, грусть которой пронзаетъ вамъ сердце, а рисунокъ и краски удивительны. Потомъ вы видите его-же работы портреты графа Берга, органиста Генриха Либерти, одинъ изъ лучшихъ, и портретъ графа Бристольскаго въ одной рамѣ съ его собственнымъ. По моему мнѣнію, въ портретной живописи никто не сравнится съ Фанъ-Дейкомъ, и всё посѣщавшіе Виндзорскую Галлерейю, вѣроятно, согласны со мною.

Кстати, здѣсь я замѣчу одно. При входѣ и даже при выходѣ моемъ изъ мадритскаго Музея, я предпочиталъ Фанъ-Дейка Рубенсу, ученика—учителю: не потому, чтобъ я не признавалъ въ Рубенсѣ болѣе гения, однимъ словомъ, челоука великаго, но потому, что не могъ ему сочувствовать. Выше я сравнивалъ живописцевъ съ поэтами, теперь скажу, что люблю Фанъ-Дейка, какъ Шиллера, немножко какъ Бессона, но нахожу больше отношенія между нимъ и Шиллеромъ. Онъ молодъ, смѣлъ, поэтъ, какъ онъ, и

какъ онъ меланхоликъ и мечтатель. Кисть Фанъ-Дейка стремится къ безконечному, которое ужъ лѣтъ пятьдесятъ не даетъ намъ покою и никогда не покидало германскаго поэта. Онъ не только заставляетъ васъ смотрѣть и удивляться, но невольно погружаетъ въ размышленіе и думу. Готовясь созерцать его *Скорбящую Богоматерь*, я еще живо помнилъ его *Магдалину* Антверпенскаго собора.

Рубенсъ обладаетъ слишкомъ пышными формами, тонами слишкомъ блестящими, которые не производятъ никакого эффекта, не возбуждаютъ никакихъ чувствъ. Иногда онъ небреженъ, даже грубъ и совершенно сбиваетъ васъ съ толку. Вотъ, въ Мадритскомъ музеѣ, его *Три Граціи*, еслибъ не каталогъ; то, право, можно бъ было принять ихъ за тяжеловѣсныхъ фламандокъ въ утреннемъ нарядѣ. Не говорю ужъ о томъ, что художникъ, желая, вѣроятно, вѣрнѣе объяснить смущеніе Париса, не надѣлилъ ихъ красотою.

Но посѣтивъ Эскуриаль, изумительный замокъ, гдѣ, на каждомъ шагу, читаешь исторію Филиппа II, я видѣлъ чудо Рубенса — его *Дѣву, держащую на колѣняхъ Младенца Иисуса*, *Il Bambino*, и это диво измѣнило мои идеи о параллели между учителемъ и ученикомъ. Ни одна картина не производила на меня такого впечатлѣнія. Колоритъ роскошенъ; красная маптія Богородицы, блескомъ и гармонією превосходитъ всѣ созданія венеціанской школы. Ни одинъ художникъ не изображалъ такой головы. Очи горѣ, она, кажется, молитъ Создателя. Какъ будто горизонтъ уже открылъ предъ нею крестъ Голговы. О! это невыразимо чудно! Вотъ настоящія страданія души, какъ передаютъ намъ ихъ великіе художники, одаренные силою, мужественными идеями, твердостью и могуществомъ.

Я ничего еще не сказалъ вамъ о французскихъ художникахъ, которыхъ нашелъ въ мадритскомъ Музеѣ. Правда, что за исключеніемъ нѣсколькихъ работъ Пуссена, Клода Лоррена, Ватто, Лафосса и ничего особеннаго и не встрѣтилъ, но за то видѣлъ, единственную въ своемъ родѣ — *Аллегорію трехъ возрастовъ человеческой жизни*, а подъ нею прочелъ имя Альбрехта Дюрера!

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

Bald ist es dieß, bald ist es das;
Bald ist es nichts, bald ist es was.

=

ТЕАТРЪ ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

Нашъ театръ нѣсколько уже лѣтъ спротестуетъ—ни одна порядочная труппа актеровъ не заглядываетъ къ намъ. Да что-то вообще теперь о провинціальныхъ труппахъ очень мало слышно, — вѣроятно антрепренеры взяли за ремесло болѣе выгодное. Николаевская публика всегда готова поддержать антрепренера, имѣющаго въ своей труппѣ нѣсколько талантливыхъ сюжетовъ, и понимающаго сценическое искусство — не какъ ремесло.... Но что будете дѣлать, когда *таковые* къ намъ рѣдко заѣзжаютъ? Поэтому, можете судить, съ какимъ вѣтерпѣніемъ мы всегда ожидаемъ того времени, когда здѣшніе любители театра, движимые благотворительнымъ дѣломъ, дарятъ насъ нѣсколькими прекрасными минутами. Такъ и 2-го марта этого года было представленіе въ пользу одного бѣднаго семейства. Объ этомъ спектаклѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Но прежде всего должно съ особеннымъ чувствомъ отозваться о виновницѣ благотворенія — Ея Высокопревосходительствѣ, супругѣ начальника Черноморскаго флота и портовъ. Много значить, если первое, всѣмъ уважаемое лицо въ городѣ, подаетъ примѣръ христіанской любви къ ближнимъ: тогда невольно въ каждой груди рождается

сочувствіе и благородная цѣль всегда достигается съ избыткомъ.

Въ концѣ прошлаго года, было у насъ два спектакля въ пользу бѣдныхъ. Въ теперешнее представленіе былъ повторенъ водевилъ: «Комедія съ дядюшкой» и вновь разыгранъ водевилъ «Его превосходительство.»

Не буду подробно распространяться объ исполненіи дѣйствующими лицами этихъ двухъ пьесокъ, — скажу только, что онѣ были разыграны съ удивительнымъ ладомъ и складомъ. Дай Богъ, чтобы намъ когда нибудь удалось видѣть на нашемъ театрѣ подобныя таланты въ настоящихъ актерахъ, которые бы такъ истинно, безъ всякихъ натяжекъ передали и повяли свои роли. — О, я увѣренъ, что при подобномъ исполненіи пьесъ, театръ у насъ всегда былъ бы половъ. Предъ начатіемъ пьесъ были живыя картины.... Но что за картины — прелесть!... Когда я пишу эти строки и вспоминаю объ этихъ воздушныхъ группахъ, — право, какое-то особенное чувство не даетъ мнѣ покойно сидѣть на стулѣ....

Изъ шести картинъ, — исполненіе, обстановка и освѣщеніе которыхъ были превосходны, въ особенности запечатлѣлись въ памяти: «Ангелъ хранитель».... Такъ, кажется, и видишь свѣтлое, парящее неземное существо, которое сейчасъ улетитъ къ своимъ небожителямъ.... А какое выраженіе въ этомъ прелестномъ лицѣ! Нужно было видѣть, какъ этотъ ангелъ хранилъ своимъ наптіемъ спящія, избранныя души.... Вторая картина: «Постриженіе» Художественное представленіе этой группы трудно передать. Непорочная дѣвушка приноситъ объѣтъ Богу, прижимая къ груди своей животворящій крестъ. Въ лицѣ у нея написана цѣлая поэма высокихъ мыслей и чувствъ. Третья «Кавказскій пльнникъ.» Изъ поэмы Пушкина взять былъ тотъ моментъ, когда черкешенка, снимая цѣпи съ русскаго, — говоритъ ему:

Прости! любви благословенья
 Съ тобою будутъ каждый часъ.
 Прости — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ!
 Къ черешенкѣ простеръ онъ руки....

Четвертая картина «Гаданіе», также прекрасная группа лицъ, съ характеристическими выраженіями, до того вѣрными идеи представляемой картины, что если бы вы и заранѣе не знали сюжета ея, то, взглянувъ на группу, тотчасъ отгадали-бы въ чемъ дѣло. Да, такими представленіями здѣшнее благотворительное общество, имѣя въ главѣ своей путеводительницу съ эстетическимъ

вкусомъ, приносить не только благодѣяніе бѣднымъ, но и доставляетъ невыразимое удовольствіе всемъ жителямъ города. Жаль только, что нашъ театръ — по размѣру своему — далеко не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ насладиться и прекраснымъ зрѣлищемъ и быть участниками благой цѣли.

И. БАРТЕНЕВЪ.

Письмо изъ Москвы. — Я, вашъ покорнѣйшій слуга, принадлежу къ числу тѣхъ людей, для которыхъ воспоминаніе о минувшихъ удовольствіяхъ составляетъ самое лакомое блюдо въ настоящемъ.... И потому, при всемъ моемъ смиреніи, при всей великопостной торжественности, не могу не возвратиться къ жирной масляницѣ, когда вся Москва, отъ Лефортова до Плющихи, и отъ Пресни до Рогожской включительно, утопаетъ въ чаду печенья и веселья.... Еще за нѣсколько дней до масляницы, этой съѣстной и сытной, или, какъ вы называете, сырной недѣли, мы уже сдѣлали маленькое предисловіе къ наслажденіямъ и потѣшили нашъ избалованный слухъ въ концертѣ студентовъ Московскаго Университета. Здѣсь мы въ первый разъ услышали двухъ замѣчательныхъ артистовъ изъ питомцевъ Московскаго Университета: цѣвца Н. А. Дмитріева - Мамонова и Н. И. Воскресенскаго, умнаго, отчетливаго скрипача, довольно легко побѣждающаго всѣ трудности инструмента, но не промѣнивающаго, какъ другіе, музыкальнаго чувства на фокусничанье и туръ-де-форсы. Оба артиста стяжали громкія похвалы. Оркестръ также на половину состоялъ изъ студентовъ и выполнялъ свое дѣло съ удивительнымъ задомъ. Многіе любители и артисты поддержали концертъ молодыхъ питомцевъ накуи своимъ обязательнымъ участіемъ. Главные изъ нихъ и наиболѣе принесшіе удовольствія публикѣ, были гг. Рубинштейнъ, Сеймуръ-Шифъ и Петровъ, а изъ любителей Н. О. Кони и Г. Губеръ, два отличные тенора, изъ которыхъ первый пропѣлъ арію Доницетти, а второй, вмѣстѣ съ Петровымъ, дуэтъ изъ «Карла-Смѣлаго.» Затѣмъ, по неизмѣнной методѣ нашихъ прагѣдовскихъ обыкновеній, принялись тѣшить вкусъ и желудокъ дома и въ гостяхъ, а зрѣніе подѣ Новинскимъ.... Какъ Петербургъ лѣтомъ весь, кромѣ труженниковъ улитокъ, за городомъ, такъ точно и Москва на масляницѣ вся подѣ Новинскимъ — отъ набожной и подслѣпаватой старушки до быстроглазой вѣтренницы; отъ солиднаго ученаго, до цестраго деви. Да, на масляницѣ мы всѣ подѣ Нови-

скимъ, или около него; всё, или въ роскошныхъ, новомодныхъ ящикахъ каретахъ, или въ достославныхъ рыдванахъ время очажившихъ и покоренья Крыма, самой античной отдалки, или въ широкихъ русскихъ пошевняхъ, съ узорчатыми коврами, или, наконецъ, стивъ руки въ карманы пальто, а ноги чуть не по колѣно въ избитой творогъ снѣгу—душою и глазами бѣгаемъ мы за каретами, вертимся подъ лошадьми, заглядываемъ въ открытыя окна экипажей, кланяемся встрѣчнымъ и даже цѣлуемся, если встрѣча предсвормо опустонть послѣ блиновъ.... На этотъ разъ, какъ и всегда, Москва оставалась вѣрною своимъ правиламъ веселиться, когда весело, и грустить со всеи и за одво. И хотя ее зовуть старушкой, а она таки трянула стариной—и посмотрите, сколько пересватала, помовила и обручила за масляницу добрыхъ людей—и сколько переженить ихъ послѣ Пасхи.... Добрая, хлопотливая старушка! Ужъ истинно—матушка-Москва. На Пресненскихъ Прудахъ мы неуставно кататься съ англійскихъ горъ подъ русскимъ морозомъ, дождались, какъ и всегда, горнаго бала, вполне утѣшенные передъ тѣмъ *деннымъ собраніемъ*, принадлежащимъ также къ семейнымъ обычаямъ преданія, какъ и смотреть нѣвѣсть въ Дворцовомъ саду. Петербургъ и Москва очень близкіе родственники, но съ чрезвычайно разнохарактерными фizioноміями и понятіями о наслажденіяхъ.... Петербургъ дѣлецъ, аккуратный и расчетливый,—онъ не оторвется отъ своихъ обычныхъ занятій, выкладокъ и расчетовъ для душевнаго разгула.... Москва, напротивъ, по-русски: коли ужъ праздникъ такъ и торжество! Машну и душу на распашку! Тогда у нея на столѣ вмѣсто бумаги—камчатная скатерть, вмѣсто чернилъ—заморское, а фоліанты отправляются на полку и ихъ замѣняютъ кудебьяка съ атрибутами.... Въ одномъ только на масляницѣ родственники не уступаютъ другъ другу—это въ наслажденіи нѣсколько разъ навѣстить театральную кассу и все таки вернуться домой безъ билета....

У васъ, говорятъ, спектакли съѣстной недѣли начались «*Посовымъ*»; не знаю, съ чѣмъ вы послѣ него остались, и кончились другаго рода импровизованнымъ на скорую руку масляничнымъ фарсомъ.... Но мы начали «*Горелъ отъ ума*» и вѣчно готовые на женитьбу—«*Женитьбой*», а кончили водевилями нашей московской фабрики, по парижской выкройкѣ, шитыми на живую нитку русскимъ шиломъ....

Постомъ, въ замѣчательномъ, истинно—художественномъ концертѣ г-на Иоганниса, этотъ старательный капельмейстеръ нашъ подарилъ насъ самыми счастливыми минутами, исполнивъ отчетливо и въ совершенствѣ нѣкоторыя изъ дивныхъ созданій Бет-

ховена, Моцарта и Мельдельсона-Бартольди. Концертъ въ пользу инавалидовъ былъ также нашимъ торжествомъ; тѣмъ болѣе, что мы нѣсколько ознакомились съ тѣмъ, чѣмъ восхищается теперь вся музыкальная Европа, именно съ новымъ произведеніемъ Мейербергера, — съ оперою «Пророкъ». Кромѣ того, позавидуйте, Москва приобрѣла новаго дебютанта, — опернаго артиста г-на Петрова (голосъ его баритонъ). Дебютъ удался артисту, какъ нельзя болѣе — онъ былъ вызванъ четыре раза.... И дѣйствительно, г-нъ Петровъ общаетъ многое, хотя голосъ его не очень обширенъ, но чрезвычайно пріятенъ. Притомъ у него очень хорошая манера пѣнія.

Заключая мои новости, не могу не сказать о *живыхъ картинахъ*, поставленныхъ г-мъ Пино, машинистомъ Большаго Театра.... Въ этихъ картинахъ участвовали артисты русской и французской труппы.... Одна изъ двѣнадцати картинъ, именно «*Похитители*» заслужила общее одобреніе.... Трудно вѣрять, чтобы искусство могло такъ мастерски олицетворить природу съ ея неумовными эффектами, какъ въ «*Похитителяхъ*». Зной Аравійской степи, это море пылающаго воздуха, подъ палящими лучами экваторіальнаго солнца — были совершенствомъ картиннаго искусства!

И. ИВАНИЦКІЙ.

—

Жераръ, истребитель львовъ. — Вотъ любопытное описаніе охоты на львовъ, присланное парижскому Клубу Охотниковъ господиномъ Жераромъ, офицеромъ африканской арміи. Много надобно имѣть смѣлости и беззаботной отваги, чтобы пускаться на такія опасныя предпріятія. Со времени своего прибытія въ Алжиръ господинъ Жераръ убилъ уже 17 львовъ мѣткою пулею; мы помѣщаемъ здѣсь его собственный рассказъ о послѣдней охотѣ.

Константина 7 февраля.

«Два льва, явившіеся неизвестно откуда, рыскали по окрестностямъ Константины, живя на счетъ бѣдныхъ жителей. По моему прибытію они поселились въ странѣ сегіевъ. Это произошло 29 го января нынѣшняго года. Дуаръ, у котораго я остановился, очень непріятно былъ посѣщенъ ими ночью. На другой день, съ зарею, отправился я на плоскую возвышенность горы Зера-еръ, гдѣ мнѣ удалось убить послѣднихъ львовъ, въ февралѣ 1849 года. Десять арабовъ обходили лѣсъ отъ сѣвера къ югу,

десять другихъ противоположно отъ юга къ сѣверу. Сходка назначалась на плоскости горной вершины.

«Сѣвернымъ сыщикамъ не посчастливилось, они нашли только слѣды нашихъ недруговъ, запорошенные снѣгомъ. Южные открыли самое логовище и львы очень удивились, что ихъ будятъ такъ рано. Они уплелись, выражая глухимъ ревомъ свое неудовольствіе и пріютились не въ дальнемъ разстояніи отъ прежняго убѣжища. Шенеъ сегіевъ донесъ мнѣ, что одинъ левъ покровительствуетъ другому и, какъ видно, оба не откажутся отъ бою. Часа въ два по полудни отправился я самъ къ логовищу; львы не покидали его. Арабы, оставленные для надзора, сказали мнѣ, что одинъ левъ нѣсколько разъ выходилъ изъ чащи и порядочно сердился. Выкуривъ трубку и помѣстивъ въ безопасное мѣсто арабскаго офицера, который меня сопровождалъ, я приказалъ всѣмъ Арабамъ, за исключеніемъ моего оруженосца, спуститься въ долинау, чтобы оставить львовъ въ покоѣ. Маневръ удался. Только что они скрылись царь львовъ показался изъ чащи и прямо пошелъ ко мнѣ, за нимъ въ пятидесяти шагахъ слѣдовалъ его товарищъ. Я расположился на скалѣ, господствовавшей надъ позиціею; до ней можно было достигнуть только черезъ другія скалы, изборожденныя разсѣлинами. Арабъ, мой оруженосецъ, былъ со мною. Успокоивъ его, я взялъ двустольное ружье и зарядилъ, а потомъ зарядилъ запасный одностольный карабинъ и отдалъ ему, приказавъ подать тотчасъ же послѣ двухъ первыхъ ружейныхъ выстрѣловъ. Первый левъ вспрыгнулъ на нижніе уступы скалы и пристально глядѣлъ на меня. Я готовился спустить курокъ, но вдругъ онъ повернулся къ своему товарищу и въ этомъ движеніи такъ хорошо подставилъ мнѣ правое плечо, что я уже не сталъ раздумывать. Выстрѣлъ раздался и онъ упалъ, испуская громкій ревъ, хотѣлъ подняться и снова упалъ, тяжело раненый. Товарищъ его, сердито взмахивая хвостомъ, съ пронзительнымъ ревомъ стоялъ уже у подошвы скалы. Первый ударъ пришелся ему немного пониже плеча, въ десяти шагахъ отъ собрата. Онъ не устоялъ, потомъ оправился, и огромнымъ скачкомъ достигъ той скалы, гдѣ былъ я... Взять карабинъ изъ рукъ араба, прицѣлиться льву въ високъ, выстрѣлить и убить его тутъ же на разстояніи четырехъ шаговъ, было дѣломъ мгновенія и совершилось благополучно. Последняя пуля прекратила дни раненаго льва и бой окончился къ полному удовольствію моихъ сподвижниковъ и къ неопisanному торжеству арабовъ.»

Изверженіе Везувія. Долго спалъ неаполитанскій вулканъ, но вдругъ, нежданно-негаданно, пробудился и съ неистовою яростью полилъ потоки жгучей лавы. Тысячи туристовъ англичанъ въ ужасномъ отчаяніи: шестнадцать лѣтъ сряду напрасно ѣздили они глазѣть на Везувій, прося у него хоть крошечнаго изверженія, которое можно было бы записать въ дорожники! Гурьбою отправились джентльмены при первомъ извѣстїи о нынѣшнемъ спектаклѣ, но имъ, вѣроятно, и въ этотъ разъ придется только созерцать одни опустошенія потухшаго кратера. Господишь Альфонсъ Баллэйде счастливѣе злополучныхъ Джонъ Буллей; онъ былъ зрителемъ чудесъ природы и передаетъ намъ свои впечатлѣнія.

«Я пишу къ вамъ, а мнѣ свѣтитъ Везувій, который въ эту минуту представляетъ самое великолѣпное и ужасное зрѣлище, какое когда либо являлось человѣческому удивленію! Грозный рокоть его, во сто разъ грознѣе сильныхъ раскатовъ грома, раздается уже четыре часа сряду и потрясаетъ утраченный Неаполь. По разсказамъ стариковъ, какъ запомнятъ они, никогда еще вулканъ не бурлилъ такъ сердито. Небо и море — въ огнѣ, облака и волны — въ пламени. Тучи дыму, дѣлясь на плотные слои, вылетаютъ огромными клубами изъ нѣдръ кратера, и несутся за нѣсколько сотъ метровъ отъ него. Отсюда видно даже лаву въ полномъ ея кипѣніи; она медленно разстиляетъ свои длинныя, огненные ленты по изправленію къ Оттайано. Гибель всему, что встрѣчается ей на пути!..»

«Возвратившіеся отъ Везувія и видѣвшіе вблизи ужасный феноменъ, говорятъ, что онъ поглотилъ уже много жертвъ. Нѣсколько селеній исчезло въ огненной бурѣ. Вездѣ плачь, стонъ, моленія и вопли отчаянія. Цѣлыя семейства, застигнутыя огненнымъ потокомъ лавы, не знаютъ гдѣ назавтра преклонить безпріютную голову.

«Сейчасъ я слышалъ, что какой-то несчастный американскій офицеръ погибъ у самой подошвы кратера. Поѣздъ любопытныхъ отправился въ шесть часовъ по спеціальной желѣзной дорогѣ и, что всего удивительнѣе, большая часть изъ нихъ — женщины!

«Дорога къ Помпеи загромождена каретами... Посѣтителей очень много, потому что съ террасъ неаполитанскихъ домовъ видны мириады факеловъ по уступамъ горы. Сейчасъ я съ товарищемъ самъ ѣду на мѣсто дивнаго явленія.

Десять часовъ утра.

«Отчего не владѣю я перомъ арабскихъ разсказчиковъ, чтобъ

описать страшное великолѣпіе, представившееся моимъ глазамъ въ эту печальную почъ. Ужасающее величіе вулканической горы превосходитъ всѣ фантазіи человѣческаго воображенія. Лава разлилась на огромномъ пространствѣ земли; она затопила окрестность на двѣ мили, полосами въ полмили шириною, а возвышенностію въ четыре метра. Потери очень значительны. Грустно смотрѣть на бѣдныхъ крестьянъ, спасающихся отъ лавы и псушихъ, что кому дорого. Сквозь пламя пожара видѣлъ я, какъ сильный юноша несъ на спинѣ старика, а на рукахъ малютку — и онъ спасалъ все, что ему дорого.

Къ счастью лава направилась въ сторону менѣе населенную; не смотря на то, она истребила пятьдесятъ четыре дома, виллу бороды Карсимоне и церковь Санъ-Феличе. На гладкомъ мѣстѣ лава протекаетъ триста шестьдесятъ неаполитанскихъ футовъ въ часъ. Владѣнія, покрытыя разрушительною рѣкою, ббльшую часть принадлежатъ князю Оттайано. Они состоятъ изъ соснового лѣсу, превосходныхъ виноградниковъ, воздѣланныхъ полей и цѣнятся почти въ сорокъ пять тысячъ франковъ.

«Въ то время, какъ викарій благословлялъ и утѣшалъ плачущій народъ въ церкви Санъ-Феличе, лава вдругъ измѣнила свой ходъ и съ трескомъ ударила въ ограду. Священникъ, съ дарами въ рукахъ, принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Десять пиастровъ обѣщали онъ тому, кто спасетъ колокола; но ужасъ былъ такъ великъ, что не нашлось ни одного смѣльчака и черезъ нѣсколько минутъ лава все унесла съ собою.

«Нынѣшнее изверженіе Везувія уже сорокъ-седьмое послѣ описаннаго Плиніемъ Младшимъ, и пятое въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Англичане, опоздавшіе на спектакль, надѣются, что дѣдушка Везувій еще когда-нибудь повторитъ для нихъ свое представленіе.»

—

Курьозный отчетъ. Французскій журналъ рассказываетъ преумозрительный анекдотъ, случившійся у подъезда Французскаго Театра. Когда играетъ Рашель — народу въ театрѣ всегда бываетъ гибель, негдѣ яблоку упасть. Такъ было и въ прошедшую субботу.... Въ числѣ зрителей былъ извѣстный романистъ А. Дюма, пріѣхавшій съ премиленькою дамочкою. По окончаніи спектакля — у подъезда сдѣлалась тѣснота необыкновенная и Дюма едва-едва пробирался сквозь толпу, съ трудомъ охранялъ свою даму отъ сильнаго напора цивилизованныхъ гражданъ. Вдругъ онъ чувствуетъ преродичный толчекъ въ спину, потомъ другой и третій.... Дюма по-

терялъ терпѣніе и, обращаясь назадъ, принялся отдѣлывать невѣжу самымъ чувствительными изрѣченіями. Толкавшій не оставался въ долгу и отвѣчалъ, хотя не остроумно, но чрезвычайно грубо.— Вы набитый дуракъ, вскричалъ наконецъ Дюма, я научу васъ вѣжливости.... Погодите, дайте мнѣ только даму проводить до кареты.... Надѣюсь, что вы подождете меня здѣсь.»

Минуты черезъ двѣ, Дюма возвращается и застаётъ на прежнемъ мѣстѣ какого то гражданина.

— Милостивый государь, я васъ называю дуракомъ? спрашиваетъ Дюма.

— Нѣтъ, сударь, я не имѣлъ этой чести.... отвѣчалъ смутившійся чудакъ.

Дюма захохоталъ и они разошлись любовно.

Автографъ Тасса. Мода на автографы не проходитъ. Нынче торгуютъ автографами всѣхъ возможныхъ формъ и почерковъ. На дняхъ продана въ Парижъ чрезвычайно любопытная росписка какого-то жалкаго поэта Тасса. Неудобно ли познакомиться съ ея содержаніемъ:

«Я нижеподписавшійся получилъ отъ Авраама Леви двадцать пять ливровъ, за которые онъ удержалъ въ залогъ шпагу моего отца, шесть рубашекъ, четыре простыни и двѣ скатерти.

«Марта 2 дня 1570.

«Тассо.»

Люди, свѣтъ! что это? — За двадцать пять ливровъ творецъ *Освобожденнаго Іерусалима* въ когтяхъ Іуды! Однѣхъ рубашекъ не закладываютъ для покупки другихъ, значитъ эти двадцать пять ливровъ Тассъ вынужденъ былъ занять, чтобъ не умереть голодною смертию.

Калифорнское золото. Парижскій академикъ Дюфренуа хочетъ лишить Калифорнію окончательно всѣхъ ея золотистыхъ прелестей. Съ безпристрастіемъ, свойственнымъ его изслѣдованіямъ, сравнивалъ онъ коллекціи золотаго песку изъ Сакраменто, Новой Гренады и Урала, присланныя французскими консулами и, съ вѣсками въ рукахъ, доказалъ, что хотя калифорнское золото богаче новогренадскаго, за то оно несравненно ниже русскаго, получаемаго изъ Уральскихъ горъ.

Россія въ 1847 году добыла золота на семьдесятъ семь милліоновъ франковъ; число работниковъ, употребляемыхъ для ромывки его, простирается тысячъ до пятидесяти. Въ Калифорніи золота получили на двадцать пять милліоновъ, а надъ разработкою его трудились отъ пятнадцати до шестнадцати тысячъ работниковъ. Двадцать пять милліоновъ составляютъ почти треть семидесяти семи, какъ шестнадцать тысячъ треть пятидесяти, слѣдственно, тоже число работниковъ добудеть тамъ тоже количество золота. Поэтому Калифорнія почти равняется, въ отношеніи богатства, другимъ золотымъ промысламъ, а выгоды отъ разработки ея рудниковъ одинаковы съ выгодами другихъ, уже извѣстныхъ намъ. Впрочемъ выгоды эти завясятъ отъ оцѣнки труда и во всякомъ случаѣ не огромны, потому что въ Калифорніи золота добывается въ день однимъ работникомъ на девять или на десять франковъ, не болѣе. Сообразивъ все это, мы должны успокоиться и убѣдиться, что *открытіе калифорнскихъ рудниковъ нисколько не измѣнитъ нашей промышленности, но, можетъ быть, оно сдѣлается источникомъ цивилизаціи и богатства только для этой новой части Американскаго Союза.*

Сіятельная опера. Возвращеніе на сцену Г-ж Зонтагъ (графини Росси), энтузіазмъ, съ которымъ привѣтствовала ее Европа и привлекательный звонъ англійскихъ гиней сдѣлали то, что всѣ пѣвицы, всѣ знаменитости, когда то покинувшія вѣнокъ примадонны для графскаго титула, бросаютъ свои мраморные палацы, и готовы промѣнять ихъ на холщевые.... Несятся слухи, что синьора Таккови (графиня Таску), синьора Манбелли (графиня Гритти) и даже сама Паста скоро промѣняютъ своихъ итальянскихъ пажей на «*Севильскаго Цирюльника*». Опера, обставленная такими сіятельными лицами, безъ всякаго сомнѣнія должна имѣть блистательный успѣхъ.

Изобиліе Парижскихъ театровъ, такъ велико, что при мысли другихъ увеселительныхъ мѣстахъ: кофейняхъ, концертныхъ залахъ, публичныхъ гульбищахъ и балахъ—очень легко вѣрится въ печальное положеніе театральныхъ кассъ и въ совершенное разстройство директоровъ и антрепренеровъ. Вотъ списокъ всѣхъ ны

въ существующихъ театровъ Парижа, съ показаніемъ мѣстъ для зрителей:

Названіе театровъ	Количество мѣстъ.
Большая Опера	1,811.
Французскій Театръ	1,560.
Итальянская Опера	1,290.
Компическая Опера	2,000.
Одеонъ	1,558.
Театръ Разнообразія	1,216.
Водевильный	1,260.
Монтансье	980.
Драматическая Гимназія	1,198.
Историческій	1,760.
Сень - Мартенскихъ Воротъ	2,069.
Компической Смѣси (Ambigu Comique)	1,600.
Театръ веселости	2,259.
Театръ драматическихъ дурачествъ	1,253.
Сень - Марсельскій	1,100.
Бомарше	1,170.
Малый Люксамбургскій	688.
Циркъ Елсейскихъ Полей	3,500.
Театръ Шуазель	840.
Комическихъ Отдохновеній	993.
Пантомимный	776.
Театръ Малаго Лазари	608.
Аркольскій	250.
Дѣтскіе { Ромена	450.
театры { Кольбера	70.
И того на 25 театрахъ	32,259.

Мы не считаемъ здѣсь театровъ, находящихся за чертою города и въ предместьяхъ, а ихъ наберется, по крайней-мѣрѣ, столько же. Кромѣ того, въ Парижѣ много кофейныхъ съ театромъ, концертовъ — спектаклей, сценъ на открытомъ воздухѣ, балагановъ и проч. Почти навѣрное можно сказать, что 70,000 жителей Парижа наслаждаются ежедневно зрѣлищами и круглымъ числомъ тратятъ на нихъ по франку съ каждаго лица, что въ годовой сложности составитъ сумму въ двадцать одинъ миллионъ франковъ, то есть пять миллионъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ руб-

лей серебромъ на наши деньги, и при всемъ томъ театры бѣдствуютъ и не могутъ покрыть своихъ расходовъ!

Опера «Пророкъ» Мейербера была дана въ Вѣнѣ и самъ композиторъ распоряжался тамъ ея постановкою.... Восторгъ и успѣхъ, разумѣется заслуженные вполне, были изумительны... Мейербера вызвали до двадцати разъ. Въ то же время дирекція вѣнскихъ театровъ приобрѣла, на время исполненія этой оперы, нѣсколько музыкантовъ и пѣльцовъ, которые оставлены Императоромъ навсегда при театрѣ. Изъ Вѣны композиторъ отправился въ Берлинъ, гдѣ также ставить свое великое произведеніе.

Двойникъ Шарля де-Бернара. Нѣсколько педѣль тому Франція лишилась Шарля де-Бернара, одного изъ своихъ извѣстныхъ и уважаемыхъ писателей, съ произведеніями котораго знакомы и многіе русскіе. Онъ владѣлъ прекраснымъ дарованіемъ, любя, какъ художникъ, свое занятіе, — и не искалъ денегъ и славы; но его превосходныя творенія и прекрасное, умное перо доставили ему и то и другое.... Впрочемъ кромѣ близкихъ родныхъ и друзей почти никто не зналъ лично писателя.... И вотъ, въ самое цвѣтущее время его авторскаго поприща, когда съ мыслию о современной литературѣ, имя Шарля де-Бернара было неразлучно, на Нерисскихъ водахъ является молодой человекъ, ловкій, бойкій, статный, со всѣми принадлежностями изящной наружности. Онъ останавливается въ лучшей гостинницѣ, и въ книгѣ пріѣзжихъ расписывается: *Шарль де-Бернаръ*. Этого было довольно, чтобы поставить на ноги всѣхъ больныхъ посѣтителей Нерисскихъ водъ и привести въ движеніе языки всѣхъ здоровыхъ. Въ нѣсколько дней пріѣзжіи атакованъ сотнею услугъ и знакомствъ, самыхъ соблазнительныхъ, отчего, впрочемъ, онъ и не прочь.... Онъ даже обязателевъ, миль, любезенъ: дѣвушкамъ пишетъ въ альбомы стишки, дамамъ строитъ куры, мужьямъ даритъ романы своего сочиненія, съ надписью: *отъ автора*.... Наконецъ, для увѣщанія своего подвига, заводитъ даже интрижку съ дочерью богатаго негоціанта, желая отъ полноты поэтическаго сердца покончить дѣло свадебнымъ контрактомъ, съ приличнымъ къ оному приложеніемъ банковыми билетами или звонкою монетою. Дѣвушка обожаетъ ловкаго романиста, отецъ готовъ на согласіе

и забираетъ о томъ справки отъ своихъ парижскихъ знакомцевъ. Последнее обстоятельство ставитъ писателя въ тупикъ. Онъ предлагаетъ дѣвухѣ побѣгъ, которой такое предложеніе насколько не кажется страннымъ: — «вѣдь онъ романистъ», думаетъ она.... Но вдругъ, къ несчастію повѣсы и къ счастью обманутой мечтательницы, предусмотрительный папа получаетъ изъ Парижа письмо такого содержанія: «Г. Шарль де-Бернаръ честный и милый человекъ; женихъ, лучше котораго нельзя желать для вашей дочери; но въ этомъ обстоятельствѣ встрѣчается только одно затрудненіе, именно то, что Шарль де-Бернаръ жевать уже нѣсколько мѣсяцевъ и съ тѣхъ поръ не оставляя Парижа ни на одинъ часъ.» Письмо поразило negociанта и дочь его; послали за славнымъ двойникомъ Шарля де-Бернара, и онъ тотчасъ-же отправился — какъ можно подальше, на новые подвиги, въ томъ же родѣ.

—

Вильгельмъ Беръ — братъ знаменитаго автора оперы «Пророкъ», Мейера-Бера, недавно скончался въ Берлинѣ. Со смертію его наука лишалась одного изъ своихъ ревностныхъ дѣятелей. — Раздѣляя ученый трудъ съ извѣстнымъ профессоромъ Медлеромъ, директоромъ нашей Дерптской Обсерваторіи, — онъ вмѣстѣ съ нимъ составлялъ карту луны и свою *Mappa Selenographica*, заслужившую одобреніе Мюнхенской Академіи Наукъ и всѣхъ европейскихъ ученыхъ. Кромѣ того, Вильгельмъ Беръ успѣвалъ заниматься дѣлами общественными и политическими. Его наглядныя брошюры о вопросахъ политическихъ и финансовыхъ весьма замѣчательны.

—

Мальчикъ съ пальчикъ — подъ именемъ князя *Колибри*, ростомъ въ полтора фута, показывается теперь въ одной изъ парижскихъ гостинницъ вмѣстѣ съ ужаснымъ мамонтомъ рода человѣческаго. Онъ такъ малъ, что фельетонистъ газеты *la Presse*, г. Теофиль-Готье, побѣдавъ недавно довольно плотно съ пріятелями на счетъ крошки, посадилъ его на ладонь — и поднесъ, къ самому носу, чтобы удобнѣе съ нимъ бесѣдовать. Этотъ пигмей для пигмеевъ, уменъ, остеръ — и ведетъ постоянную войну съ своимъ товарищемъ, долговязымъ и неуклюжимъ геркулесомъ, который для контраста глупъ, какъ быкъ и неповоротливъ, какъ

слонъ. У Колибри есть сестра — княжна Колибри, изъ той же мелкой птичьей породы.... Подумаешь :

Куда на выдумки природа торовата....

Театральныя оваціи. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Петербургское цвѣтобѣсіе представлено на сценѣ, мода замѣнила его новымъ средствомъ изъяслять артистамъ, а въ особенности артисткамъ, свой восторгъ. Теперь въ модѣ подносить имъ цѣнные подарки, состоящіе изъ золотыхъ вещицъ и дорогихъ каменьевъ. Почему - же и не такъ! Въ старину, по словамъ «Драматическаго словаря 1787 года» — аплодировали - же артистамъ метаніемъ кошельковъ! Поднести цѣнную вещь все - таки повѣжливе, чѣмъ винути натурою, то есть, деньгами. Это уже успѣхъ нашего просвѣщенія. Но всякая мода недолговѣчна именно потому, что сама себя губить, переходя границы и переливаясь черезъ край. Мода, какъ вымыселъ воображенія прихотливаго, вкуса изысканнаго, обыкновенно рождается въ высшихъ слояхъ общества, и потому первое ея проявленіе всегда бываетъ разумно, прилично и въ надлежащей мѣрѣ. Но когда модѣ начинаютъ подражать пониже — тогда ее уродуютъ и она дѣлается смѣшною и нелѣвою. Мода подносить подарки родилась у насъ вслѣдствіе очень важнаго повода. Прославленный цѣлымъ міромъ пѣвецъ Рубини, первое лирическое свѣтило нашего времени, восхищавшій Петербургъ въ теченіе трехъ лѣтъ сряду, пропѣлъ наконецъ на нашей сценѣ свою лебединую пѣсню, съ обѣщаніемъ никогда болѣе не являться передъ другою публикою. Петербургская публика тотчасъ поняла, что она такимъ образомъ дѣлается представительницею всей европейской публики предъ заслуженнымъ, истинно великимъ художникомъ, и хотѣла отблагодарить его достойно этой чести и русскою щедрости. Она, по какому-то общему, электрическому чувству, увѣнчала его золотыми лаврами, сдѣлавъ для него нашу сцену Капитоліемъ. Все добровольно, съ восторгомъ несли на этотъ подарокъ свою лепту и каждый почиталъ за честь участвовать въ торжественной оваціи артиста. Чтобы не обидѣть его товарищей, такового ветерана искусства Тамбурины и гениальную Віардо — и имъ было дано по приличному подарку, въ видѣ поощренія на будущіе труды и успѣхи. Трогательно и умилительно было смотрѣть, какъ Тамбурины со слезами обнималъ многолѣтняго сотоварища сла-

вы, разставаясь съ нимъ навсегда, и какъ Виардо публично цѣловала его руки, какъ бы благодаря за свой собственный талантъ и прося напутствія генія на блистательное свое поприще. Это былъ праздникъ художественный, не только *русскій*, но и *европейскій*. Ему нельзя было не сочувствовать. — Но придуманное такъ хорошо и кстати на одинъ разъ, вошло въ моду, и потомъ пошли давать подарки и г-жѣ Борси, и г-жѣ Фрецполини, наряду съ Виардо-Гарсиєю. Подарки эти получили значеніе совершенно частное, хотя и дѣлались отъ имени всей публики, и всегда сопровождались шумомъ рукоплесканій со стороны партіи поклонниковъ, и звуками несогласія со стороны недовольныхъ этою, по ихъ мнѣнію, незаслуженною мѣрою. Подарки эти накоплялись уже не по общему увлеченію къ участию въ нихъ, какъ во времена Рубини, но съ большими хлопотами, уговариваніями и упрашиваніями, недобровольными подписками, и были часто сопровождаемы внутреннею досадою даже тѣхъ лицъ, которыя непроизвольно участвовали въ нихъ. Изъ аристократической залы Большаго Театра въ нынѣшнемъ году мода на подарки перешла и въ ряды публики Александринскаго театра. На другой день послѣ поднесенія подарковъ *знаменитой* Гризи и *увлекательному* Марію на оперной сценѣ, и въ Александринскомъ театрѣ, въ *субботу на масляницѣ*, поднесли по браслеткѣ двумъ сестрамъ Самойловымъ и прочли имъ довольно любезные стихи гр. Солмогуба.

Не владѣя краснорѣчіемъ восторженныхъ фельетонистовъ нашихъ газетъ, воспѣвающихъ торжественныя событія нашей сцены съ приличнымъ пообсомъ, мы замѣтуемъ статью о пріятномъ этомъ вечерѣ изъ одной изъ газетъ на удачу:

«Любители русскаго театра, на которомъ Вѣра и Надежда Самойловы занимаютъ съ честью *первыя мѣста*, задумали отблагодарить даровитыхъ артистокъ за тѣ наслажденія, которыя онѣ доставили имъ въ теченіе своего короткаго, но полнаго прекрасныхъ усилій и успѣховъ поприща. Русскій человекъ не любитъ откладывать въ долгій ящикъ задуманнаго; сказано — сдѣлано, говоритъ русская поговорка, и публика русскаго театра поступила по русской поговоркѣ. Въ нѣсколько дней была собрана подписка и заказаны подарки у лучшаго петербургскаго ювелира Вальяна. Днемъ для поднесенія ихъ была выбрана прошедшая суббота, потому-что въ этотъ день играли обѣ сестры Самойловы.

Давали драму Г. Корженевскаго «*Окно во второмъ этажѣ*», водевилъ «*Бѣдовая Дѣвушка*», комедию Г. Жемчужникова «*Страшная Ночь*» и водевилъ Н. В. Самойловой «*Дядюшка въ хлопотахъ, или кто на комъ женатъ?*» Въ первой и третьей пьесахъ играла В. В. Самойлова, во второй

Н. В. Самойлова, а въ четвертой обѣ сестры вмѣстѣ. Послѣ первой пьесы публика вызвала В. В. Самойлову и поднесла ей лавровый вѣнокъ вмѣстѣ съ драгоценнымъ золотымъ браслетомъ, на которомъ, среди двухъ лавровыхъ вѣтвей, изображенъ былъ шифръ ея; кромѣ того браслетъ былъ украшенъ брилліантами и надписью: «*Вѣръ Васильевнѣ Самойловой отъ цѣнителей ея таланта,*» а въ средину его былъ продернуть свертокъ со стихами, написанными однимъ изъ самыхъ известныхъ нашихъ литераторовъ для этого торжественнаго случая. Мы не беремъ пересказать вамъ, что выразило тогда прекрасное лице В. В. Самойловой: удивленіе, радость, благодарность, все это слилось въ одно выраженіе, передать которое можетъ кисть живописца, но не перо литератора. Занавѣсъ опустился, но публика потребовала снова свою любимицу, и на этотъ разъ она явилась съ лицомъ, сіяющимъ радостью, съ полными благодарныхъ слезъ глазами, цѣлуя съ умиленіемъ подарокъ публики. Занавѣсъ опустился снова при громѣ рукоплесканій и снова публика стала звать свою любимицу, встрѣтила и проводила ее восторженными криками.

«Та же сцена повторилась и послѣ «*Вѣдовой дѣвушки*». Публика вызвала другую сестру, Н. В. Самойлову, поднесла ей такой же подарокъ, встрѣчала и провожала ее равно громкими и восторженными рукоплесканіями. Надежда Васильевна Самойлова была растрогана не менѣе сестры своей; обильныя слезы текли изъ глазъ ея и она не разъ подносила платокъ къ лицу.

«Когда началась послѣдняя пьеса, и обѣ сестры появились на сценѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ В. В. Самойловымъ, имъ поднесли два золотые porte-bouquets, наполненные прекрасными цвѣтами. Еще третій букетъ, вѣроятно брату, неожиданно упалъ на сцену, но братъ вложилъ его въ дружно соединенныя руки сестеръ. Публика не кончила этихъ сюрпризовъ своихъ и вызвавъ, по окончаніи пьесы, обѣихъ сестеръ, еще разъ поднесла имъ два цвѣточные вѣнка, въ которыхъ вплетены были шифры ихъ. Наконецъ вышелъ на сцену Г. Максимовъ и прочелъ стихи, о которыхъ мы говорили выше:

Алмазъ и жемчугъ Русской сцены,
 Благодаримъ васъ всей душой,
 Что вы возвысили собой |
Значеніе Русской Мельомены,
 Что не щадила никогда
 Вы даровитаго труда
 Для драматическаго дѣла...
 Васъ публика понять умѣла;
 Въ душевной памяти она
Надежду съ Вѣромъ отмѣтитъ,
 И вамъ на ваши имена
 Всегда любовно отвѣтитъ.

«За стихами послѣдовали новыя рукоплесканія и обѣ артистки были

еще разъ вызваны: онѣ вышли держа другъ друга за руки, еще разъ склонились передъ приветствовавшей ихъ публикой, потомъ вѣско обнялись и поцѣловались. Много трогательнаго смысла было въ этомъ поцѣлудѣ: дѣти одной матери, дѣти одной сцены, онѣ поняли тонкое чувство публики, не разлучившей ихъ при выраженіи своей благодарности, и поцѣлуй ихъ былъ, въ одно и то же время, и благодарностью и общаніемъ. Онѣ были необходимѣ, какъ выраженіе чувствъ, переполнявшихъ душу и вмѣстѣ какъ торжественный обѣтъ служить оцѣнившей ихъ публикѣ всѣми силами дарованія....

Значить, и это празднество было составлено *по подпискѣ*. Мы очень рады преимуществу, которое оказали г-жамъ Самойловымъ поклонники ихъ талантовъ, и желаемъ отъ души, чтобы онѣ это приняли не столько за награду, какъ за поощреніе къ дальнѣйшему труду и совершенствованію. Человѣкъ вообще, по врожденному ему свойству, очень легко поддается очарованію славы. При малѣйшемъ успѣхѣ, выходящемъ изъ коленъ обычнаго порядка, онѣ уже почитаетъ себя у цѣли и подстилаетъ свѣжіе лавры, чтобы на нихъ забыться упоеніемъ самолюбія и мечтами о своемъ величіи. Мы часто видали, что неумѣренныя похвалы и одобренія губили величайшіе таланты, остановивъ ихъ на полпути развитія. Но это вѣско не относится къ нашимъ двумъ артисткамъ: г-жи Самойловой такъ умны, что вѣрно очень хорошо поймутъ значеніе торжества, которымъ и ихъ надѣлила господствующая *мода*, наравнѣ съ иностранными артистками; онѣ вѣрно убѣждены въ справедливости и безпристрастіи публики и помнятъ, что самыя громкія *славы* русской сцены: Семеновы, А. М. Каратыгина, Н. В. Рѣпина, Истомина, Брянскіе покидали театръ *безъ всякой оваи*, и что, наконецъ, въ настоящую минуту у насъ есть великіе таланты, какъ на примѣръ В. А. Каратыгина, А. А. Мартыновъ, М. С. Щепкинъ и чета Сосницкихъ, которыхъ, какъ представителей современнаго русскаго театра, публика непременно наградила бы особеннымъ выраженіемъ своей благодарности за долготѣнія и истинно-великія заслуги ихъ театру, еслибъ она только такую мѣру нашла необходимою для того, чтобы показать, какъ умѣетъ понимать и цѣнить достоинства истинныхъ художниковъ. Поэтому полученные подарки вѣроятно вѣско не помѣшаютъ дальнѣйшему и усердному совершенствованію нашихъ молодыхъ артистокъ, и еще не разъ доставятъ намъ случай побесѣдовать объ успѣхахъ ихъ талантовъ.

Курьезное объявленіе. Въ N 30 «Московскихъ Вѣдомостей» встрѣтили мы очень замысловатое объявленіе о «Москвитянинѣ», подписанное редакторомъ, подъ названіемъ: *Драматическое извѣстіе*. Вотъ оно: «Новая оригинальная комедія г-на Островскаго: «Свои люди сочтемся!» которая производится въ Москвѣ, а также и въ Петербургѣ, какъ слышно, *figore*, и читается во всѣхъ салонахъ (?!), для которой вызванъ несравненный артистъ нашъ П. М. Садовскій—пріѣхать нарочно въ Володиміръ (не во Владиміръ-ли?), чтобы ее прочесть публично,—а списки (съ чего?) разлетѣлись по всей Россіи, печатается въ Москвитянинѣ. Такимъ образомъ нашъ «Москвитянинъ», недавно доставлявшій намъ удовольствіе читать на своихъ страницахъ три весьма замѣчательныя оригинальныя пьесы: «Пелюднику» гр. Е. П. Ростопчиной,—«Комедию безъ свадьбы»—Н. В. Сушкова, и «Царскую невѣсту» Л. Мея, передастъ намъ еще комедию Островскаго, и тѣмъ какъ бы становится московскимъ *«Пантеономъ современной Русской сцены.»*

Дѣйствительный, петербургскій «Пантеонъ» между тѣмъ, осмѣливается думать, что комедія, неигравшая на сценѣ и, стало-быть, не оцѣненная массою публики, не можетъ производить *figore*, и что чтеніе ея въ частныхъ кружкахъ не даетъ еще никакихъ правъ на знаменитость. Въ то же время онъ почитаетъ для себя очень лестнымъ, что нашелъ себѣ усерднаго подражателя въ единственномъ московскомъ журналѣ, который хочетъ возвыситься, принявъ на себя его названіе. Однако жъ, мы не можемъ скрыть опасенія, что можетъ быть подписчики на «Москвитянинѣ» будутъ не совсѣмъ довольны этимъ превращеніемъ *учено-литературнаго* журнала въ *Пантеонъ современной сцены*. Они, можетъ быть, захотятъ видѣть въ «Москвитянинѣ»—«Москвитянинъ», а не Пантеонъ, точно такъ, какъ и наши читатели были бы вѣрно недовольны, еслибъ въ «Пантеонѣ», вдругъ увидѣли «Москвитянинъ.»

Во всякомъ случаѣ, если названіе нашего журнала можетъ оказать какую нибудь помощь Москвитянину, то мы охотно оставимъ за нимъ этотъ титулъ, тѣмъ болѣе, что Пантеонъ отъ этого ничего не потеряетъ.

МЕЛОЧИ.

Какой-то досужій математикъ высчиталъ, что въ бумагу, употребленную англійскими журналами въ 1849 году, можно бы шесть разъ завернуть весь земной шаръ.

На прошедшей недѣлѣ на Королевскомъ Театрѣ въ Берлинѣ давали въ первый разъ драму въ четырехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ : «*Авицѣонская роза*, передѣланную изъ романа де Помартона : «*Записки Нотариуса*», Карломъ Бирхъ-Пфейферомъ. Новыя декораціи третьяго дѣйствія, внутренность павильона и разлитіе Роны, писаны г. Кономъ; увертюра и антрактная музыка сочиненія г. Шварца. Пьеса великолѣпно поставлена и имѣла блистательный успѣхъ.

Дублинскіе журналы отзываються съ энтузіазмомъ о краткомъ появленіи Карлотты Гризи въ ихъ городѣ. Это явленіе, говорятъ они, было настоящею цѣнью праздниковъ, слишкомъ скоро прекратившихся. Призываемая Лондономъ, очаровательная артистка дала въ Дублинѣ только пять представленій и заслужила огромный успѣхъ въ «*Питомницѣ фей*», роскошной *манолою* и *стирійскимъ танцемъ*, которые она выполняла, прощаясь, передъ отъѣздомъ. Вся дублинская знать постоянно присутствовала на ея блестящихъ представленіяхъ. Эти чудеса и мы увидимъ въ сен-

тябрѣ мѣсяцѣ, потому что тотчасъ по окончаніи лондонскаго сезона, Карлотта Гризи пріѣдетъ въ Петербургъ.

Въ Венеціи, на театрѣ Сантъ-Бенедетто, давали недавно новую оперу, подъ заглавіемъ «Crispino de la Comare». Музыка ея написана братьями Луджи и Фредерико Риччи, а Либретто, *fantastico giocoso*, принадлежитъ перу Франческо Пиаве и выкроено по старинной темѣ: *Лекаръ и смерть*. Либреттистъ, какъ видно, сухо занялся своимъ дѣломъ и поэтому композиторомъ винить не за что, если въ музыкѣ ихъ мѣстами встрѣчается недостатокъ блеска и оригинальности. Не смотря на то, первое представленіе было принято съ рукоплесканіями и вызывами, которые обѣщаютъ успѣхъ, но еще не доказываютъ его.

3-го апрѣля, въ часъ утра, окрестности королевскаго Суррейскаго театра въ Лондонѣ, были сильно встревожены пожаромъ, который вспыхнулъ въ этомъ зданіи и едва не уничтожилъ его. Наканунѣ, послѣ духовнаго концерта, даннаго г. Филиппомъ, полицейскіе надсмотрщики, освидѣтельствовавъ огни, увѣрились, что все они погашены. Въ часъ, дѣлая новый обходъ и возвращаясь въ сѣни, одинъ изъ нихъ почувствовалъ сильный запахъ гарью. Надсмотрщики бросились искать и скоро увидѣли что вся караульная комната въ огнѣ. Прибывшіе тотчасъ-же пожарные затушили пожаръ. Мѣсто, гдѣ начался онъ, внушилъ сильныя подозрѣнія, потому что съ субботы, передъ страстною недѣлею, представленія кончились и въ караульную никто не входилъ. Тщательныя изслѣдованія доказали, что огонь занесенъ поджигателемъ, который долженъ принадлежать къ театру. Изъ донесенія Брэдвуда, начальника надсмотрщиковъ, видно, что еслибъ помощь опоздала нѣсколькими минутами, театръ непременно сдѣлался бы жертвою пламени. Въ углу караульной была поставлена корзина, наполненная обрывками декорацій, облитыми скипидаромъ, а огонь заброшенъ въ нее, вѣроятно, черезъ окно, снаружи.

ОПЕЧАТКА.

Въ 3-й книжкѣ «Пантеона», въ отдѣлѣ «Изящная Словесность», въ стихотвореніи «Боабдилъ», вкралась ошибка. Просимъ читать на стр. 59, строка 10 сверху, такъ:

Ту скалу — *Вздохомъ Мавра зовутъ.*

БАЛАГУРЪ.

СВАРЛИВАЯ ЖЕНА.

(Кулетьы изъ водвилля).

Полжизни челоѣка
Кто можетъ отравить,
Пустить его калѣкой,
Иль нравственно убить,
Лишить и аппетита,
Покоя, даже сна?
Давнымъ давно открыто:
Сварливая жена!

*

Кто злу въ семьѣ причиной,
Хоть брось, неисправимъ?

Кто мыкаетъ мужиной,
 Какъ мячикомъ своимъ?
 Кто врагъ его домашній,
 Всю желчь мутить до дна,
 И, знай, заводитъ шашни? —
 Сварливая жена!

*

Въ гостяхъ кто не замутишь,
 Какъ говорятъ, водой,
 А дома мужа скрутишь,
 Что онъ, хоть волкомъ вой.
 Тамъ ластить и голубить,
 Скромна, тиха, нѣжна,
 И тутъ совѣмъ зарубить? —
 Сварливая жена.

*

Кто въ раннюю моглиу
 Готовъ насъ закопать?
 Кого намъ не подь силу
 Унять, перекричать?
 Кто насъ и въ грошъ не ставитъ,
 На козни сатана:
 Прославить и разславить? —
 Сварливая жена.

Д. А. АНДРЕЕВСКІЙ.

ВДОВЬЯ ПЕЧАЛЬ.

На сѣтѣ такъ всегда бываетъ,
 На умъ наводитъ насъ печаль;
 Какъ мужъ съ женой ни поступаетъ,
 А все подь часть ей мужа жаль.
 Иная мужа вѣкъ ругаетъ...
 А дождалась его конца:
Кормильцемъ — мота называетъ,
 И *нѣжнѣмъ другомъ* — сорванца.

П. ФЕДОРОВЪ.

Бѣдная вдова жаловалась Императору Θεодорикъ на медленность судей, которые, единственно по своимъ корыстнымъ видамъ, ровно три года не рѣшали ея тяжбу съ богатымъ сенаторомъ. Θεодорикъ велѣлъ призвать судей.—«Если эта женщина не получитъ отвѣта завтра-же, я буду судить васъ самихъ» — сказалъ онъ гнѣвно. На другой день, въ самомъ дѣлѣ, послѣдовало окончательное рѣшеніе. Вдова пришла благодарить Императора.—«Гдѣ судьи?» спросилъ Θεодорикъ.—Судьи явились.—«Странно, столько лѣтъ разбиралось дѣло, а вы рѣшили его въ одинъ день.... Награда готова для васъ... ступайте!»—Съ радостью удалились судьи, но награда, ожидавшая ихъ, была плаха.

Языкъ, которымъ гордится ученый, дѣлается галиматеею для человѣка, обладающаго однимъ здравымъ смысломъ. Знакомый намъ шутникъ старался доказать эту истину своему товарищу, зараженному новыми философскими формулами, но напрасно. Въ это время они прогуливались за городомъ верхами.—«Хочешь ли я докажу на дѣлѣ всю нелѣпность твоей терминологіи, сказалъ ему нашъ знакомецъ; видишь, одно стремя у меня вытянулось, я попрошу вотъ этого мужичка выровнять его принятымъ тобою языкомъ, и онъ меня не пойметъ.—«Земледѣлецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ крестьянину, приближся, и изъ гуманности къ самосохраненію моего индивидуума, эгализируй поддерживающія его основы! Бросивъ взглядъ на нихъ, земледѣлецъ, ты ясно заключишь изъ сказаннаго мною, что отношенія между ними не единичны.»—Вишь-ты, нѣмецъ-отъ, по своему бантъ. Не понялъ, баринъ, проваливай!—простодушно отвѣчалъ мужикъ, продолжая работать. Пріятель нашего пріятеля не требовалъ уже другихъ доказательствъ.

По словамъ ученаго Гюэ, епископа Авраншскаго, слово *галиматья* (русское чужь) получило начало въ преніяхъ, дѣлавшихся въ старинныя времена на латинскомъ языкѣ. Однажды дѣло шло о пѣтухахъ, принадлежавшихъ одному изъ тягавшихся, по имени Матьясу, Mathias. Стряпчій говорилъ съ жаромъ и такъ часто упоминалъ о пѣтухахъ (Galli) и его хозяинѣ (Mathias), что слово galli Mathias наковецъ сбило всѣхъ съ толку. Надъ стряпчимъ много и долго смѣялись, а въ послѣдствіи стали называть *галиматеею* всякую запутанную рѣчь. Потомъ, чего вѣдь не придумаютъ, къ простой галиматѣ прибавили двойственную. Простую галиматеею сочинитель понимаетъ самъ, только чита-

телямъ она недоступна; а двойственную ужъ не понимаютъ ни сочинитель, ни читатель.

Фонтенель говорилъ о Лафонтенѣ: «Онъ до того былъ глупъ, что считалъ себя хуже Эзопа и Федра.»

Молодой человѣкъ посѣтилъ своего товарища и уходя приглашалъ его къ себѣ обѣдать.—«Нѣтъ, не могу, у меня бездна работы, сказалъ ему товарищъ, а вотъ не закусишь-ли ты со мною... впрочемъ не осуди, я холостякъ. Филька, что у меня?»— У васъ, сударь, телячья голова, отвѣчалъ Филька.

Гость пилъ за четверыхъ, но ничего не говорилъ о превосходномъ винѣ, которымъ угощали его. Обиженный хозяинъ предлагаетъ ему посредственное.—«Вино это не дурно,» говоритъ гость. — Что-же вы не похвалили первого? — «Первое! О, оно не пуждалось въ похвалѣ!»

Солдатъ рассказывалъ трактирщику о смерти своего капитана, котораго убили во время сраженія. — «Я всегда думалъ, возразилъ трактирщикъ, что капитанъ не долго проживетъ на свѣтѣ: у него было такое плохое здоровье!» — Капралу нашему оторвало ядромъ ногу...—«Ну вотъ, не моя-ли правда, продолжалъ трактирщикъ, и это не удивительно: у него ужъ лѣтъ двадцать былъ ужасный ломъ въ ногахъ.»

Въ одной иностранной газетѣ было напечатано слѣдующее. «Недавно у насъ повѣсился человѣкъ въ рубашкѣ. Смерть его приписываютъ самоубійству.»

Княгиня аристократка имѣла надобность въ горничной. По рекомендаціи является къ ней дѣвушка. Измѣривъ ее глазами, княгиня спрашиваетъ:—«Надѣюсь, милая, ты убираешь голову?»— Какъ-же, ваше сіятельство, въ полчаса я берусь совершенно одѣть васъ. — «Въ полчаса, вскричала испуганная княгиня, о нѣтъ, другъ мой! что же я буду дѣлать всю остальную часть утра?»

Одинъ герцогъ, имѣющій крошечную землю въ Италиі, приказалъ какому-то французу въ 24 часа выѣхать изъ своихъ владѣній. — «Ваша Свѣтлость дѣлаетъ мнѣ большое снисхожденіе, отвѣчалъ французъ; я могъ бы исполнить ваше приказаніе даже въ полчаса.»

— Вы вѣдь знаете такого-то? спросилъ у человѣка важнаго и богатаго его пріятель. — «Въ лицо не знаю» отвѣчалъ послѣдній. — Помилуйте, да вы каждый день его встрѣчаете! — «Правда!.. но онъ такъ низко кланяется, что мнѣ удавалось видѣть только его — затылокъ.»

Во время сраженія подъ Краснымъ, одинъ французскій офицеръ низко поклонился проѣзжавшему секретарю маршала, въ ту самую минуту, какъ пуля пролетѣвъ надъ его головою, раздробила челюсть стоявшему за нимъ гренадеру... Вотъ видите-ли, господа, сказалъ офицеръ окружавшимъ: лишній поклонъ всегда пригодится.

— Ну, скажи, душенька, спросилъ отецъ, экзаменуя своего сына, возвратившагося изъ школы, какъ бы ты раздѣлилъ 10 на 2? — «Не... знаю-съ!» отвѣчалъ боязливо мальчикъ. — Эхъ, братецъ, да это очень легко; вотъ тебѣ 10 яблоковъ, ну, какъ ты ихъ раздѣлишь, хотъ, положимъ, съ сестрою, то-есть на двоихъ? — «На двоихъ? сестрѣ дамъ два, а остальные самъ скушаю.»

Одинъ хвастливый рецензентъ говорилъ въ обществѣ мелкихъ литераторовъ, что онъ раздастъ славу. — «Правда, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — но только вы ужъ слишкомъ добры и раздаете ее такъ щедро, что себѣ ничего не оставляете.»

— Столько расходовъ, что я, право, боюсь умереть нищимъ! — сказалъ мотъ своему пріятелю. — «Это еще не бѣда! отвѣчалъ пріятель: А вотъ я такъ боюсь, что ты будешь жить — нищимъ.»

Одинъ элегическій поэтъ, воспѣвая луну и исчисляя ея премуущества предъ солнцемъ, написалъ:

Свѣтило дивное! ты озаряешь

Насъ средь глубокой темноты,
 Намъ путь туманный освѣщаешь,
 Являешь милыя черты!
 А солнце, что въ немъ? Лишь съ разсвѣтомъ,
 Оно является на зло,
 И насъ даритъ напраснымъ свѣтомъ,
 Когда и такъ уже свѣтло.

ПИСЬМО УЧИТЕЛЯ АРИФМЕТИКИ КЪ НЕВѢСТѢ.

О — Полно горевать, милая моя Машенька! вѣдь я не
 1 — писалъ тебѣ, что приѣду въ ту же минуту, е-
 2 — только устрою дѣла и приведу въ порядокъ. О-
 3 — слезы и знай, что счастливѣе насъ съ тобою
 4 — шительно не будетъ въ свѣтѣ! Вѣдь я еще не с-
 5 — илъ съ ума, чтобы, забывъ, измѣнить по про-
 6 — виі какого нибудь мѣсяца. Прошу, Маша, ты о
 7 — не думай и не грусти: оно не слишкомъ здоро-
 8 — ейству твоему передай поклонъ и скажи, что въ
 9 — часовъ, 15 числа, я уже буду у васъ, и скорѣе въ
 10 — вѣки пойду, чѣмъ васъ разлюблю и забуду.
 Это вѣрно, какъ $2 + 2 = 4$.

Твой вѣрный

7 енъ Сковор — 1.

— Позвольте спросить, а читали вы «*На сонъ грядущій*» Сологуба?

— Нѣтъ-съ; я не имѣю привычки читать на ночь — еще неровно пожаръ сдѣлаешь.

Во время послѣдней болѣзни И. А. Крылова, возбудившей всеобщее участіе, два пріятели встрѣтились въ кондитерской.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ одинъ, что слышно о здоровьи Крылова?

— Да что! Одни говорятъ, что онъ ужъ умеръ, другіе, что

еще живъ. Что до меня, такъ я, признаться, не вѣрю ни тому, ни другому.

Жанъ Батистъ Руссо, извѣстный плохой поэтъ, прочитавъ Вольтеру оду свою: «Къ потомству!» спросилъ, какъ онъ ее находитъ. — «Я нахожу, отвѣчалъ Вольтеръ, что она никогда не дойдетъ по адресу.»

Одинъ свѣтскій фатъ, презирающій все на свѣтѣ, кромѣ своей глупости, отправился къ извѣстному ветеринарному врачу, чтобъ спросить совѣта на счетъ захромавшей его верховой лошади. Желая посмѣшить сопровождавшихъ его друзей, онъ, не снимая шляпы, спросилъ врача, вставя лорнетку въ глазъ: Послушайте, любезнѣйшій, это вы скотскій докторъ?

— Точно такъ! А у васъ что болитъ?

Два мужичка, подгулявшіе на основаніи праздника, вышли изъ подъ ёлки въ такомъ расположеніи, что одному на небѣ мерещилась луна, а другому солнце. Завязался споръ, который друзей чуть чуть не довелъ до обоюдной прически. По счастью проходилъ мимо третій мужичекъ. Его остановили: «Разрѣши, голова, нашъ споръ! Что у насъ въ деревнѣ мѣсяць, albo солнце?»

— А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ прохожій: я вѣдь не здѣшній.

ТРИ ШАРАДЫ.

1.

Мой первый слогъ просите прокричать ворону,

Вторые два носили въ Мексикѣ корону....

А цѣлое мое.... попробуй, — угадай:

Не кусевъ безъ мея — и русскій каравай.

2

Безъ перваго никто не обойдется, —

И на вопросъ имъ всякій отвѣтается.

Вторые два—дарятъ морщину
 И женщины ихъ помнятъ въ половину.
 А цѣлое — чѣмъ больше, чѣмъ крупнѣй
 Такъ тѣмъ оно и слаще, и вкуснѣй.

3.

Мой *первый* слогъ — прохладу разливаетъ
 По итальянскимъ городамъ;
Второй — тамъ воздухъ разжигаетъ
 И лица смуглыя у дамъ.
 А *цѣлое* тамъ скоро прекращаютъ
 Когда *второе* — *первымъ* умерщвляютъ.

Разгадки Шарадъ, помѣщенныхъ во 2-й книжкѣ «Пантеона».

1. Моръ — ковъ. — Морковь.
2. Валъ — пиръ. — Вампиръ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4.

СЭРЪ ЖАКЪ

ИЛИ

НЕ УГОДНО ЛИ ВАМЪ БЫТЬ ПОВЪШЕННЫМЪ?

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

Ф. П. АНАТОЛИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

АКТЕРЫ :

Сэръ-Жакъ, шотландскій помѣщикъ	г. Мартыновъ.
Дюрье, хористъ Большой Оперы, сумасшедшій	г. Самойловъ.
Гальяръ, гуляка	г. Григорьевъ 1-й.
Дикъ, управитель сэра Жака	г. Марковецкій.
Сэръ Поддингъ, констэбль	г. Каратыгинъ 2-й.
Ландри, каретникъ	г. Прусаковъ.
Томасъ, сторожъ ума-лишенныхъ	г. Фальковъ
Гриппи, жена сэра Жака	г-жа Самойлова 1.
Дебора, сестра Дика	г-жа Сандунова.
Мистрисъ Поддингъ	г-жа Закаспійскан.
Анна Поддингъ, ея дочь	г-жа Нейбергъ
Полицейскій служитель.	

Первое и третье дѣйствія происходятъ въ Шотландіи, второе около Парижа.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

КУРЬЕЗНЫЙ СЛУЧАЙ.

Сцена представляет залу въ готическомъ вкусѣ, съ широкими стеклянными дверьми, открытыми въ садъ. Слѣва дверь; справа столъ, ^{на}крытый ковромъ, со всѣмъ нужнымъ для письма.

I.

ДИКЪ, ДЕБОРА И СЛУГИ, которые убираютъ залу и украшаютъ ее цвѣтами и гирляндами.

ДЕБОРА. Живѣй! живѣй! торопитесь! времени терять некогда... А то, пожалуй, не поспѣемъ, такъ всѣ труды пойдутъ къ чорту.

ДИКЪ. Ты это, вѣрно, говоришь на счетъ той, какъ она... Ну, да понимаешь?... Да полно такъ-ли это дѣло?

ДЕБОРА. Еще-бы не такъ, когда я сама ее видѣла.

ДИКЪ. Ужъ и видѣла?

ДЕБОРА. Разумѣется видѣла и говорила съ ней въ Дунстановской гостиницѣ. Я ее тотчасъ узнала, хотя мы давненько не видались. Бѣдная Гриппи! какъ она пополнила, похорошѣла въ разлукѣ съ мужемъ!

ДИКЪ. Да неужли-же, въ самомъ дѣлѣ, она выдаетъ себя за жену сэра Жака?

ДЕБОРА. Не только выдаетъ... у нея есть на это доказательства... законныя... понимаешь?

ДИКЪ. Вотъ поди ты съ этими молодцами! Выверни-ка ихъ на-изнанку, попробуй! Вотъ я ужъ сколько лѣтъ живу съ сэрромъ Жакомъ, думалъ: всю подноготную его знаю... Какъ-бы не такъ!... Я думалъ, что онъ вдовецъ — а выходитъ женатъ, полагалъ, что онъ женится, а выходитъ будетъ разводиться. Да, ты-то гдѣ познакомила съ его женою?...

ДЕБОРА. Въ Эдинбургѣ... ужъ лѣтъ двѣнадцать будетъ. Она жила тогда въ компаньонкахъ у дочери намѣстника, лорда Дурлея, который и теперь еще управляетъ Шотландією. Сэръ Жакъ увидѣлъ ее, влюбился, обвинчался и увезъ съ собою въ Америку. А тамъ пожилъ съ нею три мѣсяца, да и бросилъ.

ДИКЪ. Но отчего-же?

ДЕБОРА.

Оттого, что всѣ мужчины
Намъ на гибель созданы:

Посыль ангеловъ личины,
Сами-жь образъ сатаны!

Дикъ. Это ты, сестрица, потому говоришь, что твой коварный тебя бросилъ. Да кто-жь тебѣ велѣлъ влюбляться въ француза.... Они, извѣстно, пламя на вѣтренной подкладкѣ: не унесетъ, такъ задуетъ.

Дебора. Ахъ! вотъ и наша хозяйка.... г-жа Гриппи! Вели слугамъ отсюда убраться, а то еще разболтаютъ....

Дикъ. Г-мъ! штука-то недурна... да ужъ видно съ изъянцемъ, если онъ ее бросилъ. (*Слугамъ.*) Ну, ребята! довольно, хорошо! Ступайте убирать столовую и залу. (*Слуги уходятъ.*)

II.

ДИКЪ, ДЕБОРА И ГРИППИ.

Гриппи. Ахъ, милая Дебора! наконецъ-то я въ домѣ моего коварнаго мужа.... Но мы здѣсь, кажется, не однѣ....

Дебора. Не бойтесь ничего: это мой братъ Дикъ, онъ насъ не выдастъ. (*Гриппи киваетъ ему головою, Дикъ раскланивается.*)

Гриппи. Но какая здѣсь роскошь, богатство.... Кто-бы повѣрилъ, что это имѣніе бывшаго веревочнаго фабриканта!

Дебора. Все это досталось ему въ наслѣдство отъ богатаго дяди, подрядчика, который, какъ нарочно, умеръ въ самую ту минуту, какъ сэръ Жакъ возвратился изъ Америки.... Но здѣсь никто не зналъ, что онъ женатъ.

Гриппи. Не мудрено. Своими страстными письмами онъ сманилъ меня отсюда въ Америку, тамъ мы обвѣнчались... А теперь у него есть самыя основательныя причины скрывать нашъ бракъ, потому-что иначе онъ подвергся-бы всей строгости законовъ.

Дикъ. Что вы говорите? Ну, вотъ угадывай, а здѣсь онъ, кажется, и водой не замутить. Но что-же онъ сдѣлалъ такое?

Гриппи. Со временемъ вы все узнаете.... А теперь мнѣ нужна ваша помощь: я придумала невѣрному наказаніе, котораго онъ долго не забудетъ. Ты мнѣ говорила, Дебора, что онъ сегодня хочетъ опять жениться?

Дебора. Не дальше, какъ черезъ часъ, свадьба.

Гриппи. А на комъ онъ женится?

Дикъ. На дочери констэбля Поддингга.

Гриппи. Значить, я во время поспѣла. Сначала я хотѣла

явиться прямо и разстроить его свадьбу, но раздумала.... Это его не исправитъ, но еще больше вооружить противъ меня.... Я посоветовалась сперва съ намѣстникомъ, лордомъ Дурлеемъ, открыла ему всю истину и онъ подаль мнѣ мысль, какъ дѣйствовать. Но для успѣха нужно, чтобы вы мнѣ помогали.

ДЕБОРА. О, на меня вы можете вполне положиться, я на все готова, чтобы только проучить этихъ варваровъ мужчинъ.

ДИКЪ. А я на все готовъ, чтобы только удержать хозяйна отъ вторичнаго брака.

ГРИППИ. И такъ, не бойтесь ничего: чтобы вы здѣсь ни увидѣли, что бы ни услышали: все это одно испытаніе, исправительный урокъ. Сэръ Жакъ не пострадаетъ, за это я вамъ ручаюсь.

ДИКЪ. Но что-же мы должны дѣлать?

ДЕБОРА. Мстить, мстить измѣнникамъ!

ДИКЪ. Ну, пошла писать, опять своего француза вспомнила.

ГРИППИ. Пока, вы должны меня только извѣщать обо всемъ, что здѣсь произойдетъ. Я теперь возвращусь въ гостиницу. Черезъ часъ констебль получитъ предписаніе намѣстника и тогда мы увидимъ....

(На мотивъ рыбацкой пльни изъ «Фенеллы».)

Пока прощайте, до свиданья!
Ужъ близокъ часъ... Мы ничего
Не пощадимъ для наказанья,
За то исправимъ мы его!

И славно потомъ

Мы съ нимъ заживемъ!

О! послѣ урока пойдетъ все на стать
И будетъ меня онъ весь вѣкъ обожать.

ДЕБОРА и ДИКЪ.

О! послѣ урока пойдетъ все на стать,
И будетъ онъ васъ цѣлый вѣкъ обожать.

(Гриппи уходитъ, Дебора ее провожаетъ.)

III.

ДИКЪ и СЭРЪ ЖАКЪ.

СЭРЪ ЖАКЪ *(входя)*. Хорошо, прекрасно! Прибавьте еще цвѣтовъ, вѣнковъ; побольше свѣчь, серебра, чтобъ все горѣло,

блистало и за полмин пахло свадьбой... А, Дикъ, ты здѣсь! Спасибо, что распорядился: они на славу разукрасили мой замокъ, хотъ короля принять, такъ въ ту-же пору.

Дикъ. За то всё единогласно говорятъ, что вы самый роскошный помѣщикъ въ всей Шотландіи.

Сэръ Жакъ. А, это говорятъ... ну, и хорошо дѣлаютъ, что говорятъ.... А между-тѣмъ, Дикъ, сказать по правдѣ, меня одолѣваетъ тоска, мнѣ бы нужно развлеченіе, утѣшеніе....

Дикъ. Вамъ?... При вашемъ значеніи, при вашемъ богатствѣ?

Сэръ Жакъ. Потому-то именно и надобно. Видишь-ли, еслибъ я былъ бѣднякъ, то ужъ какъ-нибудь самъ-бы утѣшился.... но имѣя средства платить за утѣшенія, я хочу имѣть утѣшителя на жалованьи... и для этого я выбралъ тебя.

Дикъ. Много чести! только я, право, не знаю, стумбю ли справиться съ этой должностью.

Сэръ Жакъ. А вотъ увидимъ.... Подай-ка мнѣ стулъ! (*Онъ садится*). Ну, начинай!... Дикъ! я ужасно грустенъ! меня забираетъ смертельная тоска!

Дикъ. Душевно объ васъ сожалью.

Сэръ Жакъ. (*скакивал*). Это что такое? Мнѣ нужно утѣшеніе, а не сожалѣніе, дурачина.

Дикъ. Такъ не угодно-ли вашей милости сообщить мнѣ причину вашей грусти, тогда я ее раздѣлю.

Сэръ Жакъ. Что, что, что? ты ее раздѣлишь? Это что значить?

Дикъ. Это значить, что я возьму половину на свою долю.

Сэръ Жакъ. Половину! Вотъ это мило! Да развѣ и тебѣ жалованье плачу за то, чтобы ты дѣлалъ дѣло въ половину! Нѣтъ, любезный, у меня бери все — или убрйся къ чорту.

Дикъ. Ужъ какъ-нибудь поладимъ, сэръ.

Сэръ Жакъ. То-то-же, смотри!... Ну, слушай: я открою тебѣ мою тайну.... страшную тайну, которая меня высушитъ, какъ спичку, которая меня въ гробъ сведетъ!... Знай.... (*оглadyвался*) знай.... Но я тебѣ напередъ говорю: приготовься, это ужасно, это поразитъ тебя, какъ громомъ....

Дикъ. О Боже мой!

Сэръ Жакъ (*таинственно*). Знай.... я былъ женатъ!

Дикъ. Только-то?

Сэръ Жакъ. Слышите, ему этого мало! Да вѣдь я былъ женатъ на такой душкѣ, милашкѣ, женщинкѣ полненькой, кругленькой, розовенькой, съ такими глазенками — словомъ, на красавицѣ....

Дикъ. Что-жь, и прекрасно.

Сэръ Жакъ. Нѣтъ, прескверно. Мы были такая завидная парочка, что бывало проходу нѣтъ: такъ всѣ глаза на насъ и тарашать, въ особенности на мою жену....

Дикъ. Это, должно быть, очень пріятно щекотало ваше самолюбіе.

Сэръ Жакъ. До того щекотало, что у меня начали руки зудѣть.... на поглядѣльщиковъ.

Дикъ. А.... ревность; вы, вѣрно, очень любили свою жену?

Сэръ Жакъ. Какъ дуракъ, какъ сумасшедшій, какъ тетеревь! — Первый мѣсяць все было отлично, мы жили, какъ сизые голубки; жена меня обожала; я ее боготворилъ: дѣло шло, какъ по маслу.... я былъ въ упоенія.... зналъ себѣ только гулялъ съ палкой въ рукѣ, съ женой подъ руку. Важно, думалъ я, что-то дальше будетъ!... На второй мѣсяць я тоже гулялъ, все съ палкой въ рукѣ, но только безъ жены.... А между тѣмъ, пока я гулялъ.... Надо тебѣ замѣтить, у жены моей всегда бывали мигрени.... пока я гулялъ, ко мнѣ въ гости похаживалъ одинъ пріятель въ усахъ и завиткахъ. И все такъ случалось, что я только со двора, а онъ на дворѣ.... Хорошо же, подумалъ я. На третій мѣсяць, жена каждый день своимъ соловьинымъ голоскомъ бывало поетъ мнѣ все одну и ту же пѣсню: «Ахъ, что за день.... прелесть, чудо! Вотъ погода — настоящій рай! Душка, ты бы прогулялся!»

Дикъ. А вы?

Сэръ Жакъ. А я—возьму палку, да и пойду гулять. Разъ пошелъ проливной дождикъ.... Я воротился домой раньше обыкновеннаго.... Прихожу къ спальнѣ жены — заперто. Я палкой стукъ, стукъ! не отвѣчаютъ. Я глядѣ въ замочную щелку: какія-то ноги со шпорами упражняются выпрыгиваніемъ изъ окна ея спальни.... Я опять стукъ, стукъ, стукъ.... пошибче, жена отпираетъ.... Я вхожу.... все съ палкой въ рукѣ, замѣтъ положеніе.... Вдругъ она начинаетъ кричать, да вѣдь какъ, благимъ матомъ.... вотъ, словно съ нея кожу деруть.

Дикъ. Но отчего-же, что съ ней сдѣлалось?

Сэръ Жакъ. А вотъ увидишь. Какъ я вошелъ, то началъ объясняться, знаешь, этакъ съ чувствомъ, съ жаромъ, съ жестами, и уже не знаю, какъ это случилось въ пылу нашего объясненія—жена ли паткнулась на мою палку, или палка моя задѣла жену, но только минутъ черезъ пять нашего объясненія, она совсѣмъ перестала кричать.... то есть, ни гу гу!

Дикъ. Творецъ небесный! такъ вы....

Сэръ Жакъ. Знаю, знаю! ты хочешь сказать, что я поступилъ немножко необдуманно, невѣжливо, не по-свѣтски.

Много есть мужей на свѣтѣ
 Съ подлпалами у женѣ,
 Но у каждаго въ предметѣ,
 Чтобы не былъ онъ смѣшонъ.
 Роль глухаго онъ играетъ,
 Кстатн жмурить онъ глаза,
 Пусть всѣ знаютъ, онъ не знаетъ
 И не видитъ ни аза.
 Это ловкое актерство
 Часто выгоды даетъ,
 И къ женѣ подь часъ потворство
 Мужа двигаетъ впередъ.
 Но въ моей печальной долѣ
 Не нашелся какъ-то я,
 На такія, братецъ, роли
 Жесты рѣзки у меня.
 Я стою на мудромъ словѣ,
 Что давно сложилъ народъ:
 Что бодливой-де коровѣ
 Рогъ природа не даетъ.

Да, я не хочу идти на перекоръ природѣ.... но всѣ говорятъ, что я варваръ, злодѣй.... мнѣ самому кажется, что я чудовище.... Посмотри на меня хорошенько.... что, я ужасенъ, я похожъ на чудовище?

Дикъ. Ну, не совсѣмъ....

Сэръ Жакъ. А такъ.... маленько смахиваю на дикобраза, на изверга....

Дикъ. И этого нельзя сказать....

Сэръ Жакъ. Ну, слава Богу! Дикъ, ты добръ, ты не дикъ, ты ангелъ. Я вижу ты будешь у меня хорошимъ утѣшителемъ.... Я удвою твое жалованье.... Но смотри-же, чтобъ я былъ веселъ, любезенъ, а чуть соскучусь, или взгрустнется, тотчасъ поставлю тебѣ на счетъ.

У меня вѣдь денегъ вволю,
 А кто можетъ ихъ бросать,
 Такъ тому всегда на долю
 И почетъ, и благодать.
 Все за деньги нынче купишь:
 Почестъ, дружбу и любовь;
 Какъ ты чувства не припустишь,
 Разожгутъ за деньги вновь.

И что золото ничтожно
 Ужъ никакъ нельзя сказать,
 Вѣдь за деньги даже можно
 Совѣсть въ пятки запахать.

.....

Мнѣ-жъ, къ несчастію, отъ дяди
 Весь достался капиталъ,
 И плачу я того ради,
 Чтобъ ты совѣсть заглушала.

Дикъ. Буду стараться услужить вашей чести.

Сэръ Жакъ. Но постой! Вотъ, кажется, и мой будущій тестъ съ моей невѣстой. Пойдемъ къ нимъ на встрѣчу.

IV.

ТЪ ЖЕ, ПОДДИНГЪ, ЕГО ЖЕНА, ДОЧЬ И ПРОВОЖАТЫЕ.

Поддингъ. Ну, вотъ, дорогой зятюшка, и я собственной персоною, со всѣмъ причтомъ и принадлежностями.... Вотъ мистрисъ Клеопатра Поддингъ — моя жена, а вотъ миссъ Анна Поддингъ, наша однородная дочь, прижитая отъ перваго брака, каковую Анну Поддингъ я и отдаю вамъ въ полное супружеское обладаніе, на основаніи статей законоположенія 1349 и 8682, при оныхъ свидѣтеляхъ.

Сэръ Жакъ. Очень вамъ благодаренъ, любезнѣйшій тестъ! Я готовъ обладать прелестной миссъ Анною и безъ вашихъ статей....

Поддингъ. Э, вѣтъ, почтеннѣйшій! безъ статей никакое дѣло у меня на стать нейдетъ. Я не даромъ констебль Его Британскаго Величества. И такъ не станемъ терять времени.... Надо, чтобъ все было кончено въ десять минутъ.... у меня еще будетъ сегодня довольно важное дѣло по службѣ.... Понимаете: служба!

Сэръ Жакъ. О, подите вы, съ вашей вѣчной службой! Все служба, да служба! Служба подождетъ, ей не къ спѣху, вѣдь она не женится на вашей дочери.

Поддингъ. Но тутъ дѣло важное: надо будетъ прибрать къ рукамъ одного страшнаго преступника, понимаете?

Сэръ Жакъ. Ахъ, онъ негодяй! И въ день моей свадьбы! Но что же онъ сдѣлалъ, этотъ преступникъ?

Сэръ Жакъ.

Поддингъ. А мнѣ какое дѣло! Я не знаю даже, какъ его зовутъ.... а вотъ пришлютъ приказъ, такъ спаваю, да и того, понимаете?

Сэръ Жакъ. Какъ не понять: цапъ-царапъ, да и въ тюрьму, а тамъ барахтайся, какъ знаешь. Но что же это у васъ за страшная книжица подъ мышкою?

Поддингъ. А.... форма, порядокъ! понимаете? Это сводъ всѣхъ обыкновеній, уставовъ и коренныхъ законовъ нашего кантона. Безъ этого ни шагу.... ни назадъ, ни впередъ, понимаете?

Сэръ Жакъ. Зачѣмъ же вы ее сюда притащили?

Поддингъ. А какъ-же? Будемъ контрактъ писать, можетъ встрѣтится заковычка.... въ карманъ за справкой не полѣземъ, раскрывъ — и готово. Понимаете?

Сэръ Жакъ. А, вотъ она штука-то какая. Дайте полюбопытствовать. (*Раскрывъ книгу, читаетъ*). Ого! ха! ха! ха! вотъ прекрасный законъ... Статья 1168. Прошу прислушать: (*читаетъ*) «Всякій житель Арвенскаго кантона, который будетъ приговоренъ къ висѣлицѣ, имѣетъ право въ теченіе трехъ мѣсяцевъ «прискать себѣ подставнаго, который и будетъ повѣшенъ «вмѣсто виновнаго, а прискавшій будетъ признанъ невиннымъ, «понеже правосудіе удовлетворено!» Вотъ это оригинально, нечего сказать.

Поддингъ. Однако-жъ, любезный зятюшка, до-сихъ-поръ еще не было примѣра, чтобъ эта статья приводилась въ исполненіе..

Сэръ Жакъ. Отчего-же?

Поддингъ. Оттого, что не находилось охотниковъ быть повѣшену, понимаете?

Сэръ Жакъ. Очень вѣрю, на такую услугу не всякій отважится, тотчасъ шею свернешь. Однако, мы съ вами заболтались о законахъ и забыли, что невѣста ждетъ. Извините, прелестная миссъ Анна, я заставилъ васъ ждать; когда вы будете моею женою, этого не случится. Кому же прежде подписывать контрактъ? Не угодно-ли вамъ?

Анна. Какъ папенькѣ угодно.

Поддингъ. Дѣло, дочь-моя, порядокъ! повинновеніе родителямъ, понимаете? — Подписывайся: женщины всегда начинаютъ.

Сэръ Жакъ. Что правда, то правда, женщины всегда начинаютъ (*всторону*), даже въ ссорахъ. (*Подавая перо Аннѣ*). Извольте! Расчеркнитесь поемълабѣ.... Странно! Меня какъ будто дрожь пробираетъ.... Дикъ! сюда.... (*Онъ тихо молку говоритъ съ Дикомъ и требуетъ отъ него ободренія. Дикъ старается его успокоить.*)

Поддигъ. Сэръ Жакъ! Ваша очередь!

Сэръ Жакъ (*сидясь къ столу*). О, я духомъ подмахну... Посмотрите, какую кавыку выставлю.

—
У.

ТЪ ЖЕ, ДЕБОРА и потомъ ПОЛИШМЕНЪ съ солдатами.

ДЕБОРА (*вбѣгая*). Мистеръ констэбль! мистеръ констэбль! Домъ нашъ окруженъ солдатами....

Сэръ Жакъ (*вскакивал*), Солдаты! у меня въ домѣ, зачѣмъ?

ДЕБОРА. Ихъ привелъ сюда полишменъ, и разставилъ у всѣхъ выходовъ.... Да вотъ онъ самъ; спросите у него. (*Тихо Дикю*) Я сейчасъ видѣлась съ Гриппи: она велѣла тебѣ сказать, чтобъ ты не оставлялъ сэра Жака, что бы здѣсь ни случилось.

Дикъ. Хорошо.

Полишменъ (*Констэблю*). Ваша милость! Вотъ пакетъ отъ намѣстника, изъ Эдинбурга.

Дикъ (*всторону*). А! — понимаю.

Констэбль. А, отъ намѣстника?... важная депеша, понимаете!... Вѣрно о томъ страшномъ преступникѣ. Зятюшка! вы не тревожьтесь, выводите свои караулы, пока я буду читать.

Сэръ Жакъ. Хорошо. Но мнѣ бы хотѣлось знать....

Поддигъ. Фу, ты пропасть! Опять забылъ очки!

Сэръ Жакъ. А вы не можете видѣть безъ глядѣлокъ! Значить правду у насъ въ Шотландіи говорятъ, что судьямъ надо всегда вставлять очки!

Такъ не даромъ же молва,
Что Оемида слѣповата,
И что истина права
Лишь тогда, какъ торовата.
Судьи вѣдь не дурачки,
А у нихъ во всемя препона:
Какъ не вставишь имъ очки,
Такъ не видятъ и закона.

Не приходите въ отчаяніе, тествюшка! Давайте, я вамъ прочту бумагу; — у меня рысьи глаза, за пять миль видятъ.

Поддигъ. Сдѣлайте милость! Очень обяванъ.... Но только порядокъ, понимаете? Съ толкомъ, съ разстановкой.

Сэръ Жакъ. Небезпокойтесь.... вотъ какъ отхватаю, Гмъ! гмъ!

(читаетъ.) «Мы, верховный судья и намѣстникъ Шотландіи, симъ предписываемъ констэблю Арвенскаго кантона, высокопочтенному мистеру Поддингу, немедленно схватить нѣкоего.... нѣкоего».... (Потираетъ бумагу.) Тутъ клаксъ! (Всторону.) Ахъ, ты Господи! что это? Дякъ! сюда. (Дякъ подходитъ.)

Поддингъ. Какъ? какъ вы говорите?

Сэръ Жакъ. Я говорю тутъ клаксъ.... Нельзя разобрать....

Поддингъ. Но что съ вами, сэръ-Жакъ? вы такъ поблѣднѣли, дрожите....

Сэръ Жакъ. Это ничего.... такъ, маленькій припадокъ.... отъ негодованія, что намѣстникъ пишетъ такъ неразборчиво.

Поддингъ. Какая досада! а я забылъ очки.

Дякъ. Не угодно-ли вашей милости попробовать мои?

Поддингъ. А, дѣло, дѣло! Давай сюда. (Беретъ очки.)

Сэръ Жакъ. Какъ?... ты носишь очки, презрѣнный! Да съ чего ты взялъ подражать этой дурацкой модѣ? (Констэблю.) Любезный тесть! не берите его очки, я васъ предупреждаю, они нигде не годятся.... Пойду, освѣжусь немножко на чистомъ воздухѣ.... а то у меня зелено въ глазахъ.

Поддингъ (удерживая его). Погодите! вотъ сейчасъ прочтемъ.

Сэръ Жакъ. Нѣтъ.... ужъ вы безъ меня.... а я пока провѣтриюсь....

Поддингъ. Что это! Боже мой! что я прочелъ.... Полишмень! схватите тотчасъ-же сэра Жака.

Сэръ Жакъ. Что за вздоръ!... Здѣсь враки, клевета! Полноте! это глупая шутка! Кто могъ на меня показать?... я никому не говорилъ объ этомъ.

Поддингъ. Слышите: виновный самъ себя обличаетъ.... Да, господа! Объявляю вамъ: великій преступникъ, обвиненный въ убійствѣ своей жены, сей самый, сэръ Жакъ, понимаете?

Всѣ. Сэръ Жакъ!

Сэръ Жакъ. Что тутъ понимать!... Это глупо! пустите меня, пожалуйста.

Поддингъ. А я дуракъ, нѣтъ виновать, легковѣрный, хотѣлъ я сказать.... А я, легковѣрный, хотѣлъ было выдать дочь за этого злодѣя, за эту Синюю-бороду....

Сэръ Жакъ. Послушайте, констэбль, прошу не отпускать остротъ: у меня вовсе не синяя борода, я нынче брился!

Поддингъ. Я не скрою отъ тебя, любезнѣйшій, что на первый случай мы тебя упрячемъ въ тюрьму, понимаете?

Сэръ Жакъ. Какъ! меня, вашего нарѣченнаго зятя?

Поддингъ. Какъ бытъ! Долгъ, обязанность, служба, понимаете?

Сэръ Жакъ (*всторону*). И этотъ варваръ былъ-бы моимъ тестемъ! (*Вслухъ*.) Какъ, злокачественный констабль! Такъ для тебя не существуютъ узы родства, союзъ крови и дружбы, голосъ природы.... ты ко всему нѣмъ и глухъ! Ты все это попираешь ногами?...

Поддингъ. Что дѣлать, правосудіе должно-же идти своей дорогой.

Сэръ Жакъ. Однако.... это ужасно!... Но въ чемъ меня обвиняютъ?...

Поддингъ. Да, во-первыхъ, въ побояхъ, отъ которыхъ жена ваша умерла....

Сэръ Жакъ. Мистеръ Поддингъ, постойте. Вы джентльменъ, отмѣнно благородный-человѣкъ, мужъ правды, доблести и чести.... Я вамъ открою всю подноготную, скажу всю правду.... Господа, отойдите къ сторонкѣ.

Обманутый женой неблагодарной,
Я не хотѣлъ безчестья ей нанести,
Хотя она и другъ ея коварный
Пренебрегли супружескую честь.
Въ тоскѣ моей нѣмой, неукротимой,
Не дѣлая упрековъ, я женѣ
Все высказалъ одною пантомимой...
поддингъ.

Довольно другъ! — Я понялъ васъ вполне.

Къ несчастію, пантомима ваша была очень неудачна.... и законъ васъ осуждаетъ, понимаете?

Сэръ Жакъ. Неужели, за одинъ неловкій жестъ!... Но къ чему-же осуждаетъ меня законъ?

Поддингъ. Да какъ бы вамъ это выразить, почтеннѣйшій... Вотъ видишь-ли:

Въ бою съ врагомъ солдаты умираютъ,
Пловцы въ волнахъ кончаютъ часто вѣкъ,
Тушильщики въ пожарахъ погибаютъ,
Въ постелѣ мретъ спокойный человѣкъ.
По званію здѣсь всякъ безъ остановки
Идетъ къ отцамъ, кто въ морѣ, кто въ огнѣ..
Ты продавалъ канаты и веревки...

СЭРЪ ЖАКЪ.

Довольно другъ! — Я понялъ васъ вполне.

Ужасно! безчеловѣчно! Какъ, веревка.... меня.... Нѣтъ! я къ этому рѣшительно неспособенъ.... я не могу, воля ваша....

Поддингъ. Что дѣлать! Надо ко всему привыкать.

Сэръ Жакъ. Ба! счастливая мысль!... стойте! Никто не смѣй ко мнѣ коснуться... (Торжественно.) Статья 1168.

Поддингъ. Полно, дружище! Полно, любезный Жакъ! Надо быть философомъ въ этомъ случаѣ. Понимаете?

Сэръ Жакъ. Статья 1168! статья 1168! и слышать ничего не хочу.

Поддингъ. Но что ты этимъ хочешь сказать? (Окружающимъ.) Онъ просто съ ума сошелъ!

Сэръ Жакъ. Требую исполненія статьи 1168! Я поставлю вмѣсто себя охотника.

Поддингъ. Порядокъ, дѣло! Отъ этого мы не прочь.... Законъ, понимаете! Но для этого нужно обезпеченіе.... чтобы потомъ правосудіе не осталось на бобахъ, понимаете?

Сэръ Жакъ. Я вамъ отдаю мой замокъ, помѣстье, мебели, снятые плоды, посѣянный картофель, спѣлую чечевицу, сушеный горохъ.... кажется, отъ этого вы не будете на бобахъ?

Поддингъ. Всеконечно! Принято, рѣшено и подписано! Теперь потрудитесь въ тюрьму, а какъ мы все опишемъ и заберемъ въ руки, тогда выпустимъ васъ на три мѣсяца для принсканія себѣ подставнаго, а не отыщете, не прогнѣвайтесь; придется плясать качучу на воздухѣ.

Сэръ Жакъ. Какъ глупо! этотъ пломпъ-поддингъ думаетъ, что онъ ужасно остеръ.... Старый кисель на козыхъ ногахъ. Три мѣсяца! хороша милость! Они въ три года не находятъ висѣльника, а я отыщи имъ въ три мѣсяца... Но, дѣлать нечего! Деньги есть, а за деньги и жидъ удавился. Ыдемъ, Дикъ! Ыдемъ!

(Подъ мотивъ «Адскаго вальса» изъ «Роберта».)

Прощайте, милые друзья!
Поѣду рыскать я по свѣту,
Но все еще надѣюсь я
Собой порадовать Аннету;
Вѣдь мнѣ три мѣсяца даны:
Авось найду себѣ подставку —
Иной, быть можетъ, отъ жены
И самъ готовъ идти въ удавку.

поддингъ.

Прощайте, въ дальней сторонѣ
Успѣховъ всякихъ вамъ желаю:
И васъ съ веревкой на бревнѣ
Я здѣсь усердно ожидаю.

дикъ.

Поѣдемте, сударь,

Репертуаръ русской сцены.

Намъ надо скакать,
 Чтобъ гдѣ-нибудь дурня
 Намъ не прозввать.

Всѣ хоромъ.

Такъ прощайте!
 Поспѣшайте!
 Пріѣзжайте

Къ намъ вдвоемъ!
 Ждать мы будемъ,
 Не забудемъ

Срокъ возврата!
 Время трата
 Понапрасно
 Вамъ опасна!

Сэръ жакъ,

Васъ я всѣхъ успокою,
 Привезу я съ собою
 Молодца хоть куда.
 И тогда, безъ труда
 Я закону угожу,
 И невинность докажу!

(Сэръ Жакъ уходитъ съ солдатами. Дикъ прощается съ Деборой, которая въ восторгъ потираетъ руки. Анна Поддингъ въ слезахъ кидается въ объятія матери. Всѣ провожаютъ сэра Жака. Констабль съ торжествомъ нюхаетъ табакъ.)

поддингъ. Министръ Поддингъ, уведите дочь вашу домой. Хрюнить не объ чемъ: не будетъ свадьбы, такъ будетъ экзекуція! — Торжество, порядокъ, законъ! Понимаете!

(Занавѣсъ опускается.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

СУМАСВРОДЪ.

Дѣйствіе въ Парижѣ, около Шарантона (дома сумасшедшихъ). Въ глубинѣ застава. Направо трактиръ. Налѣво кузница каретника съ вывѣскою. Около нея видны кузовъ кабриолета, котораго передняя часть за кулисою. Одно колесо снято и кузнецы надъ нимъ работаютъ. Передъ трактиромъ дерево и подъ нимъ столъ и скамейка. За заставою видны городъ.

I.

ЛАНДРИ И РАБОТНИКИ. Они куютъ.

ЛАНДРИ. Ну, ребята! куйте поживѣе... Этотъ милордъ ужасно

нетерпѣливъ: онъ разбилъ ужъ два стакана въ трактирѣ, оттого, что его экипажъ до-сихъ-поръ не готовъ.... Ужъ эти англичане причудливый народъ, за то платять хорошимъ золотомъ и не торгуются. Ба! ба! ба! Это что? Г. Томасъ съ двумя сторожами изъ дома сумасшедшихъ.... За чѣмъ это они сюда пожаловали спозаранку?

II.

ТЪ ЖЕ, ТОМАСЪ И ДВА СТОРОЖА.

Томасъ. Здравствуйте, добрые люди! Не видали-ли вы здѣсь небольшого человѣчка, съ растрепанными волосами, въ шляпѣ сахарной головою и въ зеленомъ сюртукѣ.... Этакого, знаете.... немножко того, словомъ, нашего поля ягоду.

Ландри. Вашего поля ягоду, то-есть, съ дурманцемъ.... Нѣтъ, не видали! А мы здѣсь за работой ужъ три часа. Вотъ, чинимъ кабриолеть одного лорда, которому, видно, наша мостовая не по вкусу пришлась.

Томасъ. Нечего дѣлать. Пойдемте искать дальше. *Они уходятъ.*

Ландри. Ну что, кончили? Хорошо! Ступайте завтракать, послѣ приладимъ. Милордъ подождетъ — а лопнетъ терпѣніе вдвое заплатитъ. *(Работники уходятъ. Въ эту самую минуту въбѣгаетъ Дюръ: онъ дѣлаетъ нѣсколько антрша и останавливается въ позѣ передъ крыльцомъ трактира. Онъ поетъ:*

Что за домъ! что за домъ!
Мы войдемъ! мы войдемъ!
И поъемъ! и поъемъ!

Въ это время изъ трактира выходитъ Дикъ, одѣтый жокеемъ. Дюръ передъ нимъ расшаркивается и раскланивается, потомъ объѣгаетъ вокругъ него, и поетъ изъ «Цампы»:

Кто такой неизвѣстный!
Видъ прелестный
И презлой!

(Онъ уходитъ въ трактиръ.)

III.

ДИКЪ, ПОТОМЪ ЛАНДРИ.

Дикъ. Это что за чучело! Какіе здѣсь, право все чудачки, однакожь народъ превѣжливый, такъ улыбкой деньги изъ кармана и вытягиваетъ.... Утонченный городъ Парижъ, нечего сказать. Хорошо, что мнѣ удалось написать здѣсь письмо къ мистрисъ Гринпи о поведеніи ея мужа, а то овъ сталъ такой ртутный, что на мѣстѣ не пробудеть десяти минутъ. Какъ-то ему здѣсь посчастливится на счетъ висѣльника.

Потолкались мы по свѣту,
 Но вездѣ успѣхъ плохой,
 Не поддѣть на штуку эту—
 Дорожать всѣ головой.
 И за деньги здѣсь, повѣрьте,
 Дурака мы не найдемъ:
 Деньги любятъ всѣ до смерти,
 А при смерти — ни по чемъ!

(Ландри выходитъ изъ своей мастерской.) Ну, что, любезный, скоро-ли ты насъ отпустишь?

Ландри. Повремените часокъ, другой — и все поспѣеть. За то ужъ будетъ любо-дорого.

Дикъ. Дорого-то будетъ, это мы знаемъ, а вотъ любо-ли: это другое дѣло. Ваши каретники всѣ любятъ отпускать турысы на колесахъ.... повѣришь и останешься безъ колесъ.

Ландри. Это, можетъ-быть, въ провинціи; а мы въ Парижѣ на томъ стоимъ: ужъ кого прокатимъ, тотъ насъ не дождетъ. Я ручаюсь, что вы далеко уѣдете въ вашемъ кабриолетѣ, хоть въ другую часть свѣта.... и если хоть одинъ винтикъ раскачается, такъ я позволю себя повѣсить....

—

IV

ТѢЖЕ И СЭРЪ ЖАКЪ, быстро подходя.

Сэръ Жакъ. Кто это сказалъ? Кто позволяетъ себя повѣсить?

Ландри. Я, милордъ! Я говорилъ вашему слугѣ....

Сэръ Жакъ. Ты сказалъ: я позволю себя повѣсить! Ты это серьезно говоришь? Скажи: серьезно?

Ландри. Хе, хе, хе! Шутить изволите, ваша милость.

Сэръ Жакъ. Кажется, я вовсе не похожъ на шутника....

Ландрив. О вѣтъ, (всторону) по на сумасшедшаго. (Уходитъ.)

Сэръ Жакъ. Шутить! хороши шутки.... дурачина! Тутъ челоуѣку приходитъ такъ круто, что хоть въ петлю лѣзь, а онъ съ шутками подѣхалъ. Хорошо еще, что выдумали галстухи на пружинахъ, по-крайней-мѣрѣ не надо повязывать шею, а то, какъ затянешь узелъ, всякій разъ и приходитъ въ голову.... бррръ! морозъ по кожѣ подираетъ.

—

V

СЭРЪ ЖАКЪ И ДИКЪ.

Дикъ. Эхъ, сударь! Будьте поосторожнѣй. Вы такъ заняты своей мыслью, что того и гляди проговоритесь.

Сэръ Жакъ. Ты правъ! Но что же дѣлать, отчаяніе и досада меня одолаваютъ. Вездѣ неудача! Кому я не предлагалъ быть повѣшеннымъ, всѣ или смѣялись надо мною, или надували меня. А ужъ, кажется, довольно поизѣздили Европу, и вдоль и поперекъ! Въ Англіи — люди мрутъ отъ скуки, во Франціи — отъ любви, въ Испаніи — отъ лихорадокъ, въ Италиі — съ голоду, въ Турціи — отъ чумы, въ Египтѣ — отъ крокодиловъ, въ Алжирѣ отъ французовъ, и никто не хочетъ умереть отъ веревки. Смѣшной народъ! Не все-ли равно, кажется? Въ Швецаріи — гдѣ люди позволяютъ убивать себя за деньги, я кое-какъ отыскалъ нищаго инвалида.... Ты помнишь, какъ я его удержалъ за фалды, когда онъ хотѣлъ броситься съ отчаянія въ Женевское озеро.... Дѣлаю ему предложеніе, онъ согласенъ — за пенсію для его дочери и за хорошій обѣдъ для него. На радости я задаю ему пиръ на славу... Что же! Этотъ мошенникъ надулъ меня самымъ предательскимъ образомъ: нажрался, напился, да послѣ обѣда — взялъ да и умеръ отъ несваренія желудка! — Наконецъ терпѣніе мое лопнуло.

Сколько дѣлалъ я попытокъ

На веревочку поддѣть,

Но народъ сталъ нынче прытокъ :

Чась не хочетъ повисѣть.

Мнѣ надежды очень мало,

Но вотъ будь моя жена —

Вѣрно сразу бы сыскала

Подставнаго мнѣ она!

Дикъ! торопи каретника.... Что онъ, разбойникъ, вѣрно хочетъ, чтобъ я самъ повѣсился съ отчаянія.... Ты видишь, въ какомъ

я положеніи: руки дрожать, ноги ходуномъ ходятъ, желудокъ ввалился, голова распухла, посмотри, какъ распухла, даже шляпа узка стала. (*Снимаетъ шляпу.*) Кой чортъ! да это не моя! Вотъ еще глупая шутка.... Миѣ подмѣнили шляпу.... только этого не доставало. Вели закладывать лошадей! Нѣтъ! ни минуты не хочу оставаться въ этомъ городѣ, гдѣ чужія шляпы подбираютъ, а на висѣлицу не хотятъ. (*Дикъ уходитъ. Дюрѣ является на крыльцѣ трактира.*)

—

VI

СЭРЪ ЖАКЪ И ДЮРЬЕ.

ДЮРЬЕ (съ стаканомъ въ рукѣ.)

(*Изъ «Фрейшюца»*) Чтобъ мы были безъ вина?

Это глупо.... вотъ-те па!

Нѣтъ ужъ вздоръ, не будемъ!

Все грозитъ бѣдой и зломъ:

Вонъ прозятый желтый домъ!

Выпьемъ — такъ забудемъ!

Тай-рай-ра! Тай-рай-ра!

Сэръ Жакъ. Эге! да на этомъ молодчикъ моя шляпа.... Послушайте-ка, вы, почтеннѣйшій.... Какъ васъ тамъ.... Вы по ошибкѣ захватили мою шляпу.

Дюрѣ (*не глядя на него продолжаетъ ходить по сценѣ.*)

(*Изъ «Цампы»*) Станемъ пить и веселиться!

Не на вѣкъ намъ жизнь дана!

Сторожъ сразу вѣдъ примчится;

Сатана! ей, вина!

Сэръ Жакъ (*все ходитъ за нимъ*). Вотъ пьяница!... Однако послушайте, государь мой.... нельзя ли намъ какъ-нибудь, этакъ, честью раздѣлаться.

ДЮРЬЕ *изъ «Фрейшюца».*

Что въ свѣтъ пріятнѣй охотничьей жизни!

Особенно близко трактирныхъ домовъ.

Я первый охотникъ, я первый въ отчизнѣ,

И пѣть, и плясать, и понить я готовъ.

Тра-ла-ла-ла! Тра-ла-ла-ла! (*Плещетъ*).

Сэръ Жакъ. Однако, онъ порядочный весельчакъ.... тѣмъ до-саднѣе: ему нельзя предложить (*показываетъ веревку на шею*) этого маленькаго развлеченія.... не согласится, мошенникъ!

ДЮРЬЕ изъ «Густава III».

Весело, радостно,
 Пламенно, сладостно
 Вѣкъ проводить свой хористъ!
 Не доѣсть, не допеть,
 Но за то все поеть,
 Оттого онъ голосистъ!
 Но я золь на режисера,
 Заварю имъ кутерьму,
 Тенора и бутафора,
 И начальство и суфлера —
 Всѣхъ запрячу я въ тюрьму!

Сэръ Жакъ. Ну, а куда вы тѣхъ дѣпете, что чужія шляпы подбирають?

Дюръе (*не оглядываясь*). А? что надо, говори скорѣй.... мнѣ некогда.

Сэръ Жакъ. Да мнѣ надо мою шляпу.... вѣдь, вы видите, что она вамъ велика.... Ну, на что вы похожи въ этой шляпѣ, точно зябликъ въ кошапѣ.

ДЮРЬЕ (поеть).

Я буду герой, я буду великъ.
 Я за поясъ всѣхъ васъ заткну!

Сэръ Жакъ. Да не въ этомъ дѣло! Я хочу....

Дюръе (*оборачиваясь, щелкаетъ его по носу*). Что ты хочешь, обезьяна? Говори, мартышка!

Сэръ Жакъ. Что это! овъ, кажется, коснулся моего носа!

Дюръе (*щелкаетъ его вторично*). Убери носъ!.. Онъ мнѣ мѣшаетъ, заслоняетъ твою образину.... Слышишь, убери!

Сэръ Жакъ. Вы, милостивый государь, грубиянъ!

Дюръе. Что? какъ ты меня назвалъ? Ты меня, видно, не знаешь.... Я король — Сицилійскій, король изъ Роберта, меня зовутъ Дюръе, Жанъ Дюръе, Жанъ Парижскій, понимаешь? — Я сынъ Отелло и Дездемоны. Отецъ мой король Карамандельскихъ острововъ, онъ получаетъ три тысячи жалованья и по пяти франковъ проспектакельныхъ.... Понимаешь, мартышка! — Убери носъ! говорятъ, убери.

Сэръ Жакъ (*схвативъ его за руку*). Ты хочешь отдѣлаться побасенками.... Нѣтъ, любезнѣйшій! Подай мою шляпу.... (*Онъ хочетъ взять у него шляпу силою; Дюръе изъ всей мочи натягиваетъ ее себѣ на голову, такъ что дно выскакиваетъ и она остается у него ввидѣ ошейника.*)

ДЮРЬЕ. Твою шляпу?... Эту шляпу? Да знаешь-ли, образина, я родился въ этой шляпѣ.... А тебѣ хочется ее подтибрить....

Трепещи, трепещи!
Въ гнѣвѣ я неукротимъ!

СЭРЪ ЖАКЪ (*въ испугѣ*). Вотъ бѣшенный воръ! Нѣтъ, надо попробовать съ нимъ ласкою.... (Вслухъ). Дѣйствительно, почтеннѣйшій, я нахожу, что вы совершенно правы.... ужъ когда вы родились въ шляпѣ, такъ и толковать нечего....

ДЮРЬЕ. Тото же!

Во мнѣ пріятности не мало.
И талія и ножка недурна! (*Изъ «Фра-Дьяволо»*).

СЭРЪ ЖАКЪ. О, всеконечно! Но только странно одно, осмѣлюсь вамъ замѣтить; отчего вы непременно родились въ моей шляпѣ?

ДЮРЬЕ. И ты этого не понимаешь? А еще хочешь управлять театромъ и актерами?

СЭРЪ ЖАКЪ. Ну нѣтъ, я этого вовсе не хочу, я только желаю мою шляпу.... Разбойникъ! какъ онъ ее отдѣлалъ.

ДЮРЬЕ (*преслѣдуя его щелчками*).

Вотъ, вотъ, вотъ.
Вотъ тебѣ, уродъ.
Что ты лезешь вонъ изъ кожи,
Хорохоришься, какъ шутъ,
Роли важныя вельможи
Къ носу этому нейдуть!

СЭРЪ ЖАКЪ.

Что до носа вамъ за дѣло,
Шляпу дайте мнѣ мою;
Меня заживо задѣло....
Я и самъ вамъ отпою.

ДЮРЬЕ.

Отпоешь? А ну-ка, ну-ка!
Вторить буду я: бомъ! бомъ!
(*Снимаетъ шляпу и нагинаетъ барабанить*).
Запоетъ—вотъ то-то штука,
Чай совиннымъ голоскомъ.

СЭРЪ ЖАКЪ.

Пѣть для васъ я не намѣренъ,
Но возвышу голосъ свой....

ДЮРЬЕ.

Голосъ твой отменно скверенъ,
Ты поешь, братъ, фистулой.

Ты парикъ отдай свой въ краску,
Носъ хирургу, чтобъ подскѣкъ,
Да надень на рожу маску—
Такъ и будешь человекъ.

СЭРЪ ЖАКЪ.

В
м
ѣ
с
т
ѣ.

Это личность! нѣтъ терпѣнья!
Это просто вонь изъ рукъ!
Не снесу я оскорбленья!
Не люблю такихъ я штукъ.

ДЮРЬЕ.

Вотъ смѣшное - то творенье!
Это просто злой паукъ!
Зритель выдетъ изъ терпѣнья.
И поднимаетъ гамъ и стукъ.

Сэръ Жакъ. Прошу мнѣ дать удовлетвореніе....

Дюрье. Удовлетвореніе?... Развѣ тебѣ не выдали жалованье...
Жоко, бразильская обезьяна?

Сэръ Жакъ. Прошу не шутить.... Я говорю серьезно, я оскорбленъ, и хочу драться....

Дюрье. А, драться хочешь? Дѣло! вооружайся, у батафора полный арсеналь.... хочешь алебарды изъ Фенеллы? мечи, кинжалы, пистолеты, пушки — изъ Осады Коринва? Надѣвай латы, бери копье....

Для рыцарской моей отчизны

Всего, всего дороже честь! (Изъ «Роберта».)

Сэръ Жакъ. А если такъ, то деремса тотчасъ-же.

Дюрье. Давай, давай! только торопись.... мнѣ некогда! мнѣ сейчасъ надо сражаться съ Карломъ-Смѣлымъ, а черезъ часъ у меня проба Жидовки.... Знаешь Жидовку—важная штука!

Но тебѣ-ли

Пустомели

Знать жидовку Галеви!

Ты холоденъ,

Не пригоденъ

Для восторговъ и любви! (Изъ «Жидовки».)

Сэръ Жакъ. Пусть такъ... я и не хочу мѣшаться въ ваши шашни съ жидовками, но я выбираю пистолетъ — и мы деремса на смерть — повнимаете?

Дюрье Идетъ! Идетъ!

На смерть, на смерть! въ законъ себѣ поставимъ

Побить, разбить, носы имъ своротить....

Фонарь, фонарь, подъ каждый глазъ подставимъ. (Изъ «Роберта».)

Сэръ Жакъ. Впрочемъ.... позвольте! Если этотъ родъ смерти вамъ не нравится, я могу вамъ предложить другой, гораздо пріятнѣйшій....

Дюрье. Ни, ни, я держусь на пистолетахъ....

Пуфъ, пафъ, пуфъ, пафъ, какъ много пыли —

Такъ надо выбить поскорѣй....

Поютъ такъ гдѣ-то въ водевилѣ....

Стрѣляются какъ-то веселѣй!

Сэръ Жакъ (*всторону*). Не поддается, варваръ! (*Вслуухъ*). Такъ кончено! Вы не хотите отдать моей шляпы?

Дюрье. Убери носъ.... онъ все дѣло портить....

Сэръ Жакъ. Опять.... такъ я иду же за пистолетами. (*Онъ бѣжитъ къ кабриолету и достаетъ пистолеты.*)

Дюрье (*про себя*). Что-жъ! въ статисты его можно.... Носъ.... да, носъ портить перспективу.... ничего, въ Саміели годится.... (*Съ большой важностью.*) Но подумаемъ.... такъ дѣло не можетъ идти.... надо преобразовать театръ. Пусть авторы платятъ актерамъ за то, что даютъ имъ пьесы.... Артистовъ, которые учатъ роли наизусть—въ кунсткамеру, въ банку.... показывать за рѣдкость!... Издамъ законъ: «кто подойдетъ къ театру на двѣсти сажень, наказывается: онъ обязанъ выслушать національную оперу.... Штука! это дастъ сборы. Примадонна страшно жилось.... скамеечку ей: пусть достаетъ верхнія нотки! Фа! со! ла! си! си!... Заведу звѣрей на сценѣ: животныя — это кладъ: всегда имѣютъ успѣхъ.... Авторовъ надую, всѣхъ до одного надую.... вмѣсто пьесъ, буду давать одни заглавія.... Ха, ха, ха! (*Потираетъ руки.*) Всѣ будутъ съ носомъ.... (*Дѣлаетъ носъ пальцами.*) Тра-ла-ла-ла!... А самъ заберу все жалованье впередъ, за цѣлый годъ, за два.... и пойду.... Во что я пойду?... въ смотрители—за башмаками.... или нѣтъ, въ управляющіе.... Да ужъ знаю... въ такую штучку пойду, что будетъ у меня:

Лошадочекъ парочка,

Вино за столомъ,

Десертъ и сигарочка,

А тамъ — и свой домъ!

Жена съ брилліантами,

Въ ларцѣ — благодать...

Вѣдь это талантами

Никакъ не достать!

Сэръ Жакъ. Вотъ, принцъ Сицилійскій, выбирайте.... (*Онъ подаетъ ему пистолеты*). Теперь на пятнадцать шаговъ. Я отмѣрю.... стойте смирно.

VII.

ТЪ ЖЕ, ДИКЪ.

Дикъ. Это что?... Они съ оружіемъ.

Сэръ Жакъ. Погодите, Карамандельскій князь... я еще не дошелъ; я вамъ скажу: пали!

Дикъ. Нѣтъ! я никакъ не допущу...

Сэръ Жакъ. Стрѣляюсь, непременно!

Дикъ. Но подумайте, сэръ, это безразсудно; у васъ безъ того смерть въ перспективѣ, приличная, законная смерть, а дуэли воспрещаются закономъ.

Сэръ Жакъ. Оставь, оставь! Хочу стрѣляться. *(Тихо.)* Вѣдь я вынулъ пули.

Дикъ. А... въ такомъ случаѣ.

Сэръ Жакъ. А ты ступай за лекаремъ, чтобъ перевязать раны его свѣтлости. *(Считая.)* Двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, стой. Замѣтку.

Дюрье *(во время разговора Жака съ Дикомъ говоритъ)*. Да... это не дурно... только надо зарядить пистолеть... Гдѣ мой порохъ? *(Онъ достаетъ табакерку и высыпаетъ табакъ въ дуло.)* Теперь хорошо!

Сэръ Жакъ. Ну-съ! готово! Подходи... стрѣлай! *(Дюрье стрѣляетъ. Сэръ Жакъ начинаетъ протирать глаза и отплеиваться. Оба чихаютъ.)*

Дюрье. Здравія желаю!

Сэръ Жакъ. Покорно благодарю!

VIII.

ТЪ ЖЕ, ЛАНДРИ, РАБОТНИКИ И СЛУГИ ИЗЪ ТРАКТИРА.

Всѣ. Что это? Выстрѣлы... убійство... кто раненъ?... кто убитъ?... Ловите вора!... караулъ!

Сэръ Жакъ. Что вы орете!... ничего нѣтъ! пустой выстрѣлъ. Успокойтесь! *(Отводя Дюрье всторону.)* Вы дали промахъ, принцъ! уйдемъ отсюда.. Здѣсь слишкомъ много народу.

Дюрье. Идемъ... Здѣсь же противъ меня заговоръ... Мошенникъ Томасъ составилъ шайку... онъ хочетъ разорить мое государство и забрать впередъ мое жалованье... 320 франковъ въ годъ. Онъ хочетъ на Карамандельскихъ берегахъ разводить

табакъ... Слышишь? Это до тебя касается, по случаю твоего носа... Да убери носъ, пожалуйста! Я готовъ съ тобой, куда хочешь, въ петлю полѣзу изъ усердія....

Сэръ Жакъ (*въ восторгѣ*). Что вы говорите!

Дюрье. Какую хочешь роль буду играть... вторую или первую, все равно, хочешь такъ: (*поетъ басомъ*), хочешь этакъ: (*поетъ теноромъ*), пожалуй и вотъ такъ: (*поетъ сопрано*). Все отдаю въ твои руки: армію, доспѣхи, партіи, голосъ, табакерку и жизнь!...

Сэръ Жакъ (*обращаясь къ народу*). Слышите? Онъ отдастъ мнѣ жизнь, въ петлю за меня готовъ... будьте свидѣтелями. Благородный приицъ, все принимаю.

ДЮРЬЕ.

(*Изъ «Водовоза».*) Веди меня, о Провидѣнье!
Намѣренью подай успѣхъ!

Сэръ Жакъ. Принимаю предложеніе... мнѣ нуженъ подставной..

Дюрье. Понимаю... дублеръ! Когда не хватитъ мочи, чтобъ онъ за тебя этакъ:

(*Изъ «Лючіи»: Фга росо*) Ахъ, тяжкое страданіе
Пришлось терпѣть во младости,
Погибло ожиданіе,
Погибли мои радости!
Не бракосочетаніе —
Я нахожу здѣсь—гадости!
Кричать тебѣ отвсюду bis!
За подвигъ безпримѣрной;
И лѣзъ на верхъ, хоть удавись...
Ахъ, это очень скверно!

Сэръ Жакъ. Да, да, вы угадали.... почти что такъ. Я предлагаю вамъ мое мѣсто, очень нетрудное, но отмѣнно эффектное и выгодное.

Дюрье. Что дѣлать?

Сэръ Жакъ. Да.. почти что ровно ничего.

Дюрье. Ничего, значить въ національную оперу.

Сэръ Жакъ. Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ пѣсня короткая: вы взойдете только на помость, довольно высокій, правда...

Дюрье. Чѣмъ выше, тѣмъ лучше, я достану грудное ла.

Сэръ Жакъ. Безъ галстука, разумѣется.

Дюрье. Значить въ испанскомъ, понимаю...

Сэръ Жакъ. Зажмурите глаза, протянете шею... вамъ возложить шнурокъ... очень красивый впрочемъ... и только!

ДЮРЬЕ. Только! — Шею, глаза, вотъ такъ! (*Онъ жмуритъ глаза и вытлеваетъ шею.*) Идетъ!... Согласенъ... Давай контрактъ, сейчасъ подмахну.

СЭРЪ ЖАКЪ. Позвольте обнять себя, великолѣпный другъ! (*Всторону.*) Вотъ находка-то! (*Вслухъ.*) Такъ мы сейчасъ-же ѣдемъ въ Шотландію.

ДЮРЬЕ. Въ Шотландію... да, тамъ не дурно... всѣ ходятъ въ полосатомъ, какъ шуты... и на счетъ нижняго платья... мило! очень мило!. Дѣва Озера!... Я ее знаю... Что, какъ поживаетъ Дѣва Озера? — Хорошо! — А вы какъ? — Слава Богу, живемъ себѣ... А Ламермурская невѣста ужъ вышла замужъ?... Премилашка эта Лючія, я за ней приволокнуся... ѣдемъ, ѣдемъ въ Шотландію.

(*Изъ «Кеттли».*) Милая страна! Всегда плѣвила ты поэта
И женщинъ красотой, и полосатой пестротой!...
Ахъ, будь-же мнѣ убѣжищемъ отъ злаго свѣта,

Гдѣ бѣги въ рѣку

И гдѣ (*открывал табакерку*) ни крошки табаку!

СЭРЪ ЖАКЪ. Ѣдемъ, ѣдемъ! время дорого. (*Ландри.*) Что, экипажъ готовъ?

ЛАНДРИ. Ужъ и лошади заложены.

СЭРЪ ЖАКЪ. Садитесь, другъ мой! Я за вами!

ДЮРЬЕ (*сидя въ кабриолетъ, поетъ изъ «Фра-Дьяволо»*).

Горя любовью страстной,
Къ красавицѣ прекрасной,
Плыветъ, плыветъ мой гондольеръ,
Забывъ про путь опасный.

IX.

ТЪ ЖЕ, ТОМАСЪ СЪ СТОРОЖАМИ.

ТОМАСЪ. Что это? Нашъ бѣглець... ребята, сюда! Хватай его! Только осторожнѣй, чтобъ онъ не задѣлъ кого-нибудь!

ДЮРЬЕ. Мой злодѣй! Томасъ! Бунтовщикъ!... не отдамъ тебѣ Карамандельскихъ береговъ... Не отдамъ... Знай, извергъ! Я выбранъ въ Танкреды... Зажмурю глаза, протяну шею — и только.

ТОМАСЪ. Берите его!

СЭРЪ ЖАКЪ. Какъ! вѣтъ, позвольте, я его законтрактывалъ.

ТОМАСЪ. Да вѣдь онъ сумасшедшій изъ Шарантона.

СЭРЪ ЖАКЪ. Слышишь, Дикъ, сумасшедшій!

Дикъ. Да развѣ въ здоровомъ умѣ позволяютъ себя повѣсить?

Сэръ Жакъ. О, я злополучный! (*Кидается въ его объятія.*)

Дикъ. Утѣшьтеся: Индія осталася за нами.

СЭРЪ ЖАКЪ.

Ахъ, какое приключенье!

Кто-бы ждалъ такихъ проказъ!

О терзанье, о мученье!

Ужъ теперь я, вѣрно, пасъ!

ДЮРЬЕ.

Ахъ, въ тяжеломъ удрученьи,

Стану пѣть я третій басъ,

Отпустите, въ представленьи

Даромъ всехъ пушу я васъ.

ДИКЪ.

Вы надѣлали волненье,

Такъ уѣдете сейчасъ,

А не то здѣсь, въ поученье,

Коммиссаръ задержитъ насъ.

ТОМАСЪ.

Что бѣглець, проси прощенье!

Ты помучилъ таки насъ!

А не то, за преступленье,

Руки свяжемъ мы тотчасъ!

ВСѢ.

Ахъ! какое приключенье!

Кто-бы ждалъ такихъ проказъ,

Лордъ вступилъ было въ сраженье

Съ сумазбродомъ на заказъ!

(Дюрье уводитъ сторожа, отъ которыхъ онъ отбивается. Сэръ Жакъ и Дикъ садятся въ кабриолетъ. Толпа ихъ провожаетъ. Занавѣсъ опускается.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ПОДСТАВНОЙ.

Сцена представляетъ садъ. Слева, большой господскій домъ; справа бесѣдка.

I.

ДЕБОРА, ГРИППИ И ДИКЪ.

Гриппи. Ахъ, какъ я рада! Такъ вы, дѣйствительно, воротилсь! И мой мужъ здоровъ, веселъ?

Дикъ. Здоровъ, какъ шука, веселъ, какъ бѣлка, на мѣстѣ не постоятъ отъ радости.

Гриппи. Стало быть онъ очень измѣнился?

Дикъ. Да, такъ, что вы его и не узнаете, пополнѣлъ, отпустилъ усы, нарядился такимъ франтомъ, что хоть сейчасъ въ модный журналъ.

ДЕБОРА. Вотъ что значить искреннее раскаяніе. О измѣнники!

Дикъ. За то ужъ чего мы не натерпѣлись! И голода, и холода и всякихъ удовольствій... Поминать онъ объ васъ частенько, горемычный!

Гриппи. Право?... И часто говорилъ обо мнѣ?

Дикъ. Да каждый день почти.

Гриппи. А что онъ говорилъ?

Дикъ. Да какъ вамъ сказать? Смотря по обстоятельствамъ.... Какъ найдетъ, бывало, подставнаго, такъ и въ восторгѣ.

Гриппи. О, неблагодарный!

А я здѣсь слезы проливала,
Мечтала только лишь о немъ!
И за него въ душѣ страдала
И въ ночь безсонную, и днемъ.
Теперь меня онъ ненавидитъ,
Но время сдѣлаетъ свое:
И скоро, съ грустью, онъ увидитъ,
Какъ мало сердце зналъ мое.

ДЕБОРА. О, мужчины всѣ злодѣи, крокодилы... они всѣ на одну колодку.

Дикъ. Опять вспомнила о своемъ французѣ!... Но я долженъ вамъ сказать, сударыня, что всякій разъ, какъ у насъ ускользала охотникъ на висѣлицу, а это случалось безпрестанно, сэръ Жакъ всегда твердилъ: «Бѣдная Гриппи! лучше-бы ты жила! По крайности и я бы не былъ повѣшенъ... О, я большой злодѣй.. Я змѣя подколодная! я не пощадилъ тебя!» И разныя, знаете этиякъ глупости говорилъ, впрочемъ, для васъ очень лестныя. И если-бъ онъ не нашелъ охотника...

Гриппи. Какъ! можетъ ли быть! Онъ нашелъ охотника?

Дикъ. Нашелъ, да чего намъ это стоило! Нынче всѣ воры крадутъ большими кушами и вмѣсто висѣлицы, хотятъ жить господами... Хорошо, что хоть одного заманили въ ловушку, а то бѣда, вѣдь сегодня въ два часа кончается нашъ срокъ.

ДЕБОРА. И вы отыскали для этого француза?

Дикъ. Парижанна... А, ты все о своемъ висьльникѣ вспоминаешь, который тебя плѣвилъ, увлекъ и покинул!

Девора. Ахъ! это было золотое время.

Гриппи. Однако дѣло дурно! Этотъ охотникъ разстроиваетъ все мои планы. Послушай, Дикъ, нельзя-ли его какъ-нибудь переманить на нашу сторону?

Дикъ. Его! Скорѣй башню поставишь вверхъ ногами. Это такой чудакъ, какого свѣтъ не производилъ. Онъ служилъ въ трактирѣ, сэръ Жакъ его приласкалъ, угощалъ, поилъ цѣлыя двѣ недѣли... и то съ трудомъ уломалъ. Поетъ себѣ да пляшетъ и знать ничего не хочетъ.

Девора. Французъ! французъ! Узнаю парижанина!

Дикъ. Ужъ не своего-ли? Ну, этотъ не дѣлаетъ чести твоему вкусу. Одинъ глазъ съ бѣльмомъ, одно плечо съ горбомъ, ротъ на сторону и носъ закавычкой. Красавчикъ, хоть куда! Хоть сейчасъ за деньги показывай, а надѣнь на него шкуру, такъ за ученую обезьяну сойdetъ.

Девора. На обезьяну! Боже! Какое воспоминаніе!

(Слышенъ стукъ подѣхавшей кареты.)

Гриппи. Кто-то пріѣхалъ! Спрячусь поскорѣе! — О, я увѣрена, что мой мужъ раскается, когда узнаетъ, какъ несправедливъ былъ ко мнѣ.

(За кулисами слышенъ крикъ: ура! ура!)

Дикъ. Это онъ! Слуги встрѣчаютъ его съ восторгомъ.

Девора. Побѣгу приготовить ему хорошенькій завтракъ, чай отошала, мой голубчикъ!

(Девора и Гриппи уходятъ.)

II.

СЭРЪ ЖАКЪ, ДИКЪ и ГАЛЬЯРЪ.

ГАЛЬЯРЪ.

Вотъ мы, значить, и на мѣстѣ,

Прикатили наконецъ!

Честь и слава вашей чести,

Это истинный дворецъ!

Все роскошно и богато

Паркъ, аллеи и боскетъ,

Что-жъ не вижу я стола-то?

Это главный вѣдъ предметъ.

И природа при кувертѣ

Больше можетъ насъ пѣнить,
А признаться, мнѣ до смерти
Здѣсь хотѣлось-бы пожить.

Сэръ Жакъ. Все явится, все явится, почтенный, милый и прелестный другъ мой!

Гальяръ. Ужъ и прелестный!... Странно! непривычное имя! Меня такъ называла только одна женщина... но та была безумная... Впрочемъ, все-таки лестно! По крайности, при жизни еще признали мои достоинства.

Сэръ Жакъ. Дикъ! ступай скорѣй къ констаблю и увѣдомь его, что мы прѣехали, что я привезъ великодушнаго человѣка, который согласенъ оказать намъ маленькое одолженіе и замѣнить меня на вислицѣ.

Гальяръ. Сэръ Жакъ, да нельзя-ли ему мимоходомъ велѣть подать завтракъ: мнѣ хочется червяка заморить.

Сэръ Жакъ. Только прикажи, благородный другъ, и все тотчасъ явится.

Гальяръ. Помните условія? Вы обязались подавать мнѣ все, что только можетъ прельстить смертнаго, а какъ я теперь смертный по преимуществу, то и хочу кутнуть, что называется на славу! Кутну, то-есть, на пропалую, да и закажусь!

Сэръ Жакъ. Приказывай, повелѣвай, мой другъ — все къ твоимъ услугамъ.

Гальяръ. Я хочу всего отборнаго... во первыхъ, подавай дыню канталупку, жаренаго фазана, пирога съ дичью, форели подъ соусомъ, ананаснаго пуншу, остиндскихъ устрицъ, каплуна съ трюфлями, султанскихъ финиковъ, подлингу... во вторыхъ...

Сэръ Жакъ (*въ испугѣ*). Не много-ли будетъ и перваго... ты знаешь, нынче такое время... холера ходитъ.

Гальяръ. Вздоръ! Это все мнѣ ни почемъ, на одинъ глотокъ... а я хочу набѣться до сыта, набѣться на цѣлую вѣчность — у меня такой аппетитъ, что я съѣмъ цѣлаго быка, и проглочу медвѣжій окорокъ — на закуску.

Сэръ Жакъ. Мнѣ не жаль, но мой милѣйшій, самъ посуди — и рыбу, и дыню, и мясо, и грибы, и финики — вѣдь это выдетъ такой кавардакъ...

Гальяръ. Ни почемъ! Я хочу вкусить отъ всѣхъ даровъ природы, морскихъ, воздушныхъ и земныхъ... Подавай мнѣ творогу съ корицей и дыню канталупку.

Сэръ Жакъ. Согласенъ; но по крайности... отъ канталупки откажись... Вѣдь это ядъ, притомъ теперь не время дынь...

Гальяръ. А мнѣ какое дѣло: роди, да подай...

Сэръ Жакъ (*всторону.*) Тигръ, а не человѣкъ.... Объяется, варваръ; лопнетъ, готтентотъ.... все дѣло мнѣ испортить.... (*Вслухъ.*) Ну, послушай, душечка, голубчикъ.... вельзя-ли замѣнить дыню чѣмъ-нибудь другимъ? подумаемъ, поищемъ....

Гальяръ. Чай артишоки предложишь, или другую дрянъ какую, знаемъ мы васъ! Да нѣтъ, финтифлюшки, любезный! подавай!

Сэръ Жакъ. Финтифлюшки! Это что за кушанье?

Гальяръ. Да это кушанье, которымъ насъ чаще всего на свѣтѣ кормятъ.... Я вамъ объясню:

Если вдовушка ужъ въ лѣтахъ,
Да набить ся зарецъ,
И за нею въ эполетахъ
Вьется ловкій молодець —
И воркуетъ вокругъ старушки:
«Я безъ васъ ни ѣмъ, не сплю!»
Это значитъ — финтифлюшки!
Финтифлюшки, финтифлю!

*

Если нимфа изъ балета
Обожаетъ старичка,
И ему сбавляетъ лѣта,
И ласкаетъ простачка:
«Вы такіе, право, души!
Только васъ однихъ люблю!»
Это значитъ — финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

*

Если авторъ представляетъ
Книжки критику на судъ,
И тотъ ловко объщаетъ
Что ихъ скоро разберутъ:
«Ваші книжечки игрушки
«Я ихъ завтра расхвалю!»
Это значитъ финтифлюшки!
Финтифлюшки, финтифлю!

*

Если въ часъ, когда вы нужны,
Другъ усердный вамъ твердитъ:
«Съ вами мы на вѣки дружны,
«Кошелекъ мой вамъ открыть,
«И процентовъ ни полушки:
«Я души не погублю!»

Ну, а суньтесь — финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

Всѣ на свѣтѣ колобродятъ,
Умный также, какъ дуракъ,
Но всѣ выгоду находятъ
Думать этакъ, дѣлать такъ!
Здѣсь, что шагъ, то все ловушки,
Но мы лезимъ, какъ въ хмѣлю,
И не видимъ финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

Вотъ этакихъ блюдъ мой желудокъ не варить!

Сэръ Жакъ. Такъ мы дадимъ вамъ бисквиты съ взбитыми сливками... это и легко, и безопасно...

Гальяръ. Канталупу давай... въ силу контракта. Чортъ возьми! Неужли-же голова моя не стоитъ дыни.

Сэръ Жакъ. Стоитъ, стоитъ... Дикъ, постарайся удовлетворить этаго удава... Я до-тѣхъ-поръ не буду спокоенъ, пока ему не заткнутъ жадную глотку...

Гальяръ. Что, что вы говорите?

Сэръ Жакъ. Я говорю, чтобъ моему другу, моему благодѣтелю ни въ чемъ не было отказа, чтобъ его кормили не на животъ, а на смерть.

Гальяръ. За это люблю!... молодецъ! Дайте обнять себя. (Дикъ уходитъ.)

III.

СЭРЪ ЖАКЪ И ГАЛЬЯРЪ.

Сэръ Жакъ. Тихе, тихе... моя шея очень чувствительна.

Гальяръ. Ну, а въ ожиданіи завтрака... покалякаемъ. Мнѣ же надо сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія: во-первыхъ, я назначаю васъ торжественно своимъ душеприкащикомъ...

Сэръ Жакъ. О, много чести! Я въ тебѣ нашелъ такое участіе...

Гальяръ. Ничего, вздоръ,—это оттого, что положенія наши очень сходны...

Сэръ Жакъ. Какъ! Развѣ и тебя приговорили?

Гальяръ. Да — навязать себѣ жену на шею...

Сэръ Жакъ. И ты ее тоже...

Галляръ. Да, да. Я тоже овдовѣлъ, только другимъ манеромъ.

Сэръ Жакъ. Какимъ же? Это любопытно! Хорошему способу никогда не поздно научиться....

Галляръ. А вотъ какимъ.... (Слуги вносятъ накрытый столъ съ кушаньемъ и виномъ.) Э! да вотъ и завтракъ.... Добро пожаловать.... (Ходитъ около стола и съ жадностію нюхаетъ.) Пуля-рочка-душечка, канталупочка пупочка! пирожокъ мой дружокъ! вотъ мы вамъ сосчитаемся.... и винцо! красенькое, бѣленькое.... (Приплясывая.)

Заживемъ, запоемъ,

Залихватски заживемъ,

И геройски изопьемъ!

(Вдругъ останавливается). А гдѣ же поддингъ?

Сэръ Жакъ. Поддингъ — явится подъ козенецъ, на закуску... (съ стороны) и свернетъ тебѣ шею, обжора! — Но пожалуйста, душечка, Галляръ, будь поумѣреннѣе, не переполняй желудка.

Галляръ. А вамъ какое дѣло! Пусть буду болѣнъ! Я здѣсь за тѣмъ, чтобъ наслаждаться всеѣмъ благами—и буду наслаждаться. (Садится за столъ.)

Сэръ Жакъ. Буйная головушка! весельчакъ! Ну, какъ же ты отдѣлался отъ жены?...

Галляръ. Скажу.... скажу. Налейте вина! ну и другаго. — Вотъ видите-ли: это было въ 15 году. Союзники взяли Парижъ.... лихіе молодцы, народъ все рослый, усы такіе—важно.... Нутка еще (подставляетъ стаканъ). Я былъ женатъ.... Ремесло хорошее — я чистилъ сапоги у Ирландской гостиницы.... по одному су за штуку—прибыльно!... тогда французы таки порядочно грязвились.... жена моя... Куропатка съ трюфелями.... Гмъ! не дурно!

Сэръ Жакъ. Какая у тебя, право, мапера, Галляръ.... ты такъ говоришь, что ничего понять нельзя: и союзники и сапоги, и жена и куропатка....

Галляръ. Дайте срокъ, все объяснится; а главное—вина. Ну вотъ, въ Ирландской гостиницѣ остановился шотландскій генералъ, а при немъ всякая челядь.... и горничная, знаете, этакая, настоящая, породистая.... продувная штука! Лихая бабенка — я вамъ скажу....

Сэръ Жакъ. Да какое мнѣ дѣло до горничной?...

Галляръ. Я малый ловкій.... вы замѣтили, я очень ловкій малый.... и любезецъ, вѣдь какъ любезецъ, чорта съ ума сведу.... ужъ это у меня въ крови.... А, дайте-ка устриць!... Шотландка

смѣкнула.... перемигнулась — ладно! Думаю: стой! закинемъ удочку. (Жакъ хочетъ спрятать бутылки, Гальяръ за нихъ хватается.) Не безпокойся, дружище! Я самъ налью!

Сэръ Жакъ. Да не много ли?

Гальяръ. Много!... Малый! шампанскаго!

Жакъ (въ отчаяніи). Живаго пилить, разбойникъ.

Гальяръ (пьетъ). Твое здоровье!... поцѣлуемся! (Жакъ хочетъ цѣловаться, онъ его отталкиваетъ.) Нѣтъ!... это я говорю шотландскѣ... а она: «какъ это можно!... что вы, полишинельчикъ! да что скажутъ?» — Хорошо же, думаю. Вотъ, прихожу разъ къ нимъ въ 33 нумеръ, она: «ахъ, это вы полишинельчикъ!...» — Я душка, шотландская грушка, да не въ томъ штука.... Тутъ я выражаю ей свою любовь, страсть, волненіе, отчаяніе, всю дребедень, знаешь, всю коллекцію моихъ пламенныхъ чувствъ.... Да ужъ чортъ знаетъ, какъ это случилось, ужъ видно я слишкомъ живо выразился — только поднялся шумъ, гамъ, сосѣди, — жена кричитъ, горничная плачетъ, хозяйинъ толкаетъ въ шею — такая вышла безтолочь, что я не успѣлъ и образумиться, какъ меня стащили въ полицію, а оттуда въ тюрьму!

Сэръ Жакъ. Въ тюрьму, возможно-ли?

Гальяръ. А такъ-то возможно, что я девять мѣсяцевъ высѣдѣлъ; запомнимъ эту горечь! въ память моей шатландки.

Сэръ Жакъ. Тѣмъ и кончилось?

Гальяръ. Какъ не такъ, этимъ началось.... финчки-то впереди. Какъ я отслужилъ срокъ, по части заключенія — во мнѣ пробудились чувства.... я домой, къ женѣ.... прихожу, глядь въ щелку.... Ни души! жена, вака, щетки, двѣ пары брюкъ и кожаный тюфякъ.... всѣ приказали кланяться! Весело! а? Запомнимъ.

Сэръ Жакъ. Послушай, у тебя языкъ ужъ маленько спотыкается... не будетъ-ли? Вѣдь этакъ подъ столъ скатишься.

Гальяръ. Подъ столъ! Гальяръ подъ столъ! (Бьетъ кулакомъ по столу.) Нѣтъ, сто тысячъ бутылокъ и одна бочка, этому не бывать!... и моя жена....

Сэръ Жакъ. Что-жъ твоя жена?

Гальяръ. По военной пошла: въ уланскую дивизію поступила.... А, измѣна! адская измѣна! сказалъ я и бросился къ шотландкѣ....

Сэръ Жакъ. Ну?

Гальяръ. Ну, и ничего! Она уѣхала, съ своимъ долговязымъ генераломъ! А жена моя! моя Марго.... (плача), го! го! Она погибла, она умерла.... (Вдругъ измѣняя тонъ.) Стой! а ты у меня, кажется, вино-то подмѣнилъ?

Од. IX.

43

Сэръ Жакъ. Что ты, Богъ съ тобой! на что мнѣ?

Гальяръ. Ну, такъ давай другую!... хочу жить и кутить! хочу тѣшиться, наслаждаться, упиваться.... хочу, хочу побить тебя....

Сэръ Жакъ (*въ испугъ*). Ну, что за удовольствіе, помилуй!

Гальяръ. Такъ потѣшай меня, какъ знаешь.... подавай потѣхи, веселья, и всяческое наслажденіе.

Сэръ Жакъ. Ты и безъ того ужъ слишкомъ натѣшился.... умъ за разумъ заходить.... Констэбль будетъ очень недоволенъ, тебя нельзя будетъ показать публикѣ въ этомъ видѣ....

Гальяръ. Плевать я хочу на твоего констэбля и публику.... (*Вскакиваетъ и ходитъ большими шагами по сценѣ.*)

Сэръ Жакъ. Куда жъ ты? куда?

Гальяръ. Куда? куда хочу, туда и плу!... Ты у меня держи ухо востро!... У меня голова бурлитъ.... я чувствую, что дѣлаюсь страшнымъ злодѣемъ, извергомъ рода человѣческаго.... нѣтъ ли тутъ чего поломать, побить, изковеркать....

Сэръ Жакъ. Гальяръ, другъ мой, великодушный смертный! умѣрь свои страсти....

Гальяръ. Нѣтъ, пусть бушуютъ.... Я хочу чудесъ, диковинъ, рѣдкостей.... Какія у васъ есть рѣдкости?... шотландскія табакерки — даромъ не надо.... подавай чтонибудь.... удивительное, славное, приведи мнѣ Валтеръ Скотта!

Сэръ Жакъ. Онъ пьянъ, совершенно пьянъ!

Гальяръ. Нужды нѣтъ! приведи его подъ руки!

Сэръ Жакъ. Душка, сердце! Да приди въ себя хоть на минутку.... гдѣ жъ я тебѣ возьму Валтеръ-Скотта, когда онъ давно умеръ.... ты приводишь меня въ отчаяніе!

Гальяръ. Все равно! откапай, гдѣ хочешь! (*Расхаживая и поднимая ноги.*) Хочу ботфорты! подавай мнѣ ботфорты со шпорами! Мои ноги будутъ отличны въ ботфортахъ.... Подавай—или я сейчасъ же умру скоропостижно.

Сэръ Жакъ (*растерявшись*). Умреть.... ботфорты.... сейчасъ.... умреть — со шпорами.... веревка.... Боже мой! Да гдѣ-жъ я все это возьму?... (*Слышенъ шумъ.*) Что это?... А, констэбль съ солдатами.... Слава Богу! Ради Бога! садись, Гальяръ, садись и не трогайся съ мѣста.

Гальяръ. Не хочу... стою на томъ, чтобъ стоять.... пусть видятъ меня во весь ростъ, во всей красѣ, хочу стоять въ ботфортахъ и шпорахъ! Чортъ возьми!

V.

ТЪ ЖЕ, ПОДДИНГЪ, ДЕБОРА, СОЛДАТЫ И КРЕСТЬЯНЕ.

Поддингъ. Порядокъ! Дѣло! — къ сроку явился, понимаете? Это дѣлаетъ вамъ честь....

Сэръ Жакъ. Я не могъ преинуть, особливо, когда нашель любезное существо, готовое на всякую жертву изъ одной токмо дружбы.... Честь имѣю представить; прошу любить, да жаловать, и если можно поскорѣй повѣсить.

Поддингъ. А! по закону, по статьѣ 1168—порядокъ! Очень радъ познакомиться.... Молодецъ! онъ эффектъ произведеть.

Дебора (*объезая*). Гдѣ, гдѣ французъ? Дайте взглянуть! (*Подбѣжавъ къ Гальяру.*) Ахъ! душно.... сладко.... больно.... это онъ! (*Падаеть въ обморокъ, ее поддерживаютъ.*)

Гальяръ. Что я вижу, это она! Моя шотландская куропатка!

Поддингъ. Это что значигъ? Стойте! Порядокъ! понимаете... надо все разыскать, изслѣдовать....

Сэръ Жакъ. Что это Дебора тутъ еще затѣяла?

Гальяръ. Дебора! Такъ и есть, это она... У, да какъ-же она посѣжилась!

Сэръ Жакъ. А, такъ вотъ что... Достопочтенный сановникъ! это пустяки! старое знакомство... оставимъ эти вздоры и приступимъ къ дѣлу.

Дебора (*приходя въ чувство*). Гдѣ онъ? гдѣ онъ? дайте наглядѣтся мнѣ до смерти... Наконецъ то я тебя опять встрѣчаю, жизнь, душа, полишнцельчикъ!

Гальяръ. О! противъ этаго я не въ силахъ устоять. (*Бросаясь къ ней.*) Дивная дѣва! Мой шотландскій сморчекъ, приди въ мои объятія!

Сэръ Жакъ. Однако, мистеръ Поддингъ, нельзя ли убрать эту идиллію изъ моего сада? Этотъ старый грѣшникъ когда-то зналъ мою ключницу и прибралъ ключъ къ ея сердцу... Но это дѣло стороннее... все можетъ разрѣшиться вѣчнымъ узломъ....

Дебора. Да, да, вѣчнымъ узломъ супружества... онъ обѣщаль на мнѣ жениться и вѣчно меня любить!

Поддингъ. Стой! Обѣщаль? — Порядокъ, законъ, статья 920... Онъ долженъ исполнить обѣщаніе; понимаете?

Дебора. Слышишь, Гальяръ, слышишь, мой жизненокъ! Надо жениться — это говоритъ правосудіе.

Гальяръ. Слышу, плутовка!

Сэръ Жакъ. Какъ, жениться? — Позвольте, мужъ ума и

правды! Неужели вы хотите оставить послѣ него неутѣшную вдову, плачущихъ сиротъ; правда... плачущихъ сиротъ онъ не успѣетъ оставить, но все равно! Это безчеловѣчно, жестоко, притомъ свадьба потребуетъ много времени, а экзекуцію нельзя откладывать по закону.

Поддингъ. Справедливо!.. Очень справедливо. Но законъ гласитъ, статья 230: «Буде осужденный до приговора принялъ на себя какія либо гражданскія обязательства, и таковыхъ обязательствъ не исполнилъ, понеже естественныя были тому исполненію препятствія, то предоставляется ему право выбора— или исполнить обязательство или подвергнуться казни.»—Понимаете, это говоритъ сводъ и за тѣмъ мое почтеніе!

Сэръ Жакъ. А если такъ... то онъ обязался мнѣ умереть на висѣлицѣ и я требую исполненія этой гражданской обязанности по всей силѣ закона.

Поддингъ. Прекрасно! Безподобно! Порядокъ... Но которое обязательство старше, то имѣетъ и преимущество... Разсчетъ простой, понимаете?

Девора. Мое старше — я цѣлыя тридцать лѣтъ по немъ страдала!

Гальяръ. Плутовка!

Сэръ Жакъ (*всторону*). Ахъ, чортъ возьми! Онъ ускользнетъ. (*Гальяру*.) Другъ мой! Ты добръ, ты уменъ! Ты вѣрно не захочешь жениться... Умирать ежечасно, истлѣвать на медленномъ огнѣ, навязать себѣ на шею обузу, которая будетъ давить тебя каждый день... Ты философъ! Ты выберешь способъ легчайшій, который ближе къ цѣли, способъ простой и скорый... Не лучше-ли за разъ все кончить? Что я тебѣ предлагаю,

Такъ удобно, и такъ ловко —

О Гальяръ, да будь великъ!

ДЕВОРА.

Ждетъ тебя твоя плутовка:

Ты любить ее привыкъ!

ГАЛЬЯРЪ.

Здѣсь жена, а тамъ веревка!

Съ разу станешь тутъ въ тупикъ!

СЭРЪ ЖАКЪ.

Ты далъ слово мнѣ честное...

ДЕВОРА.

Ты клялся мнѣ, такъ жевись!

СЭРЪ ЖАКЪ.

Выбирай изъ золъ меньшее....

ГАЛЪЯРЪ.

Да какое-жъ?

СЭРЪ ЖАКЪ.

Удавился!

Выбери изъ золъ меньшее...

Будь разумень.... удавиться!

ДЕБОРА.

Поскорѣй на мнѣ женись!

ГАЛЪЯРЪ. Они тянутъ меня въ обѣ стороны.. хоть разорваться, такъ въ ту же пору!

ПОДДИНГЪ. Ты колеблешься?... Пора! Мнѣ некогда....

ДЕБОРА. Колеблется.. О, жестокий! Возможно-ли.

ГАЛЪЯРЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Я рѣшился!..

СЭРЪ ЖАКЪ. Рѣшился! *(Брасается обнимать его.)* Другъ, герой! Великій человекъ! Имя твое напишется на скрижаляхъ исторіи! Ты перейдешь въ потомство....

ГАЛЪЯРЪ. Разумѣется, перейду, потому-что я рѣшился....

СЭРЪ ЖАКЪ. Слышите, констэбль! Дѣлайте-же свое дѣло, калякать больше нечего....

ГАЛЪЯРЪ. Да нѣтъ! Не торопись, любезнѣйшій.. Я рѣшился, это правда, но вѣдь я рѣшился — жениться!

ДЕБОРА. О! я этого ожидала!

СЭРЪ ЖАКЪ. Что? Что? Жениться?... Дурачина!.. На комъ?... на комъ? — На этой старой канталупкѣ..

ГАЛЪЯРЪ. Нужды нѣтъ: я люблю канталупы!

СЭРЪ ЖАКЪ *(въ изнеможеніи падаетъ въ кресло)*. О... о... о! Душегубецъ! Извергъ!.. Я погибаю, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи красоты и здоровья.. А онъ, чудовище! Онъ еще смѣется!

ПОДДИНГЪ. Чу! бьетъ два часа! Порядокъ! Сэръ Жакъ! гражданинъ до послѣдней минуты долженъ соблюдать порядокъ! Понимаете? Такъ идемъ, другъ мой.... вы устали.... Солдаты, воины, помогите моему другу.

(Солдаты схватываютъ Сэръ Жака.)

VI.

ТЪ ЖЕ И ДИКЪ.

ДИКЪ. Пойдите! Остановитесь! Сэръ констэбль! какая-то дама, иностранка, хочетъ васъ видѣть; она требуетъ своего мужа, который почитаетъ ее мертвою, и который здѣсь....

Гальяръ. Можетъ-ли быть.... Ахъ ты, Господи! (*всторону*). Ну какъ это моя покойница! Вотъ поднимется Содомъ и Гомморра. (*Жаку*.) Послушайте, Сэръ Жакъ! мы еще можетъ быть поладимъ....

Поддингъ. Какъ?

Сэръ Жакъ. Неужели?

Гальяръ. Какіе волосы у этой женщины? Какіе глаза?

Дикъ. Да, какъ вамъ сказать.... волосы середка на половинѣ, а глаза такіе свѣтлыя....

Гальяръ. Это она перемѣнила парикъ, а глаза поблѣднѣли отъ слезъ.... Я иду на висѣлицу!

Дикъ. Да вотъ она сама!

VII.

ТЪ ЖЕ И ГРИППИ.

Поддингъ. Никто висѣмъста! Порядокъ! Пожалуйте, сударыня.... Укажите намъ, который вашъ бѣглый мужъ.

Гриппи (*идетъ медленными шагами къ сэру Жаку и, подойдя, отбрасываетъ съ лица покрывало*). Вотъ онъ!

Сэръ Жакъ. Я!... Боже! Это призракъ, мертвецъ! Это Гриппи! Защитите меня, спрячьте меня.

Гриппи. Успокойся, сэръ Жакъ! Я жива, я не погибла въ роковую минуту, и люблю тебя по прежнему....

Сэръ. Жакъ. Возможно ли! Жива.... попрежнему.... Это утѣшительно.... Однако, что я вру! это вовсе не утѣшительно, потому что прежде вы любили....

Гриппи. Въ томъ-то вся ошибка. Я любила моего брата, съ которымъ вы были въ ссорѣ; онъ пришелъ ко мнѣ.... а вы приняли его....

Гальяръ. За нашего брата, покорителя сердецъ!

Гриппи. Я наказала тебя.... Твой страхъ, твой приговоръ — была одна шутка, которую мы придумали съ лордомъ-намѣстникомъ, чтобъ тебя исправить.

Сэръ Жакъ. Такъ это твои затѣи.... (*Всторону*). Вѣдь говорилъ-же я, что самъ чортъ вмѣшался въ дѣло... (*Вслухъ*.) О-о-о! Какъ я счастливъ, я готовъ заплакать отъ благополучія, я опять буду жить съ тобою (*хрюнитъ*).

Девора. Видишь, Гальяръ! Какая трогательная семейная картина!

Гальяръ. Вижу, вижу! Она меня до того растрогала, что я даю торжественное слово....

Дебора. Сейчасъ жепиться?

Гальяръ. Останься на вѣкъ холостымъ.... хе, хе, хе!

Дебора. Тиравъ!... ты вонзилъ ножъ въ мое сердце! Дурно!... дурно!... лишаюсь чувствъ!

Дикъ. Постой, сестра, погоди падать въ обморокъ.

Дебора (*быстро*). А что?

Дикъ. Онъ женится!

Поддингъ. Всеконечно женится! Законъ, порядокъ, понимае-те....

Сэръ Жакъ. А я даю приданое, пять сотъ фунтовъ стерлинговъ.

Гальяръ. Разумѣется я не буду дуракъ. Приму деньги и, пожалуй, Дебору въ придачу....

Дебора. Въ придачу.... (*Всторону.*) Постой - же полишинель: за это мы расчитаемся!

Поддингъ. Выходить, всѣ благополучны?—Гм! Скверно!... Что-же я буду дѣлать?... И дочь моя.... Какъ-же это? Выходить, я одинъ въ дур... Нѣтъ, то-есть, ни при чемъ, хотѣлъ я сказать.

Сэръ Жакъ. Да ужъ кажется, что такъ — Понимаете? Но по-крайней-мѣрѣ вы съ нами отобѣдаете.

Поддингъ. Да, да! Принято! Порядокъ. Главный судья долженъ быть на свадьбѣ по закону.... На это есть статья....

Сэръ Жакъ. Но эту статью въ сторону.... Я вижу, Гриппи, кажется, хочетъ сообщить намъ другую.... Мистрисъ Жакъ! Ваша рѣчь впереди.

ГРИППИ.

Если мнѣ говорить,

То хочу заключить

Нашу шутку приличной моралью:

Вѣдь не даромъ-же я

Торжествую, друзья!

Хоть вынесла съ мужемъ баталью!

Обращусь къ господамъ,

Я почтеннымъ мужьямъ....

Дать урокъ имъ совѣмъ не мѣшаетъ!

Я скажу вамъ секретъ:

Попадетъ тотъ въ лапоть,

Подозрѣваемъ кто женщинъ терзаетъ.

Не всегда вѣдь жена

Такъ кротка и умна,

Что свисходить на слабости въ мужѣ,

Хоть иная смолчитъ,

Репертуаръ Русской сцены.

Но досада кипитъ —

Такъ смотрите, чтобъ не было хуже.
Вѣдь не даромъ про насъ
Говорятъ между васъ,

Что женщины полъ-де прекрасный!
Пожалѣйте-же вы
Хоть своей головы...

Съ этимъ поломъ споткнуться опасно!
Лучше-бъ вамъ, господа,
Женъ ласкать завсегда!

Каждый взглядъ, каждый жестъ и улыбку
Лишь за тѣмъ уловлять,
Чтобы намъ угождать,

Ужъ тогда-бъ вы не впали въ ошибку!
Чтобъ на умъ навести,
Чтобы васъ же спасти,

Я бьюся здѣсь объ ледъ, какъ рыба,
Но когда мой урокъ,
Всѣмъ мужьямъ будетъ въ прокъ —

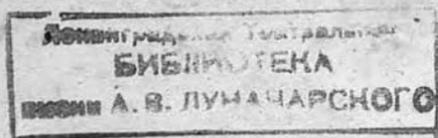
Такъ скажите намъ громко спасибо!
всѣ.

А когда нашъ урокъ
Пойдетъ въ дѣло и прокъ,

Такъ скажите намъ громко спасибо!

инв. 10426. 9799

18232.

« ПАНТЕОНЪ »

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получить въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Изгородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просить обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 15 Апрѣля, 1850 года. Цензоръ Ю. Шидловскій.

въ типографіи К. Крайя.

Редакторъ *Θ. Кош.* — Издатель *В. Печаткинъ.*